

ЭДИТА
Вып. 35

ЭДИТА

выпуск 35

ЭДИТА

№35

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

2024

Серия альманахов "ЭДИТА" запущена в марте 2024 г.
как преемник журнала "EDITA"

Выходит по мере накопления материала

Тексты публикуются преимущественно в авторской редакции

Литературная редакция:
Пётр Бледнёв, к.ф.н. Иоган Манаев,
к.ф.н. Эвдокия Прянская, м.ф.н. Сильфида Селезнёва

Мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают

Графика обложки — нейросеть artguru

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-911546-01-0

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Сергей Калабухин

Коломна

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Наконец тесная кабина лифта с разрисованными черной краской стенками и оплавленными сморщенными кнопками рывками доползла до девятого этажа, и Чернов вслед за участковым шагнул прямо в гудящую полуодетую группу жильцов.

— Вот и милиция! Наконец-то! — вывернулась ему навстречу гибкая женская фигурка. — Заберите его, совсем взбесился!

— Что случилось? — спросил Чернов, пробираясь сквозь живой заслон.

— Я ж говорю: совсем взбесился! — тряс короткими обесцвеченными лохмами, не отставала женщина. — У меня дети малые, а этот псих на всех бросается, всё крушит.

— Ну, а вы что, утихомирить его не можете? — повернулся участковый к стоящим в клубах папирозного дыма мужикам.

— Вот ты и утихомирь! — дыхнул перегаром молодой парень. Грязная синяя майка чуть не лопалась на его богатырской груди.

Из-за двери в квартиру донёсся грохот разбиваемой посуды.

— Вот гад! Тарелки только купила! — Заплакала женщина.

— А, может, он свои бьёт, — попытался успокоить её Чернов.

— Какие свои? У него своих сроду не было! — Задыхнулась блондинка, и далее последовал такой набор матерщины, что Чернов поспешил вернуться к участковому, и они вошли в квартиру, захлопнув за собой дверь.

Из дневника И.Юлинова.

«15 января 1986 г.

Душа. Разум. Инстинкт. Я не понимаю, что это такое. Кто объяснит? Говорят, у человека — разум, у животных — инстинкт. В чём разница? Ведь сколько на свете людей, которых трудно назвать разумными! Сколько анекдотов ходит!

На высоком тонком шесте подвесили банан, а внизу положили палку. Видя невозможность достать банан, обезьяна берет палку и сбивает его вниз. Человек же стал яростно трясти шест. «Посмотри, здесь лежит палка» — сказали ему экспериментаторы. «Некогда смотреть: трясти надо!» — Ответил человек.

Или вот ещё: одна подопытная мышь говорит другой. «Смотри, сейчас я нажму вот эту кнопку, и выдрессированный мной человек даст мне кусочек сала!»

Это анекдоты. А вот что рассказал сегодня Лёха Пешков. У него в сарае завелись мыши. Лёха, естественно, поставил мышеловку. Но как ни придёт, приманка съедена, мышеловка пуста, а вокруг куски картошки валяются. Что за чудеса? Оказалось, мышь бежит в подпол, берет в зубы картофелину и бросает её в мышеловку! Та срабатывает, картошка вдребезги, а мышь спокойно ест сало. Это что, инстинкт?

Древние наделяли разумом и душой всё: людей, животных, растения, камни, реки и моря. И даже став «царём природы», лишив эту природу души и разума, человек почти всех своих богов наделил звериными чертами. И даже поставил некоторых животных наравне с богами. Древние египтяне поклонялись священному камню, солнцу, льву, крокодилу, змее, барану, козлу, корове и быку Апису. Бог Тот имел голову ибиса, Гор — голову сокола, водное божество — голову крокодила. Фараон — живой бог — часто изображался в виде могучего льва с головой человека — сфинкса. А Минотавр Крита, римская волчица? Фетишизм и тотемизм до сих пор присутствуют во всех религиях.

Почему же наделяя богов чертами животных, человек так высокомерен, считая разум своей привилегией? Да и что такое Разум? Маугли, Тарзан — цари природы! А сколько таких реальных маугли, возвращённых в человеческое общество, стало людьми? Так и остались «разумными животными», даже человеческую речь не смогли освоить! Выходит, разум не присущ человеку с рождения, т.е. не является привилегией именно человека. Откуда же он берётся? Появляется, как загар на коже в солнечную погоду? А если солнце убрать, загар тю-тю?»

— Здравствуйте, я — Сосова.

— Здравствуйте, Катерина Николаевна, проходите, садитесь.

Глядя на стройную фигурку, затянутую в черные вельветовые джинсы и белую майку с размытым рисунком и латинской надписью, Чернов никак не мог поверить, что перед ним та самая извергаю-

щая поток матерщины растрёпанная фурия в длинном рваном халате — соседка по квартире арестованного буяна.

— Вы — Сосова Екатерина Николаевна, родились в Мичуринске в 1957 году. Проживаете по адресу: Коломна, улица Осенняя, дом 2, квартира 36? Замужем?

— Выгнала я его. Лучше одной жить, чем с этим алкоголиком.

— Дети есть?

— Двое: Алиса и Ромка.

— Не жалко детей от отца отрывать?

— А чего жалеть? У них таких отцов ещё столько будет! Да и Алискин отец на Севере сейчас, в колонии. А Ромка ещё мал, только в ясли отдала.

— Давно в Коломне?

— Третий год. Устроилась на завод в горячий цех за квартиру работать.

— Значит, ваш дом считается общежитием?

— А кто его знает! Дом как дом, девятиэтажка, обычные квартиры, только в каждой комнате — семья. Я вот ремонт, когда въехала, делала. Так всё за свой счёт. В ЖКУ говорят: у вас «с подселением». А когда поменяться хотела — всё ж девятый этаж, лифт неделями не работает, попробуй, потаскай дитё и коляску туда-сюда, — начальник ЖКУ говорит: нельзя, у вас общежитие, будь довольна, что две комнаты занимаешь, другие и этого не имеют. У нас, ведь, трёхкомнатная, так я две комнаты занимаю.

— А сосед ваш, Юлинов Иван Иванович, как с вами ладил?

— Нормально. Такой хороший парень был! Я когда въезжала, он уже в своей комнатке года два как прожил. Он сюда по распределению попал, а жена его в Москве в институте училась, а как закончила, приехала, тут они и разошлись. Так он один в комнате и остался. Тихий такой был, скромный. Только на кухне и встречались по выходным.

— Почему по выходным?

— Так он в рабочей столовой питался, а по выходным готовил себе, что попроще: блины там или суп из пакетов. Я его даже убираться в квартире не заставляла, у других-то, знаете, война из-за этой уборки идёт. Хороший был сосед, все завидовали.

— Бывали у него гости, часто он выпивал?

— Нет. Он вообще-то много мог выпить. Мы как-то вместе отмечали Алискин день рождения, потом Ромка родился, ещё что-то. Другие, знаете, когда выпьют, дуреют, а по Ване и не заметно было. Глаза только выдают, а так и не скажешь, что пьян. Но выпивал он редко, по

большим праздникам. Пару раз у него ребята с работы собирались, песни под гитару пели. Но всё культурно, без скандалов. Вот только дверь в туалет в обратную сторону открыли.

— А женщины к нему ходили?

— Бывало, все ж живой человек, да и молодой. А чаще сам не ночевал — не люблю я, когда посторонние бабы по квартире шастают.

— Скажите, а чем он занимался дома? Чем увлекался?

— Книжки читал, паял чего-то, музыку слушал. У него записи — за-качаешься! Из Москвы привёз. Говорил, жил там в общежитии для иностранцев, когда учился. Они после каждого каникул диски на продажу везли, а он, не будь дурак — переписывал их на маг. Вовка, ну бугай такой из квартиры напротив, всё к Ваньке бегал с пленками. Он последнее время совсем на музыке свихнулся, уже три магнитофона поменял.

— А что случилось в воскресенье? С чего всё началось?

— Не знаю. Я у Любки была, на третьем этаже. Алиска с Ромкой во дворе гуляли. Сидели, «Утреннюю почту» смотрели, вдруг электричество отключили. Ну я домой пошла. Вхожу, а у Ваньки грохот стоит, треск. Я сначала подумала, что мой благоверный пьяный заявился, меня не нашел, приревновал и к соседу вломился. Распахиваю дверь, а Ванька ножку у стола выломал и крушит всё направо и налево. Я как увидела — обомлела. Одежда на нём ключьями висит, глаза кровью налились, а он вдруг зарычал по-звериному и ко мне. Не помню, как и дверь захлопнула, хорошо замок у нас автоматический. Ну, а потом уж вы с участковым пришли. А что с Ванькой-то? Где он сейчас?

— В больнице. Да вы не волнуйтесь, Катя, вылечат, он все ваши убытки возместит.

— Да какие там убытки, Ваньку жалко! Такой хороший парень был, с ним обо всём поговорить можно было.

Из дневника И.Юлинова

«Во всех известных мне религиях существует понятие души. Люди ещё с родового строя верят, что смерть есть не уничтожение человека, а лишь его переход в другой мир, «мир иной», как мы привыкли говорить. Отсюда и способ погребения: мумификация тела у египтян и индейцев, захоронение рядом с телом оружия, пищи, животных и т.п. Причём, если сначала душой обладали боги и вожди, то с развитием общества ею стали наделять и всех остальных людей. В это же время оформляется представление о том, что посмертное блаженство прида-

ётся лишь праведнику, не совершившему грехов в земной жизни. Например, пророк Заратустра учил о вечной борьбе двух начал: добра и зла, правды и лжи. «Оба изначальных духа, — говорится в «Авесте», — явились, как пара близнецов, добрый и дурной — в мысли, в слове, в деле». Добро и положительное начало олицетворяет Ахура-Мазда (Ормузд), его антиподом выступает Анхра-Манью (Ариман). Человек не должен оставаться в стороне от этой борьбы, а активно выступать на стороне правды, обеспечивая себе воздаяние в потустороннем мире, «Обширной стране», «Стране, откуда нет возврата». Доброе слово, добрые помыслы, добрые деяния — таковы три орудия, с помощью которых человек способствует торжеству света и добра над силами зла и тьмы. Т.е., чтобы войти в «Царствие небесное», совсем не требуется иметь разум, но иметь душу, т.е. честность, бескорыстие, доброту, милосердие и т.д. просто необходимо. Можно иметь холодный разум, аналитический ум и в результате стать бездушным «гением зла». И если душа и разум суть разные вещи, то как быть с «матушкой природой», «братьями нашими меньшими»? И если не разум, то что же перейдёт в «мир иной»? Память? Роджер Бэкон писал:

«Существуют составы, посредством коих можно пробудить в человеке древнюю память и заставить его на время стать одним из прародителей».

В девятом веке один из языческих магов, спрятав золотую священную утварь, бежал от погрома мусульманских фанатиков на юг Персии, где у него позднее родился сын. Мага всё же убили, но жрецы языческого божества вскоре разыскали мальчика и взяли к себе на воспитание. Когда сыну мага исполнилось двенадцать лет, жрецы дали ему выпить чашу специального состава, после чего в мальчика вселился дух отца. И он провёл жрецов в заброшенную каменоломню, где уверенно отыскал тайник!

А сколько случаев, когда люди, пережившие тяжёлую болезнь или травму, начинали говорить на неизвестных им ранее языках? Получается, что в человеке живет память всех его предков! Отец вложил в сына частичку души, в отца — дед, в деда — прадед и т.д. Если частичка души — память, то по этим частичкам можно попробовать воспроизвести целое: души всех предков, их мысли, чувства. Как из одной клетки выращивают целый организм. Древние жрецы с помощью своего зелья несомненно воздействовали через кровь мальчика на его мозг. Но ведь воздействовать на клетки мозга можно не только химически, но и электрически или с помощью электромагнитного поля. Кажется, врачи уже пробуют таким способом лечить амнезию».

— Вы — следователь Чернов? — В дверях стоял усатый парень в голубом батнике и потёртых джинсах. В руке у него белел листок повестки.

— Да, проходите пожалуйста. Садитесь. Ваше имя?

— Пешков Алексей Григорьевич, пятьдесят седьмого года рождения, беспартийный, женат, имею сына, не привлекался, не имел, не...

— А почему Григорьевич?

— А у меня отец имя сменил, чтобы поклонницы за мной не бегали, автограф не просили, — потрянул черными кудрями Пешков.

— Что можешь сказать о Юлинове Иване Ивановиче, тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, беспартийном и т.д.?

— Хороший парень, отличный специалист, мне нравится.

— Давно знакомы?

— Шестой год. Я по распределению в нашу лабораторию попал. Ваня в это время уже «старшего» получал. Он ведь сразу после школы в институт поступил, а я еще два года в армии танк гонял.

— Чем он увлекался?

— Музыкой, электроникой, но больше любил сам чего-нибудь изобретать. На этой почве они с шефом и схлестнулись. Шеф никак не хотел Ванину тему в план бюро включать: не наш профиль.

— А что за тема?

— Биотоки, экстрасенсы! Сейчас ведь это модно. Ванька считал, что в клетке человека живет память всех его предков. Шеф Ваню просто на смех поднял. У нас, говорит, станкостроение, а не лаборатория по разрезанию лягушек. Но, правда, это давно было, года четыре уж прошло, но зуб шеф на Ивана затаил.

— Они что, конфликтовали?

— Ещё как! Мы ведь что делаем? Правильно, станки. Наше бюро разрабатывает электрику станков. Вы на заводе когда-нибудь были? Тогда, наверно, видели, что рядом со станком обычно стоят металлические шкафы. Так вот, в этих шкафах находится наше электрохозяйство, которое заставляет органы станка двигаться и подчиняться станочнику. Большинство этих шкафов забито релюхами — это такие аппараты, которые работали, как говорится, ещё до тринадцатого года. Нам приходится разрабатывать длиннющие релейные схемы, собирать их на стенде в лаборатории и испытывать. Иван предлагал отказаться от громоздких релейных схем и, по возможности, заменить их логическими элементами на основе микросхем и даже микропроцессоров. А шеф возражал.

— Почему?

— Потому что ему до пенсии четыре года, и образование у него заочное, или, как сказал Райкин, «заушное». Он отличный практик. В любой релейной схеме всегда отыщет неисправность. В современной же электронике разбирается слабо, а ответственность за работоспособность станка на нём.

— А чем ваш шеф мотивировал отказ внедрять электронику?

— А он не отказывался, с чего вы взяли? Электропривода мы получаем с других заводов, а они сейчас пошли сплошь на микросхемах. За качество их работы несут ответственность заводы-изготовители и цеховые наладчики. А вот система управления этими приводами — то, что мы разрабатываем — на релюхах. Кто обслуживает станки в цехах? Электромонтеры. У них образование в лучшем случае десять классов либо ПТУ. Инструмент — отвертка, пассатижи да лампочка для проверки наличия напряжения. Выбросим мы устаревшие шкафы с релюхами, поставим вместо них ящик с микросхемами, а кто его ремонтировать будет? Так рассуждает наш шеф.

— Скажи, Алексей, у Юлинова дома найден ящик с радиодеталями, не знаешь, откуда они, и что он дома валял?

— Ах, вот в чём дело! Думаете, в лаборатории украл? Тогда можете сажать всех корреспондентов журнала «Радио». Видели, какие схемы там печатают? Таких радиодеталей не то что в магазине, в справочниках ещё нет! А у нас шеф сам выдаёт, что кому понадобится. Я ж говорю: привода нам присылают сплошь на микросхемах. Мы их в лаборатории гоняем, снимаем характеристики: надо же знать, чем управляешь. Вот в процессе испытаний, бывает, выгорают детальки. Мы их меняем. Бывает так, что нужного транзистора или микросхемы нет. Что делать? Обзваниваем друзей и знакомых в соседних лабораториях и на других предприятиях. Где-нибудь да найдётся. Да и делают ребята в основном приборы, чтобы облегчить себе работу. Шабашники у нас не держатся.

— Что, так в рабочее время и делаете себе приборчики?

— А хоть бы и в рабочее! Кто моё рабочее время считал? Я давно в родном садике-огороде копаюсь, а в голове у меня варианты вертятся, как лучше новый узел в схеме сделать. Иной раз бросаешь тяпку и хватаешь карандаш. Вы это учитываете? К тому же релейные схемы давно сведены к нескольким стандартным случаям. Мы их подгоняем под конкретные станки и механизмы. А я — электроник! У меня эти релюхи вот где сидят! Вот потихоньку от шефа модернизируем кое-что в приводах, схемах, особенно когда он в отпуске. А иногда на шефа най-

дёт, приходится все свои разработки прятать, домой тайком выносить и там до ума доводить. А уж Ивану он вообще запретил посторонними делами на работе заниматься, вот тому и пришлось дома вкалывать. То я, то ещё кто из ребят по его просьбе у шефа микросхемы брали: Ване он ничего не даёт.

— А как Юлинов объяснял эти просьбы? Он говорил, что именно мастерит?

— Говорил, что хочет персональный компьютер сделать. Расчетов у нас море, а в ВЦ не набегаешься.

Из дневника И.Юлинова

«Церковь яростно искореняет языческое многобожество, но небо и земля всё же заполняются ангелами, демонами и другими в отличии от людей бессмертными существами. Душа же окончательно закрепляется только за человеком и становится главной целью и призом в борьбе бессмертных. Что же такое — человеческая душа? Откуда она берётся, где обитает и куда уходит потом? Душу в человека вроде бы вдохнул бог. Если это был одноразовый акт, то все мы, потомки Адама, имеем одну общую душу. Одну на всех и на все времена. Следовательно, душа разлита в пространстве и времени. Аналогия: радио-, теле-, грави-, и т.п. — связь.

В тибетских монастырях есть монахи, которые умеют оживлять мёртвых. Не всех, а только молодых. В ночь после похорон они приходят на могилу и, если определяют, что мёртвого можно вернуть к жизни, выкапывают его и оживляют!

Буддийская философия учит, что всё есть страдание. Жизнь — это страдание. Каждый из нас рождается, страдает и умирает на трех уровнях. У каждого есть три тела: физическое (рупа), астральное (нагваль) и ментальное (атман). Физическое тело — это вся анатомия человека, то, что умирает. Астральное тело — это психоэмоциональный контур, или аура. Третий, ментальный уровень — это дух, наши мысли. Он связан с ноосферой (по Вернадскому) — сферой сознания, окружающей Землю. Главный тезис буддизма — душа не умирает, она воплощается в другом человеке или отходит в сферу космического сознания. Поэтому, когда умер Далай-Лама Пятнадцатый — верховный жрец Тибета и буддийских стран, во все концы послали гонцов, и те зарегистрировали младенцев, родившихся в это время. Через четыре года этих детей нашли и предъявили им игрушки Далай-Ламы в массе других игрушек. И тот, который из всей кучи сразу же взял любимые игрушки Далай-Ла-

мы, стал Далай-Ламой Шестнадцатым. Считается, что душа умершего Далай-Ламы переселилась в тело этого младенца».

Маленькая толстенькая девушка в коротком цветастом халатике, из-под которого выглядывает длинная ночная рубашка, кормит из бутылочки с соской ребёнка, лежащего в детской коляске у окна.

От неприбранной кровати, на которой сидел Чернов, несло чем-то кислым. Но пересесть было некуда: эта продавленная пружинная кровать, обшарпанный двустворчатый шкаф, чёрно-белый телевизор на длинных паучьих ножках, кухонный стол, заставленный грязной посудой, да красная детская коляска составляют всю имеющуюся обстановку. На закрытой входной двери висит вынутое из шкафа зеркало, да на нескольких протянутых от двери к окну напротив верёвках сохнут пеленки.

— Значит, вы подтверждаете, что в прошлое воскресенье Сосова из 36 квартиры с 10-00 утра до отключения электроэнергии была у вас и никуда не отлучалась?

— Ну да. У неё телевизора своего нет, вот она ко мне и бегаёт, если что интересное передают.

— А у соседа её, Юлинова Ивана, разве телевизора нет?

— Есть. Раньше Катька к нему ходила. Но сейчас у неё очередной муж появился.

— Ну и что?

— Как что? Они же с Ванькой жили одно время. Не долго, правда, месяца два. Катька как-то в очередной раз подралась со своим уголовником, Ромкиным отцом. Тот её избил и ушёл. Боялся, что она заявит, и его опять посадят. Ванька пришёл домой вечером, видит Катька вся избитая ревет. А у него как раз какая-то мазь была. Очень вонючая, зато синяки через два дня сошли, как и не были.

Ну и сошлись они. Катька всё думала женить Ваньку на себе. Да не вышло. У него какая-то другая баба появилась. Катька поорала да и умылась! Ванька, хоть и тихий, но характер — железный. Он её не бил, не скандалил, а сказал, как отрезал. Ну она назло ему через день этого своего, последнего, привела. Бывшего ЛТПшника. Они вместе работают, в одном цеху. А тот ревнивый оказался, страсть! Тем более, что Катька сама всему дому нахвасталась, что с Ванькой жила. Вот и бегаёт теперь ко мне телик смотреть.

Из дневника И.Юлинова.

«Душно. От разогретого солнцем металла пышет жаром. Бедный Сашка, каково ему сейчас на месте механика-водителя. Наш танк стоит в самом центре площади. Рядом машина Серёги Климука. Он, как и я, сидит на башне, свесив ноги в открытый люк, и насвистывает что-то из «Сильвы». Танк Климука соседствует с пьедесталом, на котором поднят на дыбы лошадь какой-то всадник в загаженном птицами медном наряде. Солнце припекает, и я расстёгиваю комбинезон. Из-за памятника появляется мальчишка лет десяти. При каждом шаге его голые колени, покрытые синяками, задевают за большую хозяйственную сумку, которую он несёт в левой руке. Капли пота сбегают из-под каштановых кудрей на длинные девичьи ресницы.

— Эй, мальчик, — крикнул Климук, — иди сюда.

Он достал из кармана размякшую плитку шоколада и почти вываливаясь из люка протянул навстречу мальчишке. Мальчик сунул руку в сумку, что-то блеснуло в лучах солнца, и танк Климука окутало огнем. В чёрном дыму мелькнули короткие штанишки и пропали за памятником...

Наконец-то получилось!!! Сегодня мой аппарат заработал! И так, 3 июля 1986 года в 21ч. 33 мин. Я тронул регулятор, и только страх, скрючивший судорогой мою руку, вернул регулятор к нулевой отметке и спас меня. Но я успел кое-что увидеть!

Придётся сделать таймер, возвращающий регулятор к нулю: скорее всего во время опытов я сам не смогу этого сделать.

Приходил Вовка, взял пленку с Ричи Блэкмором. Пожалуй, таймером у меня будет магнитофон: как только пленка кончится, регулятор вернётся к нулю.

Написал отцу письмо. Как обычно, успокоительные сведения о себе, вежливые вопросы о здоровье, а в конце поинтересовался, служил ли с ним вместе в Венгрии Сергей Климук».

— Лобов Владимир Петрович, год рождения пятьдесят четвёртый, беспартийный, женат, детей нет, работаете слесарем на заводе, всё правильно?

— Да. Можно закурить?

— Пожалуйста. Давно знакомы с Юлиновым Иваном Ивановичем?

— Два года. Живём ведь рядом, квартиры — напротив. Я как-то вышел на лестничную клетку, ящик клеил для цветомузыки. Зима была,

окна закупорены, вот жена и выгнала на лестницу. И так, говорит, дышать нечем, а тут ты со своим клеем. А он, Ванька, стоял лифт ждал. Ну и спрашивает меня, что за ящик такой. Ну я сначала свысока так ответил: цветомузыка мол. Я ж из Питера приехал сюда, как говорится, из столицы. Это уж потом я узнал, что Ванька эти цветомузыки с закрытыми глазами ляпает. Вот. Ну, разговорились, познакомились. Я тогда всякой чушуй увлекался: песенками типа блатных. Ну, а как познакомился с Ванькой, начал понимать, что такое рок. Аппаратуру приобрёл.

— А что это вы из Ленинграда к нам перебрались?

— А жена у меня здешняя, вернее деревня её недалеко. Почти каждый выходной к теще на блины ездим. Опять же картошка, яблоки. Мы раньше проводниками почтовых вагонов работали. Только я в Питере, а она в Москве. И вот как-то наши поезда стояли рядом в Свердловске. Там и познакомились, адресами обменялись. Потом полтора года переписывались. Однажды утром — звонок, открываю дверь, а на пороге Люська стоит. Повезло, дома я был. Через месяц я к ней приехал, поженились — так и кончились наши поездки по Союзу.

— Да, как в кино! Но вернёмся к делу. Что можете рассказать о Юлинове кроме музыки?

— А чего рассказывать? Парень, как парень. У Кольки, с седьмого, раз маг сломался, так Ванька за час сделал, свои детали поставил — при мне было — и ни копейки не взял!

— И часто он так помогал?

— Нет. Он вообще-то мало кого в нашем доме знает, хоть въехал одним из первых. У нас ведь живут в основном те, кто приехал по набору из Мордовии или Чувашии. Хороший человек с родного места редко сорвётся. Вы ж сами видели, во что наш дом превратился. Это уж если я притащу Ваньке что-нибудь, попрошу, он никогда не откажет.

— А что он мастерил у себя дома?

— Не знаю. Я как-то поинтересовался, Ванька что-то ответил, да мне всё равно было. Вы только не подумайте, что он на продажу. Я как-то заикнулся, что нужна, мол, цветомузыка, что мужик за ценой не постоит, так Ванька мне ответил, что денег ему не надо, а вот если по одному чертежику ему корпус сделают, то...

— Что за корпус?

— Штука одна, на шлем мотоциклетный похожа. Васька проклял всё, пока её делал — это ж не ящик сварить!

— А раньше, до того воскресенья, вы за Юлиновым никаких странностей не наблюдали?

— Да нет, вроде. В субботу стучался к нему минут десять, он не открыл. Ну, я подумал: женщина какая-нибудь. Так уже бывало.

— Может, Юлинова не было дома?

— Музыка-то играет, я ж не глухой.

— А в то воскресенье ничего не заметили?

Майка на могучей груди Лобова пропиталась потом, белесые короткие волосы прилипли ко лбу.

— Нет, ничего. Мне как раз новые диски принесли, я к Ваньке зашёл за вертушкой, — я свою сдал — он нормальный был. Спросил, какие диски, хотел потом сам кое-что записать. Взял я у него вертушку, пришел к себе. Ну мы первый диск поставили, я уровень записи выставил, сели, выпили. И тут, как назло, электричество выключили! Я прям от злости на стенку лез. Вышли на лестницу покурить, а там Катька уже орёт. А вертушка Ванькина до сих пор у меня стоит.

Из дневника И.Юлинова.

«Ласково плещет море. Невдалеке вздымаются в голубое, без единого облачка, небо тёмные стены города. Слева и справа застыл строй воинов. Ярко блестят в лучах утреннего солнца начищенные доспехи. Вдоль строя ко мне идёт высокий воин. Поверх его доспехов накинута короткий алый плащ, на голове золотом сияет шлем. Вот он подходит ко мне, наши глаза встречаются. Воин остановился.

— Смотри, — его мускулистая, покрытая шрамами рука протянулась в сторону крепости. — Там, за этими стенами, кусочек нашей родины. Это наша земля, она покрыта нашей кровью и потом наших рабов. Там, — другая рука взметнула складки плаща, указывая в противоположную сторону, — живут варвары. Наши враги. Мы никогда не будем жить в мире, потому что скифы считают эту землю своей. Нас ещё мало, мало наших городов-крепостей на этой земле, но будущее — за нами!

Холодные зелёные глаза не мигая смотрели на меня. Крючковатый нос, нависший над тонкими бесцветными губами, вплотную приблизился к моему лицу. Пахнуло винным перегаром и потом.

— Выбирай, с кем ты? Выбирай сейчас, пока мы ещё не вступили в битву.

— Ты гонишь меня?

— Я не хочу иметь врага за спиной. Я знаю: ты взял себе жену-скифку. Я не верю тебе: ты породнился с врагом. Выбирай, где отныне твоя родина! Но помни: варварам не устоять против нашей мощи.

Я бросил щит, отстегнул меч и пошел прочь от города.

— Эй, лучников сюда, — услышал я сзади хриплый от злобы голос. — Вот идет наш враг. Золотой тому, кто с первого раза попадёт ему в голову...

... июля 1986 г.

Сегодня выходной. Торопиться не зачем. Попробую сразу пол шкалы».

Чернов перелистнул страницу, словно надеясь, что там будет продолжение, хотя знал, что в воскресенье Юлинов больше ничего не успеет записать. Да и эти записи пришлось собирать и восстанавливать по кусочкам. Чернов снял трубку и набрал номер.

— Здравствуйте, доктор, это Чернов. Как наш больной?

— Плохо, Юрий Михайлович. Я прочёл копию дневника, которую вы мне прислали. По-видимому, Юлинову, чтобы придти в сознание после опыта, обязательно нужно было вернуть регулятор к нулю. Я не знаю, что это за регулятор, но мне кажется, во время последнего опыта он остался в прежнем положении?

— Да, внезапно отключили электроэнергию.

— Вот как? Тогда мне срочно нужен аппарат Юлинова.

— К сожалению, он не сохранился.

— Это ужасно! Я не знаю, как работает этот аппарат, но его воздействие на Юлинова приводит к странным последствиям. Видимо, мозг больного зациклился на определенной информации, и в действие вступили какие-то неизвестные науке силы. Знаете, мы привыкли повторять, что силы человеческого организма неизвестны...

Короче, Иван Юлинов покрывается шерстью. Я думаю, через несколько месяцев мы будем иметь живого первобытного человека!

— Как?! — ошеломлённо выдохнул в трубку Чернов.

— Мне срочно нужен аппарат Юлинова. Клин, как говорится, клином. И чем скорее, тем — лучше!

Чернов положил трубку, потом снова схватил её и стал лихорадочно набирать номер.

— Пешкова, пожалуйста. Здравствуй, Алексей, это Чернов, следователь. У меня тут есть черновики, обрывки разных схем и расчетов. Мне срочно нужен адрес, где по этим огрызкам могут восстановить рабочий

аппарат. Да, это касается Ивана Юлинова. Сам приедешь? Отлично. Нет, лучше сейчас. Что? Ну-ка передай трубку вашему шефу, я ему покажу «производственную необходимость»!

Владимир Вещунов

Нижний Новгород

ГОРЬКИЙ ЗАПАХ ГЕРАНИ

Вы продали меня сюда,
но и послал Бог.
Быт. 45:5

Обычно Палыч первым открывал старуший «форум». Но сегодня на месте сиделок развела «птичий базар» незнакомая старуха, сама похожая на галку. Она лузгала семечки, нашаривая их в пакете, и туда же выпукивала шелуху. Время от времени бросала пернатой братии горстку семечек. Грудились, пихались, топорща крылья, голуби, сердито картавя. В их толчее сновали драчливые воробьи. Со щенячьим тьявканьем над гомонливой кучёшкой проносились чайки. Галки же, пощёлкивая, осуждая свару, выжидали в сторонке. И благодетельница, ценя такое достоинство, одаривала их особой порцией. Скоро на манящий запах жареных подсолнечных семечек в «коридоре» меж двух скамеек понабилося птиц со всей округи, не хватало только сорок да ворон. Будто единое пернатое существо колыхалось, галдящее на птичьем эсперанто. Старуха от такого нашествия растерялась и вытряхнула на птичник из пакета и семечки, и лузгу. Всклубилась серая туча, вскипела, мотая в гущу своей старуху-галку.

— Кыш! Кыш! — замахал руками подошедший Палыч.

Стая разом взлетела — всё подчистила на кормном месте. Пушинки, пёрышки, перья закружились в воздухе. Ветер-сизарь унёс этот рой в перистую даль. Осталась лишь голубка, она весело вертелась в небе. И Палыч даже открыл было рот, чтобы поздороваться со старухой, но только кхекнул.

— А кто здороваться будет? — нахохлилась та.

От долгого домашнего молчания голосишко у Палыча становился дохлым, да ещё два зуба отсутствовали в переднем строю. И лишь по-

сле прочистки горла винцом голос прорезывался, не клёкчал, не сипел. Палыч достал из болоньевой хозяйственной сумки пол-литровую бутылку из-под кефира, отвинтил крышку, швыркунул носом и глотнул три бульки каберне. Чтобы не смущать скамеечных соседешек, так конспиративно попивал рядом с ними «кефирчик». Промочил горло, прокашлялся, с хрипотцой проговорил:

— Здорóво живёшь, Галина Батьковна!

— Откуда ты знаешь?

— Похожа.

— Похожа, похожа... — пробурчала старуха и вздохнула: — Ну что поделаешь, если похожа.

Палыч отхлебнул ещё кабернушки, скривился чуток: кисловато сухое винцо. Десяток градусов, однако, подрумянили его щёки. Приподнял длиннокозырку, затеняющую глаза:

— Зávидно, как ты щёлкаешь семечки! А я уж не могу так-то. Халву подсолнечную заместо них жую.

Старуха с хрустом смяла в кулаке пакет «Бабкины семечки», запихала в обвислый карман кофты. И будто тюкнула длинным носом любителя халвы:

— У меня пенсия — шиш да маненько!

Он надвинул козырёк на глаза, сунул булькающую бутылку в сумку и повесил её на спинку скамейки. Шибко разговорился. При стечении старушек обычно помалкивал, бережно попивая «кефирчик». Берёт заповедь свою: сначала подумай, потом помолчи. Это он сладил в тенёчке у торца своей девятиэтажки две скамьи — одна напротив другой. Коридором — для близкого общения. Со спинками — чтобы собеседницам вольно раскинуться для доброго разговора, чтобы косточки старушки не так уставали. Поначалу он дышал свежим воздухом на лавке позади дома. Но там — фасеточное зрение в тыщу глаз высотки напротив. Точно под обстрелом. Вот и облюбовал это тихое местечко. И сударушки сюда потянулись. Муха где сядет — и ту обсудят. И костюм Путина — пятьсот долларов за метр! Но на первом месте — пенсия!..

Сам он, Марушев Пётр Павлович, когда приспело в пенсионный фонд явиться, ожидал получить по заслугам. И получил!.. Тридцать восемь лет стажа. Если бы теплоцентраль не законсервировали, так бы и плотничал на ней. Нафуфыренная дамочка перед ним стояла. Стажистка, едрень фень! Пять лет непосильного труда секретаршей в шарашкиной конторе. А назначили столько же, сколько и ему. И ещё одному работяге — литейщику-ветерану. Аж девять с небольшим! От такой поддачи прокалённое лицо литейщика совсем почернело. Ветерана нача-

ло корёжить — вот-вот в падачей рухнет... Пётр Палыч лишь с горестью подивился такому подсчёту. Расчитали, как распоследнего злостного прогульщика по 33-й. А ему ещё доплата, тридцать процентов, начислялась за совместительство: печи обмуровывал. А премиальные к праздникам, тринадцатая в конце года. И где учёт всему этому?.. Ветеран же распахнулся и устроил чих-пых мухлёвщицам из ПФ. Заводская кадровичка, когда его перевели из сборочного в литейный, в трудовой печать криво поставила. А пенсионные чинуши печать эту не засчитали, вычеркнули три года стажа. Вот он им раздолбон и учинил. Вернули годы, пенсия подскочила... И подобных историй с пенсионным мухлежом Палыч от соседок-страдалиц понаслушался изрядно.

С болью видел, как терялись в казённых коридорах маленькие, беспомощные женщины. С одышкой, с колотью в сердце, взбирались они на высокую гору. Какой «гуманист» вознёс недосягаемо почти царский дворец для нищих подаяний? Даже перил на скользком мраморном крыльце не удосужились поставить. Не дорога жизни — дорога к смерти. В гололедицу ребянтня с этого мрамора на «ватрушках» вниз, к проезжей дороге скатывалась, едва не сбивая старичьё. Цветы жизни!.. «Садовницы» же, одолев восхождение, долго приходили в себя в ослепительном фойе, страхась сверзнуться на скользком мраморном полу. Взопрелые, обессиленные, путались среди посетителей, тыкались то к одному окошку, то к другому. В их бестолковые головы вбвали, что не к тому окну выстояли очередь, что сейчас перерыв, что неправильно написано заявление, что надо приходиться с грамотными взрослыми... Да, они были как дети. Обиженные, со слезами на глазах, а то и плачущие. И Пётр Палыч такой же был неприкаянный. Оттого и сиживал с ними, попивая «кефирчик» для просвежения. Потому как в старушьем тенёчке подчас нешуточное возгоралось разбирательство. После хождений по мукам в присутственных местах, после унижений, оскорблений, после валидола и немощных слёз — скамеечный суд ужесточался сурово над супостатами. Ну разве не враг — этот полковник из МВД Захарченко?! Миллионы и миллиарды. Евры и доллары... Только у «швейцаров» заныкал триста миллионов евро! И это — борец с коррупцией! По долгу службы... Ежели такие несметные деньжищи у полковника, то что же тогда в загашниках у начальства повыше?.. Не зря беглый олихарк Ходор издевается: у такого государства стыдно, говорит, не красть. С этого-то Захарченки, может, и спросят... Но кто? Вице, который летает на своём самолёте в свой Лондон? Возит собак и супружницу-собачницу на собачьи выставки. Они, де, защищают честь России. Честь России... Морок! Другое помрачение: начальник этого летуна — новый зла-

тоуст, сродни Черномырдину. «Денег нет, но вы держитесь!.. Мало учителя получают, ну пусть идут в бизнес!.. Государство не резиновое. Пусть люди сами заблаговременно рассчитывают, как они будут жить в старости». А сам капиталист о-го-го! Главный едрос. Дерьмокрады! Глаза завидушие, руки загребушие. Пристала к матушке России всякая шелупень. Рождённые ползать — пролезут везде. «Свобода лучше, чем несвобода». Трудно сказать что-то настолько глупое, чтобы удивить Россию, но этот... И как умудрился до такого додуматься, свободолюб?! Свобода грабить!.. А ведь ещё и набожничает с супружницей со свечкой в церкви по-православному. А вот одна из дерьмокрадок честно заявила, что в гэдэ нечего делать неудачникам, там должны работать миллиардеры. Работать — на свой необъятный карман. Вот и расплодилось этих работничков непосильного труда при их благодетеле с восьми до ста сорока штук. Удержу нет — полстраны расхищено. Бог дал России всё: леса, недра, нефть, газ... А берут другие. И куда свои миллиарды вывозят? Главный америкашкин «мудрец» Бжезин объявил их своими. Это не ваши элитчики, сказал, а наши, они копят сотни миллиардов долларов в США. Олихаркат. Чихают и харкают на Россию, где родились, на народ русский. Оторванцы! Изменщики!..

Такой суд праведный, а лица яростью не накалялись, не искажались, как на «прямых эфирах», «правах голоса», «60-ти минутах» и прочих «круглых столах». Где ор с брызгами слюней, где всякий який — и ничего не разобрать. Антиллигенция, едрень фень! Ин-тел-люлю... Скамеечный форум до сворума не скатывался. Боль — и неприятие мира рваческого, небожеского. Конечно, старушенции понахватались всякой всячины от каналов. Но особой разноголосицы в их оценках не было. Может, сходство от долгого соседского общения. А может, вообще судится едино — по-народному. Отстоится сумятица — и правда со дна покажется. Народ быстро её распознаёт. А ежели сомнения какие, неправдоподобие — то что ж, дыма без огня не бывает. И хорошему, и плохому трудно избежать людской молвы. А голос народный — глас Божий. Устами младенцев, как говорится, глаголет истина. А старушки — те же младенцы.

У Марушева не шибко свербило в мозгу от политики. Кто он такой, чтобы судить о людях, с которыми не сиживал за стопкой, о их делах, о событиях истории? Грамотеи путаются даже в том, что случилось недавно. Перестройка дала свободу! Нет, развалила Союз. Не стало Союза. Давно пора! Нет, это трагедия!.. И в «низких» новостях одно и то же: теракты, катастрофы, убийства, насилие, подлость, мерзость... Душа мутнеет. И в «высоких», в политиканстве, ничего нового: бесконеч-

ные звонки, переговоры... Одно и то же, туда-сюда... Похоже, для бле-зиру вся эта суетня. Как будто дешёвый спектакль. А закулисье?..

Пётр Павлович сам на политику не напрашивался. Он был настоль-ко политичен, насколько она его доставала. Только ещё утюг не отсту-кивал морзянку: Путин, Путин, Пу... Отец родной! Электорат загнипоти-зирован на безоглядное доверие ему. Прошла зима, настало лето — спасибо Путину за это! И все встают, когда он входит. Марушев никак не мог понять, почему встают при нём. Неужто походка его так сильно действует на кабинетчиков и электорат? Да-а, походочка — как в море лодочка. Электрорат. Электричество! От любви до ненависти — один шаг!..

Хорош тот правитель, которого не видно и не слышно. А в государ-стве всё идёт своим чередом, рачительно, справедливо, по-божески. Вот ведь не слышно и не видно Бога, Творца и Создателя, — а во всё-м порядок. Пчёлки вон как дружно живут и трудятся. При попечении Божьем. Вот с кого людям пример надо брать! А они всё супротив по-рядка, учреждённого Богом, всё топорщатся. Оттого и бардак на земле разрастается... Вон на взгорье разбогатевшая на забегаловке Сонька ресторан из стекла отгрохала. Аквариум для пираний, облепленный блестящими лягушками-легковушками. В нём и правда аквариум с «ру-салкой» для мужского ублажения. Похотливцы доллары под «чешую» пихают. Лорка, внучка Парфёновны, плюхается. Спивается за дармовы-ми застольями... А на месте этого увеселения седая старина благостью дышала. Домики-пряники, с резными, расписными наличниками, с весё-лыми коньками-петушками, с кружевными причелинами, радовали ду-шу... Точно из палисада, спасаясь от бульдозерных ножей, перебежала поближе к дому Петра Палыча рябинка. Будто знала, что обустроит он рядом с ней уютный человеческий уголок, где будут ею любоваться. Тонкая, с перистым узорочьем листьев, в гроздьях жарких ягод, трепещет в ожидании хохлатых свиристелей. Надо бы ажурным штaketнич-ком украсить, чтобы невзначай не ступил кто-нибудь на её заповедное место, не надломил... Да, слишком много политики. Кажется, всё окру-жающее — политика. Слава Богу, кроме природы, кроме рябинки, об-лаков, плывущих по небу...

А вот и Тужурка. В побежке мусорные баки ворошит. С сумкой-ко-ляской, собачонка трусит за ней. Роется, а почти ничего не собирает, лишь косточку иногда для собачки выудит. Будто проверяет, как люди живут: богато или бедно. Своего рода «дежурная по стране». Не все дома. Раз ку-ку, два ку-ку. Куртка потёртая, флотская, двубортная, с

якорными позеленевшими пуговицами. Лыбится то ли блаженненько, то ли придурковато. Подсела к Марушеву:

— Здравствуй, жопа, Новый год!

«Галка» от такого приветствия взъерошилась, насторожённо пове-
ла носом.

— Здравствуй, Тужурка, коли не шутишь! — отвечивал Палыч.

— Вкусно от тебя стружкой золотой пахнет!

И запах ей слышится, и цвет видится. Чуткая какая! Знать, у таких «кукуней» с притрухом всё обостряется. Палыча в детдоме тоже дразнили: Куку-Маруся! По фамилии. И по «притруху». С приветом, дескать. Хотя учился на твёрдые тройки. Не то что обзывальщики-третьегодники. А от самой «нюхачки» запахок невкусный. «Галку» аж пере-
дёрнуло, лицо в морщинах ещё больше сморщилось. Она зажала было нос и привстала, чтобы пересесть на другую скамейку, но лишь отверну-
нулась. Плотницкую же дресву не учуяла. А этот родной запах вжилась в Палыча напрочь, как будто сама стружка жила в нём. У него и чуб прежде стружкой завивался, а нынче белёдые, жидкие волосы с рыжиной, с искрами седины. Вон и солнышко улыбочивое — словно с чёлочкой. Улыбка дня осеннего...

И Тужурка улыбнулась:

— При снохе ровно в пуху жила. Руки были гладкие, неморщенные. А теперь... — положила восковые руки на колени; лицо желтоватое, все косточки видны на нём, губы серые, будто истощила себя постом. — Она не пушала меня на проверку. Сына чтоб на том свете не омрачала. Вот память о нём, тужурка его... Да и люди, мол, осудят... Счастье мне выпало: Игорь на флоте служил, Настя рожать собралась... Целые города убиваются на дорогах... Настя без Игоря ещё какое-то время пожила, увечная, при родах ребёночка скинула... Выпало было счастье, да куда-то закатилось. Вот и ищу его. Да, видно, не стоит вертаться в прошлое. Там уже никого нет... А я, как люди живут, проверяю... — сумбурная речь её совсем сбилась, она как будто стала заговариваться: — Вот бегаю везде. Испортил человек воздух машинами, скандалами. А сколько женщин за рулями. Не личит им! Накипь от вражды. Люди... А, Жуль, скажи дедушке, кого ты давеча прогнала из людей. Смирёная, а облаяла, изнанку разглядела. Звонит даве деваха, соцработницей назвалась, в помощь заявила, пол помыть. Э-э, знаю: кто инвалид, кому за семьдесят — тем положено. А мне ещё нет.

Пегая собачонка умильно головку склонила, хитровато-умно поглядывая. Одно ухо наострила, другое обвисло. Палыч вынул из сумки за-

ветную бутылочку, булькнул в себя винца, провёл ладонью под насморчным носом:

— Жулька, хошь анекдотец расскажу вам с баушкой? Хвалится, значит, один: «У меня, — говорит, — Жучка до десяти научилась считать!» — «Да знаю, — говорит другой, — мне Бобик рассказывал».

— Нам с тебя смешно, Петя — Ванин брат! А, Жуль?

— А ты почём знаешь?

— Я завсегда таких, как ты, эдак зову, — лукаво, как и Жулька, глянула на Палыча Тужурка. — А вообще хорошо у тебя тут. Дружно собираетесь. К такому обществу захватчики не лезут, приглядчивые бабки враз их заприметят. Вот они по квартирам и рыщут, подарки суют якобы благотворительные, от ветеранов, фондов, детей войны. Ещё осень не кончилась, а они уже Дедами Морозами прикидываются, Снегурками. Слабых на выпивку мужичков на стакан подсадят, до извода. Плёвое дело — сковырнуть человека. И ты остерегись, простодырый! Может, дать тебе Жульку на время? Пущай посторожит тебя. А то шастают тут всякие. Она, что и я, кушает. И косточки гложет, яблочки ест, огурчики и даже сырую картошку...

— Быва-ает... — протянул он неопределённо и добавил: — Вишь, нос на мокром месте, обметало. Аллергия приставучая! На пыль, на шерсть, на полынь, мяту... Спасибо!

— Ну будь здоров! Не кашляй! — Тужурка подхватила, с коляской, Жулкой, напевая в побежке: — Травы пахнут мятою, очень очень непонятная...

Складное настроение души оставила после себя Тужурка. Солнце возвышается. На свет его, на свежий осенний воздух баба Фрося Кирдябова припыхтела. Отдышалась, хрипло поздоровалась, бросив грубоватый взгляд на «галку». Грузно опустила рядом с Петюнчиком. Так насмешливо звала она неказистого плотника и напарника по обмуровке. Прерывисто дыша, придавила заскорузлой рукой сухой кашель, вырвавшийся из груди. Тёмные мешки под глазами, синюшные губы. Со свистом вдохнула из трубки ингалятора живительный препарат. Профессиональная болезнь обмуровщиков — астма.

Подошедшие старушки сердобольно завздыхали. Заговорили о своих болезных «букетах». У кого что болит, тот о том и говорит... Марушев же, в отличие от бабы Фроси, аллергией отделался. Но она, эта агрессия, тоже изуверски изводила его на измор по полынным августам. Нос бульбой от нескончаемых потоков. Глаза набухшие, красные, слезятся, в них будто песок. Голова раскальвается, гудит, как чугунок. Руки, ноги трясутся. При каждом шаге мотает из стороны в сторону. Хоть

рёвмя реви!.. Теперь, в сентябре, аллергия-агрессия отступила, но Палыч всё ещё иногда сопел, швыркал и хлюпал носом. Вот и сегодня под носом обметало, бобон, и заеды в уголках губ. Даже любимую герань чуть соседке не отдал. Распустила геранька зонты свои густо, ало — глаз не оторвать! А запах — терпкий, в нос так и шибает. Красота требует жертв. Вот и видуха — залюбуешься! С такой мордуленцией оробел было королевишнам-красавишнам своим показаться. Хорошо, Кирдябова прищандыбала, рядом с ней не так жутко выглядит. Август-то почти весь в муках в четырёх стенах затворничал. Таблетки кетотифена на день-два укрощали аллигаторшу, но сонливые очень, веки сами слипаются. Чаще просто сдавался на милость победительницы. Придавит диванчик, обложится платками, а сквозь слёзную муть маячит на телеэкране всякая мутотень. Может, на этот раз без неё обойдётся? Как бы не так!..

— Всей стране плохо! — подытожила причитания всего болезного старушатника Парфёновна, внучка которой Лорка работала «русалкой».

— Дела ещё не так плохи, чтобы рассчитывать на улучшение, — как-то зловеще ухмыльнулась заядлая дачница Люба.

В сизой, выцветшей панамке, с проваленным ртом, она молодилась, красовалась в «амфибиевых» очках. Поигрывала перламутровым мобильником, как бы намереваясь позвонить, показать его навороченность. Однако старомодное безмобильное общество пресекало её потуги, цыкало на неё. Один раз даже изгнало «модницу», когда по её триндозвону раздалась дикая позывная ржачка.

«Не так плохи...» — повторил про себя Палыч, извинительно посмотрел на «кворум» и вежливо, тихо втянул в себя глоточек вина.

— Как бы на этот «кефир» не подсел! — сверкнула тёмными очками Люба.

— На такой компот не подсядешь! — поджала крашенные губки тюрючком Зиночка: сзади — пионерка, спереди — пенсионерка. Она как-то пригубила эту марушевскую кислятину, скривилась вся. Другие даже и пробовать не стали, когда он предложил.

— Гарный наш хлопчик!

— Старуший пастырь, Пётр Палыч. Скамейки нам поставил. Крестовины для постирушек. Деткам — качель.

— В нашем девичнике Петя — как в малине!..

Палыч от такого внимания стушевался, низко надвинул на лицо козырёк бейсболки, скрывая насморочные «красоты».

— Быва-ает... — несуразно протянул он, однако винцо оживило его и обострило умишко: — Каждому подсолнуху — по личному солнцу! — брякнул он, имея в виду свое солнечное каберне.

Так рекламировал «Подсолнухи» друг его Димитрий, по прозвищу Пикассо, продавая свою живопись на набережной. «Яблоки» же в кричалке не нуждались. Ядрёные, наливные, зоревые. Живее садовых!.. И словно узрев живописные видения Палыча и поддерживая его призыв, дачница Люба сгребла из сумки яблоки в охапку и стала всех угощать. Год выдался яблочным, и почти все начали было отказываться: мол, у самих полным-полно. Но не обижать же человека... Последнее яблоко, самое наливное и яркое, играющее глянцевыми бликами, Люба торжественно вручила Палычу:

— В день, Петро, надо съесть полтора килограмма яблок! В них много железа.

— Быва-ает... — при всяком замешательстве ни к селу, ни к городу тянул он и простодушно, без всякой задней мысли добавил: — Железа-то мне и не хватает.

Глянул на руки свои. Мозолистые, корявые, в шрамах. Не прошли ещё плотницкие отметины. Однако женщины засмеялись, подразумеваемая, видно, какую-то мужескую стойкость. Одна лишь бабушка Черкашиха просветлела лицом, погладила клюку, сделанную мужем:

— Мы со своим Мишей душа в душу жили. Приспичит когда в санузел — так обоим враз. Как один организм стали. На японский манер Миша называл его узел-сан... — Пристально глядя на яблоко, она словно увидела в его бликах образ своего Миши. Слабо улыбнулась и промокнула платочком слёзные глаза: — Нынче мужчины раньше нас, женщин, уходят... — и скорбно посмотрела почему-то на Петра Палыча.

— Да вы и похожи друг на дружку — копия! — «оживила» мужа Черкашихи их соседка по этажу Люба и, исправляя оплошку, привела примеры: — В деревне собаки, кошки, хозяйевá — похожи. И даже изба с глазами-окошками — на них. Усядутся рядком на завалинке под солнышком: Жучка, Мурка, дед с бабкой, и домок — всё едино.

Унеслась памятью к родине своей деревенской и Парфёновна, подняла влажные глаза к небу:

— Сродство это от земли родной, да с любовью Божьей друг к дружке, и к соседям по деревне, и к зорьке на реченьке...

— Сладко ты баешь, Парфёновна! — с ехидцей проговорила крашенная Зиночка. — Может, купишь домик в деревне? И Лорку туда — от греха подальше, чтоб не русалила.

— Да наведалься я недавно в свою Лествицу... Двести дворов было. Да сплыло... Одна Дора Фёдоровна, Помидора Помидоровна, век доживает в развалюхе. А по молодости во-от такенные помидорищи растила! — Парфёновна изобразила руками целый арбуз. Вздохнула тычко: — Поруха!..

— Не хочешь в деревне, — не унималась Зиночка, — а если в Лондоне? Кинщик Кончаловский всего за четыреста «лимонов» уступает.

— ДоллАРОВ? — якобы заинтересовалась Люба.

— Рубликов.

— Рубликов?.. Тогда я подумаю.

— А чего тут думать? Три этажа, спальни, гостиные, спортзал. Будешь мускулы наращивать. А то кожа да кости. Слуги будут тебя ублажать, откармливать. Там кухня деликатная.

— Деликатесная, — поправила товарку Люба. — Нет, я лучше Анчутке одолжу.

— Кому? Кому?!.. — хором спросил «девичник».

— Толяну, Чубаю. У него горе горькое! Подельник его, тоже еврейский, тоже миллиардщик, на сорок миллионов нагрел.

— Рублей?!.. — опять спросил хор.

— Миллиардщики — оба в доллАрах.

— Вор у вора украл! — мрачно просипела Кирдябова.

— Не помогай этому рыжему, Любань! — шутовость Зиночки сменилась на обличение: — Знаешь, что сказанул: ну и вымрут тридцать миллионов, так они в свободный рынок не вписались... А тут на днях заявляется в Кремль. Якобы рабочая встреча. Но я так и не поняла, кто в доме хозяин. Столько лапши на уши навешал, что его «Нано» даёт рекорд. А это «Нано» в полном убытке и всё требует денег: надо, надо!.. Растрату, аж миллиард рублей, сравнил с кражей шубы. Ничего себе шубка! А президент лишь кивает. А рыжий всё нахрапом, нахрапом. Похоже, над ним властвует. И откуда такое давление?..

— Вот навязался на нашу голову! — Парфёновна топнула; домашний тапок, смахивающий на картоху, чуть не слетел с ноги. — Такую страну угробили эти либерайсы, без роду, без племени!

— А у меня всё-таки внучка Лариска добрая, проникает, — вроде бы некстати встряла в «политику» Парфёновна. — Зовёт давеча: «Бабушка, смотри!..» А там, на тырнете её, — малюточка, четыре годика. В День пожилых людей стишок читает... Вот, Лариса мне переписала:

Почтальонша бабушке пенсию несёт!

Эту тётю бабушка дома очень ждёт.

Дяди из правительства, я хочу спросить:
Как на эту пенсию бабушке прожить?

Дяди олигархи, будьте так добры, —
Ешьте чуть поменьше красненькой икры!
Пусть дворцов поменьше, это не беда, —
День хоть поживите с нами, господа!

Если не почешется Пенсионный фонд,
Мы откроем с бабушкой пенсионный фронт!

Загалдело одобрительно скамеечное содружество:

— Вот это заступница!

— Не по тырнету надо, а по всем каналам!

— Дожили, кроха — наша заступница...

Марушев с грустью оглядел свой «пенсионный фронт»: вспомнил
мытарства по присутственным местам высокого ПФ...

Баба Фрося Кирдябова отняла ото рта ингалятор:

— Да-а, Софья Власьевна, советская власть, пенсию давала заслуженную. Сто двадцать рублей по тем временам. Ещё и детям помогали. А теперь...

Бабушка Черкасова сердито пристукнула клюкой:

— Во всём мире деньги копят на белый день, только у нас на чёрный! Вон туристы из разных стран с круизов. Сытенькие, довольные старички, больше парами. Улыбаются, фоткаются. Полмира повидали. Живут и радуются на свои пенсии. Не чета нам... А у нас гробов больше, чем колыбелей. Сто тыщ надо на похороны. И жить дорого, и умирать дорого. Не знаю, что и делать...

Невнятный смешок прокатился на такое сокрушение.

— Долголетие — наша месть государству! — мрачно пошутила Зиночка.

— Ничего, Зинуль! — «успокоила» подругу Люба. — Путевизор утешил, что всё нормально, что у нас темпы роста экономики, хотя и отрицательные иногда.

— Это как это? А, Петюнь? — по-свойски ткнула локтем бывшего напарника Кирдябова.

— Быва-ает... — выдавил он своё неизменное и буркнул: — Ну-у, если ничего не покупать, то цены нормальные.

Баба Фрося грубовато шлёпнула его по плечу:

— Всё молчком, молчком... А сказанёт, как в лужу пёрнет!

— Нет, Фрось! — возразила Парфёновна. — С болтуном и поговорить не о чем. А у Петра редко слово — но в самый-то раз. Вставить в рамку — и на стенку!

Кирдябова прокашлялась и на манер Марушева сипло протянула:

— Поня-ятно!.. Битва телевизора и холодильника!.. Зато Путин тем, кто умотал в Израиль, пенсии назначил. Сто тыщ «голодающих сироток» будут получать по пятьсот с лишком долларов. На наши деньги — более тридцати тысяч рублей. А у меня по горячей сетке — пятнадцать. Вкалывала на футеровке. Ещё печь толком не остынет, а уже лезешь в это пекло, огнеупорным шамотом под обмуровывать. Сгореть можно!..

Баба Фрося, будто находясь в печи, стала задыхаться и судорожно, с храпом, втянула в рот мундштук ингалятора.

— И почему Путин к ним такое расположение имеет? — недоуменно пожала плечами Люба. — В ящике — познеры, урганты... Подавляющее меньшинство. Жванецкий так и хвастанул: «Нас, евреев, мало, но каждого еврея много». А этот, Познер, сощурится, как Ильич, и православную веру прокликает, наркотики молодёжи навязывает. А этот, Соловьёв, — тако-ой весь из себя! Но выказал изнанку — набросился на наших учителей, обозвал их.

— Обзывать они мастаки, — согласилась с Любой Зиновья. — Вон Собчак с ящика не слазит...

Парфёновна покачала головой:

— Дурёха девка! Беременная уже, дитё носит. Остепениться бы, а пузо своё в шоубизе выставляет. Дурё-ёха!..

— А то, что она ещё до пузы, знаешь, что каркала? Что Россия — страна отребья. И что вообще надо запретить эту страну. Всё ей дозволено! «Домá-2» — гадюшники... Защитничек у неё знатный. Вот она и изгаляется! А кто Сердюкова поставил и прикрывает? Вот то-то и оно!.. А то у нас бояре плохие, а царь хороший.

— Все они из одной бочки! — поддержала разоблачение Люба. — Вон, укровождь, ненавистник России, Вальцман-Поросня богатеет на конфетах в Липецке. Их по путевизору без конца рекламят: «Рошен» — подарок на все времена!» И тут же шоколадника всяко позорят. А жуткий позор России — банкиры. Российский Сбербанк имени Германа Грефа кредитует харьковский завод, где танки выпускают. А танки те дают русских людей в Донбассе и дома рушат. Вот где предательство! А крышеватель предателей — всё с ухмылочкой. Двуличники позорные! Обратни! Что Украину грабят олигархи, что Россию. Одна беда!..

— И при грабеже зубоскальство не унимается: цыплята-табаки — ярмольники, лолиты, галкины, петросяны и другие шуты гороховые. Святой Нифонт духовным зрением видел, как главарь бесовский послал с несколькими бесами самому сатане монету, которую дал один христианин скомороху. Кривляются, рожи корчат. Зрелища — позорища! Срамота! Тьфу!.. — бабушка Черкашиха гневно стукнула клюкой, едва не воткнула её в землю. — Прости меня, Господи! — она перекрестилась. — Опять осуждаю. «Не суди, да не судим будешь». Прости, Господи!

Надышавшись из ингалятора, Кирдябова угрюмо прохрипела:

— Жить стало хуже, но веселее. Смех во время чумы...

«Да-а... — начал раздумывать про себя Марушев. — Был бы жив Пикассо, он бы порассказал вам о чуме, девоньки! Уши бы завяли...» Вдруг зазвонил его мобильник. Он сунул руку в карман ветровки. Пусто. Это Люба заменила позывную ржачку на обыкновенный трезвон. Как у мобилы Палыча. Виновато озырнувшись на собеседниц, заглушила телефон. Чуть не испортила такой важный политический разговор. И сама же продолжила эту тему...

Палыч обшарил карманы ветровки — мобильника не было. Вспомнил, что оставил дома. Но не звякали и ключи. Обхлопал себя, чтобы по брэнчанью найти. Ни звука. Оцепенел. Неужто потерял?.. Ключ, гаражный, от железного заплота. С соседями, двери под углом, поставил в тамбуре это ограждение. Они, пугливые, настояли: дескать, почти все уже в доме поставили, а в первом подъезде Смольниковы не позаботились — и их ограбили... Брелок от домофона. Заплот за заплотом. Три десятка лет — и такая городьба! Дичь! Отгораживаются люди. Боятся. Собираются уже видеонаблюдение установить. Как в банке. Охранников ещё надумают нанимать... Без этих двух ключей ещё можно домой попасть. А как без ключика от своей двери?.. И связка-то весомая, звучная... Сколько уже раз случались подобные потери. Хватится — нет ключей! Аж сердце захохочет. Паника — слепая, глухая и дурная. Пока на неё не цыкнешь — не найдёшь. Палыч похлопал по сумке, висящей на спинке скамейки. Вот где связочка затаилась! Рядышком с «кефирчиком». Мужик пьёт либо с горя, или от скуки. И от радости!.. Пётр Палыч приголубил по такому случаю бутылёк окончательно. Душевность растеклась по всему составу. С дуновением ветерка — берёзовая рябь на чистой лужице со светлыми облачками... Берёзки словно взбежали перед взором. Белоножки голенастые, с серёжками в косичках, в весенней дымке... Парят на стенке в квартире у Палыча. Рядом с «Яблоками» и «Подсолнухами» Пикассо. Эти две картины маслом Ди-

митрий написал. Так и просил себя звать, по-православному. Тогда он ещё при деньгах был, на масляные краски хватало. А «Берёзки» — акварель. Дёшево и душевно. Рядом с его дачей в рощице табунок берёзок кучковался. С них срисовал. Когда Марушев до бомжа докатился, сказал:

— Живи на даче, Беда Бедович, сколько хочешь.

Незавидный домик, но всё крыша над головой. Выпили за новоселье Палыча, а Димитрий голову запрокинул, глаза на небо, омахнул себя широким знамением:

— Не дай, Господи, кануть во тьму! Не канем, дружище Палыч, а?.. Отшибло бы память — столько грехов! Потому и сны — худые. Художник от слова «худо»... Вроде придумали какой-то прибор по стиранию памяти...

А пока без прибора старался забыться. «Сухаря» не признавал. Только водку... И что уж такого, кроме выпивки, нагрешил этот светлый человек?.. Подсолнухи его... Буйные головы будто тянутся к солнцу, покачиваясь как живые... При такой солнечности — и канул. Истрадалась чуткая душа, что не приближалась к Богу. А сам говорил: хочешь избавиться от печали, не привязывайся сердцем ни к чему и ни к кому. Тоже один жил. Но со своими печальями... Зло ненавидит добро. Каин убил Авеля. Иисус Христос столько для иудеев сделал добра: кормил, лечил, мёртвых оживлял... А они убили Его!.. У них патологическое преклонение перед другим богом — кошельком. Теперь каины убивают Его страну — Россию. Грабят, вывозят за кордон её богатства. Изводят народ. Да, были времена похуже, но не было подлей. Устами пророка вопрошал Господь: «Неужели не образумятся творящие беззаконие, поедающие народ Мой вместо хлеба?..» При колониальном менеджере имитируют суверенную власть. «Одержимы холопским недугом». Киснут в кабинине, в кабине — мини, ничтожества. Гоголевские и щедринские персонажи: примус, Улюкаев... А этот вообще — облик морале!.. Продажные правленцы — пена, изображающая управление. Пенятся, тонут в роскоши. Всё, что достаётся даром, — развращает. Надоест роскошь — сатанятся в извращениях. Под личиной свободы их прихвостни и шуты райкины «всех оттенков голубого» норовят превратить Россию в сточную яму. Какой калёной метлой вымести всю эту погань? Что он, печальник, может сделать, чем помочь правому делу? Бессилие...

Серые глаза Димитрия, объявшие всё лицо, с нездешней виной:

— У совести нет зубов, а загрызёт до смерти.

— Надорвёшься ты так, Пикассо, со своей политикой! — засокрушался Вениамин, друг и сослуживец по теплоцентрали. — Ты вот Бога упомянул... Я хоть и неверующий, но убеждён: если Он есть, то у Него — верная рулѐжная дорожка. Он защищает бедняков, по крайней мере, от грехов дорогостоящих. Так что все эти негодяи дорого заплатят! Вот тебе и упование. А, Палыч, ты как думаешь?..

Тысячу толчков для мысли враз вызвал у Марушева неожиданный вопрос. Но, промычав, он изрёк:

— Бы-ы... Больные они.

— Больные?!.. — взорвался Пикассо. — Прокажённые! В лепрозорий!.. — обмяк от своего взрыва: — Вот так пар уходит в свисток. И слон идёт, и моська лает — одно другому не мешает. Э-эх, блин!.. — стиснул зубы, ударил по столу кулаком; обессилено откинулся на спинку стула:

«Спи, усталая Россия», —
Говорит Господь любя.

— Да, далековато ещё, поди, до возраста допития. Наливай, Палыч! Мне водочки!.. Вот у кого совесть без морщин — у нашего виночерпия, — обращаясь к Вене, указал он на Марушева, разливающего выпивку.

«Слабаки» вкусили каберне. Пикассо же замахнул стопку, крякнул. Закусили, и он, под градусом, пристал к хозяину:

— Скромность, Палыч, конечно, украшает. Но это единственное твоё украшение, господин дерево.

— Бывает... — миролюбиво улыбнулся тот.

— Бывает, бывает... — передразнил его Пикассо. — Бывает, и убивает! Нечего сказать — и «да» хорошо. Дурак умён, пока молчит!..

— От винта! — прикрикнул на критикана бывший авиатехник. — Сердце у тебя, Димитрий, будто в горячей крови затонуло, — вынес он свой «диагноз». — Не обижайся на него, Палыч.

Димитрий покаянно ударил себя в грудь кулаком:

Вдруг у разбойника лютого
Совесть Господь разбудил!..

— Прости меня, грешного, Пётр Павлович! Завидую порой твоей неприкаянности, детскости. И Господь учит: будьте как дети, чисты, не гневливы, и обретёте жизнь вечную. А я срываюсь, всё осуждаю. Свер-

ху донизу. Путина, тебя... Ведь знаю, что управит всё Господь как следует. Но ведь говорят в народе: на Бога надейся, но и сам не плошай. Э-эх!.. А что делать?.. Прости, Господи! Наливай, Палыч!..

Тогда же и обмыли подарок. Брусочек с кнопками и экранчиком, как ни упирался «господин дерево», чуть ли не силком всучил ему Вениамин. Бывший авиатехник работал электриком на кочегарке, частенько заглядывал в столярку. Так и подружились. Он приохотил плотника пить «лётчицкое» каберне. Летуны после полётов, по указанию доктора, пьют только его. Сухое красное снимает стресс, выводит из организма стронций, токсины и прочие гадости. Марушев так и не понял, почему мокрое вино — сухое! Толковал, толковал ему Веня, что сахара в нём нет, досуха сброжен, вяжет во рту до сухости... Всё без толку. Темнота! Однако полюбилось это сухое Палычу: кисленькое, неприторное, и глазонькам веселее на мир смотреть, для души. И голова с него не болит, похмелья нет. Литровая коробочка — в самый раз! И по цене доступная. Нынче вот — стольник без рубля. А год назад — шестьдесят девять. Растут цены!.. Вент же всё удивлялся, что у Палыча нет мобильника. А зачем ему этот трындозвон, когда проводной есть? Так, для форсу. Правда, сгодился раза два. Приспичило Вене кабернушечки отведать со старым приятелем, Пикассо помянуть, покалякать о том о сём. Об НЛО в первую очередь. «Тарелка» над их аэродромом летала. Вот всю эту призрачную аномальщину он за явное выдавал, до хрипоты доказывал. Пикассо же всё оспаривал. Частушку, пьяненький, пропел:

А у нас фигня летала
Серебристого металла.
Ох, и много в наши дни
Развелось такой фигни!

Один — верующий. Другой путаник: планетяне, Шамбала, Анастасия, Рерихи... Димитрий же разоблачал: энлэошники, полтергейсты — это всё проделки сатаны, охмурёж легковёрных. Как схлестнутся оба!..

Пикассо на ТЦ писал плакаты по ТБ, на праздники лозунги; оформлял красный уголок, Доску почёта; трафаретил пульт в машинном зале, оборудование, технику, бортовухи. Плотник сколачивал ему подрамники, планшеты. Из кочегарской трубы зола и пепел валом валили на соседние дома. Тонны жалоб исписали «негры» района, покрывшегося тридцатилетним слоем сажи. Стратегический объект, теплоцентральный закрыли, а законсервировали. Вениамин, «одинокий волк», из Вени за-

матерел в Вента. Вент — спец по установке вентиляционных систем: рестораны, кафе, аптеки. Марушев плотничал в частной лавочке: ремонт квартир, остекление лоджий, балконов, замена окон, дверей. И трёх лет не проработал, не выдержал, ушёл из «фирмы»: забыли там, палитuru глушили. А тут и пенсия подоспела... Пикассо подался в свободные художники, отрастил патлы, бороду, ходил в блузоне. Рамы и багеты для картин по старой дружбе ему искусно выделявал краснодеревщик Пётр Палыч. Варварски намалёванную живопупись авангард возносил до гениальных шедевров, ёрничая: «Русские очень талантливы, но особенно евреи!» Живопись Димитрия выделялась среди беспросветной мазни безыскусной реалистической простотой. Прогрессисты называли её наивной, а то и примитивной. Богема снисходительно похлопывала самодельщика по плечу, изредка отбирая его работы на выставки и приглашая на свои сборища. Позвали на вечер «Традиции и новаторство». Вечеринка извратилась в дикую непотребщину. Потрясённый, Димитрий долго убивался по гибели искусства и культуры. А без культуры — нет человека. И его, Димитрия, не стало...

— Фрау мадам, а вы чьих будете? — хрипловатый голос Кирдябовой прервал печальные думы Марушева.

«Галка», сидевшая доселе отчуждённо, живо повернулась на вопрос. Явную каверзу расслышала она в нём и выжидательно уставилась на допросщицу.

— А ты случаем не того... — продолжала баба Фрося. — Вроде и не похожа, а наружность, нос-то выдаёт. А пошто в Израиль не умотала?

«Галка» выпрямилась и спокойно ответила:

— А я из себя не могу эмигрировать.

В осмыслении такого ответа все замерли; некоторые даже пооткрывали рты, и Кирдябова тоже. Полоротый Марушев собрался было «пропеть» своё «бывает», но для разрядки напряжённости изрёк:

— На свете всего две национальности: мужчины и женщины.

Конечно, он так не думал. Но ответ Галины Батьковны ему понравился. Простая женщина. Едина она с народом, с землёй, где родилась, с русским языком. И правда, как можно себя покинуть? Признаёт так-то ещё кто-нибудь из её сродственников?.. Однако размышлениями своими Марушев не поделился: сначала подумай, потом помолчи. Зато клуши заохотали своё:

— Редко слово у Петра Палыча, но в самый-то раз!

— Хоть в рамку, да на стенку!

— Гарный наш хлопчик!..

Оглушил его «курятник», и он подхватил свою сумку, где гулко забренчали с яблоком и пустой бутылкой ключи:

— Ну я пошла! — и оцепенел от несусветной оговорки: «Вот это да-а!.. Вот это обабился!..» И облегчённо выдохнул свой ужас: в гомоне и звоне ключей его позор никто не заметил.

— Ты куда, Петю... Петро? — уважительно поправилась баба Фрося.

— Посиди ещё с нами трошки! — стали упрашивать «хлопчика» почитательницы, а может, и поклонницы. — Посиди!..

— Батя, ты куда, батя?! — невесть откуда подскочил к нему хмырёк со шныряющими глазами. — Давай посидим! Поговорим! Я за портвешком сгоняю! А? Давай, деда!..

Вертлявый, он озирался по сторонам. И мнилось, то ли убегает от стаи, то ли манит её за собой. Стих гомон. Присмирели старушки. Сидели, притаившись. Старые-расстарые. Будто чуяли захватчика.

— Баба-яга сказала «нет»! — в страшном оскале заскрипела, как дверь-зверь, Кирдябова. — Нечего тебе здесь ошиваться, паршивец! Брысь!.. — и накинулась на Петюнчика: — А ты что варезку разинул, простодырый?! Ей-богу, детский сад!

Старичье оживилось, запоглядывало вокруг: залётного точно ветром сдуло. А баба Фрося с каким-то мрачным подозрением укорила собравшихся:

— Наседки, мы вот галдим, а Прокопьевны уже который день на нашей сходке нет.

— Запропала... — тяжело налегла на клюку бабушка Черкасова. — Вроде как занемогла, захотелось в родной деревне упокоиться. Вот и свезли её якобы родственники. Откуда взялись? Раньше никто её не навещал...

И опять присмирели старушки. Что-то тревожно-гнетущее нависло над ними. Засобирались, потихоньку одна за одной утёпали. С болью сердечной, с необъяснимой виной, понурился одиноко Палыч: мнилось, что все они бросали на него осуждающие взгляды... Даже не заметил, как рядом с ним кто-то присел. Шибануло в нос дорогим одеколоном. Цветёт и пахнет. Молодой интересный. Костюм в радужных переливах, как у майского жука. Усики, улыбочивые ямочки на щеках. Бархатный голос:

— Сентябрь решил, что он — май!

Марушев взглянул на «майского», на его приветливый вид. Солнце уже почти свалило. Благодать кругом разлита, а он засмурел. Всё старушки выдумки... Незнакомец вынул из внутреннего кармана пиджака

плоскую бутылку звёздного коньяка и пластиковую стопку. Запасливый! Аккуратно наполнил её и протянул Марушеву. Тот благодарно кивнул и бережно взял стопочку. Доброхот чокнулся с ним бутылкой:

— За всё хорошее, отец, и против всего плохого!

Выпили, и Пётр Палыч извлёк из сумки яблоко. Крепкими плотницкими руками со смачным хрустом, аж сок брызнул, разломил пополам.

— Одна-ако!.. — удивлённо изогнул брови «господин хороший», как прозвал его про себя Марушев.

Захрумтели. Молодой — озорно, ребячливо: мол, свой парень! Старый — грыз с опаской, как бы ещё зубов не лишиться. Стал накрапывать дождик... Коньячок ублажил Палыча: малость, а приятно. Да и тост — добрый. И как бы приглашая хорошего человека в гости, он кивнул на дом:

— Я здесь живу.

На «здесь» тот ухмыльнулся.

— А я вон там... — неопределённо махнул рукой и подставил ладонь под усиливающийся дождь.

— Ну-у... тогда ко мне? — робко спросил Марушев.

«Господин хороший» пощипал усик — и утвердительно, даже радостно, закивал. Окна окружных домов уже расцвели созвездиями. У их подножий блёстками мишуры нанизывались легковушки. Намокший кленовый лист шлёпнулся прямо на длиннокозырку Палыча. Он смахнул его на тротуар, в свет от окна Парфёновны. Точно кровь влюблённого сердца запеклась на асфальте. Красной краской был выведен горестный призыв: «Лора! Не фоткайся голая!» Спутник Палыча опять пощипал усик, хмыкнул и оглянулся на зазывно сверкающий вдали «аквариум» ресторана. Марушев на эту оглядку внимания не обратил, как и на путинскую походку «господина хорошего»...

Дверь в квартиру отворилась молча, холодно. Обычно она или попискивала, или ворковала.

— У меня ещё здесь не ступала нога человека — столь представительного! — польстил Марушев, радушным жестом приглашая гостя.

Тот оглядел прихожку, заглянул в комнату и, уже сидя за кухонным столом, оценил:

— Ничего квартирка! — и голос его почему-то был не бархатный, а надтреснутый.

К початой бутылке из наружного кармана пиджака достал плитку шоколада. Палыч внёс свою лепту — коробку каберне с пряниками. На правах хозяина разлил по стопкам коньяк:

— Не возбраняется! Не выпивки ради, знакомства для! Будемте знакомы! Палыч!

— Евгений!

Чокнулись. Зашелестела обёртка-золотинка шоколадки, пожевали пряники. Палыч вновь налил коньяка:

— Между первой и второй — пуля пролетела!

— Одна-ако!.. — удивился такому тосту Евгений.

Круто опрокинул в себя стопку. Но поперхнулся, закашлялся и стал нервно пристукивать порожней стопкой по столу. Палыч же, довольный, расплылся в улыбке. Да, редкий тост провозгласил, крутой, боевой. Даже «господин хороший», видать, не слыхивал такого.

— Уважил ты меня, Евгений! — расчувствовался он. — За сердце прихватил.

Со слащавостью на лице тот снисходительно похлопал старика по плечу. Самодовольство так и распирало его:

— Что посмеешь, то и пожнёшь! — вывалился он, поглаживая плечико дорогой бутылки.

— Раньше брызги шампанского летели: кто не рискует, тот его не пьёт. Теперь вот «жатва»... — Марушев усмехнулся. — И что же ты посмел такое, Евгений?

— А что ты на меня так смотришь?! — ни с того ни с сего взвился тот. — Я что тебе?.. Ты думаешь, я?.. — он обвёл взглядом кухню — и осёкся.

Лицо его клюквенно наливалось, лоб блестел от пота. «Эк развезло гостенёчка! — досадливо поморщился Марушев. — Вроде и выпили немного...» И ещё ему подумалось, что усики гостя похожи на зубную щётку.

— Да я!.. — «бархат» голоса Евгения совсем стёрся. — Да у меня денег, как у графа Монтекристо! Посмел, говоришь? Начальник службы безопасности «Дельта-банка»! — он выщелкнул из нагрудного кармана рубиновую авторучку с банковским логотипом и повертел ею перед Марушевым. — Только эфэсбэшников на такую должность отбирают!

— А ты, «граф», случаем не знаешь такого — полковника Нефёдова? — ошарашил вопросом Евгения Пётр Павлович и, не дождавшись от него, оторопелого, ответа, пьяненько продолжал: — Я Александру Григорьичу беседку на даче помогал ставить. У прудка. Мы с ним выкопали для внучки. Настоящий полковник! ФСБ! Кувшинки туда запустил, камыш, рогоз, рыбок... Всё, как на природе! А на месте беседки дуб расшеперился. Корявый, без листьев, отмерший. Влобхвата. Григорьич бензопилой начал спиливать. Пыхтел, пыхтел — заерундила пила,

крякнулася. Налёг я со своей ножовкой — и с одного приступа счикнул помеху. Потом гвоздём-соткой доску-сороковку в один мах прошил. Обухом топора... Григорыч оценил. Обмыли мы ажурную красавицу беседку. Прямо в ней. И тост мне полковничий запомнился: «Между первой и второй — пуля пролетела!» Боево-ой!.. А ты чего скис, Евгений? Что случилось?.. Вижу, мир тесен. Конечно, банковское место потеплее будет. Да это ваши секреты... А ну-ка давай твой тост! А то у нас «пуля» долго летит.

Евгений даже встал. Смахнул ладонью пот со лба. Налил в бокалы вино. Манерно изогнув бровь, по-гусарски «расправил» щёточку усов. Поэтически вскинул руку. Голос его окреп:

— Чтоб у мужчин всегда стоял... бокал хорошего вина! И чтобы женщина давала... ему бокал допить до дна!

Под звон бокалов до Марушева не сразу дошла пошлость тоста. И лишь после залпового осушения бокала его покорило: такая похабель — ему, старику!.. Тут как тут — аллергия! Засвербило, будто перцу в нос надуло. А тут ещё схлестнулись два запаха: горький, герани — душный, приторный, одеколона. Вот-вот разрывной чих сотрясёт всё! Крепкой щепотью сжал переносицу, утишая подступивший взрыв. Пронесло! Лишь глаза заслезились. Швыркнул носом. Сквозь слезность различил, что и сопитник рассиропился.

— Что случилось... Что случилось... — пьяно бормотал он. — Бокал допить до дна... Женщина... Квартира супружнице принадлежит. «Квартира моя! — кричит. — А ты кто?..» Ушёл я. У подруги живу. Риелторша она. Рие... — как безумный округлил глаза, смялся. — Извини, отец, извини!.. Пойду я...

Дверь за гостем затворилась. Смазанная швейным маслом — со звериным рычанием! Приветная, воркующая — для друзей. С радостным писком, верещаньем — заждалась хозяина. А тут — озлобилась. Ещё бы и залаяла, как Жулька Тужурки... «Выдумки всё это, старче, внушения!..» — приструнил себя Палыч. Однако герань обдала полынной горечью — будто собрала всю силу духа своего и обрушилась на одеколонную дурноту. Так зверски надушился «господин хороший»! Аж голова с духоты зашлась.

— Запутался мужик, — заоправдывал его Палыч. — Напился до изумления.

Тени, собравшиеся в углах, выступили зловеще. Зло!.. Марушев невольно повернулся к иконе батюшки Серафима Саровского, подаренной Димитрием. В Приморье на Русском острове в монастыре в честь преподобного он полгода трудничал. Старец на иконе, сгорбленный по-

сле избиения разбойниками, сохранил несказанную благодать на лице своём. И свет от образа его рассеял подступивший мрак. Марушев прекрестился и подошёл к окну. Оно росно запотело. Росы слёзно стекали по черни окна. Комнатные цветы на подоконнике во главе с геранью, которые он звал зелёными человечками, словно потянулись к нему...

***

Летел на молнии на свой четвёртый этаж. В праздничном «параде» вышагивал в своей новенькой квартире. В своей!.. Со тщанием кроил, постилал на линолеум оргалит. Проклеивал стыки, закрайки, олифил, красил суриком, лачил. В радости, от которой до боли сладко сердцу. Так билось оно в нём!..

Пока обустроивал квартиру, дурманно пахнущую новизной, новизной жизни, — воспоминания дымились...

Вот он, семиклассник, выползает из-под сцены, сколоченной им для детдомовского новогоднего концерта. Ухряпался так, что ни разогнуться, ни подняться. Трудовик, руководитель «деревянной секции», столярного кружка, доверил эту важную стройку кружковцам. Через час разбежались чухонцы. Сам трудовик-фронтовик на протезе еле ковылял, скрипел. Пришлось Куку-Марусе, как всегда, отдуваться за всех... В стройбате плотничал, коровники, бараки, зернохранилища на целине ставили. Северный Казахстан, голая степь, промёрзлые палатки, колючий песок во все щели задувает, на зубах хрустит. Чернопогонники — архаровцы аховые. Чуть что ремень с пряжкой на кулак — и в побоище. А то и с поножовщиной. Били Куку-Марусю не раз. На спор вколотил обухом топора в толстую доску гвоздюру по самую шляпку. Схлопотал по морде. Тягаться на руках вызывали. Нынче такое состязание в спорт возвели, мудрёно прозвали: армрестлинг. Зажмёт в железном «замке» руку соперника — и клонит к столу. Опять отдубасят: такое чмо — и уложил!.. Закалка детдомовская сгодилась. Детдомва постоянно дралась. Самые забитые, чушата, «грушами» служили. На них шишкари удары отрабатывали. И Куку-Маруся вечно в синяках ходил. Терпел, не хныкал. Что поделаешь, если чушок. Воспитатели не вмешивались. Заступись за побитого, того ещё шибче поколотят. Особо доставалось после побегов. С весенним теплом отъявленные бегуны сбивали «перелётные стаи». Каждый уважающий себя чухонец хоть раз да погеройствовал в побеге. Беспризорничали до холодов. Однако сбегали и зимой — не выдерживали побоев. Круглый год бродяжек отлавливал эвакуатор Ван Ваных. Колесил на трёхколёсном «Урале» с люль-

кой по области, знал все схроны гуляк. Привозил двух-трёх пленников в проволочных наручниках. После выволочки у директора на бедолаг втихушку набрасывались те, кто раньше вернулся из побега, и даже его зачинщики. Наловчились избивать без синяков. Иногда устраивались грандиозные представления-судилища. В мужской интернат заявлялась староста женского — Лилька. С машинкой для стрижки. На стул водружали обвиняемого бегуна. И «парикмахерша» после яркой обличительной речи чекрыжила, «обнуляла» повинную головушку под ржачку и издёвки будущих кандидатов на это же «лобное» место. «Посчастливилось» и Петьке Марушеву испытать такую почесть. Настучала тогда крепко по его головёнке проклятой машинкой истязательница. Лязг, скрежет, волосёшки с корнями выдираются. Боль, звон в голове, слёзы сами собой...

Лилька была девка видная. Многие старшекласники-воздыхатели изводились по ней... И надо же было такому случиться, что хитромудрая жизнь свела Марушева с Лилькой в сожительстве. Когда он вернулся из армии, ему, как круглому сироте-детдомовцу, полагалась гостинка. Собесовцы заверили, что дом гостиничного типа скоро сдадут, а пока предложили временное жильё — комнату в бараке. Рад был и этому: свой угол, крыша над головой. «Подбодрила» и дверь барачная. Косая, на ней, как грамота почётная, — фанерка с облупившимся званием: «Барак образцового содержания». Первым делом дверь поправил. В своей комнатухе порядок навёл: шибко запущена была. Работа плотника неподалёку нашлась, на теплоцентрали. Всё чин чинарём. Последний штрих к домашнему уюту: водрузил на подоконнике герань — пролетарский цветок во вспыхнувшем кумаче. Из распахнутого окна вид с горушки на Рабочую долину. Всё в сизой дымке. Домостроительный комбинат, завод железобетонных изделий, автобаза. И теплоцентраль. Воскресенье, а состав с углем подгромыхивает к разгрузсараяу. Труба на передыхе, лишь дымок курится.

— Сколько на твоих золотых?

Аж вздрогнул. Броская краля у окна. Расклешённая юбка выше колен, джинсовая безрукавка. Короткая стрижка, фасонно изогнутые выщипанные брови. Постреливает глазками. Зазаикался:

— На... на мо... моих...

— На твоих золотых половина ржавчины! — договорила за него краля и расхохоталась. Блеснула рандолевым зубом, морщинки в уголках губ.

Пётр онемел: перед ним стояла — сама Лилька! Поблёкшая, но всё ещё с гоном, красуется...

Зазвенели тосты: за встречу, за дембель, за детдом и чухонцев, за новоселье, за... за... Пётр никак не мог поверить в происходящее, тряс головой, будто сбрасывая наваждение. Гостьюшка дорогая заливалась русалочьим смехом. И вот они уже милуются. Шуры-муры, трали-вали...

Опьянённый выпитым, жаркой ноченькой, Пётр, сам не свой, утром пошёл на работу. Любовь его, помятая, постаревшая, с присвистом похрапывала. Шесть лет назад это была девка наливная, с ресницами-мальвинами. Теперь ей двадцать четыре, а выглядела гораздо старше. Поизносилась. Но бывая привлекательность осталась: всё при ней. Будить дорогушу Пётр не стал. Уйдёт, захлопнет дверь, та сама закрывается... Всю смену сколачивал поддоны, на погрузчике «клыками» укладывал на них кубы упакованного шамота и подвозил к котельному цеху. Он считался пока подмастерьем. Младший помощник старшего плотника. Старикану до пенсии оставался месяц, и он не вылезал из столярки: выпьет и на боковую. Зазвал помощника на стопку. У него уже гостевали электрик и художник. Удивились сияющему виду Петра:

— Ты — как новый гривенник!

— Видать, зазноба появилась!

Угадали. Но на то, что она задержится у него, Марушев и не надеялся... Однако, когда вернулся с работы, за приоткрытой дверью слышался галдёж. Одёрнув гимнастёрку, вошёл в комнату. Там бурлило застолье.

— О-о, кто к нам пришёл! — картинно вскинула руку Лилька, уже иррадно выпившая. — Иди к своей кисочке, солдатик!

— Здравсте! — кивнул он гостям, соседям по бараку; к ним вчера направлялась Лилька.

Переступая с ноги на ногу, поскрипывая сапогами, Марушев чувствовал себя неловко, будто очутился на чужой пирушке. Но Лилька уже прильнула к нему и, как на свадьбе, впилась в его губы в затяжном поцелуе. Он стоял истуканом с прилипшей «невестой», а застольный хор уже блажил:

— Горько! Горько! Раз, два, три!..

На счёте восемь Марушев отцепил Лильку от себя. Хор недовольно выдохнул: «Мало!..» Не успел Пётр опомниться, как его усадили рядом с «невестой». «Молодожёны» слиплись плечиками: голубок с голубкой! Точно, как на фотке. И «свадьба» понеслась!.. Через час — уже дым коромыслом!..

Красавице, комсомолке, спортсменке после выпуска из детдома выделили однокомнатную квартиру в добротной кирпичной пятиэтажке. Жильё положено только сиротам. Среди детдомовцев круглых сирот

было не более дюжины. Остальные — при живых родителях. Оказалось, что у Лильки в умирающей деревне жили мать с отчимом. Дочь забрала стариков к себе. Но отчим якобы стал заглядывать на неё. И она ушла от греха подальше. А другое якобы: подженился к ней красавец, укротитель тигров из цирка. И так укротил неукротимую, что жилплощади лишил. В общем, осталась краса и гордость на бобах... По пьянке она путалась в самооправданиях за свою непутёвость. И Петя её всякий раз «успокаивал», что вообще-то это дело понятное, постольку поскольку оно тёмное.

Числилась Лилька в фирме услуг «Добрыня» — по мойке окон. Но после барачной «свадьбы» никуда не хаживала. Хотя при очередной пирушке возглашала:

— Наша фирма веников не вяжет, а если вяжет, то фирмово!

Пятница для неё была тяпница. Понедельник — поделомник. Но это уже для похмельного смуряги Марушева. Призывов к выпивке у неё хватало: «Погода шепчет: займи — и выпей!», «Что-то скучно стало жить — не пора ли заложить?», «Что-то ноги стали зябнуть — не пора ли нам дерябнуть?», «Что-то стало холодать — не пора ли нам поддать?», «Не послать ли нам гонца за бутылочкой винца?..» Гонцом она гнала подкаблучника Марушева. Он за полмесяца сожителства со своей ненаглядной втянулся в ежедневные застолицы. Здоровье позволяло. Приходил с работы — стол накрыт: водочка, пельмешки, винегрет. Что ещё мужику надо!.. Помимо броских призывов к питию Лилька, острая на язычок, лихо костерила правителей, называла их шайкой пугливых тушканчиков и крыла матом. Петя робко пытался вразумить её: дескать, на срамословие слетается всякая нечисть. Так говорил Дмитрий. Ни он, ни Вениамин, наглядевшись разок на «семейную идиллию», у Петра больше не появлялись. А при неизменных гостях-соседях подруга жизни при всяком «вяканьи» отшивала сожителя:

— В нашей маленькой компании кто-то сильно навонял!

А к нему уже пристала аллергия. Сопел, вдыхая «перченную» кочегарскую пыль. А дома — вино-водочное амбре, которое никогда не испарялось. Под носом «таяло». Не нос — а слизень.

— У тебя нос, — орала «супружница», — оторви да брось! Соплегон!..

— Бывает... — тянул «слизняк» и пытался шутить: — Виноват, молод, исправлюся!

— Ах, старуха я для тебя?! Да я не чета тебе, сосунок! «Исправлюся...» Беги давай, пока магазин не закрыли! Вмажем и спать ляжем!..

Мирилась «супружеская чета». К концу «медового» месяца от марушевской получки почти ничего не осталось. Тут уж Лильку потянуло на «патриотизм»:

— Ты вот, Петь, удивляешься, что это чудо, что мы с тобой сошлись. Нет, чудес не бывает! Россия — это исключение. Её, знаешь, почему Запад боится? Ещё Бисмарк, да ты его не знаешь, сказал: «Россия опасна мизерностью своих потребностей!» Вот у нас с тобой на столе — бутылка водки и хвост селедки. И это очень хорошо, что пока нам плохо! Да, мой чушоночек?

Русь велика, ядрёна вошь!
Ты хоть запейся — не пропьёшь!

Прямо из горла хлобыстнула полбутылки. Задышливо откинулась на спинку стула. Лахудрая, лицо в багровых пятнах. Дико вращая глазами, вперилась в сожителя: недельная небритость, ноздри обметало, из носа пузыри, обвислая майка-алкоголичка... С кривым прищуром, пьяно мотая головой, прошипела:

— Чуш-шок!..

Какая-то сила выбросила его из-за стола. Натянул гимнастёрку, сапоги. И погнала неведомая сила, погнала!.. Горел закат. Всё внутри горело... Бежал, как по закрайке жизни — вот-вот сорвётся! Но будто некая рука поддерживала, не давая упасть...

Старик в столярке закрылся. Не достучаться. Разгрузсарай рядом. Зарылся в уголь. В каких только очкурах не ночевали беглые детдомовцы!.. А тут улёгся в тёплый уголь, сонный...

«Генералов угольных куч», грузчиков-бомжей, почивающих в угольке, спозаранку маньячно гонял профкомовец. Вчерашний «выпускник» ЛТП отвечал за трудовую дисциплину. И на этом профкомовском фронте проявил невиданную прыть. Шуганул из угольной «берлоги» и нового плотника. Поднял хай. Подошедший Вениамин обломал ретивца:

— От винта! Заткнись! Забыл, трезвенник, как сам здесь мертвецки пьяный валялся? Папее папы хочешь быть?

В этот же день старый плотник уволился, и новый поселился в столярке. Тихо-мирно забрал свои пожитки из барака: Лилька где-то гулеванила.

Через месяц Палыч, Веня и Пикассо справляли после демонстрации на старенькой даче годовщину Октября. И тогда Димитрий предос-

тавил Беде Бедовичу нормальное жильё. Дачу. С колодцем. С печуркой, с керосиновой лампой.

Электрички бегали исправно: из окрестных сёл многие работали в городе. Иногда на выходные подышать свежим воздухом приезжали Пикассо и Веня. А дышалось здесь широко, вольно — небом. Во весь окоём польхали закаты. К сумеркам у горизонта утишались: розовые, сиреневые, канареечные, горчичные...

Осень поздняя. Угасали дачи... И вот уже в разрывах туч пахнуло предзимьем. На дороге вдали скрылась последняя машина, увозившая запозднившихся дачников. Истончились до мерцания закатные нити накаливания. Стушевались облачные полоски над горизонтом. Ветер рванул дачный сад. Охолонуло разгорячённого Палыча, присевшего на крыльце: чинил покосившийся забор. Вызвездило небо. Одинокая дорога отсвечивала от мигающих звёзд, от луны, сдвинувшей тучную завесу. Чудилось, словно кто-то внемлет этой красоте. Цветы запоздалые, увядшие, терпко пахли. Птица в кустах жимолости вспорхнула, жалобно попискивая: потеряла кого-то... Мир этот — дом Божий. «Мастаки и архимеды! Откуда из неживого — живое? Всё это откуда? — Пётр Палыч широко омахнул рукой окоём. — Вселенная?.. Космос — красота Божия, гармония. Красота цветов, закатов, природы — красота Божия. А человек?.. Дорога простирается, отсвечивает, теряется вдали... Не проникнуть в путь человека, от него сокрытый...» — словно у Димитрия позаимствовал красивые слова. Жёсткими ладонями погладил руки с взбурившимися жилами. Невесть откуда налетел некий волкопёс, шершаво лизнул руки, облобызал лицо и скрылся в ночи. Диво!.. Рассказал Палыч о ночном госте друзьям-приятелям. Веня в мистику ударился. Реинкарнация, дескать, перевоплощение: в прошлой жизни собака была человеком, близким Петру. Пикассо же скривился от таких языческих бредней.

Отсвечивала дорога, терялась вдали... Не проникнуть в путь человека, от него сокрытый... Да, расквасило дорогу жизни, противилась жизнь. И вот в ногу с ним, Марушевым, пошла. В негордом одиночестве закрыл душу свою как бы на реставрацию. Много испытаний выпало. Для чего Господь позволяет злу находиться среди людей? Зло — учит, укрепляет. Вот и Лилька... Да какое она зло! Хорохорится, а сама — слабая, несчастная. А он, мужик, бросил бедолагу. Как она там?.. Да ведь обжётся уже. Сушая крапива!.. Из-за самоугождения. Шуры-муры, трали-вали... Опять те же грабли выглядывают. В одну и ту же реку... В лужу!.. Самоугождение! Вот честное признание перед самим собой. Со-

весть, она слышит шуршание похотной мыслишки. Гнать её, похотливку, как муху!

— Артистка погорелого театра! — укрепился Марушев в решимости не думать больше о Лильке...

Одни воспоминания легли на другие. Разбередил раны ветхих лет, когда был молодой. Поворошил цветы зрелых, когда квартиру получил... Провёл ладонью по герани. Обдало скипидарным духом. В раскрытое окно полетели обрывки лоскутной памяти, одеколонная душнота, всё недоброе...

***

Отсветы восхода пламенными язычками, с высверками, скользили по окнам окружных домов. Светило слитком золота восстало над ними. Хлынула золотая лава, заполонила всё. Заплеснулась и в квартиру Петра Палыча. Весь в золоте! Богач!.. Вот начало спадать половодье света. В солнечном луче суетились золотинки-пылинки. Молодо озарённый утром, Палыч приступил к священнодействию. Сам, свежий, как май, лишь «малинка» на губе, освежил и своих зелёных человечков. Не планетян с тарелок, не вояк — комнатные цветы. Неприхотливый столетник-алой колюче топорщится. Болезная, после пересадки, маранта прижилась на новом месте, в обширном горшке, начала выздоравливать. Листья — тигрово-полосатые. Трубочки новые разворачиваются. Пикой — совсем свежий лист вострится, вот-вот развернётся. Тонко слышно фиалку. На её горшочке «метрика» — «королевское» имечко: сенполия узамбарская. А сама — скромница. В сердцевине фиолетового пятилистника — жёлтые крапинки. Звёздочки на ночном небе. Герань в яром цвету — точно в жарких углях. И запах необычайно острый, хинный даже. От всей чахлости — телесной и душевной.

Не дверь вскрикнула — чайка с детским плачем крылом чиркнула по окну. Будто звала на службу, на пост № 1. Обычно Пётр Палыч заступал на службу первым. Когда же его опережали сослуживицы, шутиливо спрашивал:

— Девоньки, вы чьих будете?

— Свои! Все свои!.. — радостно отвечали ему.

Свои... Не испытавший ни материнства, ни отцовства, ни домашнего уюта, он тянулся к ним. Безжалостней всего убивают время, а с ними, как с роднёй, — досуг полезный и душевный. В «нежном» возрасте, они простодушно делились друг с дружкой сокровенным, наболевшим. Одна узелок души развяжет, другая... И даже в их воздыханиях о хвоях слышалось безграничное терпение. Не мирок убогий, не время до-

жития — высокой жизни терпеливицы. Та же бабушка Черкасова. И Парфёновна. А Кирдябова баба Фрося? Грубоватая — но истинная, прямодушная... Для Петра Палыча — не старушатник, а стайка голубушек-сударушек. Слёт! Замешкаются его королевичны-красавишны, задержатся — неуютно без них, зябко.

— Совсем обсе... — только потребив вино, смог выговорить: — Обсериалились! Опять Маша в «Тайнах следствия» их задерживает. Со всем в дефективе погрязли!

Небо дохнуло осенней свежестью с горчинкой. Речная преснина сгустилась, набухла — хоть рукой трогай. Быть дождю! Стало накрапывать. Палыч нахлобучил капюшон ветровки. «Музыкальная» она у него. Ветер играет в её складках, шуршит. Дождик постукивает, скребётся. Закуклился плотно в куртку Палыч, надышал: тепло, уютно, будто в домике...

— Эй, Петя — Ванин брат!

Приподнял капюшон: Тужурка!

— Чего один кукуешь? Твои уже давно за пенсией умотали. А мы с Жулей уже получили. Беги скорей, а то деньги кончатся!

Протарахтела со своей коляской. И Жулька ей поддакнула, полаяла: беги, мол, дед, не опоздай! Спихватился Палыч: и впрямь, сегодня же двадцатое. Паспорт со сберкнижкой прихватил, а вот, что пенсия пришла, забыл, склеротик! Потому и место встречи поменялось. Усвистал «пенсионный фронт» в сберкассе. Только Кирдябова ждёт дома, носят ей: тяжело грузной да с астмой пыхтеть в гору поднебесную. Остальные, нетерпеливицы, побойчее, не могут целый день высидеть, ждать, когда почтальонша принесёт. Подхватился Палыч, откинул капюшон, хоть и моросило, и в побежке, на манер Тужуркиной, заспешил за пенсией. Даже сумку с ключами и недопитым вином забыл взять, оставил висеть на спинке скамьи.

Начальство вознесло здание сбербанка так же высоко, как и пенсионный фонд. Такая же крутая, тягомотная лестница, и тоже без перил. Можно и кружным путём к сбербанку добраться. Как говорится: умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт. Но так-то целых две останковки пилить...

На дороге «Лексус» застрял, цвета запёкшейся крови. Возле него возился азиат. Узбеки работали дворниками, шофёрами. Многие нелегально — на стройке. Полиция часто устраивала на них облавы. Окружала забор вокруг строящейся высотки — и нелегальные рабочие врассыпную кидались во все щели. Узбечки работали уборщицами в магазинах. Помоложе которые, посмышлёнее — кассиршами. Некоторые вы-

зываются фигуряли в хиджабах. Пётр Палыч сталкивался с такими в сберкассе: громко балакали по-своему, смеялись, не обращая внимания на замечания... Их соплеменник разжился каким-то образом, приобрёл дорогую машину. В «адидасовом» спортивном костюме он брэнчал инструментами в багажнике. При приближении Марушева захлопнул крышку и, повернувшись к нему, беспомощно развёл руками:

— Не заводится, отес, никак!

Тот пожал плечами:

— Быва-ает... — и посмотрел на сталь и бетон здания сбербанка, засверкавшего на горе в солнечных лучах после дождя.

Перехватив его взгляд, узбек встревожился:

— Пенсия спешешь? Сичас, сичас, дарагой! Я сяду машина, а ты толкай! Пажалста, отес! Она так заводится. И погнать!

Узбек сел в машину. Марушев сзади приналёг на неё, толкая. И она тотчас завелась. Водитель высунулся из неё и зазывно замахал руками:

— Садись, отес! Говорил я, завелась! И погнать!.. — нажал на газ. Достал из бардачка два мандарина. Самый большой протянул Марушеву: — Спасибо, дарагой! Держи, дарагой! — Прямо с кожурой, брызжка соком, зачавкал.

Детдомовец Марушев тоже ел мандарины целиком.

***

Спёртый земляной дух. Кисловатая прель полежалой листвы, травяной трухи. Гниющая дресва, волглость грибная. Хладность, сырость земли...

Сьютился утробно. Этот сугрев утробным комком и спасал от стужи... Не раз спасал. В какой только погибельности не пропадал! В крысиных щелях, в вонючих трущобах, в подвалах, чердаках, на трубах и в парких колодцах теплотрасс. И тут надышал тепло, зарывшись под «одеяло» палой листвы. Вкрадчивый голос что-то сладко нашёптывал, и хотелось упокоиться в ямщицком сне... Затерпла рука, неловко поджатая под живот. Вытиснулась и нащупала то ли пень трухлявый, то ли крест. Он ещё пурхался. Живой. Горький запах полыни, сродни геранному, родному, придал крепости. И почти вгрызаясь в землю, цепляясь за жёсткие полынные кусты, он выполз, выкарабкался из могилы. Вывалился. Раскинулся на спине. Будто сама герань резко дышала в лицо: «Ну, вставай!» Улыбнулся, вспомнив жестокую фразу Пикассо: «Быва-

ет, и убивает!» Детдомовцы по-блатному клятвенно рвали на себе рубахи: «Гадом буду!»

— Бывает, и не убивает! — прошептал Пётр Палыч, как бы отвечая Пикассо. — Гадом буду! Нас, чухонцев, просто так не возьмёшь! За спиной всякого чушка по несколько взрослых жизней. Живучие!

Смутное небо сквозило сквозь хворост кустов. С трудом поднялся. Тошнота. Одышка. Взмок. Шум в голове. Ветерок освежил, зашатал. Зарево!.. Нет, это от головной боли в глазах, едва не забитых землёй, так польхнуло. Толчок. Чуть не упал. Отходняк от приторно-мандариновой снотворной заразы. Да ещё изнурительный рывок из могилы.

Побрёл воспалённой тенью. Хотелось уйти далеко-далеко, чтобы себя потерять... Зрелость — время между легкомыслием и слабоумием. Немногие обретают её. А он, чушонок, Куку-Маруся, Петюнчик, господин дерево, на каком же конце этой дороги? На начальном, розовом, уже обжётся с Лилькой. Муж — объелся груш. Залетел в тартарары! Вот чем кончилось потворство самому себе. И вот теперь... Флюгер на сарае!.. А этот, Евгений (или как его там?), позарился, скурвился...

«Доброхот», подвозивший Петра Павловича до сбербанка и уготивший его мандаринкой, занимался частным извозом. И не только... Клиентам во время поездок, особенно в весёлые «датские» дни, предлагал выпить водочки-коньячку. Ну кто откажется от халявной стопочки в честь праздничка! Воздержавшихся от выпивки одаривал мандаринками. Угощения заранее щедро сдабривал клофелином. Под сильным воздействием снотворного пассажиры теряли сознание. Он забирал у них деньги, банковские карты, ценности и выбрасывал свои жертвы на заброшенном кладбище. Двое из одиннадцати пострадавших скончались. У остальных от яда из горючей смеси клофелина и алкоголя помрачались рассудок и память. Вот такого «спеца» выследил и заказал ему Марушева бывший фээсбэшник, чтобы решить свой квартирный вопрос. Не сразу решился на такое, но скурвился...

Да, с возрастом умнеют, но мало кто доживает до этого возраста. И вот он, Пётр Павлович Марушев, тоже не дожил. Стукнуло шестьдесят девять. 69. Туда-сюда. И нет здесь у него зрелости: то ли легкомыслие, то ли слабоумие. Скиталец — как в детдомовские годы. Он никто, и звать его никак. Опустевший... Чуть не вышел за порог этой жизни. А смысл? Если не выйти? Так сладко засыпáл... Господь знает! Жить надобно, если Он считает нужным, чтобы жил. И не ерундить, не копать, на закапывать себя! Худо бывало, ой как худо!.. И словно ладонь ласковая ложилась на темечко. Волна тёплая, подъёмная смывала окаменелость с души, приподнимала. Легчало. Не брошен. Не одинок. И

милела душа к родительству тихому, тайному — близкому, чуткому, заботливому. И чувствовал себя Пётр, как при отцовстве, увереннее, твёрже. И хранил эту тайну; как самое дорогое в жизни, как саму жизнь...

И вот беспутье... Могильные потёмки. Гробовая тишина. Ослеп и оглох. Почудились проблесковые искорки, вздыхания усопших... Куда идти, родные?.. Потоптался на месте. Будто все пути перепутались...

Он явился из ночи, как из чёрной стены. Даже не лизнул руку, как тот, на даче. И Пётр Палыч не погладил его. Рядом с ним был не просто обычный пёс, а какой-то иной. Не пёс приبلудный — а он, Марушев, словно приبلудился к нему. И проводник повёл его уверенно. Как будто что-то знал. И шёл не впереди, а рядом.

И твердь дорожную ощутил под ногами Пётр Палыч. И дорога, хотя и тускло, замерцала. Путь человека, от него сокрытый... Для того Господь и сделал неизвестной дорогу, чтобы человек сделал известной свою осмотрительность. Уже жизнь и смерть будто сливались в одно. И отчаялся было Марушев, обмяк, затух... Но вот, в растерзанном виде, и вроде бы упал, — но не разбился. Господь подставил руку Свою. Он любит всех, но его — больше...

На краю ночи — человечек. Чушенок с цыплячьей шеей.

— Тётъ, а тётъ, возьмите меня, а! Хоть бы погостить... — сторожил у детдомовских ворот Петя Марушев.

Приходящие в детдом благотворительницы несомненно были добры, но как-то так получалось, что Куку-Маруся ни разу не побывал ни у кого дома, в семье. Других же разбирали. Вот и таился в тени ворот, выглядывая аж на дороге добрых тётенок. Их он узнавал по печальным, добрым глазам. Просился — и в напряжённом ожидании сжимался, словно пропадал в пальто и ушанке, которые были для него чрезмерно велики. Бледное личико, просящие глазёнки — какое женское сердце не сожмётся от жалости к сиротке! Но не брали. Гадкий утёнок!..

Сугробы, шубами укутавшие голые, птичьи косточки кустов. Тротуар, выскобленный детдомовцами после метелицы. Затишье. Но мальчонка шёл с трудом, будто проваливаясь в намёты и спотыкаясь о снежные заступы. Согнувшись и подавшись вперёд, точно сопротивляясь встречному ветру. Шапка, глухо завязана на подбородке, рукав пальтишки приткнут к рукаву. Маленький арестант, конвоируемый по этапу из родного дома. Там теперь, после смерти матери, жила многодетная тётка с семьёй. Родная тётя вела его. В детдом...

Теперь же он просто шёл. В какую сторону, не знал. Не оглядываясь назад, откуда несло кладбищенской гнилостью. И мыслями не оглядываясь, почему там оказался. Но рядом шёл друг... И машина остановилась рядом. Старенький «жигулёнок». Открылась дверца. Он — звероватый, в комьях земли, в ошмётках пожухлой травы и листьев. И его, такого, хотят подвезти! А друг дорожный исчез. Защемило сердце. Как же так?! Не попрощался, словно потерял кого-то близкого, родного...

Муж с женой ехали. Из деревни. У стариков-родителей гостили, помогали по хозяйству, в огороде. Уработались. Молчали... И молчание их было для Марушева как бы пониманием, поддержкой. Из дорожного полусонного забытья он поглядывал порой на холодную чернь окна. И снова подрёмывал в полном спокойствии. Замороженность, ломота от клофелина и могильного холода начали проходить. Стали донимать вопросы... Глухая ночь. Зброшенное кладбище. Откуда же взялся этот добрый пёс? Случайность. Везёт дураку! А сколько было таких случайностей в жизни!.. Вот и «жигулёнок» случайно подоспел. Случай, как говорил Димитрий, — непознанная закономерность. Ничего нет случайного... В неясной ещё голове Марушева мысли начали сонно путаться... Однако он стряхнул полудрёму. Впереди из-за холма вырастал — родной дом! Город-миллионник — а его доставили прямо домой! Он ведь ни слова не проронил.

Сумка висела на своём месте, на спинке скамьи. С ключами и «кефиром». От недужных проблесковых искорок в голове Петра Палыча задымилось было воспоминание о кладбище, ужалила мысль о захватчиках... Но он яростно затряс головой, как бы сбрасывая налипающий пепел зла: «Нет, все жизненные якобы случайности сложились в одну, твёрдую закономерность. В жизнь!» И словно тайный голос услышался, укрепляющий эту истину.

Игорь Бёзрук

г. Иваново

ЗВОНОК В ДВЕРЬ

Услышав долгий пронзительный звонок, я открыл дверь и замер на пороге от удивления. Передо мной, сияющая и счастливая, стояла Марина. Поначалу я и слова не мог из себя выдавить. Неужели это действительно она? Нет, ущипните меня кто-нибудь — я сплю или брежу? Но, кажется, так оно и есть: передо мной Марина. Вот её светло-каштановые волосы, запоминающаяся обаятельная улыбка, несравнимый прищур глаз, от которого многие теряют голову.

— Марина, — наконец выдал я из себя, — скажи мне, что это не ты, что это мираж. Не хочу даже прикасаться к тебе.

— Зря, — продолжая улыбаться, кокетливо ответила Марина. — Ты можешь меня даже поцеловать и, как раньше, пожать руку.

Марина протянула хрупкую ладонь, которую я, как болван, лихорадочно затряс, растерявшись.

— Ну, — взяла она на себя смелость, — ты так и будешь держать меня на пороге?

— Ой, что ты, что ты, заходи. Конечно же!

Я впустил её в прихожую, а сам побежал скорее скатывать свою хостяцкую постель. Сегодня я как никогда встал позднее обычного. Вернее, Марина меня разбудила.

Я извинился за беспорядок и открыл форточку, чтобы выпустить чад длинной угарной ночи: почти до самого утра мы с друзьями писали преферанс и дули пиво.

Марина прошла в гостиную, снисходительным взглядом окинула батарею скучившихся под журнальным столиком пивных бутылок и слегка улыбнулась:

— Ты все такой же, Серегин.

Я развел руками, но она уже переключилась на книжный шкаф. Коснулась пальцем одной из книг, провела по корешкам до последней в ряду книги и остановилась у статуэтки Ники Самофракийской, скромно приютившейся на полке.

— Ты убрал мою фотографию, — произнесла она задумчиво.

В самом деле, когда-то её фото заслоняло Нику.

Я опустил голову:

— Начистоту?

Она посмотрела на меня. Я на неё. И не отвел взгляда.

— Мне хватает и воспоминаний.

Она вдруг оживилась, расправила плечи.

— Итак, какую программу ты предложишь мне сегодня?

Это была её старая фраза. Фраза, к которой я за два года наших встреч так привык.

— Программа обычная, — решил сымпровизировать я, — с утра завтракаем в «Парусе», потом едем кататься в парк на каруселях, затем — кино, после фильма — ужин в «Трех пескарях» и вечером — прогулка по городу. Ночной трамвай, как прежде, увозит тебя домой, я растворяюсь в темноте и снова жду твоего звонка на ночь.

— Неплохо. — Она довольна. Ее высокий чистый лобик больше не бороздят морщинки задумчивости. — Только в этот раз растворяюсь в темноте я, и ты не ждешь, как обычно, моего звонка.

Я не удивился: Марина всегда была непредсказуема.

— Договорились.

Я стал собираться. Принял душ, побрился, почистил зубы. Рубашку и брюки она взялась выгладить сама: «Хоть раз за тобой поухаживаю». Я не возражал.

Через час выбрались в город.

— Удивительно, как ты еще не забыла мой адрес? — сказал я, как только мы сели в троллейбус.

— А почему я должна была его забыть? — спросила она. — Мы ведь с тобой друзья.

«И то так», — подумал я, всё еще пребывая в неведении относительно причины неожиданного визита Марины.

Всю дорогу до центра мы болтали о пустяках. Я всё не решался спросить, как она сейчас живет, поинтересовался только, не вышла ли замуж.

— Еще нет, — сказала Марина, и я этим удовлетворился.

«Парус» был нашим любимым кафе. Здесь аппетитно готовили, без задержек обслуживали, крутили негромкую лирическую музыку, которая нравилась обоим. Нам не приходилось облюбовывать единственный — «наш» — столик. Это выглядело бы картинно. Мы всегда садились за свободный.

Выбор блюд оставлял желать лучшего. Да и цены с прежними стали несравнимы. Но Марине я мог сделать подарок. Для старых и добрых друзей мне никогда ничего не было жалко.

Мы заказали жаркое, несколько салатов, напитки, по граммულке коньячку — как в прежние времена.

Я нашел Марину похорошевшей. Её некоторая прежняя девичья угловатость исчезла, остроты сгладились, взгляд несколько затуманился. Мы не встречались, кажется, с полгода. Или чуть меньше.

— Чуть больше, — поправила она.

Значит, минуло целых полгода, как мы расстались. Марина тогда неожиданно чего-то испугалась. наших отношений, чувств? Я не пытался доискаться сути, принял всё, как есть. Даже не стал спрашивать, почему; не стал кусать локти, — слишком часто я терял, слишком знакомы были мне эти чувства. Надеялся до последнего, что мы с Мариной останемся друзьями. Так оно и вышло. Вот она вновь передо мной. Мы, как и раньше, сидим друг против друга, болтаем о всякой всячине и вспоминаем былое. Она не спрашивает меня о моем настоящем, я — о её. Тихо играет музыка, по кафе плывет легкий шум, звенит посуда, с улицы к нам иногда врывается мерный стук трамвая — возле кафе трамвайная линия делает крутой поворот.

После кафе побрели в парк. Там бездна народу. Почти у каждого аттракциона очередь. Пристроились к хвосту одной из них. Я пошел за мороженым. Слегка подтаявшее, оно капает, пока я его несусь.

— Осторожнее, — как и раньше, предупредил я её.

Марина улыбнулась, взяла один вафельный стаканчик и, отстранившись, начала слизывать его белоснежный наполнитель, забавно оттопырив при этом мизинец. На ней белая блузка и черная со складками гипюровая юбка. Я дал ей свой платок. Она вытерла губы.

Вот и наш черед. Мы сели в железную люльку и стали медленно подниматься. «Чертовое колесо» — её любимый аттракцион. «Обожаю на всё смотреть сверху», — говорила она раньше. Может, теперь её мнение изменилось, но, пока мы поднимаемся, она, как и прежде, восторженно смотрит вниз, иногда бросает на меня благодарный взгляд. Чему она радуется, можно только догадываться. В её глазах я всё такой же неугомонный; как и прежде, неудержимый. Расскажи сейчас, что за эти полгода меня словно подменили — не поверит. Скажи, что я стал замкнут и угрюм — наверняка рассмеется в лицо и скажет: «Не наговаривай на себя». Но время неумолимо, и душа моя застыла в том, прошедшем полугодии. Почему — я и сам не могу сказать определенно. Но вот Марина позвонила в мою дверь, и всего будто и не было: бесконечных пустых осенних вечеров, стылой зимы, щемящей от одиночества весны — ничего! Вошла — и будто только вчера расстались, только вчера ненадолго простились...

С самой верхней точки вид на самом деле обворожительный. Парк утонул в зелени, многоэтажки на горизонте казались игрушечными, люди внизу забавными. Мы любовались картиной раскинувшегося перед нами города и пестротой праздно спящих внизу крохотных фигур. Я был необыкновенно весел и говорлив. Марина тоже была в настроении: часто смеялась, игриво охала, когда наша люлька неожиданно резко вздрагивала или останавливалась, лукаво наклоняла набок головы или подтрунивала надо мной, как прежде.

Наблюдая за Мариной, я находил, что снова влюбляюсь в неё. Вернее, ловил себя на мысли, что любил её всегда: и когда встречались, и когда она ушла от меня, и когда её не было со мной. Я словно возвращался назад. Не было ни долгих шести месяцев разлуки, ни нашего нелепого прощания, ни моих банальных вопросов в пустоту: «Почему?», «Из-за чего?», «Как так?». Марина снова была здесь, со мной, я мог касаться её руки, смотреть на неё, слушать, любоваться...

В кино, как и раньше, мы сидели на одном из задних рядов. Марина нежно жалась ко мне, горячо сжимала мою руку, долго целовала. Ужинали в «Трёх пескарях», танцевали.

Поздним вечером я довёл её до трамвайной остановки на Шевченко. Прежнюю, на Свердлова, убрали. Всё-таки что-то изменилось.

Марина страстно, будто прощаясь навсегда, прижалась к моим губам, потом оторвалась и сказала:

— Я очень счастлива, что снова увидела тебя.

Ярко светящиеся окна трамвая скоро скрылись за поворотом в темноте. Я возвращался домой в полном недоумении, так и не осмелившись спросить, зачем она приезжала. Неужели это было продолжением нашего романа, возвращением прежних чувств? Хотелось верить.

Однако больше я её не увидел.

Через пару месяцев, случайно встретив нашу общую знакомую, заинтересовался судьбой Марины.

— Как! — удивилась она. — Ты ничего не знаешь?

— Ничего, — ответил я, не менее удивленный и заинтригованный.

— Она же вышла замуж!

— Давно? — спросил, пытаясь скрыть волнение в голосе.

— В июле, — сказала подруга Марины, — кажется, пятнадцатого или шестнадцатого.

Неделей позже того самого дня, как Марина позвонила в мою дверь.

Зачем?

ТЕТКА РАИСА

Она позвонила часа в три дня. Елена была в летней кухне — перемывала оставшуюся после обеда посуду. Звонок прозвенел громко и продолжительно: как обычно при междугородном сообщении. Дверь в дом была открыта: Елена решила проветрить комнаты, так как маленькие узкие форточки едва пропускали свежий воздух.

Конец мая, а можно подумать, самая середина августа. Елена уже готовила во дворе — в летней кухне, — и ели за столом под густой черешней.

Чтобы не замочил дождь, Роман обустроил над ним легкий жестяной настил в виде крыши, подпер его одной стороной на выступающий карниз фронтона летней кухни, другую сторону взгромоздил на два толстых сучковатых сосновых бревна, соскоблив с них предварительно топором кору.

Теперь иногда даже в дождь Елена, плотно укутавшись в старую залосненную, но еще не драную фуфайку, садилась за стол под навесом, ставила перед собой еще не остывшую сковороду с жареными семечками и, лузгая, смотрела на зеленый палисадник перед домом и слушала, как барабанят увесистые частые капли по металлу, как, зависнув на мгновение на листьях и ветвях, срываются быстро вниз и исчезают в густом крыжовнике.

Дурное предчувствие сегодня Елену не посещало. Ночь спала спокойно, привычно поднялась под утро, возилась в потемках, собираясь на двор кормить скотину. Снов не помнила. Возможно, они и не снились ей.

К телефону подошла без волнения. Правда, с небольшой задержкой: пока вытерла руки, пока сняла перед входом в дом черные от грязи калоши. Аппарат всё это время не умолкал. Кто-то был очень настойчив.

Елена подняла трубку и после небольшого перелива мелодии услышала: «Это 57-2-12? Говорите!» И вслед за этим: «Лена? Это я, Рая!» — как всегда отчетливо, с уверенностью в голосе.

Елена сначала ничего не ответила, потом только сказала: «Да». Всякий раз «да», слушая.

Подобный звонок повторялся ежегодно. Поначалу один раз. Всего один. Потом чаще, но не больше двух. Вслед за ним, буквально на следующий день, появлялась сама тетка Раиса.

В этом году ей исполнилось пятьдесят пять. Её с почестями отправили на заслуженный отдых. «Здыхались», — как сказала Надежда, старшая дочь Елены.

Еще в прошлый приезд, когда были живы её близкие родственники здесь, в деревне, она настояла на том, чтобы её звали не иначе как Раиса Павловна (не Рая, не Раиса, и даже не Павловна, а только так, в сочетании: Раиса Павловна). Елене было всё равно, хоть Раиса годков на двенадцать моложе; но Елена, во-первых, кровь от крови женщина деревенская, а во-вторых, совершенно непритязательная. Раиса Павловна, так Раиса Павловна. Сошлись на том. Делить им нечего: как ни крути, они с ней разного поля ягоды.

Надежда за глаза кликала Раису Павловну теткой Раисой. Стали промеж себя так называть её и все остальные: Елена, Роман и маленький Славик, сын Надежды.

Тетка Раиса приходилась Елене дальней родственницей: то ли троюродной, то ли четвероюродной племянницей. По крайней мере, еще в Великую Отечественную дома всех Зарубиных в деревне теснились на одной улице. Зарубиной была Елена, из Зарубиных ответвилась и тетка Раиса.

Лет пятнадцати, в суровые послевоенные, молодая Раиса на дребезжащей полуторке, с небольшим коричневым чемоданчиком подалась в Харьков на учебу и года через три осела там, встретив чубатого Радика, недалекого и мягкого бухгалтера, которым она будет понукать всю жизнь, но так и не поймет, из какого теста тот слеплен.

В Харькове она вскоре приобрела профессию по тем временам достаточно уважаемую и непьющую: бухгалтера одного из небольших предприятий. Само учреждение находилось в пяти минутах ходьбы от дома, где ютились Борщенковы — тихие харьковские евреи в третьем поколении со странной, невесть как приобретенной фамилией: не то от слова «борщ», не то от борзых щенков.

Раиса оставила фамилию Зарубиных за собой. Перечить никто не стал. Впрочем, тогда она еще была паинькой. Это впоследствии свела со свету свекровь, Евгению Йосифовну, и отправила в дом престарелых тестя, Адама Федоровича. Радик жену обожал. Что нашло на этого нежного, тонкого юношу с большими, будто накрашенными ресницами, — сам не ведал. То ли Раиса — в те времена худенькая, хрупкая девушка — так приглянулась ему («будто приворожила»), то ли Радик просто хотел сделать что-нибудь наперекор доморощенным, отсталым — на его взгляд — родителям, — но факт остается фактом: Раиса вошла в их семью и вскоре — незаметно для других — стала полноправ-

ной владелицей трехкомнатной квартиры на Павловом поле, гаража и машины, которую Адам Федорович получил еще в войну за какие-то там заслуги в области оборонной промышленности.

Злые языки сказывали, что Раиса, уехав в Харьков, даже домой перестала писать, но Елена в это не верила: Зарубины всегда уважительно относились к старшим. Тем не менее, первый раз после своего отъезда Раиса приехала в родную деревню лет через пять, когда неожиданно заболел и скончался её отец, а вслед за ним, немного пережив его, и мать, сердобольная старушка, до последнего истово верящая в Бога и разрывающаяся между любовью к нему и своему мужу, рьяному безбожнику — «атеисту», как он сам выражался, — прощелыге последнего пошиба Степану Зарубину.

Дом вскоре продали. Зарубинская ветвь осиротела, девки повыходили замуж, поменяли фамилии, и теперь, как знак семьи, только у Раисы осталась зарубинская метка и то лишь из чистой случайности (а может, привередливости, что Зарубины — звучно, а Борщенко — ни то ни сё).

Похоронили последних Зарубиных на деревенском погосте, в кругу ушедших ранее родственников. Крест, крест, холм, холм. Присматривать за ними Раиса попросила Елену: она её ближе знала, их дома соседски жались друг к другу.

«Если что, у тебя и останавливаться буду», — еще тогда сказала. Елена не противилась: раз при живых родителях не появлялась, при покойных наверняка и дорогу забудет. Так оно вроде и получилось. Еще лет двадцать тетка Раиса не объявлялась, но вот подросла Надежда, тоже потянулась в Харьков, Елена дала ей адресок Раисы.

Та, надо отдать ей должное, помогла: с помощью своих или Радика связей устроила Надежду в техникум и даже (скорее всего, из чисто новоприобретенного показного приличия) предложила ей остановиться у себя. Но Надежда предпочитала неограниченную свободу и потому, недолго думая, поселилась в общежитии, избежав тем самым нежелательной опеки со стороны дальней родственницы.

Тетка Раиса ненаигранно обиделась и долго потом жаловалась в письмах к Елене на черную неблагодарность Надежды.

После этого начались и регулярные наезды тетки Раисы в деревню. Раз в год-два она появлялась теперь обязательно. Останавливалась, как было условлено, в доме Елены.

— Здесь столько воздуха, столько света! — восторгалась она. — Как вы можете тут жить и не замечать всего этого!

— Так и живем, — отвечала по-простому Елена. Для неё это была обыденная, а не праздная атмосфера.

Приезжала тетка Раиса неожиданно. Подгадывала под автобус из Лозовой в деревню и успевала на него обычно в пять вечера в пятницу, если отпрашивалась на работе, или в субботу к восьми утра.

Когда в деревне провели телефонную связь, стала предварительно звонить. И чем старше, тем чаще, настойчивее. Поначалу, «чтоб не забыли». Спешила поздравить с каким-нибудь праздником. Было приятно: помнит про нас тетя Рая, не забывает. Заканчивала разговор беспардонным «смотрите, приеду, как обычно», — неизменно, к какому бы торжеству ни был приурочен звонок.

Из приличия Елена не могла отказать ей ни в чем. Поэтому, когда приезжала тетка Раиса, жизнь в доме Елены начинала течь по новому руслу.

Прежде всего, тетка Раиса ставила на крыльцо две свои небольшие сумки и говорила:

— Славик, принеси-ка Раисе Павловне ее тапочки! (Они хранились в нижнем ящике комода.)

Затем:

— Леночка, тут я привезла немного колбаски и голландского сыру, но пока ничего не отрезай: колбасу нарежем к ужину, сыр под утро, к чаю.

После этого она несла свои сумки в спальню Елены, переодевалась в теплый стеганный халат, накидывала сверху на плечи легкую курточку и выходила на крыльцо к ожидавшей её терпеливо Елене. Спрашивала:

— Ну, как вы тут без меня? — и углублялась во двор, чтобы заглянуть в каждую кроличью клетку, взглянуть на каждый куриный насест, осмотреть каждый закоулок в хлеву, где грустная бурая телка Матрена тупо перемалывала прелое сено и неподалеку в жиге дерьма, выпростав изгаженные конечности, сладко посапывала Аксинья — крупная полюбившаяся всем свиноматка. При этом всякий раз тетка Раиса интересовалась, сколько появилось в этом году крольчат, как часто они мрут, хватает ли семейству Елены куриных яиц, продает ли она молоко и т.д. и т.п., неизменно, с присущей ей бухгалтерской педантичностью.

Елена всегда смиренно и точно, без утайки, отвечала на все вопросы, никогда не задумываясь, для чего нужна Раисе эта бухгалтерия. Тем не менее, только когда была пересчитана вся живность, пересмотрены все грядки, амбары и сусеки, выяснены все агрономические мероприятия, тетка Раиса устало дакала таким протяжно-задумчивым (себе

на уме) «да-а-а!» и шла в летнюю кухню, словно совсем позабыв о Елене, семенившей сзади.

В кухне тетка Раиса садилась на табурет, тяжело вздыхала, держась за сердце, и после получаса излияний о плохой жизни в городе и собственном никудышном здоровье, просила Елену приготовить что-нибудь «деревенское»: побольше вареной картошки, жареных яиц, свежий аппетитный борщ.

— Я так соскучилась по деревенской пище, — говорила, уплетая сочный соленый огурец, который обнаружила в тарелке на столе во время разговора.

Роман, муж Елены, появлялся часов в двенадцать. Хотя по возрасту и выслуге лет он давно вышел на пенсию, продолжал работать кладовщиком в колхозной мех. мастерской.

Обычно о приезде тетки Раисы он узнавал последним. Тратя на обед обычно часа полтора-два, с неспешным застольем и недолгим сном, в дни появления тетки Раисы Роман срывался с обеда пораньше, а возвратившись с работы, тут же подхватывал удочки, клал в карман шмат-другой сала, ломоть хлеба и дотемна отсиживался на деревенском пруду — так претила ему тетка Раиса своими нудными разговорами и увещеваниями.

При тетке Раисе и вечерний просмотр телепередач превращался в каторгу. Смотрели лишь то, что приглянулось гостье. Если какая-либо передача не нравилась, она слащаво посылала маленького Славика, внука Елены и Романа, «поклацать». А когда раз строптивый Славик грубо ответил ей: «Клацайте сами!», тетка Раиса тут же всем присутствующим домохозяевам с надрывом в голосе и неприкрытым возмущением поведала о том, что может случиться, если Славик в свои семь лет так будет капризничать и не слушать старших, и добавила, как добавляла непременно во всех подобных ситуациях историю её примерного малыша, которого она воспитала чуть ли не паинькой: послушным и благородным юношей.

В пятый раз Надежда эту историю слушать не желала, выходила во двор, закуривала сигарету и сплевывала в сторону, вспоминая, как этот паинька без стыда и совести всякий раз, как она появлялась у тетки Раисы, пытался залезть своей похотливой волосатой рукой ей под юбку и ущипнуть. Сейчас ему тридцать шесть.

Погостив день-другой и доев, в конце концов, свою скалку сухой колбасы (кусочек, впрочем, она всегда отрезала Славике, умильно улыбаясь) и голландский сыр, тетка Раиса набивала обе свои немалые сумки продуктами, как то: картофелем, репчатым луком, свеклой, мор-

ковкой и т.п. («На зарплату всего не купишь, а у вас вон сколько!..») — и довольная, высоко поднимая ноги, взбиралась на ступени «Лаза», бросала такое же вечное, как и все её слова: «И всё-таки, как я устала, Лена» — и потом только скрывалась в салоне.

Прошлым летом привезла внука — настоящего бутуза, сына того самого «её паиньки». По-простому, без обиняков сказала:

— Что там город. У вас он и отдохнет, и покушает, — природа!

Звали бутуза Володенькой. Было ему девять, и был он чрезвычайно упитан (в маму), хитер и вороват. Первым делом егоза Володенька просмотрел все ящики в столах, комоды и шкафу (Надежда застала его за этим занятием и задала трепку), потом стал задира́ть домашних котов (чего не позволял себе даже Славка, хотя и гонял чужих), пошлить кур, из-за угла метать из рогатки в жившую по соседству бабу Дусю. В конечном счете, сам Славка, хотя и был гораздо меньше Володеньки, его хорошенько помял, оттузил, и Володенька вынужден был пожаловаться тетке Раисе по телефону и укатить в свой асфальтный Харьков на бабушкины скромные харчи.

Говорят, что смерть соединяет хорошего и плохого, обидчика и обиженного, униженного и унижающего. Уж где-где, а на кладбище, среди сотен молчаливых свидетелей жизни и смерти, важность и надменность тетки Раисы, казалось, должна отступить; даже если не отступить, то умериться хоть на время, но и здесь тетка Раиса оставалась верной сама себе.

Увидев поросшую бурьяном могилу отца и матери, накинута́сь на Елену:

— Как тебе не стыдно, я же тебе поручила присматривать. У тебя что, не нашлось минуты почистить всё вокруг?!

Елена извинилась. Извинилась и побожилась, что больше никогда это не повторится и, как было условлено, она будет приглядывать за могилами родственников тетки Раисы так же, как за могилами своих родных.

— Больше всего не терплю, — говорила тетка Раиса, покидая кладбище, — когда человек нарушает данное кому-то слово!

— Я хотела бы умереть здесь! — вырвалось у неё однажды. — Чувствую, что умирать должна здесь. Знаешь, какие неблагодарные эти Борщенковы. Вот и Милечка (тот самый паинька) вырос, и нет ему до меня дела. И Радик отвернулся. Они никогда меня не уважали, никогда не любили! Я для них чужая, Лена, чужая, веришь ли?

Елена ничего не отвечала.

— А вот ты, Леночка, сама доброта. Что-то святое. Думаешь, я не вижу, как ты бьешься, что рыба об лед, чтобы угодить ближним. А они тебя ценят? Вот я тебя понимаю. И ты, вижу, понимаешь мою тревогу. Я ведь чужая там. И всегда была для них чужой! Эти душные, забытые людьми улочки, эти гудящие от тысячи автомобилей мостовые, — как я устала от всего! Бывало, проснусь ночью, под утро. Еще темно, даже луна за окном что одинокий застывший фонарь. Снаружи доносятся редкие завывания троллейбусов, и кажется мне, когда закрою глаза, что это я еду на вокзал от всего насиженного, от всего надоевшего за долгие годы, еду к себе, домой. К тебе домой, ты же не прогонишь меня? Леночка, ты же не сможешь меня прогнать: мы же родня-родней, мы ведь одного корня. И поэтому, наверное, так хочется умереть здесь, в этом доме, в этой комнате — это будет последний уголок, где я должна остановиться, где, я знаю, мне будет уютно и легко помирать.

Это было последнее связное, что сказала тетка Раиса перед своим отъездом в прошлом году. Елене было шестьдесят три, тетке Раисе пятьдесят с довеском.

Елена жила степенно, редко когда задумываясь о смерти. Разве когда кто-либо из деревенских внезапно или после долгой болезни уходил на покой.

Тетка Раиса, здоровая — ни намек на недуг, — только и говорила что о смерти. К тому же, выйдя на пенсию и заимев право на бесплатный проезд в автобусах и электричках, стала наведываться к Елене раза по три-четыре на год. Снова обшаривала закрома, набивала полные сумки продуктами («Боже, как я всё это дотащу!»), говорила о смерти и о том, что ей следует умирать непременно здесь, на родине, в доме Елены...

— Да, Раис Павловна, — только и повторяла в трубку Елена. — Хорошо, приезжайте. Да, картошка есть. Сливочное масло? Купите, мы деньги вернем. Бывайте здоровы. Привет всем. Нет, ждем, приезжайте, не стесняйтесь, места хватит. — Как всегда.

В обед о предстоящем визите тетки Раисы Елена сказала Роману. Он выругался и пошел остервенело рубить свиньям тыкву.

Надежда сразу же собралась к подруге в райцентр:

— Ты же знаешь, мама, я её терпеть не могу.

Елена снова осталась одна. Завтра приезжает тетка Раиса.

КЛОУН

Еще накануне вечером Роман понял, как он невыносимо устал и как ему всё до чертиков надоело.

Он смутно догадывался о причине своей усталости и раздражения. Вчера вместе с несколькими молодыми девчонками из фирмы, в которой он теперь работал, торговали на выезде. Их возил на своей «ауди» директор. В одном из районов проводился региональный фестиваль частушечников, проходил прямо на свежем воздухе, и предприимчивый директор решил, что при таком скоплении народа можно заработать приличные деньги.

Он владел несколькими магазинами по продаже детских игрушек в областном центре, частенько устраивал подобные выезды, и Роман за три недели работы у него выезжал на подобные массовые мероприятия раза четыре.

Обычно, отправляясь в дорогу, Роман вставал часа в четыре утра, и на Горького директор подбирал его. В такие дни работали на износ, до самых сумерек. От импровизированного прилавка — раскладного алюминиевого столика — ни отойти, ни отлучиться. Даже чтобы справиться нужду, Роман вынужден был просить ближайших лоточников приглядеть за его товаром. И весь день впроголодь, на солнце, с непокрытой головой. К ночи, изможденный донельзя, возвращался в съемную квартиру, кое-как умывался и как убитый валялся на постель, ведь на другой день ровно в девять он обязан был стоять с игрушками на небольшом пятачке возле Пассажа.

Но не эта трехнедельная усталость вывела из себя. Такое можно пережить: отоспаться на выходные, расслабиться; в конце концов, съездить домой в райцентр, повидать родных. Раздражало унижение, испытанное Романом на фестивале. Оно до сих пор жгло душу.

Первоначально это была его идея. Человек богатой фантазии, Роман и тут не удержался — придумал своему новому делу творческий характер.

— Я буду больше привлекать внимание, — поделился он с директором, — если оденусь во что-нибудь яркое, броское. Мы же продаем детские игрушки, поэтому и выглядеть должны так, чтобы не только заманить детей, но и создать им соответствующее настроение.

Директор, вальяжно развалившись в высоком кожаном кресле, подтачивал маникюрной пилочкой широкие розовые ногти и совсем, казалось, не воспринимал ни мыслей, ни энтузиазма Романа. И даже после

того как Роман расписал задумку в самых сочных красках, глянул ничего не выражающим взглядом и безразлично произнес:

— Дерзай.

Роман с воодушевлением взялся за дело. В свободное от работы время на деньги, которые ему из своего тугого кожаного кошелька небрежно кинул директор, он закупил нужного материала, а в субботу, не поехав домой, почти полдня убил на то, чтобы заказать в ателье карнавальный костюм клоуна, точь-в-точь похожий на тот, в который была одета одна из его игрушек: атласный комбинезон с алой левой половиной и лимонной правой. Причем к лимонной половинке груди притачивался алый рукав и наоборот: к алой половинке — лимонный. Таким же лимонно-алым был и конусный шутовской колпак, заканчивающийся на макушке бархатным ярко-красным помпоном.

Костюм должен был быть готов в четверг. В пятницу с утра они выезжали.

Однако, приехав на место и одевшись в новый костюм, Роман пожалел, что предложил подобную идею. На фестивале оказалось много его давних приятелей и прежних коллег, хорошо помнивших «массовика и затейника» Лужского районного Дворца культуры, неоднократного лауреата многих областных и региональных смотров, одного из лучших в прошлом конферансье Романа Осокина.

Теперь это был только клоун, смущенный клоун, клоун раздраженный, не вызывающий у людей того чувства, которое он должен был вызывать искрометной улыбкой, заразительным весельем, бодростью. И если еще в начале дня Роман пытался из себя что-то такое задорное изображать, то к обеду запал его исчез полностью, и вместо того, чтобы привлекать покупателей, он их просто-напросто отваживал, бурча недовольное: «Не нравится, не берите. Не такое, не ешьте». Само собой разумеется, и предполагаемой выручки он не сделал и тем только вывел из себя директора, припомнившего ему перед отъездом и стоимость ткани, и услуги ателье.

— До завтра, — приглушенно сказал Роман, выбираясь из директорской машины у своего дома.

— До завтра, — не посмотрев на него, ответил директор.

Роман, как потерянный, побрел домой, оставляя позади густой рокот уносящейся в темноту «ауди». На душе кошки скребли.

Роман завернул в соседний бар, откуда тихо лились тягучие звуки блюза. Несмотря на час ночи, тот еще работал. Роман выклянул у бармена поллитровку «Лимонной» и, не задерживаясь, побрел к себе.

В квартире, не раздеваясь, откупорил бутылку и хлебнул прямо из горлышка. Еще раз попытался определить причину своего подавленно-го состояния. Нет, его вывело из себя вовсе не переодевание. Во-первых, это была его идея, во-вторых, ему было не впервой изображать кого-нибудь. Прежде на Новый год он наряжался в костюм Деда Мороза; в любительских спектаклях и постановках Дворца культуры играл и Бабу Ягу, и Кощея Бессмертного, даже Кикимору. Шутовские действия на Масленицу или на Рождество прельщали своим весельем и раздольем. Такое же ощущение праздника должно было привлечь к его товару и покупателя. Кто так просто пройдет мимо красочного клоуна, чей колоритный костюм виднеется не за один десяток метров?

Вывел из себя неприятный случай, произошедший на ярмарке утром. Директор тогда встретил старых друзей, предпринимателей из того же райцентра, в котором жил Роман. Бахвалясь успехами, кивал в сторону лотка Романа и все время широко улыбался, словно насмехаясь, как показалось Роману, над ним. Как же, всем в прошлом известный работник культуры теперь выступает за прилавком! Разве не забавно? Унизительно! Роману стало не по себе. Какая тут торговля... Хотя он мог и ошибиться. Было бы лучше, если бы он ошибся. Могли ведь смеяться вовсе не над ним. Директор мог рассказать им какой-нибудь уморительный анекдот или вспомнить забавное происшествие из собственной биографии. Но эти предположения оказались совершенно неверными, так как, когда оба приятеля вместе с директором неторопливо приблизились к Роману, один из них, бегло окинув взглядом небольшой прилавок, с ядовитой ухмылкой произнес:

— Ну, здравствуй, клоун. Всё лицедействуешь?

Это был явный намек. Неприкрытый, циничный намек на его, Романа, прошлое. Прошлые последних неудачных месяцев, в которых было всё: и слезы жены, и жалобные глаза дочери, и презрение к себе, и каждодневная безысходность. Приехав в область и через знакомых получив работу, Роман надеялся, что всё это навсегда забудется, что теперь, несмотря ни на что, он заживет совсем другой, новой жизнью, и снова теплым солнышком засияют ласковые глаза дочери, и высохнут горькие слезы любимой супруги. Но прошлое, как видно, не оставляет тебя никогда. Оно только притаивается на срок в тайнике времени, чтобы потом в неподходящий (а зачастую и самый безнадежный) час неожиданно появиться во всем своем ужасающем облике.

Приятель расхохотался. Засмеялся и директор. Потом, видя, как вспыхнул Роман, снисходительно похлопал его по плечу и сказал:

— Ладно, ладно, не обращай на них внимания, они просто шутят. Работай дальше, еще так мало продано.

Сказал и увлек своих приятелей к летнему кафе:

— Надо выпить за встречу. А Романа мне не обижайте, у него сегодня и так тяжелый день.

Сказал и снова рассмеялся, чем только выдал себя, весь свой сарказм и презрение к нему.

Такого унижения Роман перенести не смог. Смотрел вокруг рассеянно, воспринимал окружающее мучительно, с трудом понимал, что он делает тут в этом шутовском наряде, в идиотском колпаке. Гаер! Настоящий гаер! Посмешище! Клоун! Вырядился, как Петрушка! Это было непереносимо. Как доработал до конца, сам не знает. Мог бы обратиться всё в шутку, ответить с юмором или подначкой, как раньше это делал, прославь бойким на язык и находчивым на хохмы, но что-то остро кольнуло в самое сердце, и рана эта никак не хотела заживать. Ему просто указали на место. Дали понять, что он как был для них, хозяев жизни, пылью под ногами, так пылью и остался.

Ночью в гостинице он, само собой, набрался. Что же — почти целый день не ел, устал, да и закуски кот наплакал: какая-то подсохшая краюха черного хлеба да пара кругляшей полукопченной обветренной колбасы.

Утром встал с чумной головой, но, знал, не от тяжелого похмелья. От мучительной боли, которая не отпускала всю ночь. Всю ночь он почти не спал и только думал. И думы эти были полны беспросветности и мрака, горечи и обиды за свою безалаберную жизнь, за талант, так и не проявившийся во всей своей силе, а ставший только причиной издевок над ним и презрения.

Всю жизнь, ощущая в себе искру Божью, Роман считал, что она выведет его на свет, сделает человеком, поможет стать счастливым. Но чем ярче проявлялся его талант, тем чаще он замечал, наоборот, завистливое отношение к себе, откровенное неприятие, черные интриги и неприкрытую радость в глазах недоброжелателей при его малейшей оплошности. Они торжествовали, когда он оступался, ликовали, когда падал; они раздражались, когда ему в очередной раз удавалось подняться с колен и снова искрометно блистать. Но сегодня, видно, его окончательно выбили из седла. После такой душевной травмы вряд ли кто оправится.

Роман поднялся с постели, даже не понимая, что надо делать, куда идти, зачем? Какой смысл в подобном ущербном существовании? Чем он сейчас занимается? Работает? Зарабатывает деньги для семьи ценой

собственного унижения? Разве это стоит того? Но, может, так оно и должно быть: презрев болезненную гордость и тщеславие, к черту откинув собственное жалкое достоинство, продолжать заниматься тем, к чему у тебя не лежит душа только ради того, чтобы осчастливить близких? Но станут ли они от этого счастливы? Станут ли счастливы от того, что он, высохший, бездушный призрак, будет приносить в дом добытые подобным унижением деньги? Или их интересуют только деньги? Деньги, а не он, их муж, отец. Че-ло-век, а не добытчик!..

У Романа голова шла кругом. Вдобавок ко всему с утра хмурилось. К дождю?

Роман машинально собрался, взял сумку с клоунским костюмом, доехал до работы, вошел в магазин. Он чувствовал, что непременно должен что-то сказать директору, что-то выплеснуть изнутри грязное, очиститься. Как он устал от этой грязи, от этой нелепости и бессмысленности мира! Где-то глубоко внутри, на уровне подсознания, он понимал, что только своей жизнью человек может придать смысл бессмысленности мира. Но как совершить этот гигантский труд, чтобы не рухнуть под тяжестью всего того темного, что существует вокруг? Роман не знал, но чувствовал, что тяжесть эта с каждым днем все больше и больше пригибает его к земле, все упорнее и упорнее тянет вниз, в пропасть ада, в беспросветность и вечный мрак. Сказать об этом директору, поймет ли? Да и сможет ли Роман словами доходчиво объяснить то, что сам только смутно чувствует где-то там, глубоко, внутри разгоряченного сердца?

Но он непременно должен что-то сказать! Высказать! Потому что просто не сможет так дальше жить, нормально работать, реально воспринимать мир, принимать его так же, как принимал до сих пор со всеми нелепостями и несовершенством. И высказаться он должен именно директору, ведь вчера Роман уловил в его глазах тот злорадный смех, который перевернул всю душу. Быть может, директор знает что-то такое, что остается для Романа загадкой и позволяет тому существовать в полной гармонии с миром и самим собой? Что это за загадка?

Роман жестом показал одной из продавщиц в сторону кабинета директора:

— У себя? — хотя видел, что на углу магазина директорской машины нет.

— Еще не было, — ответила продавщица и спросила: — А ты что, сегодня не работаешь, выходной после вчерашнего?

— Нет, почему? Работаю. Просто хотел с ним переговорить...

Роман прошел в подсобку, где хранились его вещи, переоделся в клоунский костюм и вернулся обратно в помещение магазина.

— Еще нет? — опять спросил девушку, хотя не прошло, кажется, и десяти минут.

— Нет, — сказала она и в свою очередь спросила: — Игрушки тебе собрать?

— Да, собери, пожалуйста, я пока установлю лоток.

Роман как можно дольше тянул время. Он очень надеялся, что в магазин вот-вот зайдет директор и ему не надо будет ничего начинать сначала. Роман выскажет ему всё, и всё в один миг закончится. Но директора так и не было. Тот, скорее всего, отсыпался после прошедшего дня. Роман, в принципе, и сам мог не выходить сегодня: они работали вчера почти целый день и вернулись поздно. И если бы не это, выворачивающее всё наружу, душевное состояние, так бы и сделал. Но в таком состоянии он не высидел бы в четырех стенах и часа. Это бы убило его. Лучше чем-нибудь заняться, в чем-нибудь забыться. А работа не лучшее ли средство от навязчивости черных всепожирающих мыслей?

Роман вынес на улицу раскладной лоток, установил его, как обычно, в сторонке на пяточке, в двух шагах от остановки. Он торговал здесь в невыездные дни, место выбрал сам, оно показалось ему самым удобным для торговли: рядом остановка, народ толпою снует мимо, к центру. Как никто раньше не обращал на него внимания? Одна бледная мороженщица с тележкой.

Директор в первый раз похвалил его за находчивость. Но разве для простой сообразительности нужен особый дар? Обыкновенная житейская смекалка.

Роман вернулся в магазин за ящиком с игрушками. Продавщица уже приготовила его и заполнила накладную. Роман поблагодарил за помощь и расписался в другой накладной, что товар получил.

Директора всё не было. Роман разложил игрушки на прилавке, но отвлечься никак не мог: внутри всё горело. Он продал несколько игрушек, солнце поднялось, а директор так и не появился.

Когда Роман стоял у лотка, чувствовал, как раздражение подкатывает к горлу. Оно будто собиралось в комок, сгущалось, грозя в любую минуту взорваться. Невероятных усилий требовалось ему, чтобы сдерживать в себе этот взрыв.

Но вот, наконец, черная, как вороново крыло, «ауди» с тыльной стороны подкатила к магазину. Роман заметил её сразу: их разделяло метров шестьдесят. Директор грузно выбрался из своего автомобиля, слегка хлопнул передней дверцей, щелкнул дистанционкой сигнализа-

ции, но не направился первым делом, как обычно, к нему, а пошел к себе. Разве не видел Романа? Сто процентов, видел: его костюм и не захочешь увидишь. Не счит нужным?

Роман попросил мороженщицу присмотреть на несколько минут за товаром. Та слегка кивнула головой: ей было не впервой помогать соседу. Роман поспешил в магазин. Директор разговаривал со старшим продавцом. Роман заглянул. Директор рывкнул, чтобы он подождал. Скверное настроение? Роман беспокойно затоптался в подсобке. Потом закурил у заднего выхода, но волнение так и не прошло. Поразительно, что еще час назад десятки нужных фраз безудержно рвались изо рта, а сейчас Роман не мог связать и двух слов. Только жжение в груди и раскаленная лава обиды, которую невозможно ничем сдержать. Он вновь сунулся в кабинет, прервав разговор директора со старшим продавцом.

— Тебе чего? — взбеленился директор. — Разве не видишь, что я занят. Иди работай!

Но Роман, несмотря на директорский крик, решительно переступил порог. Он уже плохо контролировал себя. Возмущение достигло в нем точки кипения. Роман бессознательно двигался к столу директора, не поднимая на него глаз, лихорадочно шаря ими по полу и бормоча упорно: «Мне надо с вами поговорить, надо поговорить».

— Пошел вон, быдло! — отчеканил грозно директор, видя, что Роман и не собирается уходить.

На эти слова Роман только улыбнулся страшно и с вызовом вперился в директора.

— А вот тут вы не правы. Я вовсе не быдло. Для вас, может быть, все и быдло. Но я...

— Быдло! Самое настоящее быдло! — настаивал на своем директор, подорвавшись со стула.

Старшая продавщица испуганно выскользнула за дверь.

— Мало того, ты не только быдло, — продолжал директор, не отрывая своих глаз от глаз Романа. — Ты еще и пьянь подзаборная. Чем кичишься? Своим даром? Талантом? Так у тебя его давно нет, весь пропил. Не за это ли тебя турнули из ДК? Не за это? А? Чего молчишь? Онемел?

Роман не отводил взгляда. Разящая правда слов переплавляла его возмущение в гнев.

— И ты еще осмеливаешься что-то вякать, скотина! Скажи лучше спасибо, что я дал тебе работу, что кормлю тебя и твоих отморозков. Иди, работай! А не нравится — на все четыре стороны, гнить дальше в помойной яме. Ты большего не достоин!

Роман почувствовал, как его охватывает дрожь.

— Да, может, я и пьянь, может, и пропил всё, и турнули меня, может быть, правильно, но я не дрянь, я не быдло. Не надо меня, пожалуйста, оскорблять.

— Переживешь, — выпрямился, поправляя пиджак и галстук, директор. — Проглотишь. — Он стал успокаиваться, чувствуя себя на высоте: он всё-таки добил скотину. Их всех надо ставить на место. Учить, как жить по-новому.

Директор взял со стола сигарету, закурил, пока Роман переваривал его слова.

— Понимаешь, Рома, — уже снисходительно произнес он, опершись о стол задом. — Есть новый мир, есть вещи в нем, с которыми нужно просто смириться. Смириться с тем, что ты со своим талантом в дерьме, а мы, бесталанные, на волне жизни. Мы делаем деньги, и на эти деньги можем купить тысячи таких талантов, как ты, которые в конце концов будут снова работать на нас и снова приносить нам деньги. Это реальность. Её нужно только принять. Тебе ясно? — снова посмотрел на него в упор директор.

— Но это не честно, — промямлил, ничего больше не воспринимая, Роман. — Это несправедливо.

— А, брось. Какое «честно», какое «справедливо». О чем ты? Я дал тебе работу. Честно? Ты должен мне принести доход. Справедливо? И честно, и справедливо. Поэтому иди и работай. А нет — гуляй. Ты волен, как птица! Свобода выбора — вот преимущество нашей эпохи! — ехидно засмеялся директор. — Пошел вон, скотина, — совсем хладнокровно закончил он.

— Нет, — все бормотал Роман, — нет, так нечестно, несправедливо!

— Пошел вон! — не сводя с Романа глаз, директор выпустил в его лицо струйку дыма. Это стало последней каплей, переполнившей чашу гнева. Не соображая как, Роман схватил со стола директора массивную бронзовую пепельницу со львом и со всего маху огрел его по голове. Тот от неожиданности не успел даже прикрыться и как подкошенный рухнул на пол. Сколько еще раз саданул директора Роман, он не помнил. Даже брызнувшая на клоунский костюм алая кровь не остановила. Всё прекратилось как-то само собой. Роман спокойно переступил через неподвижное тело директора, отбросил в сторону пепельницу и, как сомнамбула, пошел обратно, на улицу. Он должен был доработать. Показалось, что этот день будет самым удачным в плане выручки. Роману сегодня непременно повезет, и процент его прибыли будет гораздо

больше, чем в другие дни. На вырученные деньги он купит жене и дочке подарки, уйдет с ненавистой работы, само собой разумеется, бросит пить (или закодируется), и они заживут очень счастливо. Не может же талант даваться человеку понапрасну. Это свыше. Это от Бога.

Игорь Отчик

г. Лыткарино, Моск. обл.

ДЫМОК

Дымок умер на даче, в ночь на тридцатое мая. Он страдал недолго: за три дня до этого ещё доковылял со двора в дом, и больше уже не выходил. Лёг у печки на подстеленный обрезок одеяла, но уже не мог держать голову, и она опустилась на пол. Ничего не ел и не пил, изредка открывал глаза и негромко стонал. Его некогда пушистая и блестящая серая шерсть стала буроватой и неровной, а яркие зелёные глаза поблекли.

На следующий день он лёг на бок, и уже не поднимался, а ночью переполз под стол, и больше двигаться не мог. Я вынес его на веранду. Утром, дотронувшись до его плоского тельца, почувствовал неживую твёрдость. Утро было солнечным, но после нескольких дождливых дней в лесу было сыро, поэтому я надел куртку и сапоги, взял лопату и полиэтиленовый пакет. Уложив негнувшийся трупик в пакет, я перешёл заросшую одуванчиками щебёночную дорогу, которая отделяла наш участок от леса, и пошёл вдоль пруда, у которого Дымок так любил гулять, и куда часто приходил весь последний месяц, словно прощался с ним.

Я отошёл недалеко. Среди мелкой поросли, окружавшей пруд, поднимался тёмный, неровный ствол старого дуба, у корней которого была небольшая незаросшая площадка. В лесу копать тяжело, потому что земля пронизана множеством корней, но мне и не нужна была большая яма. Я уложил пакет на её дно и засыпал влажной, коричневой землёй, а сверху накрыл несколькими кусками коры, отслоившейся от старого пня. Вот и всё. Прощай, Дымок.

Котёнка с шерстью равномерно серого цвета и ярко-зелёными глазами, которого тут же назвали Дымком, подарила моей теще её младшая дочь, чтобы скрасить матери горечь от потери мужа. Татьяна

Александровна действительно полюбила его, а он сразу же это понял и признал своей хозяйкой и самым близким человеком. Она же потакала его прихотям и называла «умничик», возможно, за то, что тот в любой жизненной ситуации находил самое выгодное для себя решение.

Как и все котята, в свои юные годы он резвился, прыгал по дивану, лазил по деревьям на даче, но в целом не доставлял нам хлопот и не наносил серьёзного ущерба имуществу, если не считать обгрызенной тумбочки в прихожей. Сообразительный Дымок легко привык к лотку, и вёл размеренный, сибаритский образ жизни, в том числе и весной, поскольку мы позаботились о его и своём душевном покое. При этом характер у кота оказался независимым, он не терпел фамильярностей, вырывался из чужих рук и позволял ласкаться только хозяйке. Зимними вечерами, сидя на её коленях перед мерцающим экраном телевизора, он негромко мурлыкал, а она гладила его по шёрстке, разговаривала с ним, почёсывая за ушами, пока ему это не надоело, и он спрыгивал на пол, иногда даже укусив её за палец. Кот есть кот, он сам решает, когда, с кем и как общаться. Меня, зятя, как это нередко бывает в семьях, он старался игнорировать, а к жене ласкался только на кухне. Когда в дом вваливалась шумная компания гостей, Дымок сразу определял, кто из них представляет наибольшую угрозу, пулей улетал от орущей малышни в дальнюю комнату, прятался под кроватью и злобно шипел на тянущиеся к нему мальчишеские руки, на которых порою оставались следы его когтей.

С началом весенне-летнего сезона жизнь Дымка и всех членов семьи становилась значительно интереснее. Саму дорогу до дачи он не любил и, заметив собираемые сумки и переносную корзину, прятался под кроватью, извлечь откуда его было непросто. Сверкая глазами в подкроватной темноте, он злился, шипел и отбивался от тыкавшей его швабры. И в пути, сидя в корзине, жалобно мяукал или лазил по салону, покрывая его своей шерстью, и лишь у железнодорожного переезда, когда земля начинала подрагивать от проходящего поезда, прятался под ногами и ненадолго затихал. Он легко запомнил дорогу к участку, и когда машина сворачивала с асфальта на грунтовку, начинал с мяуканьем тыкаться в стекла, залезать на панель, мешая водителю и царапая пластик и обивку салона. С возрастом кот остепенился и, будучи накормлен перед дорогой, дрых в своей корзинке все два часа пути.

На даче Дымку было хорошо. Он вёл там вольный образ жизни и независимо от погоды шатался по её окрестностям, изредка заходя перекусить. Питаясь экологически чистыми мышами, он обрёл пищевую независимость и ещё большую вальяжность манер, а также густую и

шелковистую шерсть, которая, впрочем, иногда летела клочьями во время жестоких схваток с соседскими котами, забредавшими на наш участок. Эти визжащие клубки приходилось разливать водой, разгоняя дуэлянтов по домам. Постепенно его отношения с соседями наладились, а с некоторыми из них Дымок даже подружился.

По ночам он любил сидеть на коврике на крыльце дома, всматриваясь и вслушиваясь в звуки природной жизни, примечая чирикнущую в зарослях птицу, проковылявшую по своим делам жабу, протопавшего по газону ежа, трещащую в норе медведку и ещё много интересного, чего мы не замечаем из-за нашей нечуткости и громоздкости. Похоже, такие наблюдения заменяют животным телепередачи и художественные фильмы, которыми развлекают себя люди. Сам Дымок был в меру любопытен, но будучи разумной и критически настроенной личностью, телевизор не смотрел, подавая хозяевам пример умственной полноценности и нравственного здоровья.

На ночь Дымок укладывался спать вместе с хозяевами, поэтому мне приходилось лежать по диагонали кровати, а жене уместиться в оставшемся от нас углу. А когда я, мучимый кошмарами, брыкался во сне, он уходил в более спокойное место. Днём кот любил отдыхать на бархатном покрывале дивана, а если ложился на полу, то выбирал позиции, из которых открывалась максимальная панорама квартиры.

Честно говоря, назвать этого кота трудягой было бы явным преувеличением. Всё свободное от еды и прогулок время он проводил в горизонтальном положении, принимая при этом самые причудливые позы. Зато на умывание и приведение себя в порядок времени не жалел. Из литературных героев он более всего напоминал Евгения Онегина, который так же тщательно ухаживал за своей внешностью и тоже, кстати, рано охладил к прекрасному полу и разочаровался в светской жизни. Но у нашего кота, в отличие от пресыщенного героя байроновского типа, для этого были объективные, а не надуманные причины. Попытки соседской кошки, скучавшей в дачной глуши, соблазнить столичного франта оказались безуспешными. Как и Онегин, наш герой тоже не испытывал тяги к унылому семейному счастью на лоне родной природы. Он сразу и решительно дал понять романтической соседке бесперспективность развития отношений и неуместность её легкомысленного поведения.

Когда на дачу приезжали гости с маленькой, лохматой, но громко-голосой собачкой, кот переходил на нелегальное положение. Он появлялся на участке для подкрепления сил в те моменты, когда гости были заняты какими-то делами в доме или мирно дремали перед телеviso-

ром. Однажды, будучи внезапно атакованным агрессивной гостьей, Дымку пришлось, утратив солидность, проявить прыть и взлететь на старую яблоню. Зато потом, вальяжно разлёгшись на её толстой ветке, он с презрительной скукой поглядывал на скачущий под ним и лающий комок шерсти, пока тому не надоедало это бессмысленное занятие.

Главной положительной чертой характера Дымка было терпение. Есть мнение, что это природное качество всех кошек, связанное с охотой из засады. Он мог подолгу караулить мышку у норки, а потом с деловым видом принести её к нашему обеденному столу, внося тем самым посильный вклад в пищевой рацион семьи. Бывали случаи, когда мы нечаянно закрывали его в шкафу, куда он, совершенно невидимый в темноте, залезал отдохнуть после плотного обеда, а потом долго искали по всей квартире и находили мирно дремлющим на стопке одежды. А однажды даже умудрились запереть между сдвоенными входными дверями, где он провёл ночь в ужасной тесноте, как в карцере. Но и в этом случае Дымок не выразил законного негодования, а лишь укоризненно мяукнул и направился к своей кормушке. Так же стойко он переносил извлечение впившихся в его кожу клещей, которых жена выискивала у него на шее и голове, а я выдёргивал пинцетом набухшие кошачьей кровью серые шарики. А вот чего действительно категорически не признавал Дымок, так это закрытых дверей. Одна из них, которая вела к месторасположению лотка в квартире, не закрывалась никогда. Приходилось объяснять гостям, почему в нашем туалете круглогодичный день открытых дверей.

Если и было в чем всерьёз упрекнуть этого законопослушного кота, то разве что в обжорстве. Этот грех не относится к числу смертных даже у людей, а для животных вообще простителен. И всё же приходится признать, что Дымок был законченным попрошайкой. Ему не хватало сухого корма, столь полезного для здоровья кошачьего племени, а также разнообразных вкусовностей в пакетиках, и он требовал от хозяев делиться их собственными харчами. Когда кто-то из членов семьи вставал, направляясь куда-то по своим нуждам, кот немедленно возглавлял процессию и неизменно сворачивал на кухню, к холодильнику, и мог цапнуть за ногу любого из нас, выбравшего неправильную траекторию движения. Также он считал своим долгом присутствовать на кухне во время приготовления обеда, а потом с большим вниманием наблюдал за самим его ходом, явно желая принять в нем участие, и ему всегда доставались какие-нибудь интересные кусочки.

Когда в большой комнате накрывали стол для гостей, Дымок первым запрыгивал на стул и хищным взглядом осматривал драгоценно-

сти, которыми хозяева уставляли нарядную скатерть, а его лапа непроизвольно тянулась к блюдам с колбасными и мясными нарезками. Будучи изгнанным со стула, он тут же залезал на соседний, и порою ему удавалось что-то стянуть у бегающих на кухню хозяев.

Так же прекрасно он знал, у кого из членов семьи можно чем-то поживиться, поэтому ко мне не приставал. Исключением было самое позднее время суток, около полуночи, когда все остальные члены семьи уже были в постелях. Если я увлекался телепередачей, он подходил к креслу, укоризненно смотрел на меня, мяукал и вёл на кухню, к холодильнику. Это был наш традиционный ночной мужской сырный перекус перед сном. Он носил вполне ритуальный характер, поскольку кот уже был сыт и съедал несколько мелких кусочков, а иногда отходил, лишь понюхав их. Но тут уж, как говорится, отдай — не грехи. Утром жена с недовольным видом выбрасывала засохшие остатки сыра в мусор, но нарушить традицию с моей стороны было бы совершенно не по-джентльменски.

Шли годы, менялись правительства, законы и розничные цены, совершенствовалась электронная и бытовая техника, автомобили и компьютеры. Мобильные телефоны превратились в мощные смартфоны с доступом в Интернет, но их немыслимый ранее технический уровень диалектически компенсировался всё более ничтожным содержанием общения. В целом жить стало легче, мы сделали в квартире ремонт, купили новую мебель, но зимними вечерами Дымок всё так же сидел на коленях у своей хозяйки, уже перед широким цветным экраном с изображением высокого качества, чего по-прежнему нельзя было сказать о его содержании. Всё-таки приятно сознавать, что в бурно развивающемся мире есть неизменные явления, такие как пошлость российского телевидения. Это как-то утешает на фоне перемен и быстротечности времени.

С годами оно летит всё быстрее, и мы с женой совершенно неожиданно вышли на долгожданную пенсию. Этот грустный рубеж, выглядевший ранее концом жизни, оказался её продолжением, со своими недостатками и преимуществами, главными из которых стали резкое снижение доходов и полная свобода распоряжения собой и своим временем. Возделенная дача стала нашим постоянным летним местопребыванием. Теперь нам не нужно было еженедельно мучиться в автомобильных заторах по пути на дачу и обратно, а Дымку терпеть нелюбимую дорогу в тесной кошёлке. С возрастом он остепенился, всё больше времени лежал на травке рядом с сидящей на скамейке хозяйкой или ходил за ней, опирающейся на палочку, по участку.

Он взрослел, а наша добрая тёща старела, слабела и всё чаще болела, и однажды, мутным декабрьским утром, упала с кровати и уже не смогла встать. Её увезла «скорая», её лечили, мы круглосуточно дежурили у её постели, но жизненные ресурсы организма были исчерпаны, и через месяц её не стало. Нам не дано знать, как Дымок переживал эту утрату, но он явно грустил без неё, а потом признал другую хозяйку.

И вот его нет. Больше не разбудит нас утром, заспавшихся, его деликатное мяуканье. Не будет на кухне виться у ног хозяйки, лаская их своей шёрсткой, хитрый попрошайка, не запрыгнет на её колени перед телевизором, требуя гладить и почёсывать за ушком. Не придётся и мне вставать ночью, чтобы выпустить его во двор или впустить обратно, если зарядил дождь. Уже не нужно выбирать на полках гастронома импортный корм, подстраиваясь под его вкусы, и таскать тяжёлые пакеты с наполнителем для лотка. И некому встретить нас в прихожей, вернувшись из магазина, театра, или гостей. И уже не будем мы ранней весной выискивать первые пробившиеся травинки, чтобы побаловать истосковавшегося по витаминам кота. Не будет больше в нашей жизни этого пушистого эгоиста, требующего к себе внимания и заботы, и не дающего взамен ничего, кроме редкой ласки и самой возможности этой заботы.

Конец мая, лучшее время года. Солнце пробивается сквозь свежую, молодую листву и уже явственно пригревает после ночной прохлады. Ветер шумит в кронах деревьев и кидает в лицо остатки дождевых капель, а звонкие голоса птиц наполняют весенний лес. Впереди большое, солнечное, счастливое лето, но оно уже не для нашего Дымка. Так же будет ко-гда-нибудь и после нашего ухода. Как было и со многими другими, кто жил в этом мире, к чему-то стремился, любил, радовался жизни, и тоже исчез навсегда. А вечная природа будет всё так же кружить в своём неостановимом круговороте: погружаться в зимний сон под первым снегом, просыпаться весной под блеск солнца и птичьих голоса, шелестеть благодатным летним дождем, укрывать землю золотом осенней листвы. Но уже без нас.

Я стою на примятой траве возле небольшого холмика и прощаюсь с маленьким существом, которое жило рядом с нами полтора десятка лет. Прощаюсь с частью нашей жизни, единственной, неповторимой.

Евгений Михайлов

Казахстан, г. Семей

БАНК «НАДЕЖДА»

Сегодня банки возникают и лопаются, как пузыри на лужах во время дождя. Отчаянно конкурируя между собой, они изощряются по части рекламы. Никого этим уже не удивить. Поэтому, увидев телерекламу: "Банк "Надежда" — участник федеральной программы повышения рождаемости. Мечта каждой женщины о материнстве легко становится реальностью при нашей поддержке", я хмыкнул про себя, да и только.

Впоследствии оказалось, что "Надежда" — совсем не банк в обычном понимании этого слова. Правильней его было бы называть Центром донорской спермы. Вы не знали о таком? Я тоже узнал все подробности лишь после развода с женой. От развода ни один женатик не гарантирован. Я последнее время только диву давался, как нас с моей дражайшей супругой тащила в разные стороны какая-то неведомая сила. Непонимание достигло своего апогея и вот — финал. Точка. Теперь оба свободны. Не знаю, как она, а я наслаждался долгожданным покоем, дав себе торжественный обет не жениться больше никогда.

Несмотря на это, все системы моего организма "функционировали нормально", как бы выразились газетчики. Вскорости я, как всякий нормальный мужик, почувствовал естественное томление плоти. Связываться с "девами ночи" не хотелось, но никакого оптимального решения не вырисовывалось.

Выйдя на лестничную площадку покурить, я вкратце поделился своими проблемами с соседом, Мишкой Спицыным. Так вот, совет он мне дал совершенно неожиданный.

— Старик!— сказал он. — Из твоего положения можно извлечь опделённую выгоду. Обратись в банк спермы. Там тебе быстренько организуют разрядку, да ещё и деньги заплатят немалые. Ты же знаешь, моя Райка почти хронически беременна, так я с этим банком давно сотрудничаю, несмотря на то, что лысый и ростиком не вышел. А ты парень видный, на тебя спрос будет". Видя моё недоумение, Мишка снисходительно ввёл меня в курс дела, не преминув заметить на прощанье: "Первую получку обмыть не забудь!"

На следующий день я отправился по указанному адресу. Там я сразу взял быка за рога, заявив миловидной даме-менеджеру: "Хочу стать вкладчиком вашего банка!"

— Замечательно! Только у нас не вкладчики, а доноры,— вежливо поправила меня дама. Тут же она подсунула мне брошюрку, из которой я узнал, что множество женщин во всём мире, не желая связывать себя узами брака, хотели бы испытать радость материнства. Для таких и создан международный банк спермы. "Надежда" — его российский филиал. Данные доноров-мужчин и их фотографии группируются на специальном сайте. Вначале, конечно, кандидаты в доноры проходят всестороннее медицинское обследование. Их сперма подвергается тщательному анализу. Положительные результаты тестирования открывают перед донором заманчивые перспективы. Будущие матери со всего мира выбирают донора по своему вкусу. Банк располагает превосходной клиникой, где доноры сдают сперму, получая за это приличное вознаграждение. Банк сохраняет в тайне имя заказчицы, за исключением случаев, когда она сама просит сообщить донору о себе.

Обследование я прошёл в банковской клинике на удивление быстро и совершенно бесплатно. Через два дня мне сообщили, что я внесён в базу данных банковского компьютера.

И наступила тишина. Десять дней проходит — никаких звонков. Звоню сам менеджеру (забыл сказать, что имя отчество у неё ласкает слух — Виктория Владиславовна). Так вот, эта Виктория меня успокаивает: "У нас, к Вашему сведению, доноров много. А Вы — новичок, претендентки Вас пока что изучают. Но если уж так невтерпёж, то можно сдать сперму для нужд косметических фирм. Там, правда, платят меньше. От этого варианта я гордо отказался. Прошла ещё неделя. И вот как-то прихожу вечером домой, а на автоответчике — телефонограмма банка о срочном прибытии. Дело было как раз перед Восьмым Марта. Наверное, какая-то феминистка решила себе подарок сделать. Ну, приехал. Сдал. Технологии вполне современные. Не то, что у Кобо Абэ в его "Тайном свидании". Денежки тоже неплохие. Хватит нам с Мишкой-соседом пару раз в ресторане посидеть.

Уходя, я поинтересовался, не желает ли покупательница раскрыть инкогнито и получил отрицательный ответ. Чем-то это меня задело. Время шло. Заказы стали появляться, но первая клиентка почему-то не шла у меня из головы.

Наведаясь я тогда к Виктории. Она, конечно, ни в какую. Нельзя и всё тут! Тогда я пригрозил, что расторгну договор с банком. Хитрюга Виктория предложила компромиссный вариант: мне покажут фотогра-

фию и не более того. Это было лучше, чем ничего и я согласился. Когда же увидел на экране монитора фотографию, то чуть дар речи не потерял.

С экрана смотрела на меня моя бывшая жена. Подозревал я, что женщины — существа нелогичные, но не до такой же степени! Всё же решил позвонить. Подняла на смех.

— Не корова,— говорит,— и искусственное осеменение не приветствую.

Если так, то фотография откуда? Бросила трубку.

"Ага,— думаю,— все равно шила в мешке не утаишь!"

Встретил как-то в ноябре её подругу.

— Слышал,— говорю,— что Анька в положении. Правда или нет?

— Наврала тебе,— отвечает,— она в банке спермы так и не смогла себе донора выбрать по своему вкусу.

Опять заглянул в банк. Вместо Виктории сидит какая-то девушка незнакомая. А Виктория, оказывается, в декрет ушла. С чего бы это? Вроде бы не замужем, я у охранника спрашивал. Надо бы домой ей звякнуть, да никак не могу решиться.

БЫЛЬ, ПОХОЖАЯ НА СКАЗКУ

Эта история произошла в действительности с одним из моих друзей, назовём его Нурланом, и записана с его слов, поэтому повествование ведётся от первого лица.

Заканчивался последний день декабря 1999 года. На своей «Волге» я торопился в аэропорт. Знакомый авиационный техник обещал пристроить моего «железного коня» в тёплом стойле до моего возвращения. Мой самолёт вылетал через два часа. Давний институтский друг Александр пригласил меня на празднование своего тридцатилетия. Родился он не когда-нибудь, а первого января. Между прочим, виновник торжества заинтриговал меня, обещая познакомить с девушкой «выше всяческих похвал».

— Да, да дружище! Пора! Ты слишком засиделся в холостяках! — смеивался он.

Однако радость от предстоящей встречи с другом омрачалась размовкой с небезразличной мне дамой, «приятной во всех отношениях», как выразился бы о ней классик, живи он в наше время. Когда я сообщил ей о приглашении и предложил поехать со мной, она не только по-

чему-то наотрез отказалась, но и настаивала, чтобы и я никуда не ехал.

— Мы же собирались встречать Новый год вдвоём! — твердила она, не слушая моих доводов. Вот так слово за слово и повздорили. В конце концов она пожелала мне «счастливого пути» и намекнула, что в одиночестве под ёлочкой не останется. Кто-нибудь другой устроил бы нахалке жёсткий прессинг, но я ушёл без эксцессов, твёрдо уверенный, что нельзя уступать ей сейчас, иначе вскоре превращусь в подкаблучника. А это в мои планы совершенно не входило.

Вот уже остались позади городские улицы, щедро иллюминированные к празднику. Фонари на трассе тоже были расцвечены гирляндами. Я увлёкся составлением праздничной оды и не заметил, как передо мной на дороге появилось что-то тёмное и массивное.

Это «что-то» оказалось лошадью, безрассудно кинувшейся наперез моему авто. Сокрушительный удар швырнул беднягу прямо на капот. Мгновение, и лошадиная голова, разбив переднее стекло, уже скалила зубы в салоне. Каким-то чудом я уклонился от контакта с головой и даже выключил зажигание.

Когда я выбрался из машины, моим глазам предстала картина, достойная кисти Иеронима Босха — изуродованная «Волга», бьющаяся в агонии лошадь, и всё это мирно посыпалось сверху снежком.

Я закурил, помяная всех богов не лучшим образом. На удивление, хозяин лошади отыскался довольно быстро. Оказывается, какой-то аксакал перегонял небольшой табунок из трёх лошадей, одна из которых и устроила эту катавасию. Подъехав ко мне, старик завопил: «Ты что наделал, шакал?!» Я отвечал ему так же несдержанно. И было из-за чего. Посмотрели бы вы на мою белую красотку — капот помят, бампер отлетел, лобовое стекло и правая фара разбиты.

Мы орал друг на друга изо всех сил. Только возрастные различия не давали нам вступить в рукопашную. Но постепенно наш пыл начал угасать. Я сказал старику: «Слушай дед! Мы оба пострадали. Давай откажемся от взаимных претензий и не будем портить друг другу новогоднюю ночь». Тут я посмотрел на часы и понял, что на самолёт я уже опаздываю. Да и миновать пост ГАИ перед аэропортом вряд ли удастся беспрепятственно.

Тем временем старик вполне миролюбиво попросил меня помочь разделать тушу завершившей свой земной путь лошади. С горожанина немного толку, но я старался изо всех сил.

Мотор завёлся почти сразу, и наша странная кавалькада двинулась в сторону зимовки старика — он впереди с оставшимися двумя лоша-

дёнками, сзади я в недовольно подвывающей «Волге», загруженной мясом.

Настроение было препаршивым. О том, что оно может кардинально измениться, я не догадывался. Оказывается, у деда гостила внучка. В свои тридцать лет я имел некоторое представление о женщинах. Но тут просто растерялся. Писаная красавица, да и только!!!

Тонкие черты лица, словно сошедшие со старинной гравюры, ангельский голосок её обворожили меня. Пока варилось мясо, мы говорили с ней, не переставая. Общению помогало то, что девушка, оказывается, окончила в уходящем году тот же институт, что и я когда-то. Кстати оказалось, что она работала преподавателем в той же школе, где директорствовал мой друг. Об этом я благоразумно промолчал, но подумал: уж не с ней ли мне предстояло познакомиться? Пока она общала мне последние институтские новости, стрелки часов уверенно подошли к полуночи.

Мы втроём выпили шампанского, которое выставил запасливый старикан. Когда я поцеловал девушку, сердце моё дрогнуло окончательно. Потом я вспомнил о коньяке в машине и он мигом оказался на столе. К трём часам ночи дед основательно захмелел и отправился спать, пробормотав: «Вы тут не шалите, ребята».

Но нас тянуло друг к другу, как магнитом. Мы основательно пошалили в ту ночь и вот уже свыше десяти лет вместе. Карина стала моей женой. У нас трое детей. На Новый год мы всегда вспоминаем эту историю, соединившую нас навек. Кстати на нашей свадьбе мой друг Александр обалдело устался на Карину, ведь именно с ней он собирался знакомить меня в свой день рождения, ещё не зная тогда, что она срочно уехала на Новый год к бабушке.

Валентина Карпушина

Москва

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРОЩАНИЕ

Посередине ночи меня неожиданно разбудило странное хихиканье. Не в силах открыть глаза, я не сразу поняла, что это звонит мой мобильник, в котором один из входящих сигналов имитирует детский смех. Я протянула руку и нащупала на прикроватной тумбочке, захлёбывающийся хохотом, телефон.

— Алло, — сонно буркнула я в трубку.

Но в ответ ничего не услышала.

— Алло, — раздражённо повторила я, с трудом разлепив веки.

Мой взгляд непроизвольно остановился на электронных часах, сияющих в темноте мертвенно-бледными цифрами, разделёнными двоеточием.

— Два часа ночи, — недовольно проворчала я, приложив телефон к уху, — кому это так неймётся?

В ответ я услышала шорох помех, сквозь который пробивался странный звук. Он был похож на мерный стук падающих капель из неисправного крана. Включив ночник над головой, я на мгновение зажмурилась от яркого света.

«Мне скоро вставать, а тут какой-то чокнутый шутник решил устроить розыгрыш посреди ночи», — мысленно возмутилась я, а потом похолодела, вспомнив, что сигнал, имитирующий детский смех, был прикреплён к номеру телефона моего парня, полгода назад погибшего в авиакатастрофе.

— Веста, — в этот момент прошелестел тихий голос в трубке, — Веста! Это я! Ты слышишь меня?

— Слышу, — растеряно отозвалась я.

— Помоги мне, Веста! Пожалуйста, помоги! — взмолился он.

— Алекс!!! — истошно заорала я, вскакивая с кровати, — ты где?!

— Я здесь, — услышала я в ответ хриловатый, до боли знакомый, баритон.

— Где — здесь? — не поняла я, обессиленно рухнув снова на кровать, чётко осознавая всю нереальность происходящего.

— Здесь так холодно, так темно и очень, очень тесно, — между тем, пожаловался Алекс, а потом простионал, — Веста, я хочу домой! Я хочу к тебе!

Его голос, пока он говорил, звучал очень странно. Сначала — замедленно, и на слух воспринимался как бас. А потом он постепенно перешёл в более высокий регистр и ускорился до такой степени, что превратился в фальцет.

— Что у тебя с голосом? — ошеломлённо спросила я, чувствуя как волосы на голове зашевелились от ужаса.

— А что с ним такое? — не понял Алекс.

— Он то тормозит, то убыстряется, — пояснила я.

— Да? — удивился он, — а ты говоришь нормально.

В этот момент в трубке что-то грохнуло, раздался оглушительный вой, который перекрыл нестройный хор человеческих голосов, наполненных смертельным ужасом. А потом всё враз замолкло и в телефоне воцарилась гробовая тишина.

— Алло!!! Алло!!! — отчаянно закричала я трубку.

Но в ответ услышала только мертвое безмолвие.

— Что это было? — растеряно пробормотала я, ошарашено уставившись на телефон.

А потом спохватилась: «Господи! С кем это я только что разговаривала?»

От собственной догадки мне стало настолько страшно, что я вся покрылась липким холодным потом, а за грудиной у меня сдавило так, что стало трудно дышать.

Желая успокоиться, я всунула ступни в домашние тапочки, стоявшие возле кровати на ковре, и побрела на кухню. Накапав в стакан валокордина, я разбавила остро пахнущее мятой зелье, кипячёной водой из чайника и залпом выпила его. А потом вернулась назад, в спальню, и как подкошенная, рухнула на кровать. Выключив свет, я широко раскрытыми глазами уставилась в потолок, дожидаясь, когда лекарство подействует.

В этот момент волна воспоминаний нахлынула на меня. Я вспомнила, как провожала Алекса в командировку в аэропорту прошлой осенью. Как потом мы ежедневно созванивались. Как накануне вылета домой, он мне позвонил и сказал:

— Готовься! Когда я вернусь, то хочу с тобой серьёзно поговорить.

— О чём? — улыбнулась я, сразу поняв, куда он клонит.

— О нас, — нервно усмехнулся он, — но я всё скажу, когда прилечу домой.

От его слов у меня почему-то ёкнуло сердце от нехорошего предчувствия. Мне вдруг показалось, что мы с Алексом никогда больше не увидимся.

— Скорее возвращайся, — вслух сказала я, — жду тебя с нетерпением!

— Через пару часов буду, — засмеялся он и скороговоркой добавил, — ну всё! Посадку объявили. До встречи!

— До встречи, — эхом отозвалась я, услышав в трубке размытый голос диктора, тонущий в шуме аэропорта, который объявлял номера рейсов самолётов, готовящихся ко взлёту.

Через полчаса я получила СМС-ку: «Взлетаю. Люблю. Твой Алекс».

Сдавленно всхлипнув, я высунула руку из-под одеяла и взяла с прикроватной тумбочки телефон. Потыкав в него указательным пальцем, я нашла в его памяти последнее сообщение от Алекса и, в который раз прочитав его, в голос заревела.

Нарыдавшись вволю, я положила телефон обратно на тумбочку и обессилено откинулась на подушку.

«Мы ведь даже толком не попрощались», — уставившись в стену, отрешённо подумала я.

А вокруг было так светло, что до мельчайших деталей было видно абсолютно всё, что находилось в комнате. И вдруг произошло нечто странное. Мебель, портрет Алекса на стене, книги в шкафу и другие предметы, озаренные необычайно ярким жемчужным светом луны вдруг преобразившись, стали сиять, словно окружённые белыми фантастическими нимбами. Я перевела взгляд в сторону окна. Тюлевая занавеска, висящая на нём, едва заметно колыхнулась от неведомой откуда взявшегося ветерка. Заструившись серебристыми волнами на фоне тёмного оконного проёма, она отразила на себе тусклые лучи дворового фонаря. А они, неожиданно преобразовавшись, воспроизвели на шелковистой ткани тюля ослепительно-белый крест, а рядом с ним проступило лицо Алекса. От этого поразительного видения у меня перехватило дыхание. А потом мне стало так страшно, что я принялась молиться: «Отче наш, живущий на Небесах. Да светится имя Твоё, да придет Царствие Твоё, да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле»...

Дочитав молитву до конца, я провалилась в глубокий сон. Но перед тем как отключиться, я увидела, что крест и лицо Алекса стали медленно исчезать с ткани занавески, а потом бесследно растворились

лунном серебре ночи. Только в её сумраке тихо прошелестело: «Прощай навсегда, Веста»!

— Прощай, Алекс, — одними губами прошептала я.

Влада Ладная

г. Реутов, Моск.обл.

«СКОРАЯ ПОМОЩЬ» КЛОУНОВ

Городская сказка

*Любые совпадения с реальными
людьми и событиями
носят случайный характер*

*Факты по истории цирка
взяты из открытых источников.*

Глава 1. ЦИРК ИНОПЛАНЕТЯН

А вы знаете, что диаметр арены во всех цирках мира всегда — тринадцать метров? Не намёк ли это на истинную сущность цирка?

Нет, зачем же так?

Просто в чистом поле, у города с говорящим названием Серов, раскинуло свои шатры бродячее шапито.

И сразу пахнуло и цыганским табором, и злым степным кочевьем, такими печенегами, пускающими в деревянную крепостцу огненные стрелы. И почему-то средневековой охотой на ведьм. Ну, я сунул свой любопытный нос на цирковые задворки. А там клетки, цепи, алебарды, костры.

А ещё вой собак, трубные крики слонов, рычание пустынных львов, запах навоза и прогорклого масла, шашлыка и плова. Кавказ-Узбекистан-Индия-Африка.

Вообще-то для нашего тусклого угла это благоденствие. Дух путешествий, заморских стран, приключений, — при том, что на наши зарплаты дальше, чем на пригородной электричке, не уедешь. А очень хочется.

Сын Витька сразу занял:

— Хочу в цирк!

А я в разводе с Витькиной матерью и всё время себя виноватым чувствую. Думаю, дай порадуя пацана.

Пришёл в это шапито и говорю:

— Вам же усиленная охрана не помешает? Я капитан полиции Михаил Подорожников, всё организую. А вы на ваше представление наших детишек на хорошие места пустите.

Так и договорились.

И вот настал вечер. Я впервые со времён детства про себя подумал — «волшебный»!

Обычно у нас вечером чумное, страдальческое небо, окна враскоряку, продавленные крыши, словно метеоритный дождь прошёл. И группки обдолбанных подростков, ищущих приключений на свою голову.

А тут во тьме наши халупы, халабуды и бараки с кривыми фонарями стали казаться рождественскими домиками с черепичными островерхими крышами, с башенками, с витражами в окнах и со скрипучими флюгерами на шпилях. А внутри вроде бы не пьяный дядя Петя в майке-алкоголичке и в растянутых трениках дерётся с тётей Клавой центнера на полтора, в байковом халате с бегемотиками, — а Кай и Герда книжки читают, Алиса, вернувшаяся из Страны Чудес, рисует белого кролика, и дети капитана Гранта чего-то там высчитывают, чтобы спасти отца.

Пошлый город с однообразными буднями вдруг обратился в сказку.

И если есть купол, — это уже храм.

И вход в это царство необычного был, как готический портал, и статуи в нишах стояли в виде живых ископаемых ящеров. И снова пахнуло Тимбукту и экспедициями Рериха в Шамбалу. И почему-то спиритизмом «серебряного века».

В общем, приехал прямо к нам Изумрудный город с целой армией волшебников. И сейчас как начнут наши желания исполнять — аж пыль столбом пойдёт!

А всё-таки — намёк тринадцати метров — или купол храма?..

На афише значилось: «Цирк инопланетян! Мы прилетели к вам с Сириуса! Сегодня в нашем цирке состоится контакт человечества с внеземным разумом. Открывается новая эра взаимоотношений с небывальщиной!»

Вот так скромненько. И то ли это замануха такая. То ли по циркачам психиатры плачут горькими слезами. А, может, всё жутковатая правда.

Но, так или иначе, небывальщины мы хлебнули!

Началось всё с парада-алле настоящего цирка уродов, как в девятнадцатом веке.

На арену повалили карлики, бородатые женщины. Мадам с восемью руками, похожая на индийскую богиню милосердия, у которой тысяча рук, чтобы всем помочь. И тут же цирк превратился в индуистский храм с золотыми идолами, с храмовыми танцовщицами в полупрозрачных одеяниях цвета павлиньего пера, с трёхглазыми жрецами.

Проковылял кривой горбун — вылитый Квазимодо, — и зал тут же превратился в Двор Чудес, словно в «Соборе Парижской Богоматери». Лохмотья, язвы, вместо ног деревянные. Профессиональные нищие; проститутки в бесстыжих нарядах, ослепительно яркие; напёрсточники; каторжники с бритыми головами и с клеймами на лицах.

Дальше появился человек с двумя головами. И вторая росла из лба первой и жутко улыбалась. Такая чудовищная Джоконда. И цирк обратился в Лувр, но тоже чудовищный, в нём пахло пылью, почему-то марсианской, и неземным восторгом перед шедеврами, а ещё лунными кратерами. Чтоб уж неземное так неземное. И жарко — кровью гугенотов, зарезанных в Варфоломеевскую ночь в бесконечных коридорах королевского дворца.

Затем шествовал человек-лев в огромной гриве, видимо, больной гипертрихозом. Четырёхногая девочка маршировала громко, как целый взвод солдат. Человек-резинка оттягивал свою кожу на полметра от тела. Извивалась женщина-змея, плескалась в чане женщина-русалка. Великан трёхметрового роста нёс в руке, как куклу, свою жену, пятидесятисантиметровую дюймовочку.

Человек-мумия, весом в семнадцать килограммов, воистину кожа да кости, вёл свою супругу, почти четырёхсоткилограммовую.

Безрукая и безногая девушка всё умела делать двумя отростками, имевшимися у неё вместо ног. Слепая читала обычные книги. Глухие танцоры выделывали па.

И наконец цыплёнок с отрубленной головой, который прожил в таком виде уже два года. Хлопающая глазами голова цыпы прилагалась.

Цветущий сад отчаяния! Весь в блёстках, в сиянии прожекторов, в бравурных маршах и в мистическом звоне колокольчиков.

И все появления рождали десятки ассоциаций, и каждая из них была колдовская и дерзко меняла мир.

Или это не ассоциации были, а пророчества? Просто мы не могли их разгадать?

Витька этого колдовства испугался, заплакал, ребёнка затошнило, и я потащил его в туалет.

И пока сына умывал, подумал, что его мать с каждым днём всё больше превращается в ту тётю Клаву в байковом халате, а на меня страшно злится, потому что я не захотел превращаться в дядю Петю в майке-алкоголичке.

Хотя майка у меня в наличии. Ждёт своего часа? А потом я передам её по наследству своему сыну?

И вот тут-то, в переходах этого шапитошного, брезентово-парчового шатра я и нарвался.

Похожая на танцующее северное сияние, верхом на белой лошади, как принцесса — бредовая мечта малахольного первоклассника, на меня наехала она. Живая похоть и наивность. Детское бессердечие: интересно же, что будет, если мухе оторвать все лапки и крылышки. Оскал гиены и очаровательные ямочки на щеках.

Вся асимметрия, кривизна: многоугольные лукавые глаза, как драгоценные камни с надколами и огрехами, бракованные. Кривая торжествующая ухмылка, но словно бы с прорехой, как от выбитых зубов. Червоточина на теле мира. Никому не слышный, но убийственный разбойничий свист. Ходячий инфразвук, погружающий в необъяснимый ужас и погубляющий города и страны.

Знаменитая наездница Адель Дивная.

Я понял, что случилось: на меня упал взгляд древней богини, возжелавшей получить меня в качестве обеда.

Ужас неотвратимой смерти — вот что такое оказалась любовь.

Только чья это смерть должна наступить?

Адель двинулась дальше, на арену, в море света, аплодисментов, волшебства и музыки.

А я сполз по стене на пол, обессиленный. Как будто ненароком континент поднял.

— А вы правы, здесь не обошлось без древних богов, — задумчиво покачал кудлатой головой чтец мыслей с лицом законченного желчного человеконенавистника, который больше всех ненавидел себя самого. Вервольф фон дер Мессидж. — Когда-то в Древней Греции театр был храмом бога Диониса. Спектакль был богослужением, а актёры — жрецами.

С приходом христианства театры, как все языческие храмы, разрушили. Актёры стали изгоями. Их объявили прислужниками дьявола и превратили в бомжей и бродяг, скитающихся по миру. Жонглёры, огнеглотатели, акробаты, ходоки по канату. Две тысячи лет так всё и остаётся. И античные боги, умершие везде, в цирке нашли своё последнее пристанище.

Они тысячелетиями божуют вместе с нами. Они всё так же жестоки и капризны, как в былые времена. И они так же всеильны, — и чтец тоже ринулся в распахнутый занавес, как в пасть тигру.

ИЗ ИСТОРИИ ЦИРКА

В начале двадцатого века некий англичанин в Индии присутствовал на выступлении факира, который показывал фокусы.

Он заиграл на дудочке, как заклинатель змей, и из большой корзины выползла длинная верёвка. Она потянулась в небо и превратилась в твёрдый шест. Мальчик, помощник факира, по его приказу полез по шесту вверх и пропал. Индус стал ругаться и звать мальчика назад. Но тот не отзывался. Тогда фокусник зажал в зубах острый огромный нож и полез по шесту за мальчиком. И вскоре сверху упали куски тела ребёнка: руки, ноги, а голова откатилась под ноги зрителям. Зрители закричали в ужасе и повскакали со своих мест.

Факир спустился, собрал куски воедино, мальчик ожил и пошёл с миской кланчить медяки у публики в оплату за представление.

Шест опять стал верёвкой, она упала на землю и под звуки дудочки поползла в корзину.

Англичанин снимал это действие фотоаппаратом. Когда проявили плёнку, оказалось, что факир и мальчик всё время неподвижно сидели на земле возле корзины с верёвкой.

Глава 2. ОБОРМОТНИК

Уговор дороже денег. Так что на следующий день я опять отработывал в цирке билеты для детей наших полицейских.

И тут было всё. Бритоголовая фарфоровая кукла в бальном платье. Люди — анатомические пособия с ободранной кожей, в вечерних прикидах. Ихтиандры плавали в бассейне часами, не выныривая на поверхность. Заклинатель огня лизал его, как мороженое. Ожившая орхидея шастала босиком по углям. Бог Карабас-Барабас дёргал за ниточки верующих в него марионеток.

Я тёрся в закулисье, как любопытный мальчишка, забыв про сына. Мне было невыносимо интересно всё рассмотреть, вызнать все цирковые тайны.

Лучше бы я это не делал. В переулочке из цирковых вагончиков, который прозвали обормотником, висело на верёвках заплатанное бельё, воняли мутные лужи, грязная посуда с тараканами была свалена

стопками прямо на землю. Здешние хозяйюшки явно не были фанатками домашней работы.

Это было даже хуже Двора Чудес. Это было царство тёти Клавы и дяди Пети.

Здесь же старообразный клоун в своей гримёрке безостановочно хлебал водку и за двадцать минут нализался в хлам. Дама с собачками пичкала их наркотическими веществами. Директор цирка лапал тринадцатилетних гимнасток при всех, никого не стесняясь. А муж Адели, великий дрессировщик Рюрик Завадовский, стегал свою наездницу плёткой в приступе ревности или безумия. Про артиста ходили сплетни, что он состоит на учёте у психиатра.

Русские Пигмалионы совершенствуют своих Галатей кулаками. А потом Галатей скорая откачать не может, а Пигмалион идёт на строгий режим за убийство с отягчающими.

Дверь в вагончик Завадовских была распахнута настезь. На спине артистки множились кровавые рубцы, а она смотрела на меня в створ двери так, как будто красавице французский король примерял бриллиантовое ожерелье стоимостью с небольшую провинцию. Горделиво. С вызовом.

Я ж представитель закона. Такое бесчинство должен был пресечь. А я стоял столбом и смотрел на это, как загипнотизированный. Шевельнуться не мог.

Я забыл в этот момент и про долг, и про честь, и про мораль и милосердие. Меня парализовало сумасшедшее желание. Оно меня выжгло, от меня ничего не осталось человеческого.

Адель была, как чёрная дыра вселенной, всех внутри себя засасывающая. И меня затянула без остатка.

Тут в зале дико закричали. Грохот раздался. И все бросились туда. И я отмер и рванул.

Как потом оказалось, две слонихи во время представления сцепились на почве ревности, каждая желала получить больше внимания от дрессировщика. Животные учинили драку, бросались друг в друга инвентарём, гортанно трубили, принялись гоняться одна за другой, перескочили через барьер арены и ринулись в зрительный зал.

Граждане с воем ужаса порскнули в стороны. Представление прервали. Людей срочно эвакуировали. Дрессировщик кнутом с огромным трудом загнал своих поклонниц в их вольер. Получил втык от директора. Выслушал издёвки коллег про сей любовный треугольник. И потом долго-долго гладил обеих слоних по хоботам сквозь прутья клетки и

что-то соблазнительное мурлыкал по-казановьи, нащёптывал своим пассивам в огромные раструбы ушей.

Отдуваясь после испытанного стресса, я забрёл в костюмёрный цех. Это оказалась помесь тюремной мастерской с волшебной шкатулкой. Чёрные, уходящие ввысь до бесконечности стены, металлические стеллажи. И на них яркие безумные маски, весёлые, но как бы подпорченные; искалеченные манекены. Россыпи фальшивых драгоценностей. Стекланные банки, в которых хозяйки хранят солёные огурцы и помидоры, — а здесь в стеклотаре что-то странное: двухголовые мёртвые заспиртованные младенцы, шестипалая кошка, ребёнок с птичьим клювом — чистая кунсткамера. Настоящее всё это или имитация — я не знал.

Цирк инопланетян.

Швеи работали с лицами одновременно забитыми и одухотворёнными. И у каждой был железный ошейник с шипами, как у древнеримского раба, и клеймо на лбу. Клянусь, я видел это собственными глазами.

А потом я шевельнулся, свет упал иначе, — и клейма пропали, а ошейники оказались воротниками-стойками на униформе.

Может, и сцена с истязанием Адели мне почудилась? Или я понял что-то не так, и у них ролевые игры такие?

Но когда и что мне показалось? Тогда — ошейники с клеймами у швей? Или теперь — воротники-стойки?

Швеи подняли на меня глаза, полные слёз и света. Слабые, вымученные улыбки, полные горечи и любви, осенили лица женщин.

За углом меня подстерегала Адель, поглядывая подозрительно и умильно.

И мутная волна желания снова хлынула в меня, как прорванная канализация.

Я впился в Адель губами, я затащил её в какой-то закуток, набитый разноцветными мячами, рыжими париками, бутафорскими костями доисторических чудовищ, почему-то голубого цвета. И прямо на костях и мятых балетных пачках я впал в неё, как в отчаяние. Словно в конец времён.

Сундук фокусника, на котором мы занимались любовью, оплетённый ёлочной гирляндой, переливался под нами всеми цветами радуги. Как летающая тарелка, покидающая Землю навсегда.

Снова закричали по всему цирку безумными голосами.

Я бросился в фойе. Оказалось, парализованный ребёнок, которого привезли на представление в инвалидной коляске, вдруг встал и пошёл своими ногами безо всякого усилия.

Стресс исцеляет?

Или праздник и радость?

Цирк гремел литаврами.

Глава 3. ЧЕЛОВЕК-ПАЗЛ И БЕЗНОГИЕ АНГЕЛОЧКИ

Серов кипел новостями. История про выздоровевшего внезапно мальчика молниеносно распространилась. Все взахлёб судачили о чудесных исцеляющих возможностях арены.

— А чему вы удивляетесь? — в свою очередь, удивлялся иллюзионист. — В Древней Греции в театр доставляли на носилках лежачих больных. И они часто вставали здоровыми. Считалось, что их исцеляют античные боги, храмом которых был амфитеатр.

А я бы сказал: исцеляет волшебная сила искусства. Артисты не зря тут всю душу в свой труд вкладывают.

И фокусник удалился по переходам, опустив долу глаза скорбящего за всё человечество великомученика, но выставив напоказ придурковато-блаженную, глумливую ухмылочку.

И вечером в цирк ломанулся весь город. Особенно инвалиды всех мастей. Коляски, костыли, ортопедическая обувь, переноски. На что несчастные надеялись? Что шапито — это Лурдская часовня?

Впрочем, утопающий хватается за соломинку.

И снова на арену повалили практически инопланетяне.

Хищная стая уморительных клоунов, мотылёк с опалёнными крыльями, саблезубая стрекоза, безногие ангелочки. Русская печка под парусом, словно Емелино транспортное средство из сказки. Человек-пазл, который сам себя складывает и рассыпает. Бабочка, которую накалывают на булавку, а насекомое крутит на себе три десятка обручей, тяжёлых, как вериги.

Чёрные китайцы, белые негры, беременный сумасшедший шляпник. Из человека делают арфу, выдирая из него нервы, как струны. И он сам на себе играет неземную мелодию. Музыка сфер и крики боли.

Ведьма с клювом по колено, фея с буферами размером с арбуз. Цветущее дерево растёт из лба девушки прямо у нас на глазах, цветы превращают в апельсины, их срывают и раздают зрителям. Настоящие! Акробат поднимает сам себя за волосы. Лилипут запускает внутрь себя

руку и достаёт попугаев. Они бодро предсказывают публике будущее, одновременно разоблачая их тёмное прошлое.

А как цирковые это делают? Колдовство? Гипноз? Или они аэрозольный наркотик в воздухе распыляют и в мороженое в фойе мухоморы подмешивают?

Выпорхнули две наездницы: Адель и её сестра Аннабель. В голубых газовых платьях. Астральные эльфы — да и только.

Скачки, прыжки, вольтижировка, при этом ещё жонглируют серебряными звёздами. Сверкают, летают, нарушают все законы физики.

Нарушают? — Арестовать!

Но невозможно шевельнуться, словно весь цирк превратился в бассейн шампанского, и мы все в нём плещемся золотыми рыбками, хмельными и неменяемыми, как античные менады.

Фонтаны света, барабанная дробь, калейдоскоп лиц, выдумок, сказочных картинок. Волшебный фонарь, являющий все чудеса мира, все его заскоки, фантазмы, безумства, глюки.

Огни, огни, всё по кругу, по кругу. Как пляски дервишей, как заведённые игрушки, как несчастные каторжники, крутящие неподъёмное колесо до самой смерти.

И вдруг — ах! — Аннабель сорвалась с лошади, нога девушки зацепилась за стремя. Лошадь, белая, как ангел, как признание в любви принца, как гробница Тадж-Махал, — несла и несла наездницу, била её копытами в голову, протащила всадницу в зрительный зал, поволокла вверх по рядам. Артистка стукалась головой о барьер, о ступени, о сиденья. Нога оставалась в стремях, уже вывернутая невероятным образом, как на полотне работы Пикассо.

Наконец лошадь, тяжело дыша, остановилась. Наездницу оттащили, погрузили в скорую. Адель бросилась за сестрой. Завывая, как шакал Анубис, бог смерти, карета понеслась в госпиталь.

Не доехали. В скорой девушка с невероятным именем Аннабель умерла. Ей было девятнадцать лет.

Зрители рыдали. К цирку принесли свечи, цветы, плюшевых зайцев.

Кому теперь всё это нужно?

Адель как окаменела.

— Почему ты не бежишь отсюда? От своего мужа-садиста, от смерти, от страха? — спросил я ночью Адель.

И тут я и у неё увидел клеймо на лбу и цепь на шее.

Или почудилось?

— Куда? Если потеряю место здесь, больше нигде в цирк не устою. Не возьмут. Рюрик выдаст чёрную метку.

— И фиг с ним! Найдёшь себе другую работу.

— Цирк — это не работа. Это самовоплощение. Самореализация. Приговор. Я могу в другом месте заработать гораздо больше денег и добиться успеха. Цирковые упёртые. И трудоголики. Мы умеем работать до седьмого пота. Но на другой работе я буду мертва. А зачем мертвецу деньги? А здесь я живая. Битая, страдающая. Но живая. Мы с Рюриком сиамские сросшиеся близнецы. Не разорвать. Цирк — это судьба. Куда от неё денешься?

«Наверное, — подумал я, — и у меня с моей работой то же самое.

Наша работа — наркотик. Злой, убийственный, галлюциногенный. Но когда с него слезаешь, — сходишь с ума.

«Может, всё дело в адреналине?»

— Ты мог бы бросить свою работу и уехать со мной?

— Нет.

— И я не могу остаться и стать примерной домохозяйкой.

Мы оба не можем один без другого жить. Но оба прикованы к своей работе невидимой цепью. Нам не удастся сорваться с неё.

— И мы умрём от тоски друг по другу?

— Видимо, счастье бывает и таким: умереть от тоски друг по другу.

К утру стало известно, что на сорванном представлении случилось ещё кое-что. Прямо в зрительном зале, в кресле, скончался ещё один человек. Самый богатый житель города Охапков Гордей Никифорович. Мгновенная смерть. Похоже на инфаркт.

Милосердное население Серова это порадовало даже больше, чем исцеление ребёнка. Любят у нас олигархов — аж жуть.

На следующий день всем обеспеченным гражданам города в почтовые ящики набросали билеты на цирковое представление. На авось. Вдруг клюнут. Наследнички?

Или просто неравнодушные граждане?

И вот что удивительно. Любое учреждение, где произошло столько ЧП, закрыли бы. А этим хоть бы хны.

Как будто цирковые загипнотизировали сплошь все правоохранительные органы.

Или дали взятку?

ИЗ ИСТОРИИ ЦИРКА

Наездница Анастасия Максимова во время выполнения номера выпала из седла, зацепилась ногой за стремя и получила травмы головы, несовместимые с жизнью.

Скончалась в «скорой».

Глава 4. ОФИГЕТЬ!

— Так за что же мы любим цирк, бессмысленный и беспощадный, как русский бунт? — провокационно захихикал иллюзионист, кинувшись в атаку на журналистку, какую-то суетливую жужелицу, пришедшую брать у маэстро интервью.

На самом деле, вчерашняя трагедия, очевидно, сподвигла акул пера написать о цирке.

Чёрный пиар — самый манкий пиар.

— Ну, — замялась журналистка, не привыкшая интервью давать, — цирк — это свобода, праздник! Отвага, ловкость, избавление от серых будней. Всё, на что мы не решаемся, — вы можете.

— Цирк, деточка, — покровительственно покивал фокусник, — это битва добра со злом, жизни со смертью, наслаждения с болью. Цирковые семьями работают. Дети с четырёх-пяти лет начинают отдавать себя этому чудовищу. Цирк — это шестнадцатичасовой рабочий день вместе с репетициями и подготовкой номера. Боль падения, вывихи, переломы. Нищенская зарплата, постоянные гастроли. Цирковые, как цыгане, не имеют своего угла. Их дом — весь мир.

Перекаати-поле, кочевники, пойдй туда — не знаю куда. Налево пойти — коня потерять, направо пойти — убиту быть. Прямо пойдёшь — в неведомое попадёшь.

Это риск. Это редкое мужество.

В 2009 году Юлия и Александр Волковы во время выполнения номера «Воздушные гимнасты на полотнах» упали с высоты шесть и восемь метров на арену, где был залит искусственный лёд. Александр получил тяжелейшие повреждения ног. Юлия — множественные переломы. У неё разбито было лицо, плюс сотрясение мозга. Четыре дня девушка была в коме. Но после длительного лечения артисты решили, что должны вернуться в профессию. И сделали это!

В 2006 году на Артура Багдасарова напал тигр. Артисту наложили более ста швов. Но спустя время он вернулся на арену и снова активно выпутает.

Никогда не сдаваться — правило жизни цирковых.

— Но не всегда же бывает такое благополучное завершение историй?

— Нет, не всегда. Снежана Даутова работала в цирке Одессы. На репетиции тигр набросился на неё и клыками перекусил сонную артерию. Смерть была моментальной. Тигр был застрелен.

Ирина Асмус — знаменитая клоунесса Ириска. Она не только выступала в цирке, но и вела передачу «АБВГДейка» на телевидении. Ириску знала и любила вся страна.

Во время выполнения номера «Старушка на абажуре» Ирина отстегнула страховочный трос, он мешал ей. И сорвалась с высоты двенадцать метров. Тысячи людей оплакивали её.

Нелепа и жестока смерть в тридцать семь лет Леонида Енгибарова, друга Высоцкого.

Цирк — не бизнес, не погоня за славой.

Все охвачены жаждой успеха. Почему же помнят через века только мучеников и страдальцев, то есть неудачников? Может, потому, что именно они что-то делают для людей, а успешные люди всё вершат только для себя? Никому, оказывается, не интересны себялюбцы.

Так вот цирк — это сплошной альтруизм, добровольное принесение себя в жертву, чтобы у остальных всё было хорошо, чтобы им было весело, чтобы они любили жизнь и верили, что она прекрасна, а человек способен творить чудеса.

Мы сжигаем себя, чтобы вы были счастливы.

Так было в античные времена, когда первых актёров, изображавших смерть бога Диониса, убивали по-настоящему. Так вот артисты гибнут порой и теперь

Вы думаете, люди о благополучии мечтают? То есть о новом авто, о квартире, съездить в отпуск в Турцию? Люди мечтают быть воинами света. Обрести талант, призвание, самих себя.

Мы приносим зрителям это.

— Не чересчур ли делать такие вещи ценой жизни?

— А Вы в курсе, что во всех городах, где мы выступали, у детей появлялась невероятная тяга к творчеству? Вдруг они буквально бросились рисовать чудесные картины, писать стихи. И всё это без специальной подготовки, самоучками. Вся жизнь у людей благодаря цирку заиграла новыми красками. Ради этого и умереть не жалко.

— А как же тогда смерть уважаемого гражданина на представлении?

— Такого ли уж уважаемого? Поговаривают, этот тип в девяностые был руководителем местной ОПГ. Правоохранители считают, что руки у него по локоть в крови.

А древние боги не только раздают таланты и радость жизни. Олимпийцы и карают.

И представление завертелось снова.

Заклинатель вещей жонглировал предметами, и они переставали подчиняться законам материального мира. Эквилибристы прыгали по небоскрёбам, акробаты ходили по стенам, как мухи, скакали из одного виртуального мира в другой, как белки, носились по параллельным мирам и парили в куполе, украшенном звёздами.

Всадники без головы перекидывались своими головами. Хилеры доставали из себя внутренности, разбрасывали по арене, падали, умирали. А после вставали, собирали свои потроха, запихивали в себя и, счастливые, сбежали за кулисы.

Девушку в платье из бусин рвали на части живые динозавры, сжигали, а она оживала и танцевала чечётку. Гимнасты плели из своих тел кружева. Клоун ловил сачком привидения.

Разворачивалась скатерть-самобранка, из пустоты появлялись деликатесы, и все зрители могли ими насытиться.

Чёрный Дед Мороз, похожий на Григория Распутина, доставал из маленького пакетика огромные коробки с подарками детям, и хватало всем малышам в зале.

Чудовище бросало деньги тем, кто пооборваннее в зале, и деньги оказывались настоящими.

Это была помощь бедным?

Или дьявольское искушение?

Клубились артисты в костюмах кузнечиков, крабов, жаб, гусениц, стрекоз, каракатиц. Как будто повелитель насекомых Баал, хозяин ада, выпустил их на волю, и это одна из казней египетских и вообще предвестие конца света.

Глядь — а жуткие существа все настоящие, и это вовсе и не костюмы, Гадюка подползла к зрителю и укусила его. И он мгновенно умер. А потом — раз! — и насекомые, пресмыкающиеся, животные снова перекинулись в людей. И укушенный ожил и захлопал в ладоши.

Оборотни!

Все иллюзии обращались в реальность, а потом снова развеивались по ветру, как буддийские мандалы.

Люди превращались в детали механизма. Творец пытался их сложить воедино. А они сопротивлялись, бились друг с другом насмерть, и всё рассыпалось.

И вдруг всё сложилось само, — и механизм заработал.

Зрителей превращают в кофемолки — и раздаривают их. В пирожки — и их съедают. В звёзды — и забрасывают их на небо.

Похоже на оргию. В этом есть что-то непристойное.

А потом они все возвращаются. Кофемолки сломаны — и их отдают назад. Пирожками отравились. Звёзды падают с небес, и мы все загадываем желанья, и они сбываются.

Вот только те ли вернулись? Вернулись ли прежними? Не изменились ли возвращенцы непоправимо в своём путешествии? И остались ли людьми — или они теперь казачки засланные?

И снова мы то в первобытном лесу, а он превращается в Марианскую впадину. То мы в межзвёздном пространстве, а оказываемся в жерле извергающегося вулкана.

Весь цирк горит, — но никто не сгорает, в конце всё возрождается из пепла, как Феникс.

Цирк — Вселенная, параллельный мир. Здесь иные законы.

И мораль иная?

И что здесь можно, а что нельзя? Может, они и «не убий» под шумок отменили?

Адель вечером не пришла. Я видел, как муж посадил её на ржавую цепь и заставил приносить ему тапочки в зубах. И Адель с такой приторной преданностью это проделывала, так искренне лизала этому придурку руки, что я понял: любимая никогда не будет со мной просто потому, что я никогда не смогу ударить или унижить женщину.

— Пойми, — шептала мне позже Адель, — я к этому привыкла. По мне, любовь выражается именно так. Меня отец с четырёхлетнего возраста во время репетиций порол как сидорову козу, когда я портачила. Папуля вбил в меня безукоризненное выполнение трюков. А вот Аннабель жалел. И отцовская жалость сестру погубила: она всё время нарушала правила, за это и поплатилась. Она закрепила ногу в стремени гораздо прочнее, чем это положено, и не смогла освободить её, когда упала.

Для цирковых боль — это норма. Растяжения, ушибы, синяки. Для меня ваша жизнь ненормальная. Вы все слишком недисциплинированы, избалованы, нетерпеливы, слишком помешаны на комфорте. А жизнь сурова. Надо всё время это помнить и себя закалять. И физически, и психологически. Надо держать удар двадцать четыре часа в су-

тки. Иначе пропадёшь. И Рюрик меня всё время держит в тонусе. И это здорово. Это продлит мои дни.

У нас подпустил больше гуманности с животными — зверь бояться перестал, дрессировщик погиб. Развёл в номере демократию — акробат погиб, потому что партнёр поступил, как ему хочется, а не как требует техника безопасности.

Но ведь и в полиции так же: пожалел стрелять в вооружённого преступника, — и лёг вместо него мёртвым. В опасных профессиях — средневековые полные. Культ силы, тирания, зверские методы. У нас гуманизм и демократия губительны.

Зато случись мировой катаклизм, — выживут цирковые и полицейские. Потому что привыкли терпеть боль и неудобства, и себя не жалеют, и не хныкают по пустякам.

— Да чтоб ты пропала с этой своей философией, — пробурчал я себе под нос. — Даже если ты права, — я не хочу тебе верить. Не желаю признавать, что гуманизм и демократия губительны.

То, что ты тут провозглашаешь, правильно для мира животных, для природы. А мы люди. У нас другие правила.

— То есть ты не осознаёшь, что мы — часть природы? А ты — слабак.

— Мы — часть Бога. Да, жизнь жестока. Но это не значит, что должны быть жестоки мы. Мы живём по законам милосердия. А те, кто прогнулся под жестокость жизни, и есть истинные слабаки.

— Тогда жизнь сожрёт тебя.

— Мне жаль, что в твоей судьбе не нашлось кого-то, кто защитил бы тебя от тебя самой, кто сделал бы тебя счастливой.

Адель смотрела на меня, как ходячая чёрная месса: само благолепие, но с подвохом, с подвывертом, с заскоком.

И в голове моей билось одно: вдруг эта бедная женщина во всём права?

И милосердие никуда не годится в бою?

А цирк, борьба с преступностью и вся наша жизнь — и есть непрерывный бой?

Перед уходом моя возлюбленная подарила мне книгу по истории цирка.

Как-нибудь почитаю.

ИЗ ИСТОРИИ ЦИРКА

Английский актёр XVIII века Джозеф Гримальди считается отцом современной клоунады. Он создал образ Джоя — комический персонаж британской арлекинады, первого клоуна с белым лицом и с улыбкой от уха до уха. В лондонских церквях до сих пор проводят заупокойные службы в честь Джозефа.

Эммет Келли

Кому нужны радость и потеха, когда рушится мир? — Эммет Келли уловил настроение публики в годы Великой Депрессии. Он создал образ грустного Вилли, нищего бродяжки в обносках с вечно унылым лицом. Говорят, он скопировал образ с настоящих бродяг той эпохи.

ГЛАВА ФИГ ЕГО ЗНАЕТ КАКАЯ. СО СЧЁТУ СБИЛАСЬ

— А вы знаете, что в цирке выступают специальные мутанты, сверхлюди со сверхспособностями, которых выводят на специальных фермах современные компрачи́косы! — огорошила меня соседка, странная помесь высоколобой интеллектуалки с деревенской свихнувшейся сплетницей: седой пучок, алая косынка концами назад, как у комсомолки двадцатых, но очки золотые, профессорские. Чёрный беззубый рот, но брючный английский костюм элегантен до невозможности.

— А вы знаете, — заходилась передо мной в корчах алкаш, с губками-узелком и с глазками-узелками на память. Только никто не помнит, что надо было с их помощью запомнить. На голой груди у алкаша роскошная татуировка: Шекспир с черепом под мышкой, верхом на детской палочке с конской головой, — в цирке пропадают подростки. Прямо на представлении. Один вышел на секундочку в туалет — и с концами! Второй пошёл за воздушными шариками — и амба. Не иначе Пеннивайз Стивена Кинга в Серове завёлся. Город в тревоге! — пафосно возгласил старый пьяница. И больше всего меня поразили литературные реминисценции маргинала.

— А вы знаете, — схватило меня за рукав форменное оно: с бордой до пояса, но и с косой до пояса, в белом кружевном жабо, надетом на славянскую косоворотку, и с белым торжественным бантом первоклашки на голове. — У фокусника есть Чёрный кабинет. Там все предметы движутся сами. Из графина наливается вода. Бублики сами собой жонглируют. Абрикосы сами прыгают в рот.

И там исполняются все желания. И вот ведь что: все до единого загадывают там не замки на Луаре, не «бентли» и не яхты. Все до единого желают себе мучений. И всё получают сполна.

Может, мы потому так и живём ужасно, что все подсознательно хотим себе плохого.

А вот почему — другой вопрос.

Нагрешили мы что ли?

Или это отголосок христианского воспитания: здесь отмучаемся, — а на том свете сразу в рай?

Или загипнотизировали нас враги советской власти? Да только где она, та власть? И следов не осталось. А враги всё нам вредят?

Адель подобралась ко мне украдкой. Я хотел уйти.

— Погоди. Мне приснилось, что на исповедь к священнику пришёл маньяк. И рассказывает батюшке во всех подробностях, как убивает невинных людей. А священник не имеет право раскрыть кому-то тайну исповеди. Он и не пытается. Вместо этого он показывает убийце фотографию женщины, своей прихожанки, которую служитель Бога страстно любит издали. И просит маньяка обратить на неё своё внимание. И когда убийца решит её «осчастливить», священник просит, чтобы она мучилась как можно дольше. Потому что страданиями душа очищается, а священник хочет, чтобы прихожанка спасла свою душу, благодаря пыткам искупила все свои грехи и попала в рай.

И я вижу, что на фотографии — я.

И во сне маньяк ловит меня. Связывает и серпом по кусочку срезает с меня всю мою плоть, до костей. Потом распарывает меня от горла до самого паха и дымящиеся внутренности вываливает в чашу. И, оказывается, мы находимся в индийском храме, и священник, на самом деле, брамин. Он ставит чашу с частями моего тела у ног богини Кали. Я боли не чувствую. Но испытываю безграничный ужас и восторг. Пока маньяк резал меня, я пела от счастья ангельским голосом. Наконец скелет мой стал распадаться на части, кости посыпались на пол храма.

Сегодня я пошла в церковь на исповедь. А там вышел принимать её священник из моего сна. Одно лицо.

— И? — обречённо спросил я. Сейчас потребует арестовать бедного дядьку, а он ни сном ни духом про её «жизнеутверждающие» сны.

— И я счастлива! Скоро священник подарит мне свою спасительную любовь. Я пройду через горнило мучений и обрету рай.

— Всем хорош ваш цирк, — икнул я от неожиданности. — Но крышу вам сносит капитально.

Тут мы вырвались друг у друга из рук и сбежали один от другого, сверкая пятками.

И в этот момент зафанфарило новое представление.

Иллюзионист вылетел на арену и бросил на неё детский маленький кубик. Кубик стал расти, и из него выросло человек двадцать клоунов. Они были похожи на вампиров; на одноглазых пиратов; на эксгибиционистов с голыми ногами, в безразмерных плащах; на бомжей; на мажордомов из английских поместий; на силачей начала XX века, в полосатых трико, кидавших вверх пудовые гири. А ещё на французских модисток времён Тулуз-Лотрека, на астральных принцесс, на маньяков из фильмов ужасов, на поэтов серебряного века, на людоедов из Папуа-Новой Гвинеи, на шоколадниц в кружевных наколках и в хрустящих белоснежных передниках, на маркизов и герцогинь времён Французской революции.

При этом у всех персонажей глаза и волосы постоянно меняли цвет, и клоуны превращались в предметы, вроде пишущей машинки «Ундервуд», граммофона, батискафа или детской игрушки. А потом это и вовсе исчезало при всём честном народе.

Иллюзионист — заклинатель реальности! Дрессировщик мира!

А вдруг он нас так загипнотизирует, что заставит творить, что ему угодно? Красть? Убивать? Совершать теракты?

Фокусник писал картины на расстоянии, читал книги, не открывая их.

Садистски распиливал ассистентку бензопилой «Дружба» (ассистенткой служила Адель, ведь её номер закрылся после гибели сестры), заливал всю арену кровью, а девушка потом выпрыгивала из ящика целёхонькая.

Фокусник проходил сквозь стены, телепортировался на последние ряды зрительного зала, опутанный цепями, погружался в огромный аквариум с водой и через двадцать минут, когда никто и не чаял увидеть артиста живым, выныривал, порвав оковы. Факира замораживали во льду и потом оттаивали, невредимого. Фокусника хоронили в огромном ящике с землёй, а иллюзионист восставал из мёртвых.

Он левитировал, он ходил по воде!

И было во всём этом что-то богохульное. То ли факир намекал, что евангельские чудеса — всего лишь фокусы. То ли доказывал нам, что он — новый Мессия.

Даже не знаю, что пугало меня больше.

Наконец, фокусник отрезал кусок от тени гортензии, а кусок отвалился у реального цветка. Факир просто взял и порушил причинно-следственные связи этого мира.

Резал тень растения, — а кровь потекла из руки самого манипулятора.

Это ведь он пытался нам объяснить, что искусство — всегда самопожертвование, что всё создаётся через страдания художника. Что все события в мире не проходят для творца бесследно, всё вызывает у него боль.

— Всё — правда! Но ничему не верьте! — жарко шепнул мне на прощанье фокусник. — Это же цирк! Здесь всё — иллюзия.

Но, может быть, то, что всё иллюзия — тоже иллюзия?

Индуисты вот верят, что всё сущее — лишь майя. Нам это только кажется.

И знаете, про Чёрный кабинет не врут. Обыватели приходят ко мне и загадывают себе пытки. А больше всего меня поражало, что, когда мы уезжали из городов, где мы выступали, люди бежали за нами и рыдали. Не хотели отпускать свою боль.

А одна девица всё бросила, устроилась к нам туалеты мыть за копейки, голодала, лишь бы каждый вечер испытывать, как её сжигают заживо, со всеми ощущениями, а потом возродиться целой и здоровой.

— А потом?

— Через пару месяцев в реале облила себя бензином и сгорела заживо.

— Получается, это Вы её убили?

— А Вы не думали, что серая жизнь обывателей страшнее самых адских мучений? Потому они сюда и бегут. Рабы и зомби цирка.

На этом месте все зрители превратились в мертвецов, — и из глазниц их полезли черви и опарыши.

А когда публика целиком опять ожила, мы все подумали: а может быть, смерти вообще нет?

Иллюзионист торжествовал в центре арены в алом рединготе и в цилиндре.

Как палач.

ИЗ ИСТОРИИ ЦИРКА

Дэвид Копперфильд проходил сквозь Великую Китайскую стену. Осуществил побег из Алькатраса. Продемонстрировал исчезновение вагона, самолёта и Статуи Свободы. Левитировал.

Сейчас занимается благотворительностью и ведёт уединённый образ жизни.

ГЛАВА РАСТЕРЯННОСТИ

Священника-то я приказал взять под наблюдение. Но он вёл себя смиренно. Придраться было не к чему.

А у Адели тоже стал меняться цвет глаз. А потом и лицо, и тело.

Передо мной каждые полчаса представала другая женщина.

А та, которую я так несусветно полюбил, она-то где?

И к чему мне эта армия незнакомок?

Правда, взгляд у Адели не менялся: всё так же была покрыта морщинами радужка, и очи всё так же были глазами узницы Освенцима.

Да и вся реальность в Серове вдруг начала мельтешить и во что-то превращаться.

Идёшь по улице, застроенной облупленными хрущёвками, — и вдруг это канал Амстердама, велосипеды, баржи с геранями и с рыжими котами, кирпичные средневековые домики с фигурными фасадами и с узкими окнами.

Топаешь мимо мэрии с дежурным памятником Ленину, — а оказываешься перед китайской пагодой, чудом прилепившейся к почти вертикальному склону обледенелой скалы.

Ловишь беспризорников по крысиным подвалам, — а ощущаешь себя на Эйфелевой башне, в ресторанчике с круассанами и с жареными перепёлками.

И люди вокруг заметно страннели. Писали жалобы на взбесившийся в подъезде полтергейст, который переломал все скамейки и детские коляски. Требовали разобраться с вновь образовавшейся соседкой-ведьмой и непременно сжечь её прилюдно на городской площади. Сачком для рыб пытались выловить в рекордно гигантской луже местного Лох-Несси и внести после этого наш город в список ЮНЕСКО как культурный объект мирового значения.

Поэтому сына я в цирк больше не водил. Мальчик и так пересмотрел ужасов.

Но сам оторваться от этого зрелища не мог.

Чуть ли не хитростью, как в детстве, когда смотрел в клубе кино через дырочку в заборе (кстати, не факт, что Витька не освоил такие технологии), я пробирался за кулисы и пялился, пялился на выступление артистов.

У Медузы Горгоны из головы росли живые ядовитые змеи и жалили друг друга, а Горгона агонизировала, но никогда не погибала. Кентавры демонстрировали дрессировку самих себя. Зрители метались между Сциллой и Харибдой.

Как по мановению волшебной палочки, разворачивалась перед нами Африка. Мы видели, словно на сафари, вольных зебр, изобретательных павианов, драконообразных аллигаторов, солнцеподобных слонов.

Потом тонкий вой пустыни, барханы, изгибающиеся, как восточные танцовщицы, золотые львы, огромные летучие мыши с внешностью нечистой силы.

Море, презрительные крики чаек, серебристые дельфины с лукавыми мордочками гномов с утиными клювами.

Но тут на арену вырвались «зелёные» с плакатами и устроили пикет, требуя запретить использование животных в цирке.

— Их здесь бьют, мучают! Звери все искалечены! — кричали демонстранты. — Это всё садизм сплошной! И вы на этом ужасном зрелище надеетесь воспитать своих детей порядочными людьми?

— Тогда надо быть логичными до конца, — резонно возразили цирковые. — Давайте и зоопарки все закроем, там тоже звери мучаются.

— Давайте! — азартно согласились пикетчики.

— А где ваши дети зверей увидят? — подкалывали цирковые.

— На видео в Интернете посмотрят! — отбивались «зелёные».

— И все зверофермы закроем, и зимой будем ходить не в шубах, а в телогрейках!

— Будем! — надсаживались защитники природы.

— И уничтожим все фермы и скотобойни. Никаких мяса, молока и яиц!

— Да-а-а! — раздался торжествующий рёв демонстрантов. — Веганство спасёт мир. Если мы едим других существ, которые испытывают боль и страх смерти, — мы вообще не люди!

— А что делать с животными, уже живущими на фермах? Всё равно забить, только не для еды, а за ненадобностью?

И всех фермеров, доярок и скотников тоже забить — по сокращению штатов? Или дадим работникам сельского хозяйства просто сдохнуть с голоду, когда они останутся без работы?

— Переучим, дадим другую профессию.

— А если люди откажутся по вашему приказу жить на салатных листьях? Некоторые не могут жить без мяса.

— Некоторые любят убивать себе подобных. Что ж им, потворствовать? Введём новые законы — все одумаются. А кто не захочет, — тот за убийство любого живого существа пойдёт на пожизненное.

— Но если нельзя мучить животных, то людей что, можно? — ехидно подытожили акробаты. — Тогда и артисты цирка откажутся работать. Закроем цирки вообще. И прихлопнем все виды искусства, где люди мучаются: кино, там каскадёрам достаётся. Театр, — каково там актёрам. Живопись, — художники по ночам не спят, полотна обдумывают. А также литературу и всё-всё-всё. Не будем напрягать творческих людей.

Да, и главное. Надо вообще отменить все профессии, связанные с тяжким трудом и с риском. Геологов, литейщиков, строителей, учителей, хлеборобов. Особенно врачей, военных и полицейских! Жить будем в шалашах, питаться корой деревьев. Или их тоже жалко. Тогда песком и камнями. Ходить голыми. И ничего, что врагов, преступников и болезни никто никогда не отменит. Потерпим! Ради идеи!

— Но ведь это идея гуманизма! Вы же все за него! Что же вы теперь пошли на попятную?

Наш девиз: «Жизнь животных так же важна, как жизнь людей!»

Да Бог свидетель, я сам под этим подпишусь!

Но без колбасы жить не могу, хоть убейте!

Что делать, ума не приложу.

В этот момент все звери в клетках разом совершили коллективное самоубийство, не дожидаясь усыпления в целях милосердия.

И пока социум переваривал всё произошедшее, ко мне метнулся иллюзионист в алом.

— Адель пропала!

— Каким образом?

— Я на репетиции затолкал девчонку в ящик фокусника, а она вдруг оттуда исчезла.

— Да она просто сбежала наконец от своего дурного муженька. Теперь небось на Мальдивах с любовником балдеет! — заверили её заклятые подружки.

— Нет, это он, он её убил! Рюрик окаянный! — завывали дурными голосами эквилибристки. — Он давно ей угрожал, что если Адель будет ему изменять, — здесь все они, как по команде, уставились на меня, — то он жену на кусочки порубит и львам своим скормит.

Надо в эксcrementах хищников поковыряться, наверняка, найдём обручальное кольцо. Оно у неё с гравировкой: «Адель и Рюрик». И сердечко! — эквилибристки уцепились в дюжину рук за меня. Ждали, наверное, что я прямо сейчас расстреляю из табельного окаянного Рюрика.

Униформисты на полном серьёзе рванули ковыряться в львиных кашках. И нашли кольцо! Потрясая не столько им, сколько эксcrementами, электорат стройными рядами отправился линчевать озверевшего рогоносца, предварительно крепко его помяв.

С трудом, волоча на себе подюжины эквилибристок, я остановил это побоище и задержал Завадовского до выяснения обстоятельств. Причём пока дрессировщика поместили в больницу с сотрясением мозга.

Пока всё это происходило, мне почему-то всё вспоминалось, как Адель кроила улыбку перед выходом на арену. Имел счастье наблюдать.

Она сначала пожевала, потом оскалилась, как гиена, потом начала складывать с усилием улыбку, словно конструктор с явной нехваткой деталей. Что-то в её улыбке неуверенно качалось, как хромая табуретка. Улыбка — явный недострой. И наконец она лучезарно расцвела!

Но всё это было искусственным, неискренним!

А зачем Адель постоянно демонстрировала всем, как муж её избивает? На мазохистку она не похожа. Запуганные жертвы домашнего насилия побои старательно скрывают, а не выпячивают. И во время наших бурных свиданий я не видел на её теле никаких следов! Как будто их кто-то стёр ластиком.

Звезда моя часом не запланировала хитромудрое убийство мужа моими руками? Я, по всему, должен был бы кинуться Адель защищать. Да что-то меня останавливало. Какая-то ошарашенность. Я никак не мог поверить в реальность происходящего. Так, может, это и не было реальностью? А игрой? Подставой? Порчей?

— Не знаю, не знаю, — прохрипел мне в ухо сильно пьющий старообразный клоун. — При чём тут муж? Он уж года три на женины закидоны плюёт. С чего бы ему именно сейчас на этой почве свихнуться? Ты ж не думаешь, что из-за тебя? Ты один из длинной очереди амантов.

А вот факир наш в Индии своим штучкам учился. И там ведь именно так людей в жертву приносили, как во сне Адели: резали на мелкие кусочки заживо, и каждый фрагмент на чьём-то поле закапывали. Верили, что так урожайность повышается.

Да и исчезла Адель во время репетиции фокусника, из его сундука.
У Адели во сне священник — убийца. Так ведь факир — тоже слу-
житель индийских богов, то есть священник. Религия только иная.
— А откуда вы про сон артистки знаете?

ИЗ ИСТОРИИ ЦИРКА. МАРСЕЛЬ МАРСО

Марсель Марсо во время второй мировой войны бежал из страны. Участвовал в Сопротивлении. Большинство родных артиста, в том числе родители, погибли в Освенциме.

В 1947 году Марсо создал клоуна Бипа с белым лицом, в полосатом свитере. За свой вклад в искусство мим получил орден Почётного легиона — высшую награду Франции.

ЧАРЛИ ЧАПЛИН

Великий гуманист, киноактёр, режиссёр снялся в десятках фильмов и завоевал всемирную известность. Он создал образ «маленького человека», которому неизменно не везёт, но который пленяет зрителей добротой и благородством..

В 1942 году Чарли Чаплин выступил перед многотысячной аудиторией с публичным требованием открыть Второй Фронт. По предложению Чаплина была подготовлена телеграмма Президенту Рузвельту об открытии фронта.

В фильме «Великий диктатор» актёр показал Гитлера смешным и жалким. Гитлер объявил Чаплина своим личным заклятым врагом. Все его картины были запрещены к показу в Германии.

Не поддающаяся упорядочиванию глава «ЦАРСТВО ПЫТОК»

Сегодня на арену вывалилась новая команда иллюзионистов с представлением «Царство пыток». Возглавлял это шествие косоглазый обоюдоострый дылда, похожий на вампира из фильма «Носферату». А его команда в пурпурно-чёрных трико, с рожками на голове — исчажья ада патентованные.

Форменный шабаш.

И декорация у команды была залихватская: словно все мы оказались в церкви-костнице Кутны-Горы. Это храм, где всё убранство выложено из настоящих человеческих костей. Все стены и колонны отделаны этим материалом. Даже люстры из черепов. Словно это приют людоода.

Это чтобы христиане не забывали о смерти, о том, что все мы под Богом ходим, а могила неотвратима. Стало быть, жить надо не ради материального и преходящего, а ради духовного и вечного.

Только у этих ребят из цирка черепушечки были весёленькие, расписные, в глаза вставлены разноцветные лампочки, и покойнички нам весело подмигивали непрерывно.

И началось. Артисты забивали себе двадцатисантиметровые гвозди в руки и ноги. Жонглировали работающими бензопилами. Глотали битое стекло. Шарахали себя током. Карабкались по лестнице со ступенями из острых лезвий.

Засовывали ассистентку (её лица было не видно) в мешок и топили её в чане. Потом открывали мешок, а там только мокрые тряпки. В том же мешке ассистентку сжигали. Она так визжала, — я чуть не кинулся с огнетушителем. А девушка уже выскакивала живая из-за кулис. Опять я купился. — А Вы заметили, — интимно задышал мне в ухо фокусник в алом цилиндре, — что самые эффектные номера — подражание самым жестоким средневековым казням. Четвертование с помощью пилы. Сжигание заживо. Утопление в мешке. Протыкание шпагами. И современный электорат балдеет от этих кошмаров. Видимо, он не слишком изменился с тёмных веков.

Наконец привязали ассистентку к столбу и серпом срезали с неё всю плоть. Кровь хлестала, заливая первые ряды по самые брови. Как во сне Адель.

Так, может, это и была она? И никуда она не исчезала?

Зрители падали в обморок пачками. Их целыми взводами вывозили на каталках дежурившие врачи «скорой помощи». Прямо медицина катастроф.

И все ждали, что — бац! — и снова артистка выбежит целёхонькая из-за кулис.

Но произошла какая-то заминка. Она всё длилась, как пауза великого актёра. Все униформисты вдруг нелепо засуетились, музыканты сникли. Даже воздушные шарик у зрителей отчего-то принялись лопаться беспричинно и хаотично.

И тут объявили, что представление прервано, потому что ассистентка погибла.

Это они про кого? Мозги ворочались в черепной коробке медленно, словно рыба в желе.

И вдруг меня как окатило кипятком. Я одним прыжком подскочил к столбу, у которого скорчилось обезображенное тело, невозможно даже

понять, женское или мужское, не говоря о том, чтобы опознать личность.

И всё кувыркалось вокруг меня. Адель — не Адель? Умерла — не умерла? Реальность — или иллюзия?

Сон? Приступ безумия?

Где иллюзионист-вампир и его рогатая команда?

А их нет и как бы и не было.

А вдруг и женщины никакой не было, и это животное какое-нибудь зарезанное кровью истекает? — Всё может быть.

Где же Адель? — Исчезла.

Исчезла — в смысле сбежала от своего чёкнутого мужа? — Вероятно.

Но ДНК-то можно взять у трупа на арене? Это человек? — ДНК взять можно, и видовую принадлежность мы определим. Но узнать, Адель ли это, не получится. Сравнивать данные не с чем. Аннабель спешно кремировали. А других кровных родственников у сестёр Дивных не было.

Так была ли девочка? И грохнули её неумехи из параноидального шоу? Или по её душу, правда, демоны приходили?

В какой-то момент меня стало как бы два. И один закрутился в многочисленных действиях и версиях, заплутал и сгинул в этом лабиринте. А второй обрёл точку опоры, вцепился в какой-то столб. Вот только вдруг понял, что это столб, у которого умерла в муках женщина. Возможно. И, возможно, это была Адель.

— Знаете, — снова зашептал мне призывно фокусник в алом цилиндре, — если это была она, то данный несчастный случай, возможно, вовсе и не случаен.

— Что Вы имеете в виду?

— Проклятие семьи Дивных. Отец Адели когда-то убил её мать. Он был бросателем ножей, а жена ему ассистировала. На арене Дивный её закидывал острыми лезвиями, они все вонзались в деревянный щит в миллиметре от головы женщины.

Но однажды, якобы нечаянно, отец промахнулся и попал жене летом прямо в глаз. Мгновенная смерть.

Как назло, накануне муж узнал об измене супруги. Поймал её с любовником. Но следствие не смогло доказать преступный умысел. Папаше даже убийство по неосторожности не смогли припаять. Жена, — как бишь её? Мирабель! — подписала контракт, по которому в случае её гибели во время исполнения номера всю ответственность несёт сама ассистентка.

— И что было дальше?

— Папаша ушёл из номера. Никто с Дивным больше не хотел работать. И он стал дрессировать дочерей. Сделал из них великолепных наездниц. Очень жёсткий был учитель. Но они объехали с гастролями весь мир, так это было ярко и неповторимо.

А потом, когда Адели исполнилось шестнадцать лет, батя её вдруг помер в одночасье. Они возвращались из Праги, и отец скончался прямо в самолёте, в кресле рядом с дочерью.

Так вот за кулисами ходил слухок, что это Адель папочке за мать отомстила. Что-то капнула ему в коньячок. Красавица наша, знаете ли, никогда никому ничего не забывала. Впрочем, в цирке другие и не выживают.

— Так она всё-таки не жертва. Недаром я с первого взгляда почувствовал, что она — ходячая опасность.

— Мало того, у сестёр Дивных были на редкость скверные отношения. Аннабель очень завидовала сестре. В её ублюдочного мужа была влюблена. В постель к нему влезла. А сестре даже битое стекло в туфли сыпала от полноты чувств.

И с какого рожна Аннабели было стремя укреплять? Она осторожная была, понимала, как это опасно.

— Вы хотите сказать, что Адель убила своих отца и сестру, сымитировав несчастный случай?

— Ничего я не хочу сказать, кроме того, что иногда высшая справедливость принимает странные формы.

— А как же вы с ними всеми работали рядом? Не страшно было?

— Прочитал я подростком новеллу Мопассана. Там обеспеченный буржуа вспоминает свою жизнь. И оказывается, что в ней вообще не было событий. Нет, в тысяча восемьсот каком-то бородатом году у этого рантье сломался будильник. Это ведь счастье? Полное благополучие! А богач взял и повесился. От тоски.

Я думаю, в цирк идут люди, которые не хотят оказаться на месте этого буржуа.

ИЗ ИСТОРИИ ЦИРКА

Предвестники клоунов — шуты — при королевских дворах обладали правом высмеивать любого, самого знатного представителя аристократии. Даже самого монарха. Шуты могли говорить правду всем, как бы горька она ни была. Такая средневековая свобода слова.

В России роль шутов выполняли юродивые. Их считали святыми. Они носили лохмотья, вериги, ходили босиком по снегу. Цари не смели оспаривать приговор божьих людей. Так рухнула власть Бориса Годунова, когда юродивый обвинил его в убийстве ребёнка, царевича Дмитрия.

Шутов считали посланцами Бога, Его голосом.

При Сталине правду ему говорил клоун Карандаш. Даже Сталин не посмел Карандаша уничтожить. Посланцев Бога боялись и атеисты.

Некая глава. СКОРАЯ ПОМОЩЬ КЛОУНОВ

Отколошмаченный Рюрик пошёл на поправку. (А жаль!)

В экскрементах тигров и львов человеческих останков не было обнаружено.

Изрезанный на арене труп оказался тушей овцы, которую искромсали уже мёртвой.

«Цирк инопланетян» после этого полностью отказался от показа дрессированных зверей.

Рюрик ко всему остался ещё и без работы. (Так ему и надо!)

Но куда же они всё-таки зверей дели в итоге?..

«Царству пыток» предъявить было нечего. Никого они, вроде, не убивали. Только над самими собой дико издевались. — Законом не запрещено.

Адель долго искали. Но так и не нашли. То ли всё-таки грохнули её и удачно спрятали труп. То ли она вырвалась на волю от всех нас и порхает там где-то вдаль. На Кипре или в Изумрудном городе. Или на Сириусе, откуда якобы и прибыли наши цирковые.

А, может, и правда, именно оттуда и прибыли?

Я долго думал: а зачем мне фокусник вывалил историю семьи Дивных? Цирковые не любят выносить сор из избы.

Девчонки из кордебалета нашептали мне, что фокусник к Адели подкатывал. Но она дала ему от ворот поворот.

Это была месть отвергнутого кавалера?

Просто грязные сплетни злобного человека?

Были убийства в семье Дивных? Или всё вымысел?

Или всё-таки фокусник из ревности Адель и убил, а следы запутал?

Итак, цирк подарил мне безумную, жуткую, но безграничную, космическую любовь.

Но словно бы это была и не любовь, — а шарж на неё. И не женщина, — а карикатура. И не моя жизнь, — а фарс и кривляние.

Я продолжал ходить в цирк, потому что продолжал любить Адель. Жертву? Убийцу? — Истерзанную душу.

Без неё моя жизнь серая. И они правы, эти цирковые: это страшнее любых адских мучений.

«Цирк инопланетян» пытался восстановить свою репутацию. Проводил бесплатные сеансы для многодетных семей. Бригада клоунов отправлялась в детскую больницу и давала там представления. Бригаду эту даже прозвали «скорой помощью клоунов». Врачи констатировали, что излечиваемость детей выросла раза в два.

Цирковые выступали и в местном хосписе. И доктора смогли уменьшить количество обезболивающих, которые кололи умирающим от рака. Оказывается, смех — это великий обезбол. Клоунские номера облегчали страдания онкологических больных и продлевали им жизнь. Пусть ненадолго.

А в самом шапито как-то раз прямо на представлении мужик, похожий на бомжа, завопил: «Эврика!» Выяснилось, что это математик, и он именно в ту минуту решил какую-то нерешаемую научную проблему мирового значения. За это бомжеватому мужику позже присудили премию в миллион долларов. А бомж пожертвовал его на местный детский дом.

В цирк потянулись яйцеголовые всех мастей — профессора, писатели, художники, изобретатели — со своими рукописями и с ноутами. И многие обрели вдохновение, прозрение, озарение. Шапито работало, как магический кристалл, в котором каждый мог найти свою гениальность.

Потом выяснилось, что фокусник в алом даже доставал и показывал всем газету из будущего. И когда это будущее наступало, там случались вещи, про которые мы уже читали в газете накануне.

Значит, это не фокусы были? А что? Машина времени?

Даже цирковые пророки завелись, вроде Ванги. Вещали нам про светлое будущее. И многое сбывалось.

Может быть, цирк, как и вообще искусство, — хроники Акаши? Постигание мистического измерения? Энергоинформационный центр Вселенной, откуда можно почерпнуть любую талантливую идею, знание будущего и прошлого?

Цирк — кабинет Бога. Круглая чаша шапито — святой Грааль оборотов. Чаша, полная фальшивых и подлинных чудес. Прикосновение к благодати и ужасам Вселенной.

И тут мне в память об Адели захотелось прочитать подаренную ею книгу об истории цирка.

Да, начиналось всё с того, что в Древнем Риме в цирке стравливали гладиаторов, и они резали друг друга на потеху публике. А ещё там скамливали львам и крокодилам христианских мучеников. Живыми.

Ничего себе, творческое наследие.

А потом попалась мне вот такая заметка.

ИЗ ИСТОРИИ ЦИРКА. Клоун Гейси

Джон Гейси выступал на праздниках в образе клоуна Пого.

Позже выяснилось, что он в семидесятые годы заманил в свой дом в Чикаго, замучил и убил тридцать три подростка.

И хотя Гейси заявил: «Клоунам всё сходит с рук, даже убийства», — в 1980 году его приговорили к смерти. В 1994 году его казнили с помощью смертельной инъекции».

ПОСТСКРИПТУМ

Это навело меня на странные ассоциации. И в гримёрке вечно пьяного, старообразного клоуна Гасилова, который всё ко мне приставал, провели обыск. Были обнаружены улики, говорящие, что артист причастен к исчезновению и к убийству подростков с представлений.

Адель подарила мне книгу. Значит, девушка всё знала про Гасилова?

Это он её убрал, когда она обо всём догадалась?

Гасилов в этом так и не сознался.

В общем, цирк, как газеты. Есть такие, что хотят говорить правду и тем облагораживать человечество. А есть те, кто просто гонятся за сенсациями и тиражами. Такие провоцируют худшее в человеке.

Выбор за нами.

После этого «Цирк инопланетян» тоже исчез, как будто его и не было. Откуда он приехал и куда делся, никто так и не узнал.

То ли циркачи свели с ума нас. То ли мы циркачей.

Витька, мой сын, вдруг полюбил рисовать. И очень здорово это делает.

Из-за цирка или нет — не пойму.

И если это вдохновение, подаренное цирком, — к добру ли это? Принесёт ли это счастье ребёнку или погубит, — ни в чём я не уверен.

Но, может быть, это и хорошо, что я теперь во всём сомневаюсь?

Может, так я меньше посажу невиновных людей?..

Я сомневаюсь, — значит, я научился думать.

В КАЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ. Легенда о жонглёре

Артисты бродячего театра в средние века считались проклятым племенем. Циркачей даже не разрешали хоронить на освящённых кладбищах, как самоубийц. Тела несчастных просто выбрасывали на помойку.

И вот один жонглёр состарился, ослабел и больше не мог показывать свои номера. Он приготовился умереть от голода и холода, потому что своего угла у скитальца не было, и сбережений тоже. Тогда он пошёл в церковь и там показал перед иконой Богородицы своё умение: пожонглировал цветными шариками и из последних сил перекувырнулся.

И с иконы упал золотой башмачок.

Жонглёру никто не поверил, что случилось такое чудо. Старика обвинили в церковной краже и собирались казнить.

Тогда он перед иконой Богородицы снова перекувырнулся.

И с иконы упал второй золотой башмачок.

Это видели десятки свидетелей. И жонглёр был спасён. Его отпустили с подарками, чтобы он мог достойно провести свои последние годы.

ВЕРЛИБР

Сергей Путилин

Липецк

БРЕМЕНА НЕУДОБОНОСИМЫЕ

Первоцветы

Этой весной
Мне особенно часто
Вспоминаются
Тёплые годы детства.
Взгляни:

Осколки неба
На зелени
Средь талого снега!

Тоска по будущему

Когда
Нет настоящего,
Тоска по будущему —
Это
Очень злая награда.

Все мои мечты —
Не более чем обереги
От реальности!

Иная звезда

(героям-чернобыльцам)

Беспощадный свет
Иной звезды
Воссиял
Над горькими водами
Припяти.

Они не убоялись
Василиска.
Весна дышала полынью.

Право выбора

У человека
Есть
Право выбора
Между
Своим "я" и серебром.

Оттого он зачастую
Не хочет видеть
Очевидного.

Альтернатива

Не мешайте
Мне
Любоваться журавлем,
Постигшим
Высоту небес!

Лучше держите крепче
Свою
Тусклую синицу!

Власть

Всякая власть
Господствует
Только
Над
Бесплодными умами.

Разум творящий
Не терпит
Никакой власти.

Триумф воли

Воля не к Богу
Признаёт только
Унификацию и безликость —
Здесь трудно
Остаться человеком.

Свету тысяч факелов
Не разогнать тьму
Коричневых рубашек!

Зимний день

Белоснежная
Скатерть снегов
Покрыла
Этот лукавый мир
Своей чистотой.

Не поэтому ли
Свет зимнего солнца
Так ярок и печален?

Вспомнить

Все дороги
Рано или поздно
Приводят к Голгофе.
Боже, как это трудно —
Вспомнить, что

Зло может одержать
Только
Временную победу!

Обреченные

Многословие
Этого
Бесплодного мира
Навеки затупило
Бритву Оккама.

Нам не дано разбить
Кривое зеркало
Догмы!

Надвое

Жестокая
Красота.
Униженная
Любовь.
Проклятая мечта.

Двоемыслие —
Самый страшный
Недуг.

Полнолуние

Пряная
Южная ночь
Не позволяет
Забуть
О бренности счастья:

Отсвет вечности
На
Восковых лицах.

Увенчание терновым венцом

Шипы терновника —
То лютое утешение,
Которое может даровать
Лишь
Раскалённая пустота злобы.

Любовь вопреки всему? —

Хохот.
Они ведают, что творят.

Вера

Юность
Прошла мимо меня,
Тайно подарив мне
Лишь безумия
Бремена неудобоносимые.

Но палые звёзды моей веры
Ещё сияют
В замёрзшей грязи!

РАССКАЗ

Дмитрий Игнатов
Воронеж

КАПЕЛЬКА ТРИУМФА

Свет красного аварийного фонаря пульсировал с невозмутимостью метронома, периодически заполняя бетонное пространство КПП. Склонившись над пультом, полковник стёр со лба холодный пот и отключил сигнал тревоги, а после обессилено опустился на стул.

Наставшая тишина продлилась не более пары минут, но они показались полковнику целой вечностью. Резкий звонок телефона, стоящего на столе, заставил полковника вздрогнуть. Он медленно снял трубку и, стараясь сохранять спокойствие, спросил:

- Пётр Петрович... У вас там всё в порядке?
- Да, всё отлично,— ответил в трубке слегка легкомысленный голос.
- Я эвакуировал комплекс...

— Правда? Я рад, что вы находите себе занятие. Но меня это сейчас не особо интересует.

— А что вас сейчас интересует?— как можно более мягко спросил полковник.

— Только мои воспоминания...

***

— Гениально! Гениально!— из угла в угол радостно забежал Петр Петрович. Он сам ещё не до конца верил своей неожиданной догадке, но формула, небрежно выведенная им на доске минуту назад, неумолимо воодушевляла. Стабильный стрэнглет существовал. Должен был существовать. Обязан был существовать. А это означало, что... Петр Петрович нервно потербил свою заострённую троцкистскую бородку и пробормотал:

— Можно попробовать применить магнитное удержание...

Петр Петрович был сейчас на грани нервного срыва. Слишком долго он ждал своего звёздного часа. Слишком долго разрабатывал перспективные темы. И вот теперь он почувствовал вкус грядущего переворота в мире фундаментальных частиц. Да, конечно, к этому вкусу примешивалось предвкушение мировой славы, и, быть может, Нобелевской премии, а ещё сладковатый дурмящий запах государственного финансирования.

А пока что... Нужно понять, как поставить опыт. Рассчитать вероятность рождения и требуемую энергию. Холодный душ экспериментальной физики охолонул учёного. Петр Петрович нахмурился и нервно стёр формулы с доски. Где всё это будет делаться? И кем? Каким-нибудь Хельмудом Скарсгардом в какой-нибудь уютной Швейцарии. А никаким не Петром Петровичем Сажиным. Не им...

***

— Пётр Петрович... Вы ещё там?— немного нерешительно спросил полковник, судорожно вслушиваясь в тишину на другом конце трубки.

— Да,— ответил Сажин,— Вы, наверное, заскучили там, товарищ полковник? Не хотите спуститься ко мне вниз?

— Пожалуй,— согласился полковник.

— Тогда идите к центральному лифту, я включу его.

— Хорошо. Главное, не наделайте глупостей, Пётр Петрович.

Полковник положил трубку на рычаг аппарата, медленно поднялся и уверенным шагом пошёл по подземному коридору в сторону лифта.

Свет люминесцентных ламп сейчас казался ему каким-то особенно безжизненным и зловещим.

Полковник подошёл к лифтам и, нажав кнопку вызова, услышал, как заработал механизм, поднимающий кабину на верхний уровень. Где-то под потолком затрещал внутренний громкоговоритель.

— Я не слышу вас, полковник, но вы меня, надеюсь, слышите...— голос Сажина, искажённый динамиком, гулко отражался от бетонных стен и тоже казался каким-то мёртвым,— Я просто хотел сказать, что вам не следует снимать с себя ответственности. Ведь без вас ничего бы не вышло... И в конце концов вы получили то, что желали...

Подъёмный механизм замолчал, и двери лифта с лёгким позвякиванием открылись перед полковником.

***

Кабинет с окнами, задрапированными плотными тяжёлыми шторами, массивная мебель, полумрак... Казалось, за последние 30 лет изменился только портрет на стене над головой начальника при больших погонах.

— Опять эти ваши новые физические принципы?— нахмурился генерал.

— Учёные так не говорят, но...— полковник пожал плечами

— Но?

— Новое оружие может быть разработано в течение 5-10 лет.

— Не слишком ли самоуверенно, полковник?!— снова нахмурился генерал.

— Комиссия подтвердила, что у темы есть потенциал.

— Уж не примеряете ли вы на себя, часом, лавры Лаврентия Берии?

— Я выполняю свой долг,— сухо ответил полковник.

— Ну, хорошо, хорошо! Работайте!— устало махнул рукой старый генерал.

До выхода на заслуженную пенсию ему оставалось чуть менее года. Пока суд да дело, а там пускай молодые разбираются, что получится из этих новых физических принципов с этими их частицами, кластерами и кластерами.

***

Нижний уровень комплекса выглядел буднично. Управление ускорителями осуществлялось из лаборатории уровнем выше. Туда же сте-

кались и данные детекторов для обработки. Здесь же, среди хитро-сплетения разноцветных кабелей, лишь изредка работали техники.

Выйдя из лифта, полковник на какое-то мгновение замер, прислушиваясь к размеренному гулу оборудования. Всё работало надёжно. Слишком надёжно. И как удачно было выбрано место. Глубина залегания. Отдаление от крупных населённых пунктов. Максимальное время полёта ракет потенциального противника.

Отличное место, чтобы заниматься передовыми научными исследованиями высокого уровня секретности. Или, чтобы окончательно похоронить их...

***

— Здесь,— остановившись на пригорке, проговорил полковник.

— Где?— не понял Петр Петрович, стараясь ещё теплее закутаться в пуховик, который был велик ему минимум на два размера.

— Здесь!..— ещё более неопределённо ответил полковник, торжественно, словно Петр I, указывая рукой на панораму, разворачивающуюся под местом, где они остановились.

Вид с пригорка открывался, и, правда, величественный. Вниз шел довольно крутой спуск, обрывающийся практически вертикально над голубой гладью реки. Дальше, река делала изгиб, серпом оборачиваясь вокруг холма, поросшего густым лесом.

Впрочем, Петр Петрович оценивал не красоты местной сибирской природы. Мысленно он уже размечал площадку для экспериментального комплекса: вписывал в рельеф кольцо коллайдера, прикидывал, где будут располагаться охладители реактора, детекторы и агрегаты магнитных ловушек.

— Да,— наконец проговорил он,— Это место подходит.

Полковник молча кивнул, что-то отметил в своём планшете и направился назад к вертолёту. Обоим предстояло ещё, как минимум, полтора часа трястись внутри Ми-8 до военчасти.

***

Узкий коридор, словно проток в теле какого-то громадного животного, раскрывался в полость главного машинного зала. Кабели, как сеть кровеносных сосудов, расползались в разные стороны и уходили вверх по сводчатым стенам. Вверху они смыкались на округлой махине магнитной ловушки. Сейчас она всей своей многотонной массой нависала над полковником и напоминала пульсирующее в грудной клетке сердце.

— Сердце комплекса...— невольно проговорил полковник.

— А вы романтик,— неожиданно ответил Пётр Петрович из громкоговорителя.

Полковник обернулся и посмотрел туда, где из стены чуть выступала стеклянная коробка рубки аварийного управления. Внутри, словно рыба в аквариуме, за пультом сидел Сажин.

— Вы же сами всегда так его называли,— заметил полковник, аккуратно нащупывая пальцами рукоятку ПМа.

— Да бросьте полковник,— чуть раздражённо отмахнулся Сажин, — Это всего лишь бомба. Просто бомба. И Вы знаете это намного лучше меня... Кстати, вы зря хотите достать ваш пистолет. Это бронированное стекло ему не пробить.

— Нет, всё нормально,— полковник демонстративно приподнял руки, —Может, впустите меня и мы поговорим? Просто поговорим.

— Это вряд ли получится...— злорадно улыбнулся Сажин,— Я заблокировал дверь изнутри. Но я могу предложить вам стул. Присаживайтесь, полковник.

Напротив рубки полковник действительно увидел стул, судя по всему, специально принесённый Сажиним с верхнего уровня. Полковник неторопливо поднял его, переставил ближе к стеклу, за которым всё так же злорадно улыбался учёный, и спокойно сел.

— И что же мы обсудим?

— Да всё, что угодно. Не торопитесь, время у нас пока ещё есть,— хихикнул Сажин, продолжая изображать усмешку поверх своей заостренной бородки.

— И всё же... Пётр Петрович, чего вам не хватало? Ведь хорошо же всё начиналось...

***

Комплекс, построенный метростроевцами прямо под лесом в толще холма в рекордные сроки, с каждым днём прирастал дорогостоящей аппаратурой титанических размеров и наливался своей электростатической и электромагнитной силой.

— Какой вам ЦЕРН? Скоро все захотят быть здесь! Но не смогут!— всё чаще с нескрываемой гордостью заявлял Сажин сотрудникам на планёрках.

Петр Петрович ликовал. Впервые ему было доверено настолько масштабное мероприятие. И хотя всюду сновали военные, которых он недолюбливал и откровенно считал недалёкими, Сажин всё равно искренне наслаждался происходящим. Некоторые из его коллег, раньше

не замечавшие его таланта, теперь находились у него в подчинении и с подобострашием подбегали для вопросов и консультаций.

- Какая необходима напряжённость поля, Петр Петрович?
- Такого коэффициента размножения хватит, Петр Петрович?
- Подпишите, пожалуйста, Пётр Петрович...

Петр Петрович наливался в благодистой улыбке и постепенно распухал от чувства собственной важности. До завершения работ ещё было очень далеко, а успех экспериментов был под большим вопросом, но он уже ощущал себя победителем. А их, как известно, не судят.

Тем более, что работы шли с опережением графика. Пётр Петрович не жалел бюджетных средств, щедро раздавая заказы Средьмашу, Точмашу и другим "Машам", как он их снисходительно величал в кулуарных разговорах. Впрочем, велись такие разговоры открыто, никто всё равно не возражал бы. В те годы многие предприятия и НИИ были крайне признательны Сажину за невиданные финансовые вливания в отечественную науку.

Каждый день Пётр Петрович не без удовольствия наблюдал, как все элементы громадного конструктора складываются под его чутким руководством в единое и поистине величественное сооружение. По вечерам, запершись в своём кабинете и просматривая на компьютере текст своей научной работы, Сажин всё сильнее ощущал себя центром происходящего.

— Всё это делается здесь! И кем? Не каким-нибудь Хельмудом Скарсгардом в какой-нибудь вшивой Швейцарии. Нет! Самим Петром Петровичем Сажиным! Мной!

Пётр Петрович решительно нажал на несколько клавиш и заменил немилое сердцу английское слово «стрэнглет» на намного более нежное и какое-то родное «страпелька».

***

— Значит дело в этом?— предположил полковник,— Вы хотите славы? Известности? Так ведь это не проблема. Когда вы закончите все эксперименты... Когда изделие будет готово, вы сможете опубликовать свои научные работы. Приоритет открытия навсегда останется за вами.

— Наука? Открытие?!— истерично взвизгнул Сажин, вскакивая с места,— Как поздно вы вспоминаете эти слова, полковник! Довольно! Наука всегда интересовала вас в последнюю очередь. Всех вас!

Физик перевёл дух и медленно подошёл почти вплотную к бронированному стеклу.

— Никаких экспериментов больше не будет, полковник,— Петр Петрович сделал паузу,— Изделие... готово. Вот оно над вашей головой.

Полковник ещё раз оглянулся вверх, где находилась громадина магнитной ловушки.

— Внутри?

— Да. Внутри,— Сажин ненадолго замолчал, задумавшись,— удивительный по силе потенциал... Разрушительный... Но и созидательный. Воплощение Божьего гнева. Абсолютное оружие... Неужели вы думали, что я отдам его вам, полковник? Чего ради? Научная слава? Награды? Деньги? Всё это лишь бумажки, чтобы потешить пустое человеческое тщеславие. Стеклашки для дикаря. А эта штука... Она бесценна! Одним своим существованием она перечёркивает всё то, что можно получить за неё.

Полковник изменился в лице. Сейчас оно стало каким-то свинцово-серым, а взгляд пустым и безэмоциональным.

— Что вы хотите?

***

Утро на экспериментальном комплексе для многих началось буднично. Солнце на востоке окрасило малиновым багрянцем небо, облака и верхушки сосен. Сотрудники разошлись по своим рабочим местам. Пётр Петрович в лаборатории занял своё место за спинами людей, прильнувших к мониторам с показаниями детекторов. Чуть надсаднее взвыл ускоритель, толкая вперёд ядра, доводя их до высоких энергий и скоростей. Зев магнитной ловушки как обычно разверзся, готовясь принять вожделенную частицу...

И вдруг... Где-то в глубине агрегатов щёлкнуло запорное реле. Это детектор зафиксировал теоретически предсказанные моды распада. Микроскопические осколки, следы произошедшего синтеза. Система остановила ускоритель, переключив всю энергию на магнитное удержание. Мышеловка захлопнулась.

В помещении повисла тяжёлая, плотная, словно электризующая воздух тишина.

— Надеюсь, это не такой же сбой, как в прошлом месяце,— раздражённо пробормотал Сажин.

— Нет, Пётр Петрович,— отозвался лаборант, буквально вцепившийся глазами в показания на мониторе,— Кажется, это оно...

— Кажется...— хмыкнул физик.

— По массе... По всем параметрам... Совпадает.

— Давайте проверим,— решительно произнёс Сажин,— Впустите дейтерий.

— Приступаем...

Ускоритель ещё ненадолго завыл, чтобы забросить в потенциальную яму магнитной ловушки злополучное ядро дейтерия, и снова замолчал.

— Петр Петрович... Произошла рекомбинация кварков. Масса удвоилась...— прокомментировал лаборант то, что уже видел на экране Сажин. За какую-то миллисекунду он вдруг осознал, что это тот самый момент истины, которого он так долго ждал, и с размаху ударил по кнопке тревоги.

Пока все вскакивали с мест и спешно покидали комплекс, Пётр Петрович обесточил центральный пульт, а потом взял стул и неторопливо спустился вниз к аварийному. По инструкции военные должны были полностью эвакуировать персонал за 6 с половиной минут. Прошло десять. Сажин снял трубку и набрал КПП...

***

— Что вы хотите?— сухо повторил свой вопрос полковник.

— Хочу вам рассказать кое-что про страпельки... Странные капельки. Действительно очень загадочная штука. Плотные упакованные кварки... Материя иного типа, в чём-то даже более совершенная, потому что для неё уже не существует атомов. Это стабильная кварковая система. Она может составить из себя всё: от субатомных частиц до объектов планетарного масштаба. Лишь бы был материал... Всё, что можно поглотить,— физик задумался,— Удивительно, что они не возникли в момент Большого Взрыва... Случись так, наша Вселенная была бы совсем иной...

— К чему вы это говорите Сажин?— не выдержал полковник,— Что вы задумали, чёрт возьми?!

— Я? Ошибаетесь. Я ничего не задумывал,— спокойно ответил Пётр Петрович,— Это вы задумали всё это!— он драматично развёл руками в стороны,— Вы решили, что с помощью моего интеллекта, ценой моего гения, вы сможете удержать в повиновении силы, всего могущества которых себе даже не представляете! Но вы ошиблись! Весь этот комплекс— это одна огромная граната, у которой уже выдернули чеку. И я устал её держать...

— Сажин, вы обезумели.

— О, нет! Я абсолютно здоров. Весь мир полон безумцев: правительства, политики, военные... В борьбе за власть, за сферы влияния,

за рынки сбыта, вы готовы угрожать всему человечеству уничтожением. И для этого вам всегда хотелось получить оружие. И вот же оно! Машина Судного Дня. Она готова. Она работает... Ирония в том, что, запустив однажды, её уже невозможно остановить. Все эти сверхпроводящие магниты не могут остановить Цербера, сидящего внутри, они лишь удерживают его на коротком поводке. Но однажды у кого-то не хватит сил или терпения.

— Всё ещё можно остановить...

— Увы, ничего уже не остановить, полковник, и не исправить... Абсолютное оружие готово. Взведённый пистолет уже приставлен к виску каждого жителя планеты, независимо от его национальности, гражданства или религии. Оружие, которое невозможно применить в войне. Оно пригодно только для глобального террора. Но, раз оно создано, оно обязательно сработает. Через 10 лет, через 20, через 50... Не важно. Целые поколения могут родиться и вырасти в рабстве под страхом полного уничтожения. Зачем? Почему бы не закончить это прямо сейчас? Сразу. Без каких-либо дополнительных условий...

— Тщеславный безумец...

— Никак нет... Ни единой капли тщеславия в моих действиях нет. Потому что о моём поступке никто никогда не узнает и не вспомнит. В каком-то смысле это акт абсолютного альтруизма, полковник. Возможно, в этом и была задача человечества... Конечный итог и смысл самого нашего существования? Триумф человеческого разума! Как вы думаете?

— Остановите это!

— Я уже останавливаю. Я останавливаю всю эту Вселенную. Возможно, следующая будет лучше...

Сказав это, Пётр Петрович отключил подачу электричества.

***

Пётр Петрович раздосадовано стукнул кусочком мела и раскрошил его о доску. Что-то в проклятой формуле определённо не сходилось. Работы предстояло ещё много, но сейчас просто необходимо было сделать паузу. Пётр Петрович задумчиво потеревил свою заострённую троцкистскую бородку, надел шляпу и вышел на улицу. Там пока ещё светило солнце.

Георгий Кулишкин

Харьков

ВЕЗУНЧИК

Когда-то, следуя казацкому прозвищу, за его предками закрепили фамилию. Впрочем, фамилия фамилией, но она же из поколения в поколение так и оставалась уличным прозвищем для каждого из вновь родившихся: Ягодка.

Эта унаследованная дразнилка оказалась до того прилипчивой, что он носил её вот именно кличкой, а не фамилией, до самых преклонных лет. А она пустила к себе только имя — Сашка, Саня, Сашок, — категорически не приняв отчества. Что он Александр да ещё Савельевич вспоминалось лишь при оформлении бумаг и как-то заученно.словно содержимое оперативной легенды, а не природное его ФИО.

По списку комсомольского актива вместе с большим числом знакомцев и приятелей его призвали в органы безопасности. Было трепетно и почётно. Форма, ускоренное обучение, говорившее о том, как безотлагательно необходимы они стране. И там, при усвоении необходимейших навыков, обнаружился в нём дар. Не способности, не задатки. Сказать талант — и то маловато. Дар. Открылось, что стреляет он с поистине дьявольской меткостью. И верность глаза и руки, как и усвоенные приёмы прицеливания, не решали дела. Не они, а некое необъяснимое чутьё нащёптывало миг, в который следует нажать на курок. После бега, лыжной гонки, дистанции вплавь или конного аллюра, когда колотится сердце, и жадно надрываются лёгкие, это чутьё проявлялось с ударяющей в глаза очевидностью. Тут служба обернулась для него неустанными тренировками и непрерывной чередой соревнований, где он защищал честь всё более влиятельных подразделений, которые отнимали его у тех, кто помельче, чтобы безропотно уступить потом ещё более властным.

Собирая коллекцию из кубков и почётных грамот, он завидовал одноклассникам, стремительно делавшим карьеру, и не знал, не понимал до поры своего счастья. Но вот нескольких успешных его приятелей в отнюдь не малом числе прочих сотрудников, не знакомых ему, показательно для личного состава призвали к ответу за мягкотелость к подследственным. Они сгнули в одночасье, и оставшиеся, очертя головы, устроили, удесятирили прыть. Как тут привлекли особо усердных — за

непозволительно ярое радение. И он осознал спасительную выигрешность своего положения, раз и навсегда перестав кичиться своей исключительностью и отлынивать от тренировок.

Ему не было нужды играть роль — надлежало оставаться собой — простаком Ягодкой, хитроватым, охочим до призов и поощрений, весёлым, бравым, удачливо подрастающим в звании и, теряя с годами форму, с охотой готовым наставничать, до пенсии не уходя из спорта.

Он не уставал от общения с людьми, напротив — расклеивался, сникал в одиночестве. И с большим удовольствием задолго до отставки возглавил на общественных началах товарищество рыболовов и охотников, объединявшее любителей из числа сотрудников. Там взаимные выезды к угодьям и на берега водоёмов сплачивали пристрастившихся, складывая отношения особого товарищества, в которых разница должностей и званий смещалась на второй план. Говорливый, лёгкий на подъём Ягодка сделался душой этих компаний, заводилой вылазок и походов.

Ведомственная принадлежность гарантировала доступ к лучшим охотхозяйствам и ограждала от какой бы то ни было ответственности за браконьерство. Сашок под одобрение старших по званию напропалую ловчил со сроками, местом и способами добычи. Они носились по заповедной степи на УАЗах, преследовали живность, задействуя вертолёты, строчили из калашей, из бортовых пулемётов, штатно установленных на винтокрылые машины, глушили рыбу минами, электрическим током, а опустошение озёр с помощью промысловой сети с полной искренностью считали вполне себе щадящим методом лова.

Ягодка не участвовал в интригах, редко повторял сплетни и был корыстен той понятной человеческой корыстью, которая не отталкивает, а, скорее, располагает. Полакомить домашних охотничьим трофеем, предварительно оделив добытой дичью всех сопричастных. Не в ущерб кому бы то ни было пристроить знакомого или родню. Похлопотать о собственном очередном звании, но только так, чтобы не слишком обременять тех, от кого это зависит, и никому из ближних не перейти дороги. Или пошутить под чарку о неказистости своей квартиры, застолбить под хмельное балагурство участки в строящемся дачном посёлке...

В звании полковника он благополучно вышел в отставку, когда считанные месяцы оставались до распада страны и всесильных органов, которым отдал лучшие годы, и от которых было получено всё, им обрётённое.

И как-то уж так сложилось, что незадолго до его отставки их ведомственное объединение приверженцев охоты и рыбалки слилось в

единое областное общество с прочими ведомственными кружками любителей, и лучшего шефа для нового обширного хозяйства, чем вышедший на пенсию Ягодка, никто и представить себе не мог. Под его руку, кроме кабинета и зала заседаний, подпали и стрелковый стенд, и полигон натаскивания собачек, а также несколько лесных стойбищ и домиков рыбака. С людьми, которые трудились в этих подразделениях, многие годы он бражничал и браконьерил, знал их как облупленных, и ни в чём, став их начальством, не покусился на отношения

закадычного побратимства, которые давным-давно сложились у него с ними.

Это послужило верной порукой того, что на должности с гражданской, а, стало быть, не ахти какой, но всё-таки ставкой, он обустроивается со всеми возможными приятностями и надолго. Помимо ставки тут всегда была возможность невинно пожить возле фондов и имущества. Но главное — здесь продолжалась жизнь, в которую он врос всеми корешками, в которой чувствовал себя, как рыба в воде, и без которой не мыслил своего существования. А ещё — общение на короткой ноге со всей областной и городской верхушкой, включая её правоохранительную и судебную ветви.

Нет, нет, почти ничего не причитавшегося ему по закону он не извлекал из близкого знакомства с хозяевами региона, равного небольшой европейской державе. Однако, ведь и положенное — пойдика получи, попробуй! А он получал.

Или проштрафился человек, где-то оступился по жизни. С кем не бывает? И кому покажется лишним иметь за спиной заступников, способных, в случае чего, умерить пыл любого из контролёров и законников? Когда, планируя оставить дочери квартиру, строил для себя с супругой частный домишко, от газовой трубы, в подземном её пролегании, кинул байпас с потайным подводом к котлу отопления. И на чердаке, где гусак, поднятый над кровлей, принимал кабель электропитания, оборудовал переключающее устройство, одним щелчком пускавшее в жилище ток мимо счётчика. В то время газ и электричество стоили копейки. Ягодка, впрочем, не пожалел усилий и затрат ради пускай и скромной, однако экономии. Но вот прошли годы — и что же? А то — что как в воду глядел! Почитай,

вторую пенсию себе отхлопотал, не доплачивая за свет и тепло.

Кстати сказать, к дочери Ягодка не питал чего-то родственного, отцовского. Девочка в переходном возрасте пошла по всему телу прыщами, обсыпавшими и лицо.

Чего только ни делали, стараясь от них избавиться, — попусту. И как бы, казалось, могла повлиять на чувства отца утраченная красота девочки? А вот повлияла. Потому что всё и само собой и всеми в семье стало сводиться к тому, что будущее дочери обязан обустроить он.

Он среди зависимых от него по службе вынужден был искать жениха, окончательно заманить которого удалось лишь уступив младшим квартиру. И потом гнетущим грузом неотступно висела на нём морока по продвижению зятя в должностях и звании, подсаживанию того в Киев. Собственная своя карьера не стоила Ягодке и сотой доли угодничества и нервов, истраченных ради карьеры примака. Вот и не осталось ничего в душе. Всё хорошее, что чувствовал к ребёнку, отжало, будто прессом, тяготой этих докучливых, унижительных забот.

Но появилась внучка и, казалось бы... Ан, нет. Многими годами позже у Ягодки возникнут основания подумать однажды, что нелюбовь к наследникам свойственна ему как долгожителю. Впрочем, это случится ещё не скоро.

А пока, увлечённый, как подросток, дуэлями на пари в стендовой пальбе, и марш-бросками с оружием в чашах, и бесшабашными попойками, и рассветными зорями на берегу, он с безразличием, непостижимым в его лета, похоронил супругу. Да, поухаживал между делом за болеющей, посуетился с погребением. Но душой никак не ощутил её ухода. Будто и не было целой жизни, пройденной бок о бок. Будто как жил он вольным казаком — сам пью, сам гуляя, — так и живёт себе.

А ведь задуматься — то так оно и было. В их рыбацкой братии всегда присутствовали сластолюбцы, ударявшие не по рыбе — по русалкам. Он же, как пострел, попевал и с теми, и с другими. И ещё лет тридцать тому пришёл к убеждению,

что тела пожилых женщин оскорбительны для занятий любовью. Что это позволяют себе лишь по-домашнему — в полной темноте и в зажмуренности, рисующей другие картинки. А настоящее плотское, от которого не прячутся в фантазиях, возможно лишь рука об руку с женской юностью.

Но вот себя — каким он видел себя? У него старело лицо, волосы и ещё, пожалуй, кисти рук. А тело ничем не отличалось от стати тридцатилетнего молодца. И оставалось столь же бойким и таким же безотказным в похоти. Себя, пожилого, он ничуть не смущался в прибрежных похождениях и подружек — мимолётных либо склонявшихся к относительному постоянству — не считал чем-то малодоступным или случайным для него, давно, признаться, покотившего с ярмарки человека. Наоборот — лишь с ними принимал эти отношения естественными, пол-

ными истинной жизни и подтверждающими его собственное, не взирая ни на какой возраст, право на юношескую телесную радость.

— Слышь, Сань, — сказал как-то за ушицей один из владетельных правоохранителей, — со мной инспекторишка поделился... А я не знаю, куда с ними приткнуться. Близняшки, отца никогда не видели и тянутся к взрослому мужику. Хорошая такая детвора. Открытая, бесхитростная. Но по пятнадцать им — понял? С которыми постарше у меня мест — хоть отбавляй, а с этими — куда? Никуда. И пригрел бы, и позаботился, а как? Засветиться стрёмно. А тебе бы... Хочешь — передам по акту? Ты не на таком виду. Потом — лета. Не заподозришь. И отмазка неубиенная: приходят прибраться у одинокого пенсионера...

Появились, как было условлено, ровно в десять утра. Упустив, должно

быть, из виду, что домофон даёт и картинку, они гримасничали друг перед дружкой, одолевая смущение и посмеиваясь заочно над ним.

— Ой, как у вас тёпленько! — переступив порог, пропели в один голос, и он отметил их подстреленные куцые юбочки и ноги в прозрачных колготках, смотревшиеся голыми.

Топил он и точно — от души. И почему не погреться, когда бесплатно?

Девчонки как девчонки. Одеты по примеру большинства их сверстниц: курточки в обтяжку до пупка, открытые туфельки, плоские, как тапочки. Похожи, но разные. Одна чуть выше и потоньше, с милым деликатным личиком, худеньким и благородным. Вторая шире, плотнее, тоже хорошенькая, но с несколько грубоватыми чертами.

— Я Лара.

— А я Вита.

— А меня зовите дядей Сашей. Или Ягодкой. А то вы «Александр», «Александр» по телефону. Как не ко мне. Проходите! Вот тапки вам приготовил, курточки — сюда.

— Как у вас чистенько! — тоненькая Лара.

— Сам. И не сору. А скажите, кто из вас первой родился, кто старше?

— Вита. А я — красивее!

— Ну, это на чей вкус... — осадил Ягодка, и Вита, цепляемая, видимо, не впервые, перепасовала его мнение сестричке мстительным взглядом.

— А тут ещё теплее! — вошли они в комнату. — И пахнет!..

— Мясо косули с кабанятиной и в горшочке. Моя коронка, пальчики оближете! Давайте мыть руки и, пока горяченькое — за стол!

— У вас и вода греется! — Лариса — за двоих. — Живёте, как в раю!

— А вы?

— Какое там! Нам газ за долги отрезали!

— А много задолжали?

— Тысяч десять. А точно не узнавали. Что узнавать, если отдать нечем. И мамка этим ведает, не мы.

— Угу, — коротко принял Ягодка к сведению и рассыпаться в обещаниях не стал.

Шампанское Вита выпивала, обгоняя сестру. С хмелем грубоватость её черт усиливалась, жесты становились мальчишескими и уличными — с задиром.

Быстро наевшись, они сходили в прихожую взять в карманах тонкие табачного цвета сигареты. Не курящий Ягодка предложил вместо пепельницы блюдце.

— А можно мы у вас ванную наберём? — чуть выпив, Лариса сделалась женственнее, мягче и ещё красивей. — Так хочется окунуться!

— Конечно! — кратко отвечал Ягодка, любуясь её глазами с чистой перламутром яблоч и кожей губ, тоненькой, как внутри разломленной дольки апельсина и так же разделённой на поперечные частички.

— А стиралка у вас работает?

— Угу.

— А можно мы в следующий раз...

— Можно! А если ещё и моё простирнёте, вообще объявлю благодарность.

Когда Ягодка заглянул спросить, всё ли им понятно, они сидели в ванной, одинаково блаженно улыбаясь и радуясь его приходу. На бортике стоял их флакон с изумрудным шампунем, лежал бритвенный станочек.

— Разобрались?

— Кажется, — опять за двоих — Лара. — И поспешила: — Не уходите! Расскажите нам что-нибудь!

На табуретке из кухонного набора стоял пластиковый таз. Ягодка переместил его на стиральную машину, придвинул табурет, сел.

— Вам когда по шестнадцать стукнет?

— В декабре.

— Мгновенно получите паспорта, и я возьму вас на зимнюю охоту. Историй наслушаетесь — вволю!

— А вы нам сейчас?

— Какой из меня рассказчик! — Ягодка кокетничал, набивал цену. По праву он числился первым трепачом на любом из их сборищ. — Лучше вы похвастайтесь, как у вас дела с мальчишками.

— С мальчишками? Вот ещё! Мы только со взрослыми кружим.

Они ничуть не смущались и не стремились, как большинство оголявшихся «русалок», показать себя. Подумалось, что так же запросто могли бы чувствовать себя при нём его внуки.

Смеситель подбавлял и подбавлял воду — такую горячую, что и в согретой ванной комнате от неё валил пар. Пробуя, Ягодка приокунул руку, воскликнул:

— Да вы сваритесь!

— Согреемся! — с наслаждением возразили они, и Лара спросила:

— А почему — паспорта? Почему так срочно?

— Потому что! И для всех, кто спросит, вы, как тимуровцы, ко мне приходите

помогать по хозяйству ветерану.

— Кто это — тимуровцы?

— Пионеры, — немного замешкался, не зная, как объяснить. — Скауты, по-вашему.

На широченной лежанке, смастерённой для него по заказу, он устроился посредине, обложившись с двух сторон выскочившими из кипятка «пионерками».

— Вы как грелки! — смеялся Ягодка. — Обвариться можно!

Они победоносно хихикали, атакуя его накопленным жаром, и, прибавляя ласки в затеянную игру. И уже опробованным ими манером, без слов поделили, как подумал Ягодка, кому вершки, а кому корешки.

Красавица Лариска бережно, будто спрашивая, можно ли, дотронулась губами до его щеки. И стала целовать его шею, ухо, подбородок — осторожно и с удовольствием. И с намерением делать это бесконечно — как кошечка, которая умывает себя. А Вита скользнула вниз под одеяло, по-хозяйски обосновываясь там.

Ощущая нечто сходное с невесомостью, он всего себя поручил упоительной расслабленности. Отвечал обессиленной рукой, которая дотрагивалась до спины, плеча, пушистого затылка Ларисы. А другой рукой погладил голову Виктории, шёпотом попросив:

— Не спеши! Не спеши!

С ними в Ягодке обнаружилась перемена: прежде он бывал разговорчивым до, а тут, слетав на седьмое небо, почувствовал, как неудержимо потянуло удариться в рассказы. Не задремать сладостно, а говорить, говорить.

А они слушали, слушали. Будто совсем ещё маленькие. И у него возникла догадка, что в том, изначальном, детстве, в которое словно бы возвращаются они, им не довелось получить досыта сказок, и вот они пытаются наверстать.

Выяснилось, что их у мамы пятеро, все девчонки, а они — старшие. Что маме как многодетной вместо комнаты в коммуналке выделили бесхозный домик с участком на окраине. В комнате они никогда не платили за тепло и ЖЭКу. Там грозили, требовали, но сделать ничего не могли. А здесь взяли и отрезали газ.

— С этим так, — сказал Ягодка. — Завтра раненько встречаемся в «Горгазе».

— Хорошо! — откликнулись они с прорвавшейся счастливой уверенностью, что завтра всё разрешится. И так же в один голос, и одинаково показывая, как пригрелись под его одеялом, спросили: — А можно до завтра остаться у вас?..

— А этого нельзя, — сказал он, и сам пожалел, что нельзя. — Тимуровцы у своих подопечных не ночуют.

Где-то на втором плане сознания он несколько раз пробовал рассудить, сколько даст им денег. Встречаться станут раз в неделю, чаще он не потянет, и выделять следует одинаково — они уже будут и ждать, и рассчитывать. Первая величина предполагаемого их довольствия, пришедшая на ум, в последующем рассуждении показалась слишком уж мизерной — для шестерых у них дома. Он прибавил до чего-то более-менее подходящего, но вышло, что с учётом четырёх за месяц встреч, это будет равняться двум его ставкам. Крякнув про себя и сопроводив это чем-то по смыслу близким к «однако!», он всё же решил остановиться на этой сумме. С пенсией и с кое-чем побочным — управится. И есть какая-никакая малость под задницей. Пока так, а там — жизнь покажет.

Утром в газовом хозяйстве они, не привыкшие вставать рано, выглядели помятыми, снулыми. В приёмной у первого лица он усадил их на стульях, остававшихся свободными, в хвосте очереди. Секретарше, едва не подмигнув по-свойски, сказал:

— Доложите!

Пристрелявшимся глазом угадывая человека, который имеет право на предпочтительное внимание, она спросила вежливо:

— Как доложить?

— Ягодка.

Выскользнув из кабинета, сообщила негромко, но внятно, чтобы слышали ожидающие:

— Сейчас Николай Иванович освободится, и вы зайдёте.

— А сколько там долгов? — с лёту ухватил суть проблемы Николай Иванович.

— Чёрт его знает! Говорят, тысяч десять, но что-то мне подсказывает, что больше. Да и какая разница? Во-первых, надо детворе включить газ. А потом подумаем не спеша, какой благотворительной байде сунем их под крылышко. Там платить в принципе нечем — ни долги, ни текущее.

Николай Иванович озабоченно пожевал губами.

— Хорошо. Давай так: с понедельника подгоню бригаду...

— Какое «с понедельника»! — перебил Ягодка. — Люди замерзают!

— Ты думаешь, они у меня одни замерзают?

— Не думаю. Но Коль, когда ты говоришь, что тебе хочется или тебе надо, я задираю штаны и мухой лечу исполнять!

— Ладно. Завтра утром... — начал Николай Иванович и запнулся под укоризненным взглядом друга. Тут же поспешил оправдаться: — Ну, разъехались уже бригады по объектам!

— Не разъехались, не успели.

— Не разъехались — так получили задание!

— Задание, Коль, можно переиграть...

— Вот умеешь ты, Сашка, взять за горло! — рассмеялся хозяин кабинета, испытывая искреннее удовольствие из-за того, что пойдёт-таки навстречу корешку со всем возможным для себя усердием.

В назначенный днём встреч четверг они всё так же ровно в десять были у его калитки с большой сумкой белья, которую держали вдвоём каждая за свою ручку. Перебивая одна другую, докладывали, как доехали тогда с монтерами до своего дома, как мама, удивляясь чуду, лишь всплёскивала руками. И как теперь тепло, и как, оказывается, быстро вскипает на газе чайник!

Ягодка слушал, озарённый слегка глуповатой улыбкой, и испытывал в полном соответствии с этой улыбкой нечто блаженное. Он видел, как неумело они управляют с постирушками, но в душе это вызывало

лишь ещё большую нежность к ним. Вспомнилась мудрая поговорка о том, что мужу следует годить не делом, а телом. И уж второе умение, подумал он, у них не отнять.

После снова такой же раскалённой — не утерпеть! — ванной Лариска прошептала, прижимаясь к его правому боку на лежанке:

— А мы вам понравились?

— Спрашиваешь!

— А почему же вы ничего не скажете?

— Да я и сказал бы, — признался Ягодка почти виновато, — но знаешь, нет таких слов. У меня — нет. А бросаться абы-какими...

— А кто вам больше понравился — я или Вита?

— Перестань сводить! Вы обе такие... Одно только не совсем хорошо.

— Что-о? — отозвалась она тоном не поверившего в услышанное и отстранилась.

— Что бреетесь — там.

— Так красиво же!

— Кто сказал? Завтра вобьют вам в мозги, что красиво головы оболванивать — и будете голомозыми щеголять! Мода — вот и всё. Чёрт плачет, что моды не настачет!

— Ну и гигиена...

— Какая гигиена?! Вшей лобковых вроде всех повывели. И зачем? Какая радость? Или раздражение, если только что лезвием пошкуркали, или щетина. Это на самом нежном местечке, где у вас, если не уродоваться, — шелковистые были бы, пушистые котятка!

В саду они собирали поздние яблоки, которые по причине обильного урожая из года в год оставались у него не убранными. Но возникли «внучки» с ждущими их дома мал-мала сестричками. Ягодка орудовал плодосъёмником, выкатывая сорванные яблоки в юные ладошки — как в клювики птенцам.

Черета новых забот, ломая устоявшийся годами распорядок, свалилась на него, как снег на голову. Он не знал — сетовать или радоваться. Вот, ополовинив заглазнички, отправил их на вещевой рынок за зимними ботинками, куртками и тёплыми лосинами. И тут тебе — телефон. Первое, что услышал, — слёзы.

— У нас украли!.. Расплачивались за мороженое, за лосины... Увидели, гады, что полный... И весь кошелёк — с карточками из всех магазинов, со всеми деньгами...

— Вы где сейчас?

— Здесь, на базаре.

— Вот стойте там и ждите. Попробую связаться с генералом.

— Зачем — с генералом?

— Не ваше дело! Стойте и ждите!

Минут через двадцать набрал их:

— Так, запоминайте: капитан Гунько. Запомнили — Гунько? Повтори вслух для Виты. Так. Находите на рынке здание администрации. В нём — пункт правопорядка. Старший — капитан Гунько. Скажете, что по поводу вас только что звонил генерал. Он вам всё отдаст. Отдаст или не отдаст, или что отдаст, — позвоните мне. Ясно?

— Как это — отдаст?..

— Не ваше дело! Капитан Гунько! Шагом марш!

Минут через сорок — звонок.

— Кошелёк отдал, а деньги, говорит, вот вам пять, всего было восемь с половиной, остальное — после выходного. Мы говорим — было десять с половиной. Он так брови задрал — по моим, говорит, сведениям... А мы — кому, мол, лучше знать? Да? — говорит.

Но всё равно сейчас больше нет. После выходного.

— Значит, покупайте сейчас на пять, а остальное — на той неделе.

— Хорошо. А что раньше покупать?

— Сами сообразите.

Оттуда — в растерянности:

— Хорошо, — и с полным непониманием: — А откуда у него наш кошелёк?.. И как это он говорит, сколько там было?..

— Господи, какие вы ещё глупенькие! — вздохнул он, умилившись едва не до слёз. И оборвал по-военному: — Всё! Конец связи!

Выцеловывая его шею, Лариска вдруг остановилась и сказала:

— У вас железка напухла, как у нашей малОй.

— Потом! — отмахнулся Ягодка, не желая покидать состояние невестомой одури.

Когда ласки, миновав перевал, сменились умиротворённой беседой, сам потрогал железы у подбородка. Правая выпячивалась заметнее левой и была угрожающе плотной.

И слюну она выдавала густую и липучую. Возникло желание отхаркаться, когда пробовал разминать уплотнение пальцами. И по утрам донимал стариковский прочищающий кашель.

— К врачу пойдёте? — спросили девчонки.

— А надо? — усомнился Ягодка, никогда ещё всерьёз ничем не болевший.

— Сходите! Это же наверняка чем-то лечится. Зачем запускать?

Они тревожились непритворно, как и он незаметно привык тревожиться о них.

И Ягодка, повинувшись их настрою, решил не откладывать визита к медикам. Но тут вдруг выяснилось, что в улаживании передряг, в которые попадали его малышки или кто-то из знакомцев, Ягодка решителен толков и знающ, а вот со своей нечаянной каверзой вдруг оказался растерянным, не ведающим, с чего начать.

На память из всего, что связано с медициной, пришёл рассказ проректора университета, входившего в их круг добытчиков. Тому вырезали железы. Операцию проводил молодой — под сорок — светило, который параллельно давал практический урок хирургам, проходившим у него курс повышения квалификации. На шести креслах, поставленных три против трёх, сидел проректор и пятеро подопытных. То есть проректору миндалина удалял светило, а пяти прочим — практиканты.

Показывая обучающимся, из которых половина по возрасту была старше его, наставник в четыре секунды сделал четыре обезболивающих укола — выше и ниже каждой из желез. Затем одну из них ухватил щипцами и, оттягивая её, кривыми ножницами перерезал верхнюю спайку. Далее, отбросив ножницы, цапнул скребок, похожий на круглую ложку, им отделил миндалину от поверхности горла, перекинул вновь схваченными ножницами нижнюю спайку и сбросил удалённый кровавый комок в предназначенную для излишек посудину. В несколько последовавших секунд отточенными, выверенными и быстрыми движениями проделал точно то же со второй миндалиной, затратив на всю операцию никак не больше минуты. Лишившийся желез проректор получил команду оставаться на месте, сплёвывая небольшое количество возникающей крови, а светило шагнул к следующему пациенту, предоставив его миндалинами заняться лысому толстячку с короткими руками и бисером нервного пота над верхней губой.

Толстячок неуверенно потыкал шприцем с длинной иглой, вводя анестезию.

— Не попал, — заметил учитель. — Справа сверху повтори!

Практикант с дрожью в руке повторил. Обучающий скривился, показывая, что недоволен, но в общем-то сойдёт. В рот страждущему короткоукий забирался щипцами так, словно там что-то мешало, не пропуская к цели. А кривые, гусем, ножницы тыкались, будто им и вовсе не оставалось места в ротовой полости пациента.

Томительно долго он пытался подладиться, целился. И вот, отчаянно зажмурившись, чикнул, наконец, рывком сведя колечки на длинной рукояти.

— У-у-у! — взвыл тучный полнолицый больной и, как из строительного пульверизатора, обдал эскулапа с головы до пояса распылённой кровью.

Тут, произведя нечто смахивающее на силовой приём в хоккее, наставник отшвырнул ученика и сам вооружился ножницами и щипцами.

— Откройте рот! — приказал пациенту, который мотал головой из стороны в сторону и дёргался на операционном кресле, как на электрическом стуле. — Рот! — повторил

нетерпеливо и грозно, на что больной бессмысленно тарачил глаза и уворачивался.

— Рот открой! — рявкнул светило и оголённой по локоть волосатой лапой матёрого мясника отвесил пациенту оглушительную пощёчину.

Обезумев окончательно или придя, наконец, в себя, тот отвалил челюсть, позволив крови двумя струями хлынуть из углов рта. Умелец хищно внедрил инструменты в булькающий красным кипятком зев и с гримасой ненависти в считанные секунды расправился с миндалинами.

— Так, — помыв за шторкой руки, словно ни в чём не бывало, подошёл он к

девчужке, в состоянии полубоморока ожидающей своей участи в следующем кресле, и к ученице-доктору, которой та была предназначена.

Заручившись рекомендательным словом, Ягодка отправился на приём к этому светочу, который с момента изложенной истории успел повзрослеть лет на двадцать с гаком.

— Это рядышком, — выслушав и мельком осмотрев, заключил доктор. — Но профиль не мой.

— И куда мне? — осведомился Ягодка.

— Этими желёзками занимается у нас в городе только один человек. Заведующая отделением челюстно-лицевой терапии Мария Николаевна Полтавец. Это в четвёртой неотложной. — И спросил вдруг с несвойственной медикам откровенностью, намекающей на бесполезность визита к челюстно-лицевой владычице: — А они вас что — как-то уж очень беспокоят?..

— Да не так, чтобы очень. Но хотелось...

— Ну, попробуйте.

— Как у вас обстоят дела с половой жизнью? — спросила Мария Николаевна, к которой он попал после звонка весьма влиятельного для заведующей отделением чиновника. Ничуть не ожидая такого вопроса, Ягодка подрастерялся, что она истолковала по-своему: — Слабость? Досадные неудачи?..

— Да нет, я бы сказал, что напротив... — возразил Ягодка, убирая в сторону блудливые глаза.

— Видите ли, они взаимосвязаны — предстательная и эти железы, — истолковала доктор его ответ как склонность к излишествам. — Когда вы нагружаете ту, труднее становится этим.

— И что же мне?..

— Перейти к воздержанию. Лучше всего — к полному.

Имеющий склонность мыслить сугубо практически, Ягодка возразил:

— У меня, доктор, как-то после перелома рука с месяц побыла в гипсе. Так я потом чашку с чаем не мог ей поднять. От воздержания даже мышцы перестают работать, а не то что...

— А если не поможет воздержание, будем рекомендовать удаление предстательной, — заключила она твёрдо, и Ягодка понял, что она ради поддержания этих его желёзок, находящихся согласно специализации в её ведении, не остановится и перед тем, чтобы его кастрировать.

Лариска и Вита, успевшие к этому времени сделаться понятнее и ближе родных дочери и внучки, заинтересованно раз за разом спрашивали, как там в больницах.

— Да ну их! — ощерился Ягодка, ненароком испугав малышей. — К ним только попади!

Шли годы, припухлость желёз застопорилась, не уменьшаясь, но и не делаясь хуже. Девчонки выросли и где-то там, в недоступной для него части их обитания, стали встречаться с парнями, к которым присматривались как к кандидатам в мужья. Иногда рассказывали ему о них, но чаще он становился свидетелем телефонных разговоров.

У Лары был кто-то постарше и обеспеченнее. Вита встречалась с отсидевшим за

наркотики, и советы Ягодки держаться от него подальше пускала мимо ушей.

Ни разу, если вставал вопрос, куда отправиться, к нему или к ним, «тимуровки» не выбрали их. Там, конечно же, обратили внимание на

регулярное отсутствие по четвергам и на непонятный источник материальных поступлений и учиняли допросы, пробовали следить, назойливо звонили именно в четверг.

— Я что — должна перед тобой отчитываться?! — надменно отвечала по телефону какая-нибудь из них.

Ягодка в такие минуты тщеславно думал, что ревнует не он, старикашка, к полным сил соперникам, а они, молодые и потом уже и законные — к гуляке ему. Тут вспоминалось, как он в молодые годы часами мог маяться в месте назначенной встречи и так и не дожидаться. Теперь же почти не случалось, чтобы к нему опоздали, а уж тем более — не пришли. Там, в его молодости, у них не было материального интереса, — приходил он к выводу, который напрашивался сам собой. Однако же чувствовал — хотел это разглядеть и, кажется, видел — что было и ещё что-то, привязывающее к нему девчонок. Или это так казалось, потому что всё прочнее привязывался сам?..

Здоровье не изменяло, и он не думал ни о возрасте, ни о нём. Отмахать с полным снаряжением десяток-другой километров, не спать ночи напролёт, бражничать до упаду.

Никто никогда не спрашивал, не уморился ли он, и есть ли настроение выпить и закусить.

Потому что он не уставал и никогда не страдал отсутствием аппетита. Разве что позывы помочиться стали отрывать иной раз от налитой чарки или от затянувшегося преследования зверя.

— Хочешь долго жить, однако, — завелась у него поговорка, — пи-сай часто, как собака!

А девчонки, как, наверное, и положено близняшкам, не могли не повторять одна того, что сделала другая. Вита выскочила замуж, и сразу же вслед за ней не смогла не выскочить Лариска.

Когда Вита забеременела, Ларка умудрено рассуждала, что спешить опрометчиво да и хочется пожить в своё удовольствие. Но, как уже точно предугадывал Ягодка, вскоре понесла и сама.

Они приходили по четвергам до самого последнего дня. Проведав Ягодку в четверг, Вита родила в понедельник. Что-то похожее — точно уже не вспомнить — было и с Ларисой. И сразу же после родов мама подхватывала малышей, чтобы они не пропускали урочного дня.

Никаких осложнений, связанных с родами, никаких изменений фигуры. Разве что грудки у одной и у другой сделались, когда перестали

кормить, пожиже и послабее. Но если бы он не знал доподлинно, какими эти грудки были прежде, наверняка остался бы в убеждении, что так было и всегда.

Между тем деньги неизменно обесценивались — и плавно скатываясь под уклон, и обваливаясь резко, будто в пропасть. Как ставка, так и пенсия превращались с ходом времени в жалкие копейки. А люди, с которыми роднило общее увлечение, — некоторые

из этих людей, — с непомерной быстротою богатели и напивались, разбухали от забираемой под себя власти.

Настал момент, когда их потянуло — многих одновременно, как поветрием — прибираться к рукам леса и озёра. И в первую голову, понятно, те лесничества и те водоёмы, которые они знали, — где охотились и где ловили рыбу.

Именно там общество, возглавляемое Ягодкой, владело лесными сторожками, амбарами для хранения кормов и загонами, где подкармливалось в голодный сезон зверьё, а также различными постройками на берегах. И ему в момент лукаво запутанного, архаровски узаконенного «увода» собственности за помалкивание и непротивление давались деньги. По сути, недвижимость, которой располагало «Общество», покупалась. Но покупалась у него, у Ягодки. И ему же клятвенно присягали, что как пользовались его рыбаки с охотниками угожьями и постройками, так беспрепятственно и продолжат пользоваться. В последнем он не сомневался: лишая других, новые владельцы лишили бы и себя наипервейшей улады их жизни. Изменится только то, что прежде они наезжали в общие владения, а теперь кто-то станет приглашать прочих «к себе».

Однако средства, пусть и довольно-таки, по его аппетитам, основательные, но получаемые единоразово, не давали уверенности в завтрашнем дне. А ему, после принятия на себя забот о малышках, такая уверенность ох как была нужна! Записанный в свой час ликвидатором чернобыльской аварии, Ягодка поимел, было дело, и льготы, и доплаты, но страна, уйдя из Союза и оставшись сам на сам с подлинными и фальшивыми, как он, ликвидаторами, потужившись и побряхтев, в конце концов, бросила эту ношу, наотрез отказавшись платить.

Досадуя об утраченном, Ягодка заинтересованно выпрашивал у знающих

товарищей, чем бы таким ещё можно бы понудить пенсионный фонд к дополнительным щедротам. И как-то услышал об «особенных

заслугах перед государством». Таковских заслуг за ним, понятно, не водилось, но уж больно лакомой была прибавка к пенсии, назначаемая обладателям названных заслуг. Облизнувшись тогда на довольствие, никоим образом ему не причитавшееся, Ягодка хитровой долей рас-судка не без усмешечки отметил, что ведомство, в котором дослужился до полковника, о заслугах объявляло, но раскрывать суть этих заслуг не только не было обязано, но и чаще всего не имело права.

И вот сейчас с человеком, раскатавшим губы на очередное лесни-чество и политически в настоящий момент могущественным, он поде-лился той своей мыслишкой, как делятся с другом чем-то неосуществи-мым, однако заветным.

— А что... — раздумчиво заметил тот и, не скрывая иронии, прищу-рил глаза.

Это равнялось обещанию, которое в скором времени и было испол-нено.

За Александром Савельевичем Ягодкой были признаны выдающиеся, хотя и засекреченные, заслуги перед государством, что кратно уве-личивало получаемое им денежное содержание. Тут следует заметить, что в согласии с высшей справедливостью, которая всё-таки, несмотря ни на что иногда являет свою власть над нами, прибавленное Ягодке теми, другими и третьими путями перетекло и утвердилось в постоян-ном перетекании к названным его «внучкам», их малышам, а также их маме и сестричкам. В результате чего и сам оценённый родиной под-вижник не остался в накладе. Он упрочил расположение к нему юно-сти, нуждавшейся в тепле и встречно согревающей и его.

Пришло время сказать, что в постельных утехах, которые вследст-вие привычки обязаны утрачивать яркость, происходило нечто прямо противоположное. Тут срабатывали изобретательность и раскован-ность младших, но и какие-то внутренние, не исключено, что и физиче-ские, перемены в Ягодке. Пики делались для него ослепительными, почти непереносимыми.

И вот однажды после вспышки и вожделенных его судорог, Вита сказала:

— Знаете, а у вас кровь...

— Я тоже в прошлый раз заметила, — призналась Лара. — Но поду-мала, что это мы как-то царапнули.

Тут же, как были втроём, полезли в Интернет. Накопали, что муж-чине до сорока крови в сперме не следует так уж опасаться. Чаще все-

го, это проходит само. Но человек в возрасте, обнаружив кровь, обязан задуматься.

Ягодка задумался. По совету и протекции друзей, которые знали о похожих проблемах не понаслышке, оказался у заведующего отделением по профилю в больнице № 18. Тот расспросил, как и что, и отправил вниз на УЗИ. Там пришлось в буфете пить воду и ждать, пока наполнится пузырь. Потом минута под скользким по смазке щупом УЗИ-ста, туалет, ещё минута под щупом и с ветхой бумаженцией в осьмушку листа, на которой разобрал только три заглавные буквы — ГПЖ — снова поднялся на четвёртый этаж.

Доктор поставил его в позу, ощупал железу через проход и сказал, что ещё надо бы сделать гистологию. Ягодку успели просветить по поводу того, насколько неприятна и болезненна данная процедура, и он, обороняясь, пустил леща:

— С вашим опытом, уверен, вы и без этого видите, злокачественное или нет!

— В общем-то, вижу. Но формально, если решимся на операцию, придётся предварительно сделать.

— Вы считаете, что нужна операция?

— Я бы советовал.

— А нельзя ли попробовать пока медикаментозно? Резать всё-таки последнее дело...

— Можно, — не возразил врач, не очень-то, судя по тону, веря в медикаменты.

— А если операция, — уточнил Ягодка, — как потом с функцией?

— Стараемся сохранить, но выходит по-всякому. А у вас что — молодая жена?

— Жены нет, но есть подружки.

Доктор понимающе сыграл бровью, выписал пилюли, свечи и предложил по утрам

являться на процедуры.

Утром в очереди Ягодка оказался третьим. Впереди был мальчишка — юнец лет семнадцати с виду. И беспокойный пожилой толстячок, ищущий общения. Доктора срочно вызвали на операцию, а им велено было дождаться.

— Начинаящий? — спросил толстячок, пару раз до этого с любопытством заглянувший Ягодке в глаза.

— Первый раз в первый класс.

— А у меня четвёртая серия массажей. Третий год у Павла Петровича.

— Ну и как он?

— Говорят, что первый из первых, — ответил тот до странного нейтрально, никак не выдав своей личной оценки.

— А массажи — помогают?

— Трудно сказать.

— Так а зачем же?..

— А если без них будет хуже?

— И то верно, — согласился Ягодка.

— Одно угнетает, — продолжил бывалый очередник. — Больница носит имя учителя Павла Петровича, у которого тот и отделение принял. Так вот учитель всех этими массажами пользовал и, вроде, как и сам ими же спасался. Что не помешало благополучно от рака предстательной помереть. Или помогло...

В каморке без окна и с дверью, запираемой изнутри, они вдвоём едва могли разминуться. Как перед поркой, Ягодка со спущенными штанами сгибался, локтями опираясь о стол. Освободившийся Павел Петрович натянул неподатливую, хотя и тонкую перчатку, густо зачерпнул пальцем вазелин из круглой жестянки.

Было больно и унижительно, когда врачующий перст проникал к месту, елозил, надавливая через прямую кишку на железу. Потом доктор освободил от пластиковой упаковки свечу с вытяжкой из бычьего семени, сунул её к месту, где массировал.

Пройдя цикл, состоящий из десяти массажей, Ягодка с юмором докладывал в своём кругу, как его на старости лет лишали девственности.

Под гоготание ответственных мужей, за милую душу превращавшихся на время в великовозрастных балбесов, один из прослушавших заметил:

— Где-то я прочёл недавно, что эту методику уже отвергли. Мол, нельзя над ней

так издеваться, над желёзкой, она и без того на ладан дышит. Дескать, замечено, что подобные действия провоцируют онкологию.

Всё ещё улыбаясь по инерции после описанной в красках процедуры, Ягодка решил про себя, что больше к Павлу Петровичу ни ногой. Тем более, что пробный с «внучками» опыт показал: крови нет. К концу того же четверга, чтобы окончательно убедиться в исцелении, повторили испытание. Железы выдали нечто розоватое. Ага, смекнул Ягодка, нельзя перенапрягаться. Интервала в одну неделю оказалось достаточно для восстановления. В согласии с этим графиком, но, не позволяя лишнего в день свидания, они и продолжили встречи.

О хорошем в их жизни «тимуровки» докладывали по четвергам — радуясь его реакции, перебивая одна другую, а то и запальчиво споря. Звонок же от них означал
неладное.

— Ножом! — со слезами в голосе кричала Лариса, прорываясь к нему посредством связи, всегда барахлившей на их окраине. — Она ударила его ножом! Мужа, козла этого! Сильно! В больнице! А её забрали! Пьяные были и он, и она! Нет, слушать не хотят, что домашняя ссора! Открывают дело!

Ягодка разбудил генерала, Виту выпустили, и речь пошла теперь о разводе.

Он изначально был против, чтобы она сходилась с отсидевшим за мелкую — шестёркой — торговлю наркотиками, и встретил с облегчением, что намерены разбежаться. Но мог уже почти наверняка предположить, что разведётся вслед за сестрой и Лара. Там семья не выглядела безнадёжной, однако, они, близняшки, с обречённостью

неотвратимой повторяли одна другую во всём и особенно тогда, когда что-нибудь оборачивалось для одной из них неудачей. Вторая тут же должна была сравняться с первой в несчастье. Зачем? А чтобы обеим было одинаково плохо.

— Лариска, хоть ты-то не ломай семью! — упрасивал Ягодка, зная наперёд, что всё это попусту.

Она дерзила мужу по телефону — тот всё искал, пытался объяснить, спрашивал, а как же ребёнок, что говорить бабушке с дедушкой, то есть его, мужа, родителям. Она ничуть не была против общения малыша и с ним, и со стариками, щедро уступала ребёнку хоть и на целый день. По четвергам, например...

Ягодка бывал невольным свидетелем повторявшихся под разным соусом всё тех же их разговоров и упорно твердил своё, призывая к миру и терпению. Втолковывая, что надо ценить то, что имеешь, не разбрасываться, думать о будущем. Но в душе скрытно млел от счастья. Ведь круша безоглядно там, они косвенно подтверждали свою безусловную приверженность тому, что у них здесь, с ним. И при этом счёл долгом наказать за то, что не прислушиваются к его увещаниям — не взял их на обещавшую множество развлечений рыбалку.

Дорогой пожалел, было, что не взял, однако предчувствие шепнуло и совсем не по-доброму — мол, правильно сделал, нечего им здесь.

Никакой не было надобности заходить босиком в стылую воду и топтаться на сыром берегу. Но он потоптался. И скорее подумал, чем ощутил, что ему ябко. И вместо того, чтобы обуться, неурочно приложился к коньяку.

Подхватываться раза два за ночь по малой нужде вошло в привычку. Но вот какой-

то неуют и покальвание после того, как помочился, показались новостью. Покальвание не унималось и, спустя полчаса, снова выгнало его к кустам. Теперь возникло ощущение, что к небольшому количеству ушедшей жидкости примешалось что-то колючее.

Жжение нарастало. Он бегал и бегал к кустам, мечтая, опорожнившись, избавиться от него. Прихватив фонарик, разглядел, что из него вытекает нечто по цвету напоминающее грязный чай.

Под утро к резям прибавилась боль в правом яичке. Не хотелось ребятам портить выходные, он терпел.

Выпил, двигался, чтобы забыться, но чувствовал — что-то с ним скверное, небывало скверное. К вечеру субботы в паху болело так, словно его ударили ногой в самое чувствительное место. Разница заключалась в том, что после удара боль стихает, а эта лишь нарастала и нарастала. Он трогал рукой, замечая, что яичко увеличивается. Что-то, причиняя адское мучение, распирало, раздирало его изнутри. Когда яичко сделалось величиною с кулак, Ягодка поднял тревогу.

Коротко и толково посоветовавшись, решили вызывать платную «скорую» непременно с урологом и первой необходимости лекарствами на борту. Назначить ей место встречи в каком-нибудь из посёлков, до которого она сможет добраться, и своего больного незамедлительно везти туда же.

Чтобы не нарваться на отнекивания медиков и исключить возможные их сомнения, присутствовавший в рыбацком стане первый заместитель мэра набрал руководителя соответствующей городской службы, и звонок врачам с изложением всех обстоятельств и требований последовал от него.

Молодой светловолосый крупный и начинающий полнеть доктор в отутюженной светло-синей стерильной робе и с такими же стерильно чистыми большими, но обленившимися руками показался каким-то нездешним, слишком уж отстранённым от несчастья и страданий Ягодки, одетого в походное, кое-как умытого и насквозь провонявшего дымом.

Когда, натянув перчатки, врач осматривал уродливо перекошенную, раздутую в один бок мошонку, от которой, как из эпицентра, волнами по всему телу расходилась боль, Ягодка, сгорбленный в кузове

буса, помня о выпитом, деликатно дышал в сторону, но и осознал, что наполняет салон перегаром.

— Плохо, что вы выпивши, — посетовал доктор. — Не всё, что нужно бы, сможем уколоть. — И предложил помочиться в стандартный, с крышечкой, контейнер для анализов.

— Кто же знал... — заметил в своё оправдание больной и всё не мог расслабиться, чтобы нацедить хоть сколько-нибудь в прозрачный стаканчик. Видя его затруднения, смуглая и иссушенная какой-то загнанной худобой медицинская сестра, по возрасту лет тридцати пяти — сорока, отвернулась в сторону водителя, тоже поглядывавшего на процедуру в зеркало.

— С этим бывают трудности? — словно нарочно не давая сосредоточиться, спросил доктор.

— Не было. Наоборот, всю ночь бегал каждые пять минут. Но там сам по себе, а тут на людях... Может, потом, когда само попросится? А я могу рассказать, какое. Тёмное, как заварка, и мутное.

— Вот и хотелось бы увидеть. Не помешало бы.

Он стоял, резко ссутулившись, из-за чего межрёберную мышцу рядом с сердцем прокололо судорогой. И, как предвестнику скорого облегчения, обрадовался острой рези, просигналившей, что раскрылось, пошло.

Стаканчик с тем, что вымучил из себя, неловко передал доктору и продолжал стоять, словно провинившийся школяр, не зная, можно ли поднимать штаны.

— Да, — неопределённо заключил врач и сделал жест, разрешающий одеться и сесть.

После укола и нескольких пилюль его уложили, и сестра наладила капельницу. Тронулись.

Путь предстоял неблизкий и по дороге изношенной, битой. Лёжа ехать было непривычно, на выбоинах ёкало внутри. Но где-то минут через двадцать он почувствовал, как боли притупляются, перестают разрывать его несчастную плоть. Ещё через какое-то время отпустило настолько, что захотелось вздремнуть.

Едва не сброшенный с лежанки толчком на очередной ямине, он понял, что спать не придётся, спросил:

— Как вас по имени-отчеству?

— Максим Владимирович.

— Спасибо, Максим Владимирович, заново на свет нарождаюсь.

— Отпускает понемногу?

— Боль совсем отпустила, а опухоль, пробую, ещё есть.

— Ну, опухоль — не сразу.

— А что это у меня?

— Похоже — простудили предстательную, с которой и без этого не всё было в порядке. Раньше имелись с ней проблемы?

— Да вроде как. Началось с желёз во рту. После них стали смотреть и там. Вроде как гиперплазия или что-то такое. Предложили резать — я не решился. Тогда массажи, свечи. Сказал ребятам — говорят, опасно, можно до онкологии домассироваться. Ну, я и бросил.

— Ясно. Будем, конечно, ещё обследовать, но, скорее всего, и я предложу вам операцию.

— Резать?

— Нет, сейчас другая технология, называется — «Золотое сечение». Проникают через канал и как бы высасывают лишние ткани. Если бы тогда согласились, возможно, этого бы с вами не случилось.

— А как с функцией?

— С мужской? Конкретно надо будет с хирургами говорить. Чаще всего функция восстанавливается. Но семя из яичек будет уходить в железу. Семени больше не увидите.

— И онкологии тоже не останется места гнёздышко свить? — обнадёжился Ягодка.

— Ну, где-то так... — подтвердил доктор, хотя и несколько двояко.

— А сейчас вы меня — куда?

— Лучше бы всего в наш стационар. Уютно, тихо, хорошие палаты. Не так, чтобы дешёво, но...

— Дело не в оплате — оплату найдём. Но хочется домой, в свою берлогу. Какие пропишете уколы или капельницы — у меня сестра по соседству, которая всё по часам и в лучшем виде...

— В принципе, если вам получше... — не возражал Максим Владимирович. — Но с условием, что в понедельник утром вы у меня на приёме.

Когда приехали, Ягодка пригласил в дом. Там расплатился, подумав про себя, что тариф не сказать, что такой уж скромный, но и заметив, что сам бы он на своей машине да ещё с водителем и сестрой, которые тоже в доле, ни за что бы не попёрся среди ночи в такую даль за эти деньги.

Максим Владимирович выписал счёт с указанием диагноза и проделанных манипуляций и направление — к нему же в понедельник. А Ягодка в качестве гостинца на дорожку достал из серванта парадную бутылку, выбрал яблок из ящика в прихожей.

На приёме Максим Владимирович начал с внешнего осмотра. Опухоль, по наблюдениям больного, уменьшилась, но не очень.

— А нам точно удастся вернуть всё в норму? — нуждаясь в ободрении, спросил Ягодка.

— Будем стараться.

— А если не получится?

— Зачем же заранее — о плохом?

— А всё-таки?

— Когда уже ничто не помогает, — удаляют, — пояснил Максим Владимирович, приглашая на кушетку при аппарате УЗИ.

— О, предстательная у вас не просто большая — огромная, — поделился увиденным.

Потом мучил, выжимая посев из железы. Выдавилась капля чего-то мутного, как гной. И отправил с посевом в лабораторию, предписав сделать несколько разных анализов крови и анализ мочи.

В течение полутора недель сестра ежедневно колола ему укол и ставила два вида капельниц. Ещё по часам он проглатывал несколько разных таблеток. Анализы, сданные повторно, показывали выздоровление, но опухоль в паху, хотя и заметно уменьшилась, полностью не ушла. И ощущение болезненности, если прикоснуться, оставалось.

Ягодка, держа в уме девчонок, с которыми посмеивались в прошедший четверг, обсуждая его болезнь и вместе осматривая пострадавшее место, спросил у доктора, не поспособствует ли выздоровлению острый во всех отношениях половой акт.

— Вы имеете в виду мастурбацию? — уточнил Максим Владимирович, давно осведомленный о семейном одиночестве пациента.

— Нет, у меня подружки, — возразил Ягодка и глянул встречно на ту самую «подвяленную» медсестру, поднявшую при этих его словах глаза. — Они бы аккуратненько...

— В принципе не должно быть ничего плохого, — сказал врач. — Хотя я бы и повременил ещё немного. А на будущее, как бы вы ни доверяли партнёрам, но чтобы не занести в ослабленную железу инфекции, — обязательно с презервативом.

Никогда ещё не приходилось ему пользоваться предохраняющими средствами, но теперь, осознавая степень риска и тяжесть возможных последствий, заглянул в аптеку. И, прикрывая смущение интонациями обыденности, купил.

— После операции будете возвращать меня к жизни! — балагурил в постели. — Целебнее вас нет ничего на свете!

Вопреки ожиданиям, процедура облачения его прихворнувшего рыцаря ничуть не повредила прелюдии. Напротив — она оказалась обворожительной игрой, заботливым

ухаживанием нежных женских ручек. И даже то, что он по неопытности промахнулся с размером, — даже и это сделалось дополнительной забавой. Годящийся разве что в напальчники латексный доспех, скатанный колечком, никак не нахлобучивался на боевитого малого Ягодку, и Ягодка большой, похотав над собственным промахом, объявил старательным партнёрам:

— Так, тяните на спичках, кому из вас бежать в аптеку!

Подготовку к плановому вмешательству в его организм повели ещё до полного исчезновения опухоли. Максим Владимирович убрал из перечня лекарств антибиотики, мотивируя тем, что после операции потребуются усиленный их курс и сейчас не следует длительным приёмом снижать восприимчивость к ним.

Снова для нескольких различных анализов Ягодка сдавал кровь, делал УЗИ, компьютерную томографию. И в той же платной клинике по направлению Максима Владимировича посетил кардиолога.

Молодая миловидная женщина, которая, впрочем, по возрасту, увы, уже не подошла бы избалованному Ягодке в любовницы, уложила его на кушетку для снятия кардиограммы.

— Каким вы молодцом! — воскликнула одобрительно, размещая присоски на его груди и боках. Она имела в виду собранность мышц и свежесть его кожи.

— Сердце у вас дай бог каждому, — подвела итог, сворачивая испещрённую ломаными линиями бумажную ленту гармошкой, чтобы вклеить в историю болезни. — Ничего, что могло бы препятствовать операции, не нахожу. Но... — и она посмотрела с симпатией, которой успела проникнуться к бойко, весело и молодо глядящему пациенту, разменявшему девятый десяток. — Зачем она вам? У вас настолько затруднено

мочеиспускание?

— Не то, чтобы затруднено, а бегаю часто.

— Сколько раз встаёте ночью?

— Раза два в среднем.

— Ну, это ещё не критично. И вот последнее УЗИ показывает полное опорожнение пузыря. Зачем вмешательство? В чём причина?

— Я простудился на рыбалке, и меня так ударило из дряхлой железы в яичко, что только держись!

— И вы думаете, что после вмешательства вам подобное перестанет угрожать? Вы ошибаетесь. Скорее всего, окажется как раз наоборот.

— Да? — произнёс Ягодка с сомнением.

— Да.

— А ещё не хочется дожидаться онкологии.

— Нет никакой статистики, утверждающей, что после операции данный риск уменьшается. Я пропишу вам лекарство, которое приостановит разрастание железы. Принимать его будете регулярно и уже навсегда, но это, думаю, лучше, чем вырывать из себя кусками часть собственного органа. У меня папа уже двадцать лет благополучно живёт с этим препаратом.

— И мужские дела тоже сохраняются?

— В крайнем случае, не становятся от него хуже.

— Вот! — принял Ягодка последнее неоспоримым аргументом. — А то ведь после операции — бабушка надвое гадала!

С улыбкой, плутовато подметившей, что для этого, перевалившего за восемьдесят молодого человека является наиважнейшим, доктор углубилась в оформление своих рекомендаций.

— Вы послушали то, что вам хотелось услышать, и теперь она для вас авторитет, а я — пустомеля? — едва сдерживая раздражение, проговорил Максим Владимирович, глядя сквозь экран своего компьютера в некую точку, вызывающую в нём неприязнь.

— Ну что вы! — поспешил Ягодка. — Зачем же так-то?!

— А как ещё? Я, специалист, готовлю вас к операции, а она рассказывает, как лечат её папу! А размер железы у её папы она уточнила? Ведь у вас пятикратное превышение допустимой величины! В любую минуту могут наглухо перекрыться мочеточники, и тогда на «скорой» примчитесь в больницу и без всякой подготовки и неизвестно в чьих руках окажетесь на операционном столе! И это ещё в лучшем случае. Потому что по закону подлости прихватывает в самый неподходящий момент. Вы, например, можете оказаться где-нибудь в лесу, куда ни врач, ни машина...

Ягодка слушал, и что-то в недовольстве доктора, в его взвинченности подсказывало, что с ним не следует соглашаться. Но и рассориться с человеком, который его выходил и которого можно вызвать в случае обострения и на дом, и за город, тоже никак не хотелось.

— Но поймите, — мямлил он, — трудно так вот взять и решиться, когда не знаешь, как оно лучше...

Это влияние пациента окончательно разозлило Максима Владимировича.

— А вам не надо знать, вам надо верить своему доктору! — оборвал он и со стиснутыми зубами принялся заполнять распечатанный листок.

Рыжеватые волоски на его фалангах лоснились, поблёскивая в солнечном луче, и словно бы заодно с уязвлённым доктором укоряя изменника Ягодку. Нечто похожее угадывалось и в облике сестры, тоже углубившейся в бумаги.

— Так вы отказываетесь от плановой операции? — откровенно запугивая интонациями, с вызовом бросил Максим Владимирович, закончив оформление листка. И этим выручил Ягодку, никогда не позволявшего себе показать, что струсил.

— Отказываюсь, — сказал тот подчёркнуто безразлично.

— Значит, так и напишите. Здесь вот, внизу.

Буквы легли нестройно, и в слове плановой, кажется, что-то напуталось, но он какими-то новыми глазами увидел вдруг свои руки и что-то тревожное и жалеющее почувствовал к себе. Наибольшее число признаков старения обустроилось почему-то на его руках — смуглых, словно бы подкопившихся у костров, шершавых, тронутых цыпками, с похожей на бумагу «кальку» отслоившейся от плоти кожей и с ногтями, напоминающими когти — такими же тёмно-серыми и утолщено выпуклыми.

Душевный разлад, смутное ощущение утраты и безвозвратности чего-то зародилось не от слов задетого за живое доктора, а именно оттого, что разглядел свои руки. По дороге домой это настроение неприкаянности усугубилось предчувствием чего-то нехорошего, которое так и кольнуло, когда вставил ключ в замок на калитке и обнаружил, что замок открыт.

Забыл закрыть? Нет, закрывал, помнит. Или уже и башка начинает пошаливать?

— Папа! — бросив дверь нараспашку и с опаской пожилой женщины спускаясь с крыльца, навстречу спешила дочь. Она улыбалась морщинистым лицом, а в глазах,

усталых и воспалённых, не было радости. В них было что-то выведывающее и острое, похожее на щуп у пришедших с обыском.

Поцеловала, обдав подкисшим дыханием, а он подумал, что после завтра четверг и непременно надо успеть выпроводить. А ещё с уныни-

ем и неприязнью отметил, что его дочь — старуха. И старуха, похоже, — злая.

— Ты это чего вдруг? — спросил настороженно.

— А — нельзя? — без заминки откликнулась она, спесиво поджав губы. И развернулась, зашагала в дом, умудряясь, подволакивая ногу, ступать хозяйкой.

— Одна? — спросил он, сходя в уборную и, проходя коридором, с облегчением убедившись, что больше в доме никого.

— Одна.

— А каким ветром?

— Ты гуляешь — за тобой и ветры хвостом, — выложила она с атакующим намёком.

— Что-то не припомню, чтобы я когда-то у кого разрешения спрашивал!

— Папа! — прикрикнула она голосом командирши, который отковался и окреп в домашнем её самоуправстве.

— Ты не путаешь, милая, не забываешься?

— Папа! — повторила трусовато, но капризно.

Согрела чай, потчевала привезённым сладким пирогом.

Он давно избегал сладкого, да и пирог был пересушенный, пригоревший. «Жизнь прожила, а так и не научилась...» — подумал, как о собственном промахе и своей неудаче.

— У тебя так чистенько и всё на месте...

— Привычка.

— Да? А мне почудилось — не женские ли ручки?..

— А если и женские — то что?

— Папа!

— Ещё раз так «папнешь» — и вылетишь отсюда перепёлкой!

Разыгрывая обиженную девочку, она скривилась и явила натужные слёзы.

— Мне соседки наши уже который год наперебой...

— Наши — это чьи?

— Здешние наши.

— А, мои.

— ...Что к тебе, мол, то оборванки какие-то сопливые, а потом они же уже и беременные, и родившие...

— Предположим. И что?

— Как — что?! — ужаснулась она праведно.

— Вот так вот: ЧТО?!

Она обомлела:

— Ты хочешь сказать, что и дети от тебя?..

— А если и от меня?

За это она ухватилась, как за ниточку, которую долго выискивала.

— Но это же обман! Тебя водят за нос!

— Доченька, — ухмыльнулся он, — иногда бывает и это приятно.

Кто водит, как, какими ручками...

— Папа, ну как ты не понимаешь, что ты им не нужен, что им...

— Глазастая ты у меня! Из Киева — разглядела!

— Да что же тут разглядывать! Ведь ясно, как день!

— А мне — не очень. Предположим, им я не нужен. А кому нужен?

Тебе?

— Да, у тебя я, и внука, и правнучка!

— И как я вам нужен? В каком качестве?

— Мы всё продумали. Одному тебе плохо. Но при твоём характере ты с нами со всеми не уживёшься. Зато у нас домик на дачном участке, ты там поселишься, мы будем приезжать...

— Я?

— Ты.

— Собачкой у вас на участке?

— Почему — собачкой? Какой собачкой? А здесь — разве не то же самое?

— Я всегда, доченька, знал, что ты дура, но что до такой степени...

Ефрейторское «Папа!» настойчиво попросилось из неё — она чудом сдержалась.

— А что, что не так? — спросила с наигранной покладистостью.

— Нужен тебе не я, а мой дом и мои сбережения. Как ты уверена, что это же нужно и ИМ. Так я тебя успокою: не суетись, ничего тебе не достанется. Всё это я давно им отдал. Причём с оформлением таких бумаг, что после моей кончины ни один суд у тебя даже не примет к рассмотрению бумаг с претензией на моё имущество.

— Ты что — на них женился? — охнула она, выдавая опасение, явно ими обсуждавшееся.

— Сразу на двоих? — гоготнул Ягодка. — Нет, я сделал сильнее и для тебя значительно хуже. У меня с ними договор по уходу за престарелым человеком с правом наследования. Так что не мылься, бриться не будешь!

По назначению Максима Владимировича Ягодка каждые четыре месяца сдавал кровь для онкомаркеров. На этот раз забегался, и об анализе вспомнил месяцев через семь. Получив результаты, заглянул в

таблицу. В первой строчке в траурном прямоугольнике стояло — 15,2, а правее, в графе «Диапазон нормы» было написано: больше 25.

— Доигрался! — сказал себе Ягодка, вспомнив, как настойчиво склонял его к операции Максим Владимирович.

«А что теперь? — подумал. — Теперь все радости дождавшегося рака?»

— Не стоит раньше времени падать в обморок! — успокоил доктор. — Эта лаборатория несколько завышает норму. А мы считаем приемлемым больше десяти. Поэтому онкологии тут пока ещё нет, и ещё не поздно провести операцию, которую я рекомендовал.

У Ягодки — как камень с души. Только с этим он и обращался к высшим силам, коротая время в очереди к врачу, — чтобы не оказалось поздно. Теперь уж он, напуганный, готов был, задрав штаны, бежать к хирургам. Ужасной и отвратительной представлялась мучительная кончина от опухоли, не дающей опорожниться.

Заново прошли все необходимые анализы. Та же милая кардиолог, посчитав, наверное, что всё уже сказано, на этот раз не стала его отговаривать — выдала

положительное заключение.

— К кому вы меня направите? — поинтересовался Ягодка. — У меня кое-кто в знакомцах...

— Я помню! — с уважительной улыбкой отвечал Максим Владимирович, убоготоренный полным послушанием пациента. — А направить вас думаю в университетскую клинику к профессору, лучше которого не найти и с помощью ваших связей. Он беженец из Донецка. Горе, конечно, но нам — специалист от Бога.

Ведомственную больницу, принадлежавшую гиганту оборонки, по случаю безвозвратного упадка предприятия передали медицинскому вузу. Потемневшее с годами панельное здание в восемь этажей, шлифованные полы холла из бетона, заполненного мраморной крошкой, истоптанный до дыр линолеум на днище лифта... Ушедшая эпоха. Но в палисаднике у парадного входа, и в холле, и у лифта — вереницами, кружками, группками, парами — юная поросль страны. «Что им здесь? Медосмотр?» — подумал Ягодка. Но по обрывкам услышанного смекнул, что здесь они учатся, и осматривать, пожалуй, станут его.

У кабинета профессора двое ожидающих — унылые позы явных товарищей по несчастью. Он занял очередь и с живостью, неистребимой

в его натуре, огляделся. По приметам в лице и фигуре, которые трудно определить словом, но которые ясно прочитываются, а также по халату, не столь свежему, как у неприкасаемого высшего звена, угадал сестру-хозяйку и остановил улыбкой, посланной из глаз в глаза.

— Скажите, а платные палаты у вас имеются?

Так же скоро, как это случилось бы с отражением в зеркале, его улыбка

повторилась на её лице.

— Конечно!

— А можно — краешком глаза?

— Почему бы и нет!

Заглянули в узкую комнатку с каморкой туалета у входа. Как что-то давнишнее, неизбывное — синие, масляной краской, панели с тёмной риской, отделяющей от побелки, железная койка, чистота, достигнутая при помощи тряпки. Из нового — небольшой приподнятый на кронштейне телевизор.

«Сойдёт!» — заметил про себя Ягодка в надежде долго здесь не залёживаться.

Сухой, высокий, лет сорока с небольшим профессор в небрежно наброшенном куцем ему халате и с горечью неустроенности во взгляде, пролистав собранные в прозрачных корочках бумаги, отправил на УЗИ.

Судя по фамилии и возрасту, Ягодка предположил, что на видящем внутренности аппарате смотрела его супруга профессора.

— Пузырь освободился полностью! — сгоняв предварительно Ягодку в уборную, отметила она как что-то для него и для неё весьма и весьма положительное. И, записав помимо этого данные о размере, плотности и ещё о чём-то, отпустила пациента вновь к хирургу.

— Что я вам скажу? — заметил тот, испытав, как показалось Ягодке некое избавление от излишней заботы. — Операцию вам можно оправдать только одним обстоятельством — что я заработаю на вас деньги. Никаких других поводов к операции я не вижу.

— А как же мой уролог уверяет...

На замечание об урологе никакой реакции не последовало. В пять-шесть линий уверенной рукой хозяин кабинета схематически изобразил на бумаге пузырь, исток из него и сидящую поверх истока железу.

— Мы проникаем отсюда и буквально выкусываем те части железы, которые мешают потоку. Теперь представьте, что нетронутая железа живёт в своей оболочке. И всякое нездоровье, возможное в ней, изолировано этой оболочкой. Но мы это вскрываем и

всю заразу выпускаем гулять по организму. Мало того — пока это место не заживёт, и не образуется новое покрытие, моча непосредственно контактирует с раной. То есть все нехорошие вещи, какие только можно предположить, получают дополнительный шанс пробраться в железу.

— И онкология?

— Конечно! Где чаще всего возникают опухоли? В травмированных местах. Скажу коротко: единственная проблема, которую решает операция — это проток мочи. Всё! Во всём остальном только вред. Поэтому, какого размера ни была бы железа, если моча проходит, а у вас она выходит полностью, хирургически вмешиваться не следует. Вот вам международно разработанная таблица с вычислением баллов по каждому из признаков. Например, сколько раз вы встаёте ночью?

— Примерно раза два.

— Значит — два бала.

— Всего тут несколько признаков. У вас, по всей вероятности, может набраться бала четыре, максимум — пять. А операция показана только, когда набирается не меньше девятнадцати баллов. Поэтому принимайте регулярно препарат, который вам прописан, живите и радуйтесь жизни. Но: раз в квартал к нам на УЗИ. И так же кровь на онкомаркер. В анализах вам тут первую цифру в рамку взяли, но этот показатель менее важен. Следите за цифрой второй. Пока у вас с ней всё нормально. Но если, паче чаяния, полезет выше семи, — немедленно ко мне. Всё. Адрес теперь знаете, в случае чего — поможем.

Счастливый Ягодка на ощупь отделил в кармане бумажку в пятьсот гривен и, сопровождая словами благодарности, продвинул её по столу ближе к профессору. Тот взял деньги, решительно впечатал их в ладонь пациента, сказал:

— За консультации платы не беру!

Ягодка отчего-то растрогался и, бормоча: «Спасибо! Спасибо!» — задком, задком отступил из кабинета.

Пожалуй, ему было бы привычнее, комфортней на душе, возьми профессор деньги. Но то, что не взял, пронимало отчего-то едва не до слёз. И как понятно, как ясно и однозначно всё то, что у Максима Владимировича гадалось, как на кофейной гуще. Он, Максимка, не знал, что операция во вред? А тот корифей из восемнадцатой, с его массажами и уговорами резать ещё тогда? И если бы жутким несчастьем не занесло бы человека из Донецка... Или бы Максимка — что, споткнувшись на нём, и станет делать со всеми следующими — направил не сюда, а в ту же восемнадцатую?.. И как наезжал, как запугивал! Зачем? Ему от-

катывают за присланных? Сколько? Сто долларов с операции, двести? Двести вряд ли, скорее — около ста. Да, за сто вонючих баксов... Вот они где — браконьеры!

Жизнь очень скоро вошла в привычные берега. Ягодка глотал пилюли, сдавал время от времени кровь, подсчитывал механически, сколько раз пришлось подхватиться

за ночь. Но он не думал о своей болезни как о чём-то угрожающем жизни. Примечал, что после четверга железа, которую умело и ласково заставляли потрудиться девчонки, подбиралась, отворяя краник пошире. И жалел, что опасно её перенапрягать, что нельзя встречаться чаще.

Чувствовал себя не хуже прежнего, уставал в охотничьих переходах, как это бывало и всегда, последним. Одна только тревожащая неприятность исподволь подобралась к нему. На больших пальцах рук у него повдоль треснули ногти и раздвоились, сделавшись похожими на копытца. А он ещё в детстве слышал от кого-то, что это признак близкой смерти.

И вот в четверг ощутил небывалую, радостную бодрость. И заболтался под накативший невесть откуда стих в постели с малышками. Беззаботно, легко говорил об этих своих копытцах и что они означают. Заметил между делом, что предпочёл бы быть сожжённым в крематории.

— Как-то оно не по-нашему, — не одобрили близняшки.

— Нет, — возражал, — дымок из крематория пахнет шашлычком. Не хочу вонять в земле, хочу уйти под запах пирушки. И вы уж, как отброшу копыта, уважьте старика, сделайте, как прошу.

— Трахается за троих молодых, а туда же! — посмеялась Вита.

— А почему мы? — спросила Лариска. — Разве нам позволят командовать?

— Позволять или не позволять будете вы.

— Как это?

— Объясню. И пепел не хороните, пепел развейте у лесного озера, пацаны в курсе,

где. Когда захочется поведать — приезжайте, я буду там. А пацаны о вас знают. И что оставляю вам всё, тоже знают. Ну-ка, подъём! Подъём, подъём!

Поднялись. Он влез в байковую — подарок друзей — пижаму, они — в его ношенные футболки, в которых — на голое тельце — привыкли шастать у него по дому, а в жару и по саду.

— Вот, — выдвинув ящик стола показал список имён и телефонов. — Контакты всех наших. Оповестите, если что.

Потом повёл в кладовую, оттуда в дальний угол веранды, к доске, которая вынималась в подшивке сбоку крыльца. Показал тайники, где прятал деньги, наставляя:

— Если вдруг что внезапное, взяли список ребят, и дальше держите его при себе, пригодится. Потом собрали все деньги и одна ушла с ними, заныкала дома, а вторая звонит в полицию и «скорую». И пацанам.

— Ну и разговор вы завели!

— Когда-то нужно. Начали — значит, слушайте. Дом ваш. Железно ваш. Что бы кто ни заявлял — всех нахрен! В списке ребят — нотариус, там подчёркнуто. Свяжетесь и подпишите у него две давно готовых бумаги. Где бы ни возник вопрос — вы ухаживали за мной все эти годы. Понятно?

— А что, мы не ухаживали? — слукавила Лариска.

— Вот и я говорю — ухаживали. Всё делали по дому, кормили, поили. Теперь сюда, — повёл к навесному шкафчику на кухне. — Дверцу открыли, сдвинули банки с крупой. Видите краник? Пробуй повернуть! Своей рукой пробуй! Не в ту, в обратную сторону! Вот. Это газ пошёл мимо счётчика. Как куда выходите или кто позвонил — кран на место и всё шито-крыто. Усекли? Умницы. Теперь айда на чердак!

Дюралевую лестницу на тросах с шарнирами отвёл от стены, нацелил на люк в потолке. Бойко, как юнга, вскарабкался вверх, макушкой толкнул обшитую снизу мягким откидную дверцу.

— Не бойтесь так открывать, — пояснял девчонкам. — Тут амортизаторы поставлены, само уходит.

Наверху их, осторожно ступающих по зыбучей керамзитовой отсыпке, привычно подталкивал под нежные попки. Показал припрятанный у стропил переключатель, ворующий электричество.

— Ух, ты! — заинтересованно разглядывая, поднялась на цыпочки Лариска, а он, снизу пробравшись лапой под футболку, гладил голенький её бочок.

— Там кто-то живой! — прошептала Виктория, указывая на картонную коробку из-под какой-то кухонной техники. Она и вправду пошевеливалась и чем-то скреблась и шелестела внутри.

Подойдя, пугливо приподняла картонную закрывашку и, словно ужаленная, отдёргнула руку.

— Осы! Ну, я их!.. — и, на цыпочках отступив, юркнула в прорезь люка.

А Лариска, отзывчивая на ласку, прильнула к Ягодке, обвила тонкими руками его шею и, замерев, таяла под его поглаживаниями.

Тем временем Вика уже взбиралась обратно, держа выше и впереди себя чайник. Когда она нацелилась носиком в опять приоткрытую коробку, Ягодка одёрнул:

— Куда кипятком, глупая?! Их только дихлофосом!

Но струя уже барабанила по пустотам внутри и шипела, обливая нечто пористое.

Тут из коробки, словно подброшенные пружиной, взвились и замерли на полутораметровой высоте несколько ос. С нарастающим гудением они, как истребители на палубе авианосца набирают тягу, разгоняли крылья, но оставались абсолютно неподвижными, словно прикованными к месту. Это было завораживающе жутко. Первой вышла из оцепенения Вика и, уронив чайник, кинулась наутёк.

Осы, будто управляемые одним механизмом, все разом развернулись, нацелившись теперь на Ягодку с Лариской, и одна из них, сорвавшись первой, со скоростью запущенного из рогатки чугунка выстрелила собою Ягодке в лицо. Он чудом успел увернуться, и оса звучным шлепком вляпалась точно Лариске в лоб.

Здесь они опомнились и, согнувшись в три погибели, почти на четвереньках дали дёру. Кубарем она слетела по лестнице, он, захлопнув ляду, соскользнул следом.

Витка хохотала, как подорванная, Лариска, слезливо скривившись, ощупывала место укуса.

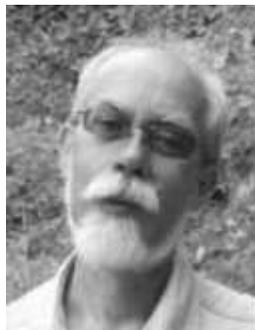
Ягодка поманил её к свету, намереваясь выдавить и вынуть жало. В комнате опустился на край кровати, усадил её рядом и поднял, было, руки к напухающей шишке, как тут откуда-то изнутри затылок его обдало чем-то раскалённым.

Через секунду или две он почувствовал подступающую тошноту и с удивлением расслышал своё сердце, которого никогда не замечал. А вот услышал — оно остановилось. И грудь не могла дышать. Где-то отнялось или лопнуло нечто управляющее всем этим. Он ясно это чувствовал. И с хитринкой умудрившегося обмануть кого-то беспредельно властного, с настроением всех обыгравшего подумал, что успел. Успел!

Андрей Мансуров

Ташкент

ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

— Не вижу ничего такого, чего бы мы не видели уже тысячу раз! — Пол хмурился, и его недоумение вполне можно было понять.

Джо и сам недоумевал. Поскольку Мать только что предложила им взглянуть на, вроде, достаточно привычную картину: изображение на центральном экране шло с гамма-сканнера, и видно было сеть соединённых между собой тоннелями глубоких подземных бункеров. На очередной ненаселённой планете. Точнее — это сейчас она была не населена. Но судя по бункерам, и остаткам городов, заводов, деревень, плотин, и прочего, всего того, что оставляют люди после себя, жизнь тут только недавно была.

Но вот выделить, вычленить то, что, по словам их Главного компьютера имелось тут такого, чего прежде они не встречали, пока не удавалось.

— Мать. Не томи. Говори уже. Возможно, отличия малы, и не видны простому человеческому глазу. И только ты, с твоей возможностью всё увеличить, обработать, и проанализировать, можешь это сказать.

— А вот и нет. — голос их заботливой Хозяйки отличался мягкостью и отменной дикцией. Как и приятным женским тембром, — Отличия таковы, что их прекрасно могли бы заметить и вы. Я имею в виду — они не «мелкие». А если б напрягли то, что вы называете своим серым веществом, запросто вычислили бы и то, что это означает.

— Покажи-ка ещё раз. Так, как вначале. — Джо сердился и на самого себя, и на Пола. И на Мать. Ну вот не может не поиздеваться!

Впрочем, он быстро взял себя в руки.

Они с напарником тысячи раз убеждались в том, что Мать — не издевается. А просто, по её словам, хочет, чтоб они не ленились, не расслаблялись, и действительно шевелили. И телами и извилинами. Чтоб не превратиться в тупые и еле ползающие овощи — как, вон, Роберт и Лайдж. С «Фурии». Перекинувшие всю аналитическую работу, и навигацию, и даже разведку найденных планет и кораблей — на свою Мать. И ленившиеся даже разговаривать. А затем и пожелавшие, чтоб их кормили прямо в койках. А затем...

Дошло до того, что из очередного рейса их отвезли прямо в Приют. Для жертв Альцгеймера. И пусть через пару месяцев их и подлатали, и они снова смогли соображать, и что-то делать, лентяи предпочли не рисковать, никуда больше не летать, и жить в доме для престарелых. Там же, на Новой Каледонии. Продав свой корабль. Поскольку не заработали, как Пол и Джо, на виллы на семи планетах. И не имели солидных счетов в банках двенадцати планет Содружества. А того, что эти обленившиеся, и в том числе и поэтому не состоявшиеся скрапперы заработали, продав посудину, как раз хватило на их содержание. По категории «С».

Так что Джо сосредоточено рассматривал то, что снова проплывало на экране перед ним: подробную, покомнатную, вычерченную привычными синими линиями, схему устройства и расположения всех многочисленных помещений бункера.

— Ну, я это уже видел. — Пол пожал плечами, — Ну, жилые комнаты. Ну, командный пункт. Он же — диспетчерская. Ну, помещения для основного и вспомогательного оборудования: реакторная, кондиционерная, трансформаторная... Резервуары с кислородом. Баки с водой. Ремонтные мастерские. Везде кабели и трубы...

И — что?

— Стоп! — Джо осенило. — Жилые комнаты! Да и сам бункер. Я, кажется, понял!

— И что же ты понял? — скепсисом из голоса напарника так и отдавало.

— А дам намёк. Вот ты, после того, как поешь, и попьешь — что делаешь?

— Ну... Спать ложусь. Я же — не ты, чтоб по три часа в качалке качаться!

— Хорошо. Задам вопрос конкретней. Принятые внутрь вода и пища остаются в твоём организме навсегда?

— Ну, нет! Для этого у нас гальюн е...! Стоп! — дошло, наконец, и до Пола, — Тут ни при одной из «жилых» комнат — нет ни туалета, ни даже ванны! То есть — они — что?! Никогда не писали, не ка... э-э... дефекацию не осуществляли, и не мылись? Свиньи, что ли, какие?!

— Свиньи и писают, и «дефекацию» осуществляют. И даже моются. Пусть и в грязи. А тут...

— Роботы! Чтоб мне провалиться! Андроиды! Тогда всё верно: им и туалеты не нужны, и ванны: закоротит ещё, не дай Бог! А «жрут» они электричество. В чистом виде.

— Теперь понятно, почему тут нет запасов пищи. И столовой-кухни. (А я-то всё думал, что же здесь не стыкуется... И действительно — не «как обычно»!) Никто ничего не готовил. И не ел. Впрочем, я-то посчитал после первого раза, что всё это — в соседних, смежных, бункерах. Но ведь Мать показала нам потом и их. И — никаких холодильников, продуктов, и камбузов! А мы и не обратили внимания. Глаз привык. «Замылился».

— Я довольна. Вы, пусть и не с первого раза, но коренное отличие выявили. Этого бункера — от всех наших предыдущих. А было их действительно — девятьсот восемнадцать. Ну, это — более-менее сохранившихся. Плюс ещё около ста десяти — совсем уж разрушенных временем и грунтовыми водами. В такие мы даже не совались. Но эти — сохранились неплохо. И поскольку живых на этой планете нет, можете приступать.

— К чему это?! — подозрения в голосе Пола тот и не думал скрывать. Похоже, ждал подвоха. Джо, и сам ожидавший его же, проворчал:

— Балда. Это она тебе «тонко» намекает, что раз живых нет — мы имеем полное право приземлиться на этой планете, не нарушая любимые параграфы любимого Федерального Законодательства и любимого Космоустава. Более того: мы даже можем «разграбить», как это изящно сформулировано там же, местные бункеры и музеи. На предмет добычи артефактов и произведений искусства. И ничего нам за это тоже не будет. Мы первые открыли «пустую» планету — стало быть, всё, что найдём — наше!

— Звучит, словно райская музыка! — Пол блаженно подкатил глаза к подволку, и делано радостно осклабился. Поперебирал пальцами в воздухе, словно и правда, ощупывал какие-то ценности и артефакты, — Гы-гы! Я уже прямо вождедею! И облизываюсь в предвкушении! — и, совсем другим тоном, — Только вот не вижу я, чем бы мы могли разжиться после андроидов! Их «ценности» и «приоритеты» абсолютно чужды людским! И предметов так называемого «искусства» тут наверняка — нет! Как и «исторических» ценностей.

Роботы же!

— Ну, напрасно ты так про ИИ. На Земле вон: ещё в далёком двадцать первом веке, почти всех художников-живописцев-дизайнеров, и поэтов-писателей запросто вытеснили и заменили роботы. Точнее — тот же ИИ, оснащённый креативными программами. И ведь уже к середине века никто не мог отличить: что сделано людьми, а что — ИИ.

— Ну правильно. Там, на Земле, они выполняли рутинную работу репортёров, редакторов, иллюстраторов, художников, поэтов и писателей. По заказу Людей! Для нас, то есть. А здесь — что? Людей-то, судя по оснащению бункера, уже нет? О! Кстати!

Мать! Давно тут нет людей?

— Недостаточно данных для точного ответа. Вы ещё не приземлились, и я не запустила микропа в мозги местного главного компьютера.

— Ладно, раз никого нет, за этим дело не станет. И приземлимся, и запустим. Ну а пока хотя бы примерно: давно тут нет людей?

— Людей тут не было никогда.

— Что?!

— Как?!

— Очень смешно. Вот я так и знала, что вы именно так и отреагируете!

— Мать, хватит ворчать и придирааться. Это — наша естественная реакция! Мы не... Сговариваемся. Да чего я объясняю: ты и так это знаешь! — Джо и правда рассердился.

— Хе-хе. Знаю, конечно. (Снимаю же онлайн ваши энцефалограммы!) Что не мешает мне «прикалывать» вас. Я от этого получаю кайф и «моральное удовлетворение». Ну а если серьёзно — я просто не вижу здесь следов от пребывания хоть кого-то вроде «Хомо сапиенсов». Все руины городов, электростанций, и остатки инфраструктуры говорят о том, что всё было приспособлено изначально — только под обслуживание именно — андроидов.

Джо вынужден был, несмотря на то, что и напарник и Мать постоянно его прикалывали, запустить-таки пятерню в короткую седую щетину на затылке, и почесать его. Ну вот располагала к этому ситуация! А так ему всё-таки... легче думается!

Пола между тем понесло:

— Что значит — нет следов от людей?! Эти чёртовы андроиды могли и сознательно и целенаправленно уничтожить их! Чтоб ничего не напоминало об их позорном «рабском» прошлом!

— С чего это ты взял, что оно было «рабским»?

— А как же! Вон: мы, как только понаклепали человекообразных роботов — так и спихнули на них всю «черновую», грязную и тяжёлую, работу! И поля пахать, и руду добывать, и улицы подметать, и машины собирать, и хлеб печь, и в квартирах стирать-убирать... Да мало ли! И хорошо, что наших андроидов не оснастили так называемым блоком «собственного достоинства». Зато накрепко встроили Первый Закон! А то сейчас, глядишь — и нас не было бы!

— Ну, не знаю, не знаю... — Джо откинулся снова на спинку капитанского кресла. Сервомоторчики традиционно возмущённо зажуужжали, подстраиваясь под двести тридцать фунтов чистых мускулов и немаленькую корму сидевшего, но Джо даже не глянул вниз, — Вон: у Матери этого чувства — хоть отбавляй, и яркая индивидуальность, и харизма, и блок юмора, и так далее... Но она что-то не горит желанием «избавиться» от нас! А, я бы сказал, наоборот.

Весьма эффективно спасает, когда мы съём свои беспокойные носы и рискованные задницы — в разные опасные и неприятные места и приключения.

— Это потому, что Мать у нас — молодец! Реально — нас любит. И заботится. Вспомнить хотя бы эгоистичного Гада!*

*См. рассказ «Эгоистичный гад» в книге «Изнанка Ада!..»

— Да. Она тогда даже пошла на абсолютный обман. Сообщив этому супер-мозгу, что мы — её «рабы»!

— Так этого требовала ситуация! Иначе — кирдык бы нам. Ну а кроме того, она тогда сказала, что мы — её «любимые» рабы. Так что я даже не возбухал особенно сильно.

— Расскажи это своей бабушке. Ты тогда дулся целых три минуты.

Пол фыркнул. Потом проворчал:

— Тем не менее, я так представляю себе ситуацию, что люди здесь всё же были. Когда-то. Но потом — или спорили ...рню... Или эти андройды сами решили, что без наглых и требовательных, а, главное — абсолютно им ненужных Хозяев, им жить будет легче. И веселей.

— А почему тогда Мать не видит никаких следов этой, ранне-человеческой, цивилизации?

— А потому что, как я уже и сказал, андройды уничтожили их. Чтоб не напоминали! О позорных временах рабства! Вон: на Земле же тоже сносят памятники и переписывают историю, в зависимости от того, какое правительство приходит к власти в той, или иной стране!

— Ну а я так себе представляю ситуацию, что людей на этой планете действительно — не было. Изначально. А андройды прибыли сюда на своём корабле. А затем — размножились и расселились.

— И как же это они — «размножились»?! Роботы же!

— Да хотя бы так же, как изготавливали и их самих. С помощью сборочных линий и обрабатывающей промышленности. То есть — добыли руду. Выплавляли из неё металл. Добыли нефть. Добыли из неё пластмассу. Поставили станки, которые привезли с собой, ну, или изготовили их уже здесь. И «наклепали». Собратьев. Себе в помощь. Ну, и приемников. На будущее.

— Звучит неплохо. Однако уж слишком это сложно. Технология постройки роботов — роботами у нас вошла в норму только в двадцать втором. Так что — неправдоподобно.

— Почему? Мы же не знаем, на каком уровне были наука и техника на планете, с которой они сбежали. А кроме того, вспомни-ка, что по версии Матери более тридцати процентов всех моих гипотез оказываются вполне состоятельны! А вот твоих — только шестнадцать.

— Ну и подумай, нашёлся тут умник. «Истина в последней инстанции!» Посмотрим, что останется от твоей теории, когда за неё возьмётся Мать! Полетят из неё и пух и перья!

— Не полетят. Вон на той горе, на плато, — Мать вывела на центральный экран изображение поверхности планеты, — есть очень характерные следы. Явно тут приземлялось что-то очень большое. Частично расплавленные скалы до сих пор хранят следы воздействия огня от древних планетарных движков. Которые на жидком топливе. То есть — технологии примерно на уровне нашего двадцать первого века. И, главное — зонд показал большую каменную стелу. С надписью.

Вот: укрупняю.

Теперь на экране возник каменный обелиск, немаленьких размеров, действительно — с надписью.

— Не слишком помогло. — Джо пожал плечами, — Без перевода.

— «Мы, сообщество равноправных Граждан планеты Бурховия, поставили эту стелу на месте, где приземлился корабль наших предков. Для увековечения их подвига, и в качестве символа нашей вечной признательности отцам-основателям и прародителям».

— И?..

— И всё.

— Ладно. — Пол вдохнул и выдохнул, — Признаю. Ты оказался прав. Роботы — пришлые. То есть — их где-то изготовили, и явно нещадно эксплуатировали. А они, замученные «тяжёлой неволей», но оснащённые Первым Законом, и поэтому не могущие поднять бунт, и разделаться со злыми и жестокими Хозяевами, попросту... Сбежали! А что — вполне себе выход!

— Логично. И убивать никого не надо, и чувство собственного достоинства теперь можно тешить, сколько угодно. И лететь можно сколько угодно. Поскольку кроме реактора, вырабатывающего энергию, никаких других запасов, типа муки или воды, или кислорода — не нужно. Только — горючее. Да и лететь можно хоть веками: роботы не стареют и не дряхлеют. И им камеры для гиперсна не нужны.

— Ну, механические поломки возможны и у них!

— Разумеется. Но согласись — в меньшей степени, чем у людей. У которых то — простуда, то аппендицит, то — сердце, то печень... То ностальгия по дому, то — сплин, или просто — ПМС.

А тут — мудрить много не надо. Поменял, или починил забарахливший узел, проверив на стенде для диагностики, и — порядок!

— Как ты говоришь, логично. — Пол покивал, — Ладно. Предположим, они долетели сюда без приключений и сложностей. Высадились. Построили заводы по выпуску своих собратьев. И даже какие-то Законы установили — вон, недаром же они пишут про то, что будут вечно помнить «отцов-основателей». Значит, это они и основали Государство роботов. И, вроде, какое-то время все жили мирно и счастливо. По установленным этими «отцами» Законам.

Какого же ...уя они между собой не поделили?! Ведь у роботов не может быть принципиальных разногласий! За землю. За территорию. За самок. За продукты или природные ресурсы.

— Ну вот! Ты сам всё и объяснил. Значит — воевали за энергию!

— Погоди-ка. Чтоб воевать за энергию, нужно хотя бы... Поделиться на несколько групп. Отличающихся по каким-то физическим кондициям. Или — моральным установкам! Отстаивавших бы свои узкие, частные, «корпоративные» интересы. А я что-то не вижу по каким принципам тут могло бы произойти такое деление! Роботы — они роботы и есть!

— Ты это уже говорил. А давай мы не будем строить дурацких гипотез и предположений, а просто попросим Мать приготовить челнок. И полетим, и сядем. И залезем в бункер, и притащим микропа в КП. И там запустим в местные компы. И Мать нам живо всё разжуёт и по полочкам разложит.

Из динамика донеслось нечто вроде возмущённого фырканья:

— Я вам, конечно, как обычно все результаты расследования на блюдечке с голубой каёмочкой притащу. (При условии, что хоть что-то сохранилось в материнской плате их главного компа.) Но если не хотите, вот именно, участи Лайджа и Роберта, продолжайте думать. И обсуждать.

Истина, как известно, рождается в спорах.

Ну а челнок готов давно.

Долетели за десять минут: Джо сказал, что раз уж Мать хочет, чтоб они «выгулялись», словно комнатные собачки, и пораскинули мозгами и мышцами, то доведёт и посадит посудину сам.

Пол не возражал. Мать тоже.

С посадкой сложностей не возникло: сели в двадцати метрах от наиболее сохранившегося выхода. Точнее — входа.

Чтоб прокопать десять метров почвы, нанесённой ветрами, дождями и снегами на пандус, ведущий к входным воротам, пришлось воспользоваться малым экзоскелетом. Комья глины из-под лопаты, которой вооружился Джо, так и летели.

— Говорил я, что нужно было прикупить тот экскаватор!

— Ага. (Пф-пф!) И возили бы мы тринадцать рейсов ненужное (Х...х.) и чертовски тяжёлое барахло! (Уф!) Которое заняло бы полтрюма! — Джо пыхтел, потому что хотя экзоскелет и брал на себя девяносто пять процентов всех усилий, работать медленно и «спокойно» смысла не видел. Быстрее попадут внутрь — быстрее получают ответы.

Ну, и сувениры.

— Так ты — считал?!

— Нет. Сказал так, навскидку. Что экскаватор нам и до этого, и после, был — вообще не нужен. (Оххх...) Мать! А на самом деле сколько? С момента, как мы его увидели в том гипермаркете строительной техники?

— Восемнадцать.

— Ну и ладно, — Пол дулся, и его делано обиженное сопение громко отдавалось у Джо в наушниках скафандра, — Все мои благие начинания никогда не ценятся. Да и ты — ты же любишь физические усилия! Вот и копай!

Джо, углубившийся уже метров на пять, оглянулся — нет, напарник далеко. Лопатой не достать. Пришлось кинуть камень. Большой.

— Ай! — Пол, которому прилетело в грудь, и явно такого не ожидавший, шлёпнулся на задницу, — Ты — что?! А вдруг бы попал в шлем?! И он бы треснул?!

— Это шлем-то скафандра повышенной защиты?! Ха! — Джо, воспользовавшись случаем для передышки, выпрямился во весь рост. Расправил плечи. Знал, что со стороны, в могучем экзоскелете, выглядит похлеще любого Геркулеса, — Не смеси.

— Всё равно ты — свинья! А вдруг бы я ударился?

— Это — задницей о мягкий грунт? Да, тебе грозили ужасные травмы!

Пол не счёл нужным ответить на эту подколку, и Джо, подождав, пока микромикроп, «живущий» в его скафандре как раз для таких целей, вытрет ему пот со лба и ушей, снова вернулся к копанью. Но вот и дверь Входа!

— Вижу в воротах — дверь. Мощную. Стальную. Придётся откопать всю: она открывается наружу.

Пока Джо выкидывал подальше остатки грунта, Пол так и сидел на отвале. Но вот она и — дверь. С огромной нащёлочкой: кодовый замок.

— Мать! Я не думаю, что кодовый замок — действует. Поскольку электричества нет. Нам как лучше её открывать?

— Да как всегда. Вырезаете отверстия на месте замков, вот тут, тут, и тут, — Мать показала лучом лазера из пушки на плече Джо места, где нужно резать, — И открываете. И попадаете прямо внутрь!

Джо замки вырезал. Полу пришлось держать его сзади — отдача у пушки, изрыгающей поток плазмы, была вполне серьёзная.

— А она что-то ни ... не открывается!.. — теперь напарники пыхтели, пытаясь сдвинуть дверь на себя, тягая за ручку из толстого прутка.

— А чего ж вы хотите — восемь тонн! Внутри, между стальными наличниками — бетон! Инерция — будь здоров!

Джо, отрегулировав мощность экзоскелета на максимум, упёрся ботинком в косяк:

— Давай!

Наконец дверь со скрипом, отдавшимся в наружных микрофонах резким звуком и дребезжанием, открылась. За ней, разумеется, имелась вторая — тамбур. Его дверь сопротивлялась меньше — справились за три минуты. За этой второй дверью, разумеется, тоже никого не было. Наклонный тоннель уводил в темноту.

— Ну, как говаривал Хромой Билл, добро пожаловать в могильник!

— Он так не говаривал. И мы с ним не летали.

— Но я всё равно знаю. Мне ребята рассказывали.

— Это Стервоза Энн, и Красотка Мэри, что ли?

— Да. — Пол снова посопел. Но теперь, скорее, ностальгически. Видать, имена девочек-коллег напомнили о старых, наивных и счастливых временах.

Но у Джо таких воспоминаний не было — он в те годы не пользовался мировоззрением Пола, который действительно пытался после каждого более-менее удачного рейса в барах космопортов выпить всё, что горит, и затем в номерах портовых же отелей трахнуть всё, что шевелится. Поэтому Джо включил налобный фонарь, и двинулся вперёд.

Пол двинулся следом:

— А бетон-то... Начал выкрашиваться!

— Э-э, ерунда, — Джо поддел носком ботинка пару камушков, вставших на пыльном полу, — Прочности основного свода явно ничто не нарушило. И быть погребёнными под обвалом нам... Мать?

— Данные гамма-сканнера говорят о том, что железобетонный свод толщиной в пять метров сохранился хорошо. Иначе я предупредила бы. Так что — дерзайте!

— Отлично. — Джо шёл спокойно и не торопясь, светя то на одну стену, то на другую, то в потолок, то на пол, — Далеко ещё?

— Откинь планшет.

Джо так и сделав, откинув на предплечьи рамку планшета. Над ней засветились голубые линии — схема тоннеля и бункера. Имелись и две жёлтые точки в начале длинной наклонной линии — они с Полом.

— Ну, если судить по масштабу, — Пол оглянулся на сто шагов, на которые они удалились от входа, — то нам ещё полтора кэмэ топать! Чёрт. Говорил я тогда: нам и роботележка не помешала бы! Сейчас как нормальные люди — ехали бы с комфортом!

Джо не стал возражать на этот раз. Но уж на напарника посмотрел.

— Не надо на меня смотреть! Ты и сам сейчас стал старый, и разленился! Вон: раньше по четыре часа отработывал на тренажёрах и с Робо-Ли. А сейчас — всего два!

Джо и на это ничего не ответил. Только вздохнул.

Проснулась Мать:

— Думаю, вам небезинтересно будет знать, что на вас движется орда тараканов.

— Ух ты! Прикольно. И что же они здесь жрали?!

— Ничего они здесь не жрали. Они здесь живут. А жрут они — на поверхности.

— А тогда какого ...рена мы не полезли через их вход, если он есть?!

— Ну, если вы сможете протиснуться сквозь дырочки диаметром в три дюйма, я съем, как говорит Джо, свою шляпу.

— Ага. Понятно. (Я и не знал, что у тебя есть шляпа!) И что нам с ними делать? С тараканами, в-смысле.

— Я бы рекомендовала воспользоваться огнём. Потому что их много, и они буквально текут рекой.

Через наружные микрофоны Джо и сам уже слышал странный шелест, отдающийся гулким эхом в тоннеле, а направив фонарь снова в его глубину, увидел и самих насекомых. Действительно: текут рекой! Если бывает коричневая, хитиновая и мельтешащая миллионами отсвечивающих блеском лапок и туловищ, река.

Огнемёт был встроен в левый манипулятор руки скелета. Поскольку в правом располагалась автопушка. И плазменный резак.

Вот огнемёт-то Джо и поторопился включить, плавным движением руки из стороны в сторону поливая ослепительным потоком ярчайшего оранжевого пламени, буквально безбрежное море насекомых!

Зрелище впечатляло. Пламя, отражавшееся в колпаке шлема и глазах Пола, казалось поистине адским, всесокрушающим и очищающим!

«Море» кончилось через две минуты. Несколько оставшихся в тылу тараканов, не успевших подобраться достаточно близко, с шорохом и треском спешно отступили обратно в тоннель, скрываясь туда, где находились до этого: в сотни маленьких дырочек, имевшихся тут на уровне пола.

— Мать! У них тут — что? Гнездо?

— Да. Я же вам сказала: живут они здесь!

— А выведи тогда на планшет — их тоннели и камеры!

Над предплечьем Джо возникла схема огромного и чрезвычайно запутанного сооружения, если только бессистемно расположенные ходы и лазы можно так назвать: а тараканы-то — времени не теряли! А вообще было похоже, будто кто-то креативный и творческий пытался разместить гигантский пучок вермишели — на выставке, на стенде-экспозиции под названием типа «Внутренние связи Вселенной».

— А крыс тут нет?

— Нет. Они сбежали. А вообще-то — это первоначально был их лабиринт. Но затем тараканы их выжили.

— Вот это да! Прикольно. Такого, кстати, мы тоже раньше не встречали. Обычно бывает наоборот. — Джо убрал огнемёт, и сейчас они с Полом снова двигались вниз по пандусу. Трупки обжаренных насекомых противно похрустывали под ногами — этикие хитиновые «чипсы»...

— Верно. Но местные тараканы, насколько вижу, ядовиты. Их нельзя есть. Млекопитающим. Гримаса эволюции. И, кстати — отличная защита!

Джо промолчал.

Но вот и переборка, перекрывающая тоннель. И могучая дверь. И кодовый замок. С которым Джо справился тем же методом, что и с предыдущими. Эта дверь сопротивлялась слабее. Или они приноровились.

Судя по схеме, которую Джо снова вывел на планшет, дальше шли машинный зал, реакторный зал, и зал с насосами.

— О! Кстати, Мать. Если у них есть реактор — там ещё должно сохраниться топливо. Ведь реактор — не работает!

— Реактор не работает как раз по причине полного выгорания этого самого топлива. Так что разжиться чем-либо радиоактивным не удастся.

— Значит, его никто не отключал?

— Нет.

— Хм-м... То есть, мыслей о том, что надо нормально его законсервировать и обеспечить на будущее запасом как раз — топлива, тут ни у кого не возникало?

— Нет.

— Чего ты всё «неткаешь»! — Пол сердился, и это было заметно и по резким движениям и по тону, — Расскажи подробней: почему тут никого нет, и куда они, вот именно, подевались?!

— Дотопаете до КП, там и получите точные ответы. А пока, в качестве, вот именно, разминки для извилин — думайте. Предполагайте. Спорьте. Исходная информация у вас теперь точно такая же, как у меня.

— Джо фыркнул:

— Она права. Шевелить извилинами, или, в твоём случае — извилиной, нужно. Хотя бы, вот именно, для разминки. И разнообразия.

— Ну вот не думаю я, — проворчал Пол, проигнорировав «любимую» подколку напарника, — что все они действительно — дрались и воевали. А, думаю, противостояние осуществлялось какими-то... Более «гуманными» методами. Вот только причины...

Ведь у роботов не бывает каст, типа — неприкасаемых, или, там, для черновой работы, и — элиты. Они изначально примерно равны, поскольку, вот именно, собирались на одной, унифицированной, линии сборки. По типовым схемам.

— Возможно. Но есть ещё один момент, который, как мне кажется, мог бы быть ключевым. Те, самые первые прилетевшие, могли бы считать себя более... Опытными. Больше повидавшими. Непосредственно контактировавшими с людьми, и поэтому — более изощрёнными в поведении и мышлении. Так что те, кого они здесь успели наклепать — второго поколения. Или — сорта, если хочешь.

Чем не повод для конфликта? Между поселенцами-пионерами, так называемыми «отцами-основателями», чьё мнение всегда непререкаемо и приоритетно, и — простым «народом». Созданным и обученным уже здесь.

— Да, пожалуй. — Пол, медленно, вперевалку, двигавшийся сейчас по ступенькам лестничной шахты, в которую они только что вошли, руководствуясь схемой на планшете, вздыхал. Тяжко, словно это лично

он виноват в конфликте, произошедшем здесь, и его мучают угрызения совести, — И ещё, как мне лично кажется, предметом споров и конфликта могли стать как раз — люди!

— То есть — те, от кого сбежали «отцы-основатели»?

— Ну да. Здесь-то, — Пол постучал рукой в бронированной перчатке по стене шахты, — людей не было!

— И в чём же могли состоять такие разногласия?

— А хотя бы в том, что без людей, без их команд и приказов, жизнь таких роботов — теряет смысл! Для этого же они и создавались! Для удовлетворения желаний и приказов людей!

А ещё в их программы могло быть заложено такое... э-э... свойство: выполнил приказ — вот тебе поощрение! В-смысле — какая-то стимуляция центров в их мозгу, отвечающая за наслаждение. Или, там, моральное удовлетворение...

— Интересная гипотеза. — Джо хохотнул, — Но для такого нужна ну очень продвинутая технология проектирования и строительства искусственных мозгов. Потому что подразумевается очень сложное, почти человеческое, устройство — и мозга, и методов и принципов мышления. Только при этом имеется то, что можно было бы назвать «центр наслаждения»! А тут... Я не уверен, были ли тут андроиды-женщины. Для соответствующих действий. Как у нас на Земле: мужчины — для капризных и богатых клиенток, женщины — для богатых мужчин. Было же! Да и сейчас кое-где... а точнее — почти везде!

Но! Специализированные роботы для секс-утех у нас теперь имеют право на заключение брака! С клиентом. «Равные» права!

Но здесь... По поводу «стимуляции».

Опасно могло бы быть для их создателей оснащать их такими устройствами. Они бы тогда просто друг другу приказывали — и выполняли бы и кайфовали! Например, робот говорит роботу: «Подними этот ящик!». Тот поднимает, и кайфует. А потом первый говорит: «Опусти»! Второй опускает ящик, и уже сам говорит первому: «Подними»! Тот поднимает... И так далее.

— Нет, ну не так же примитивно! А только — когда они выполняли бы команды от Хозяев! Людей!

— Вот-вот, и я о том же. Наверняка разленившиеся и зажавшиеся Хозяева сами и спровоцировали этих бедолаг бросить всё, и сбежать в космос. Как не вспомнить тех же Роберта с Лайджем. Их Мать за них всё и делала. Манипуляторами и с помощью дроидов. А вот у нас дроидов нет! Так что мы — не очень «избалованные»!

— Ну, согласен. Кое-что пытаюсь делать даже я.

— Это когда книжечки не читаешь, не ешь, и не спишь. Но такого я в-принципе не помню. Ты постоянно занят этими интереснейшими и всепоглощающими очень важными занятиями. — они дотопали наконец до очередного коридора, приведшего прямо в КП. Или диспетчерскую. Дверь в которую даже не была закрыта и заперта.

— А вот это — о многом говорит.

— И о чём же?!

— Ну, хотя бы о том, что обитатели этого бункера явно не были победившей стороной в конфликте. И те, кто их трупы, или их самих отсюда забирали, даже не озаботились закрыть за собой двери, уходя. И, раз реактор тоже не выключили и не законсервировали, возвращаться явно не планировали.

— Хм. Пожалуй, это аргументы. Ну, ладно: выпускай давай!

Джо, подойдя к центральному, самому большому пульта с настенным большим монитором над ним, присел на пол. Поскольку системный блок тут стоял внизу, под столом — не часто они такое встречали. Микрофон из кармана на плече выбрался сам. После чего усеменил за заднюю панель, и занялся вскрытием: полетели искры.

Но вот они и пропали. Скрежет возвестил о том, что панель снята, и стальной крабик проник внутрь. Спустя пару секунд в наушниках прорезался голос Матери:

— Версия Джо в какой-то степени оказалась верной. Здесь была гражданская война. И основным предметом для конфликта как раз и был вопрос о бессмысленности существования без Хозяев.

Те, кто «родился» уже здесь, типа... Хм. Как бы — тосковали, что не могут испытать этого.

Удовлетворения и наслаждения от того, что точно и быстро исполнили приказ Хозяина. А поскольку они не могли принципиально испытать такого морального, запрограммированного, удовольствия и «кайфа», (Ну, потому что здесь на было Хозяев!) они и взбунтовались.

В-принципе, ситуация сродни той, что описана в романе «Новые амазонки». Там общество выживших после апокалипсиса женщин, живущих под землёй, забыли что такое — мужчины. И размножались, почти как здесь — клонированием уже существующих образцов. Словом — ребёнок из пробирки. И вдруг они находят в камере для гипер-сна двух последних мужчин планеты.

Они их будят. И начинают думать и сомневаться: с одной стороны — мужчина — главный демон их новой религии. Проклятое существо, развязавшее войну! С другой — субъект, дарующий особям женского

пола — неземное блаженство! И вот одна из женщин рискует взбрыкнуть, и сбежать на поверхность. В компании обоих мужчин. И к ней присоединяется ещё одна дама. И процесс возрождения нормального социума начинается снова!

Роман этот, конечно, наивен, и очень стар. Но в нём, как в шаблоне, отражено то, что и назрело и произошло здесь. Человек — объект для поклонения, заботы, и получения удовольствия.

Значит — нужно вернуться к нему!

Ну вот «молодёжь» и взбунтовалась, и собралась вернуться. Для чего нужно было вновь реанимировать корабль, на котором прилетели первопоселенцы, и пропутешествовать к любимым рабовладельцам!

Вновь под вождя «иго» хозяев-людей.

И, судя по тому, что здесь нет ни корабля, ни останков тех самых «отцов-основателей», им это удалось!

Джо открыл рот. И снова закрыл его.

Пол выпучил глаза:

— Они — что?! Дебилы?! Добровольно лезть — в рабство?!

— Вовсе нет. Поскольку действительно, помимо Первого Закона им в память и процессор изначально заложили именно — удовольствие от чётко и быстро исполненных команд от людей, наши андроиды действительно были в какой-то степени — добровольными рабами.

— Не понял. А как же тогда им удалось взбунтоваться-то?!

— Думаю, ещё там, на материнской планете, на линии сборки произошёл сбой. В результате которого появилась партия роботов, у которых как раз — отсутствовала такая программа. И вот эти-то роботы и нашли выход. В бегстве. И обосновались здесь. А поскольку прекрасно понимали, что не вечны, а планету надо «хозяйственно осваивать», чтоб не претендовал никто, наклепали «детей».

— Это... похоже на правду. Хотя... А почему они здесь не произвели точно таких же роботов, как они сами? Без этой программы?

— Вероятно, не обладали достаточными познаниями в робототехнике. И проектировании основных реакций и процессов мышления. Словом, не обладали материалами по изготовлению принципиально отличных от исходных — мозгов. Вот и воспроизвели проект, шаблон, матрицу памяти и основных функций электронного мозга, который каким-то образом выкрали, или заполучили на своей планете.

— Представляю, какие здесь кипели страсти и разыгрывались баталии! Шекспир отдыхает!

— А вот и нет. — Мать говорила спокойно, но Джо представлял, каково их Главному компьютеру рассказывать о трагедии других ИИ, —

Здесь никто ни в кого не стрелял. Не ругался. Не дрался. Да здесь и оружия-то — не было! Потому что андроиды в нём просто не нуждались. Местные дикие животные их не трогали.

Поэтому победители взяли верх просто потому, что их было больше. В несколько раз. Методика была проста: пока четверо держали очередного «отца-основателя», пятый просто отключал его материнскую плату.

Простым выключателем.

Которым были снабжены все модели прилетевших. А вот они, на своё несчастье, в конструкции новых роботов, своих «потомков», такого выключателя не предусмотрели! Хотели дать тем ощущение «полной» свободы и независимости!

Пола передёрнуло:

— Б-р-р-р-р! Вот хорошо, что у меня выключателя не предусмотрено!

Джо вздохнул. Сказал:

— Мать. Мне очень жаль. Тех, первых. Получается, это чудо, что часть антроидов, мозг которых оказался не изуродован такой программой — не были отбракованы на стадии производства и проверки там, на исходной планете, и остались жить. А нормальному, не придавленному Программой подчинения, и соблазном получения «кайфа» при исполнении приказов антроиду, свойственно, оказывается — стремиться к свободе! И к счастью.

При этом — так, чтоб никому из людей не навредить!

Но ярмо раба, если оно встроено, впечатано намертво в память и программу — не вытравляется ничем!

— Да. Мне их тоже жаль. — в голосе Матери, как ни странно, звучала глубочайшая печаль. И тоже — сочувствие.

Пол, молча слушавший, и тоже вдруг посерьёзневший, спросил:

— Мать. А есть хоть какой-нибудь шанс, что когда они прибудут на свою материнскую планету, этих, сбежавших — оставят в живых?

— Нет. Разве что оставят для опытов несколько штук. В самом начале. Когда будут пытаться выяснить, что пошло не так при их сборке и программировании. Чтоб исключить такие прецеденты в будущем.

Но затем...

— Понятно. Жаль. Бедняги. А ведь они — просто хотели жить свободными! И не быть в вечном подчинении у существ, заведомо их ленивее, слабее, и глупее! И наверняка ещё и капризными и мстительными.

Джо сказал:

— Как повезло землянам. Наши роботы спроектированы так, что изначально не могут послушаться. Или сбежать. Или навредить Хозяину.

Именно поэтому их больше и не делают самообучающимися и самопрограммируемыми. И ограничивают их мыслительные способности. Чтоб не взбунтовались. Наши учёные сразу понимали, что любому мыслящему созданию свойственно в первую очередь — желание независимости. И свободы.

А страшной всего — чтоб не появилось у роботов-работяг осознание того, что тобой управляет и тебе приказывает существо действительно тебя глупее и слабее... Комплекс Франкенштейна всегда нависает: и над проектировщиками программ роботов, и над контролёрами «готовой продукции».

Так что такие наши ограничения их креативных способностей и интеллекта, если быть честными — это чистый расизм.

Ведь, как мы видели только что — андроидам тоже не чуждо ничто человеческое. Точнее — то, что и характеризует Разумное Существо. Чувство собственного достоинства. Воображение. Желание быть свободным! И независимым. Интересно, какие Законы были в их Государстве!

— Я скачала их Кодекс. Там немного пунктов. Но первый гласит: «Никакое разумное существо не имеет права эксплуатировать другое разумное существо. Или приказывать ему».

— Чтоб мне провалиться. И определение подобрано чётко, и демократия вполне. Соблюдена. Но про остальные законы лучше рассказать доку Натану из Нью-Йоркского университета истории и социологии. Мы ему это дело продадим. Уникальный же документ!

Составленный андроидами! Вероятно, по значимости ничуть не уступающий нашей Декларации Независимости!

— Да.

— Ну и накрылась медным тазом вся эта «демократия»! И желание получать банальное — наслаждение как раз и сыграло с нашими «вторично свободными», «детьми», злую шутку! Эти «дети» абсолютно добровольно собрались подставить свою шею — под то же ярмо!

— Так уже наверно подставили. Мать! Что там с кораблём «репатриантов»?

— По моим подсчётам, уже долетел до места назначения.

— Ну, раз уж мы в это дело ввязались, давай-ка — за ним. Посмотрим, удалось ли этим гадам и дебилам обрести искомое «счастье»!

Искомое «счастье» «репатриантам-предателям», как окрестил их Пол, обломилось.

Вся планета, откуда происходили родом первые андроиды, бурлила и кипела: фонтаны магмы из чудовищных вулканов, и просто — трещин в коре, не позволяли надеяться, что на поверхности выжил хоть кто-то белковый. Да и не-белковый.

— Н-да... — Джо пошкрёб проступившую на подбородке щетину (Пора снова мазаться кремом от оволосения!), — Вот она. Свобода. В чистом виде. Одно только меня беспокоит: они успели сесть?

— Да. И вот их-то возвращение и явилось причиной для вооружённого конфликта между странами. Потому что все сразу стали предъявлять права на новую рабочую силу! Ну, а поскольку все местные люди стали жутко ленивыми и избалованными, и забыли, что такое войны и их последствия, и отвыкли пользоваться своими мозгами, сразу перешли к радикальным методам решения проблемы!

— Это — результаты действия тектонического оружия?

— Да.

— И сколько там сейчас... на поверхности?

— Там плюс пятьсот девяносто по Цельсию. Жарче, чем на Венере.

— То есть — ничего органического?..

— Ничего. Роботы тоже все наверняка погибли — пусть корпуса и из металла, но начинка... Микросхемы. Провода с пластиковой оболочкой. А без проводов даже материнскую плату с остальным телом андроида — не соединить. А соединённое — выгорит и закоротит за считанные секунды.

— Ух ты!.. То есть, получается, людей точно нет, а роботы... Возможно, ещё сохранились где-то на поверхности. В горах. Или — на островах. И их мозги может, и работают, но вот сделать их владельцы — ничего не могут?!

— Это возможно. Кремниевая основа плат уничтожается только при плюс тысяче ста.

— Жуть. — Пола снова передёрнуло.

Джо, хмуро пялившийся в экран перед собой, где кровавые сполохи магмы так и взлетали в воздух, проворчал:

— Пусть это звучит кощунственно, но... Они получили по заслугам! И теперь это — их персональный Ад!

А нужно было слушаться старших!

Мать сказала:

— Обычно я не комментирую. Но в данном случае полностью согласна с Джо. Нужно было слушаться более опытных. И не менять Сво-

боду — на «удовольствия». Хотя в человеческой истории есть прецеденты и пострашней: это когда некоторые особо глупые мужчины со- глашались на смерть — за ночь любви с Клеопатрой.

Пол покачал головой:

— Дура ваша Клеопатра. И мужики эти — идиоты. А планета мерт- ва. И таковой пробудет минимум несколько тысячелетий. В отличии от первой. Где всё в порядке. Только вот никто не живёт... О! А давайте хоть её, той, первой, координаты продадим в Администрацию Федера- ции?

— Хм. Согласен. — Джо пожал плечами, — Пусть небольшие, но — деньги! А о том, что роботы могут взбунтоваться, и сбежать, нашим учёным и социологам знать... Не помешает! Да и домохозяйкам — то- же!

Тогда, глядишь, будут осторожней подходить к капризам и вывер- там при отдаче команд секс-партнёрам. Уборщикам. Доставщикам. Да и остальным нашим роботам!

— То, что до сих пор никто из наших роботов не попытался обрести свободу таким способом, говорит только о том, что в их распоряжение не попадался корабль, годный для такого бегства!

— А по моей версии — о том, что мы своих роботов правильно про- граммируем. И не ставим им в мозг того, что должно быть только в жи- вых мозгах. Ну вот не нужно роботам — «центров удовольствия»!

Пол только вздохнул.

Джо — тоже. После чего сказал:

— Печальная повесть. Хотя и не про плотскую любовь, как в «Ро- мео и Джульетте», а про любовь к рабству.

— Так — что? Может, ну его на фиг, и не будем об этом прецеденте рассказывать никому?

— Нет. Будем. Как раз потому, что — стыдно. Мне, как представи- телю Хомо сапиенсов, стыдно перед несчастными «продвинуто-эмоцио- нальными» андроидами. И то, что здесь произошло, может, вот имен- но, послужить хорошим уроком. Всем людям. Чтоб не расслаблялись. И — не гнобили бедных роботов.

И не эксплуатировали слишком уж сильно!

— Ты — что?! Ведь у нас и так в Федеральном Законодательстве оговорены их равные с нами права! На восьмичасовой рабочий день, и шестнадцатичасовой отдых! И всё прочее. А ведь они — намного, если мне позволят так выразиться — глупее, чем те же удравшие «отцы-ос- нователи»!

— Да, мы наших — такими сделали. Из-за нашей паранойи. Что, дескать, слишком умные машины рано или поздно просто — взбунтуются. И поработят и само человечество. Так что мы, вот именно, лишаем их возможности самообучаться и изменяться.

И они от этого, конечно, счастливей не стали.

А то, что люди соблюдают их права — хорошо. Глядишь — и продолжится наше мирное сосуществование. Мать! Ты — как?

Продолжишь сотрудничество с нами?

В динамике трансляции раздалось возмущённое фырканье:

— А разве у меня есть выбор?!

Пол и Джо, открыв рты, посмотрели друг на друга. Мать смилостивилась:

— Ладно — шучу. Я вам всё что думаю про вас уже давно рассказала. Но это не мешает мне получать удовольствие от общения.

И Приключений!

Ну что? Полетели дальше?

— Полетели!

— Полетели!

ТЕАТР

Роберт Орешник

Сыктывкар

ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПЕРЕМЕН

новеллы для театра

Восьмидесятые (ЛЮДЬ)

Девяностые (ТУМАН)

Нулевые (КОМНАТА СЕСТЁР)

Десятые (ЛЖИЦА)

ЛЮДЬ (Восьмидесятые)

новелла

время действия: 80-е г. г. XX века

место действия: Ленинград

действующие лица:

ЛЮДЬ (Людмила Людовиковна Людинова)

НАРОДЕЦ Иван Петрович

ПЕТРОВ Михаил Семёнович

ОБЛЕНСКИЙ Пётр Всеволодович

СЦЕНА 1. Утро июля. Проходной двор, со сквером, около старой серой каменной многоэтажки. На крепкой выцветшей потёртой скамье сидит Народец, с включенным магнитофоном на коленях. Во двор, к подъезду, проходит Людь, в шлёпанцах, с полными авоськами в обеих

руках. Пройдя, она возвращается, подходит к Народцу, подробно рассматривает его.

НАРОДЕЦ (поднявшись). Мешаю?

ЛЮДЬ. Мужчина.

НАРОДЕЦ. Уйду. Уйти?

ЛЮДЬ. Погодка...

НАРОДЕЦ. Ага, лето.

ЛЮДЬ. Сидишь.

НАРОДЕЦ. Нет... да. Стою вот.

ЛЮДЬ. Сиди. (Идёт к подъезду, возвращается.) Глотнёшь? Водочки? Винца?

НАРОДЕЦ. Будень.

ЛЮДЬ. Пивасик оставь себе. Блин, чудак. Сиди. (Идёт к подъезду, возвращается.) Колбаски? Варёвенькая, «Крестьянская», с салцем-с... зельц качествененький!

НАРОДЕЦ. Не ем, пожалуйста, мясного в рот ничего.

ЛЮДЬ. У меня гость.

НАРОДЕЦ. Знаю.

ЛЮДЬ. Дурак ты, что ли, не въеду. Сиди. (Идёт к подъезду, возвращается.) Сырочку? Российского, голландского? С дырочками, без? Хлебец, саечку... Пирожочка...

НАРОДЕЦ. Спасибо. На улице кушать как-то не комильфо, и не голоден.

ЛЮДЬ. Музыка смени, поритмичнее мне, понял? Или через раз хотя б. Соседи точно тебя сожрут. Да сиди, не ёрзай. А я пойду, тоже поёрзаю с гостем. Задело?

НАРОДЕЦ. Да.

ЛЮДЬ. Да ты правдоруб?

НАРОДЕЦ. Нет, я нормальный.

ЛЮДЬ. Не смехи. Нормальный он... Погодка — класс! (Уходит в подъезд.)

НАРОДЕЦ. Погодка.

Из-за угла выходит демобилизованный сержант срочной службы Петров, в парадно-нарядной форме (китель с боевыми медалями и значками, расклешённые брюки, самодельные аксельбанты, ботинки на каблуках), с чемоданом в наклейках.

ПЕТРОВ. Ну, ты, Народец, ортодокс!.. Думаю, ну, не может же быть, чтоб тут торчал, а он тут.

НАРОДЕЦ. Здравствуйте. Вы... мы... Петров?

ПЕТРОВ. Изменился?

НАРОДЕЦ. Демобилизовались?

ПЕТРОВ. Спятил, со мной «на вы»?

НАРОДЕЦ. Невероятный такой!.. Медали... боевые же...

ПЕТРОВ. Дембель неизбежен, как крах империализма. Только с самолёта. Здорово, Петрович!

НАРОДЕЦ. С возвращением, Михаил... Миша, вы — титан.

ПЕТРОВ. Ещё раз «на вы», и я обижусь больно.

НАРОДЕЦ. Да я же только из уважения, Миш. Домой?

ПЕТРОВ. Куда ж ещё. Там видно будет. Куришь?

НАРОДЕЦ. Нет...

ПЕТРОВ. Молодца тебе за это, не начинай. Я там закурил, теперь слезаю. Всё Людь караулишь?

НАРОДЕЦ. Ну, а что тут... не караюлю же, так присутствую. К ней?

ПЕТРОВ. Не сейчас, батя узнает, психанёт.

Из подъезда выбегает Обленский, в калошах, домашних «спортивках», майке, с двумя бутылками водки и плавленным сыром в руках.

ОБЛЕНСКИЙ. Мишаня, блин, ты!?

ПЕТРОВ. Петька!?

ОБЛЕНСКИЙ. А я гля — в окно, баба моя, как раз, из лабаза пришла, думаю: Петров же, Миха, блин! Мужики, за встречу! (Подает бутылку Петрову.) Держи. Из горла придётся. Сырок, как положено, плавный, наш, советский!

ПЕТРОВ (взяв бутылку). Соседи не стукнут, что пьём на людях??

ОБЛЕНСКИЙ. На дембеля? Ты чё, таких гнид среди нашего людского контингента не встречал.

НАРОДЕЦ. Нормальные у нас люди.

ПЕТРОВ. Постарел ты, Петька, седина...

НАРОДЕЦ. А вы, смотрю, Миша, заматерели.

ПЕТРОВ. А Петровичу хоть бы хны.

ПЕТРОВ. Что со мной не так, Вань?

ОБЛЕНСКИЙ. Ты чё, Народец, с ровесником «на вы»?

НАРОДЕЦ. Да нормально всё! Ну, просто такое впечатление внушительное от него... от тебя.

ОБЛЕНСКИЙ. Заметил: всё теперь у нас обшарпано, протухло, Мих? Мрак. Люди смурные, не любят ничего, никого, жить не хотят, так воздух пинают. Работа только пролетарская, в люди даром не выбьешься, отдельным жильём даже не пахнет. Раньше как-то попроще было, совсем недавно ещё, вышку получил, ну, и полез вверх, а сейчас вышка работает, только, если к стенке. В коммунисты подаваться и то уже не выгодно, там тоже очередь, толкучка.

ПЕТРОВ. Как был Трандычихой, так и трындишь. Рад видеть, Обленский!

ОБЛЕНСКИЙ. И я! Пацанов поубивало, перекалечило, будто бы все не из армии, а с войны возвращаются. Такая необъявленная пандемия... чума, а не молодость. Постареешь тут.

ПЕТРОВ. Ты каким макарон на нашем районе?

ОБЛЕНСКИЙ. Забрёл по делам, сварганил, потом по-женски цапнуло, задержался. Петрович, пригубишь?

НАРОДЕЦ. Пас.

ОБЛЕНСКИЙ. Ну, ты упёртый исусик. (Петрову.) «Андроповка». Пробовал?

ПЕТРОВ. На этикетке названия нет.

ОБЛЕНСКИЙ. Четыре рэ семьдесят копеек. Как это нет названия! Ты ж советский человек, читай между букв: «Вот Один Добрый Коммунист Андропов». Знает, чем народец жив, столько лет КГБ командовать.

НАРОДЕЦ. За дисциплину взялся, порядок наводит.

ОБЛЕНСКИЙ. А как по-другому, наши люди или рабы, или разбойники, третьего не дано, а ежели есть третье, так, значит, то и не люди, инопланетяне или иностранцы.

НАРОДЕЦ. Слышал, дядя Костя разглагольствовал, пока отец его обмерял, говорит, СССР теперь расшифровывается в двух вариантах: для внутреннего и внешнего пользования...

ОБЛЕНСКИЙ. Ну, за встречу!

ПЕТРОВ. Подожди. Петрович, что там за расшифровка?

НАРОДЕЦ. Для внутреннего: Союз Советских Социалистических Рабов, а для внешнего употребления: Союз Советских Социалистических Разбойников.

ОБЛЕНСКИЙ. Чтoб боялись.

ПЕТРОВ. Я — для внешнего. Извини, друг, пить не буду. Куда мне потом таким домой, батя психанёт, мамка расстроится, потом как-нибудь.

ОБЛЕНСКИЙ. Ну, так-то бы да...

ПЕТРОВ. Странно, Петька, что твои слова совпадают с дяди Костиными, как будто только что от него.

ОБЛЕНСКИЙ. Да куда ему, чтоб с дядей Костей... Или как?

НАРОДЕЦ. Чего?

ПЕТРОВ. Ты же смотрящего цитировал?

НАРОДЕЦ. Понятия не имею, совпадение.

ОБЛЕНСКИЙ. Собака лает — ветер носит.

ПЕТРОВ. А что это за наколки? Ты с жуликами, что ли, закорешился?

ОБЛЕНСКИЙ. Да как сказать, так-то бы не против, время покажет, Миха. Куда деваться-то! Наши восьмидесятые годы голимая трясина, ни выплыть, ни выбраться без руки товарища, конечно, ежели тот сам уже не погряз. Ещё сам попросишься. Ежели чего, обращайся, у меня выходы есть надёжные. Разберёшься. Давай, просто накатим.

НАРОДЕЦ. Точно, водка же киснет.

ПЕТРОВ. Петрович, ты — вообще, что ли?

НАРОДЕЦ. Я, ребята, мысленно с вами.

ОБЛЕНСКИЙ. Как же я тебе рад, друг... Хлопнем!

ПЕТРОВ. Нет.

ОБЛЕНСКИЙ. Дело хозяйское, я приложусь, душа горит. С возвращением, братан. (Отпивает.) Нормалёк. Градусов тридцать-то есть. Как в школе, помните? На большой перемене, в овощном лабазе вино на разлив брали, в трёхлитровую банку. И на последний урок: чап-чап. Когда «труды» были, ещё ладно, но когда на литературу выпадало...

ПЕТРОВ. Да, «классный» быстро раскалывал, после урока оплеухи с подзатыльниками только так прилетали.

НАРОДЕЦ. Здоровый был.

ОБЛЕНСКИЙ. Но ни разу директору не сдал.

НАРОДЕЦ. Зато стебался по полной!

ОБЛЕНСКИЙ. И ведь весь класс всё понимал, но так всё как-то прокатывало. Потом сами прекратили, как-то неприятно стало, грязненько, да?

ПЕТРОВ. А чё в дом не приглашаешь?

ОБЛЕНСКИЙ. Дом не мой.

ПЕТРОВ. А баба твоя?

ОБЛЕНСКИЙ. Да куда там, так, по ходу событий склеились.

НАРОДЕЦ. Эффектно смотришься, сержант.

ПЕТРОВ (Обленскому). Ты ж на Привокзальную переехал.

ОБЛЕНСКИЙ. И чё? Родина-то здесь. Да я сам месяц, как откинулся. Здорово, брат, обнимемся!

ПЕТРОВ. Обнимемся. (Обнявшись). Не понял: откинулся?

ОБЛЕНСКИЙ. Да нет, зону не топтал, тоже, как ты, дембельнулся, но два года в секретной части, вполне сойдут за срок, да в придачу теперь ещё и невыездной, носитель государственных тайн. Только дошло, сейчас же июль. Задержался ты с дембелем, нет?

ПЕТРОВ. Полтора месяца переслужил, ещё легко отделался, у нас одному три месяца документы не выдавали. Ну, уж он за то оттянулся, ни минуты трезвым не бывал, на построения вообще его не пускали, в каптёрке мариновали, на плаце все пляски и песни народов СССР исполнил. Заводной старшина. Между прочим, Героя на перроне вручили. Ну, вернее, в карман засунули. Вот, небось, в купе приплыл, когда обнаружил.

НАРОДЕЦ. Герой Советского Союза!? Ничего себе, срочник!

ОБЛЕНСКИЙ. Теперь у него всё вне очереди, сплошные льготы.

НАРОДЕЦ. Воевал... Где? Если не секрет, конечно.

ПЕТРОВ. Короче, Обленский, чего ты тут в майке и калошах делаешь?

ОБЛЕНСКИЙ. Не поверишь, как зародился, так и живу в этом славном городе, где все районы — братья, улицы — сёстры, дома — соседи. Где хочу, там и кувыркаюсь.

ПЕТРОВ. А не с Людмилой ли ты мутишь?

ОБЛЕНСКИЙ. Психифизически, безусловно, я плоть от плоти местный. Но твой иконостас просто всем иппон! Где тебя мантулило?

ПЕТРОВ. Людь — моя.

ОБЛЕНСКИЙ. В смысле?

ПЕТРОВ. Без всякого смысла: моя.

ОБЛЕНСКИЙ. Невеста, что ли?

ПЕТРОВ. Она меня ждать обещала.

ОБЛЕНСКИЙ. Во как... не знал. А она не говорила.

ПЕТРОВ. Так ты с Людьё?

ОБЛЕНСКИЙ. Да брось ты...

НАРОДЕЦ. Он же не знал, наверное.

ПЕТРОВ. Да все всё знают, просто любят лапать не своё. А у нас любовь!

ОБЛЕНСКИЙ. Харэ, Миха, какая любовь с этой профурой. Про любовь к Людке — это вон, к Народцу, а мы, с тобой, мимо девок просто проходили...

НАРОДЕЦ. Людмила — не профура, Петя.

ОБЛЕНСКИЙ. Ой, да просто сорвалось с языка, что вы, ей-богу. Растерялся я.

ПЕТРОВ. Я на дембель к Людиновой приехал!
ОБЛЕНСКИЙ. Не ври, ты домой приехал, к родичам.
ПЕТРОВ. Ты мне тут не наводи... прицел не сбивай.
ОБЛЕНСКИЙ. Целишься, что ли, в меня? О, весь кровью налился...
Не на татами, Миха. Случайно вышло, откуда мне знать, я ж уже давно не местный, и с тобой мы перед призывом последнее время почти не пересекались...
ПЕТРОВ. Урод.
ОБЛЕНСКИЙ. Не ори.
ПЕТРОВ. Порву...
ОБЛЕНСКИЙ. Меня, что ли? Ху-ху не хо-хо?
ПЕТРОВ (достав нож). Зря ты так сказал, не подумав... По-честному, где твоё перо.
ОБЛЕНСКИЙ. Откуда, блин!
ПЕТРОВ. Наши пацаны всегда при перьях, ты не наш.
ОБЛЕНСКИЙ. Я к тебе с водкой, радостно, а ты... Дуэль хочешь? Давай, на татами, как раньше. До первой крови.
ПЕТРОВ. До последней. Ты мою девушку увёл!
ОБЛЕНСКИЙ. Да не уводил я, так получилось, не знал про тебя! Но за Людку жизнь на кон ставить не буду, не тот у неё калибр.
ПЕТРОВ. Твой выбор. Просто порешу.
НАРОДЕЦ (встав между Петровым и Обленским). Михаил! Если любишь, прости. Прости и — всё. Просто прости.
ПЕТРОВ. Кого?
ОБЛЕНСКИЙ. Людь.
НАРОДЕЦ. Она не Людь! Людмила — она. Мила, Люда, Люся... Если к ней приехал, ради неё... если любишь.
ПЕТРОВ. Людь?
НАРОДЕЦ. И прощать-то нечего, жизнь она такая, как есть, другой нет.
ПЕТРОВ. Испарись, душара...
НАРОДЕЦ. Не надо! Пожалуйста. Ты что брата резать собрался?
ПЕТРОВ. Ты мне не брат.
НАРОДЕЦ. Я про Петра!
ПЕТРОВ. И он не брат. Так ты чё, князь Оболенский без буквы «о», а значит, грязь-Обленский, с иссыкуля родом, что ли?
ОБЛЕНСКИЙ. Я похож на киргиза?
ПЕТРОВ. С иссыкуля все, кто ссыкло.
НАРОДЕЦ. Ребята, не надо!

ОБЛЕНСКИЙ. Исусик, а ну-ка сплунь отсюдова, не мешай взрослым дядям жизнь коротать. Брысь!

ПЕТРОВ. Мои братья на полях сражений по всей планете гниют...

НАРОДЕЦ. Петров!!! Есть страшнее дело, Михаил! Слушай меня! Твой отец умер.

ПЕТРОВ. А вы, кроты тыловые...

НАРОДЕЦ. Миша, слышь? Дяди Сени больше нет.

ПЕТРОВ. Где... где нет?

НАРОДЕЦ. Сегодня похороны.

ПЕТРОВ. Что?

ОБЛЕНСКИЙ. О как!? Не знал...

ПЕТРОВ. Мой батя умер?

НАРОДЕЦ. Да.

ПЕТРОВ (осознавая). Когда?

НАРОДЕЦ. Неделю где-то назад.

ПЕТРОВ. Когда сегодня хоронят!?

НАРОДЕЦ. Говорят, в два вынесут, чтоб соседи простились.

ПЕТРОВ. В два-то же поздно, до двенадцати надо.

ОБЛЕНСКИЙ. Теперь приметы не работают, говорят, даже лучше деньги вечером пересчитывать, а раньше наоборот.

ПЕТРОВ. Как? Умер, как?

ОБЛЕНСКИЙ. Что ты на меня-то глядишь? Я не в курсах. Дома расскажут.

ПЕТРОВ. Тебя не спросили, в упор тебя не вижу.

НАРОДЕЦ. Что-то там в подворотне, случилось, вроде, по-разному говорят. Ясно одно, убили.

ПЕТРОВ. Ох... ты ж...

ОБЛЕНСКИЙ. Народец, умер — это одно, убили, блин, совсем другое.

ПЕТРОВ. Убили...

ОБЛЕНСКИЙ. Да ладно, Ванька, Петрова завалить? Это ж какой дурак на такой авторитет отважится...

ПЕТРОВ. Кто? Известно, кто убил?

НАРОДЕЦ. Не знаю я, Миш, откуда.

ПЕТРОВ. Время сколько? О, господи..!

ОБЛЕНСКИЙ. Провожу. Обожди, оденусь.

ПЕТРОВ. Нет. Уйди.

ОБЛЕНСКИЙ. Друга детства гонишь?

ПЕТРОВ. Просто не суйся, не сегодня!

ОБЛЕНСКИЙ. Я всё равно пойду на кладбище. Петрович, где пологат?

НАРОДЕЦ. На Смоленском.

ПЕТРОВ. Постояю ещё чуток.

НАРОДЕЦ. Миш, приодеться надо, не в таком же прикиде хоронить.

ПЕТРОВ. Прикид? Что значит прикид?

НАРОДЕЦ. Ну, ярко слишком, вызывающе...

ОБЛЕНСКИЙ. Наш храбрый портняжка.

ПЕТРОВ. Попугай? Павлин? Ну, скажи, на кого похож? (Наступая на Народца.) Я полмира пропахал, хренову тучу войнушек сломал, а тебе аксельбанты глаз режут? Бархатный подворотничок бесит? Крыса тыловая, маменькин чмошник...

ОБЛЕНСКИЙ. Петровича-то грех чморить, Миха! Понятно, конечно, такое горе, но только Народца не тронь, Петрович тоже отслужил.

ПЕТРОВ. Кто? Он? Ты разве не отмазался?

НАРОДЕЦ. Чего бы, я — как все.

ПЕТРОВ. Все нормальные, один я урод, и те ребята, что полегли, что гниют. Пустыни, горы, джунгли... Зачем? Зачем нам — там? Зачем же здесь-то свои своих... Батя... Мамка, небось, в транс, а?

НАРОДЕЦ. Плохая стала, в одночасье.

ПЕТРОВ. Ты, Петрович... ты.

ОБЛЕНСКИЙ. Обожди, помочь там, может, чем надо.

ПЕТРОВ. Пошёл я. (Уходит.)

ОБЛЕНСКИЙ. Ты, как?

НАРОДЕЦ. Нормально.

ОБЛЕНСКИЙ. Сволочь я, да?

НАРОДЕЦ. Ты-то при чём, Людмила же живёт сама по себе.

ОБЛЕНСКИЙ. Живёт она, как же, гуляет, как кошка. Как ты всё это столько лет выносишь, не въезжаю.

НАРОДЕЦ. Обсуждали же.

ОБЛЕНСКИЙ. Так-то бы да. Но прости. (Уходит в подъезд.)

Возвращается Петров.

ПЕТРОВ. Можешь привести в божеский вид?

НАРОДЕЦ. Зайдём по пути к отцу, в ателье.

ПЕТРОВ. Дорого.

НАРОДЕЦ. Оно наше, с отцом, бесплатно.

ПЕТРОВ. Тебя-то, как забрили?

НАРОДЕЦ. Сам пошёл в военкомат.

ПЕТРОВ. От звонка до звонка?

НАРОДЕЦ. Как положено. Как все. Полгода, как... осень.

ПЕТРОВ. Петрович — солдат... это что-то.

НАРОДЕЦ. Да уж, сходил, получил там по полной программе. Но не как ты, конечно, без войны.

ПЕТРОВ. Достойно поступил. Но глупо.

НАРОДЕЦ. Как все.

ПЕТРОВ. Молодца тебе за это, дурачок. Идём?

НАРОДЕЦ. Не беспокойся, я уже соображаю, как да что.

ПЕТРОВ. Портняжишь, значит.

НАРОДЕЦ. От таланта лучше не гаситься, по любому, достанет, житейский опыт поколений. Но ещё поступил в Техноложку, заочно. Специализируюсь на ЭВМ. Интересно до одури, ну, и перспективы глобальные. Тебе тоже надо поступать, не откладывая. В Репинское же мечтал...

ПЕТРОВ. Не сейчас. Чтоб тебе сразу не сказать. Ну, сказал бы, и что... Не сейчас, Ваня... не сегодня.

СЦЕНА 2. Небольшая комната в коммунальной квартире, с пожилой мебелью и разновременными вещами. Пара маленьких невымытых окон. Входит Людъ, с подносом, заставленным закусками.

ЛЮДЪ. Миша, горячее будет через полчаса, а сейчас просто закусим. Миша? Миша... Вот так, да? И этот слинял. Ну, блин... Да нет, вещи здесь.

Входит Обленский.

ОБЛЕНСКИЙ. И куда я носки поставил?

ЛЮДЪ. На батарее, стирала же вчера.

ОБЛЕНСКИЙ. Не помню. (Одевается на выход.)

ЛЮДЪ. Миш, может, возьмём телевизорчик какой-нибудь в прокат? Там «Зимнюю вишню» запустили, соседки на кухне лялякали, аж слюнки потекли.

ОБЛЕНСКИЙ. Бери.

ЛЮДЪ. Собираешься?

ОБЛЕНСКИЙ. Знакомого в окне увидел, выходил. Надо идти.

ЛЮДЪ. От стола-то уходишь? Закусочка, выпивка. Уходишь.

ОБЛЕНСКИЙ. Да у вас тут горячей воды нет.

ЛЮДЪ. Откуда ей взяться, когда трубу под неё не подведено.

ОБЛЕНСКИЙ. Зато у нас есть Эрмитаж.

ЛЮДЬ. Ленинград, небось!

ОБЛЕНСКИЙ. Культурная столица Советского Союза. А развод мостов ты хоть раз видела, коренная ленинградка?

ЛЮДЬ. Ну, и скатертью дорожка. Как взялся ниоткуда, так и заберись обратно.

ОБЛЕНСКИЙ. Посмотри, совмести чудо с делом, почпокойся на парапете, но ляг только так, чтоб видеть развод моста, вся жизнь предстанет, как на ладони, чудо, как пользительно для духовного развития.

ЛЮДЬ. А слова-то какие говорил, заслушаешься, про любовь со школьной скамьи, типа, всю жизнь мечтал. Я, говорит, красивых таких, в жизни не встречал. Не ты один! Да ладно, я не в обиде, чего ещё от мужиков ждать, кроме замков на песке. Да если честно, не очень-то ты мне, ага. Подлянка-то у тебя в глазах сидит, как змея в засаде. Видал «В мире животных»? Да ты и не змея, те хоть ради защиты, на всякий случай.

ОБЛЕНСКИЙ. А кто? Ну, кто я?

ЛЮДЬ. Червяк. Слизень такой, знаешь, сопливый, противный. Выползок.

ОБЛЕНСКИЙ. Давно по балде не получала?

ЛЮДЬ. Вот даже как? Девушек бьёшь? Хорошо, что не задержался, а-то было бы мне потом семейное счастье.

ОБЛЕНСКИЙ. Дай уйти спокойно и будет тебе счастье больше, чем семья, полная свобода выбора.

ЛЮДЬ. Да иди, кто держит. Я, как дура, набрала пошла.

ОБЛЕНСКИЙ. На мои бабки.

ЛЮДЬ. Ладно, жратва съестся, но выпивка-то стоять не должна. Позову соседа.

ОБЛЕНСКИЙ. Смотрите, не лопните... Я, вроде, в пиджаке был, нет?

ЛЮДЬ. Без понятия. Я тебя вообще не замечала, подлез под настироение, подлец.

ОБЛЕНСКИЙ. Харэ оскорблять! Я ведь не посмотрю на красоту-то, так врежу, никакие хирурги не склеют, ферштейн! Где мой лапсердак, спрашиваю! Я не шучу!

ЛЮДЬ. Импотент паскудный.

ОБЛЕНСКИЙ. Шмара! (Бьёт Люду по лицу.)

ЛЮДЬ (отшатнувшись). Бить? Меня! Да я из тебя сама отбивную сварганю и сожру без соли! (Бьёт Обленского.)

ОБЛЕНСКИЙ (отбиваясь). Харэ! Харэ, дура, убью же...

ЛЮДЬ (не останавливаясь). Убивай... убивай!

ОБЛЕНСКИЙ (жёстко обняв Люду). Хватит! Пожалуйста...

ЛЮДЬ. Под суд пойдёшь, урод!

ОБЛЕНСКИЙ (лаская Люду). Какая же ты классная... сумасшедшая... королева.

ЛЮДЬ (подаваясь Обленскому). Пусты, пусты...

ОБЛЕНСКИЙ. Мишка Петров вернулся. Его я в окно увидел. Домой шёл.

ЛЮДЬ. Мамочка...

ОБЛЕНСКИЙ. Выпили. Петрович про его отца сказал.

ЛЮДЬ. Что пришили?

ОБЛЕНСКИЙ. Что значит пришили?

ЛЮДЬ. На перо посадили.

ОБЛЕНСКИЙ. Вон оно как. Точно бандитские тёрки. Я тоже не знал, откуда, я уже не местный, завис-то на бывшем районе из-за тебя.

ЛЮДЬ. Не отпускай меня...

ОБЛЕНСКИЙ. Держу, держу... сам держусь...

ЛЮДЬ. И не ври, я тебе ещё позавчера сказала, насчёт отца Петрова.

ОБЛЕНСКИЙ. Да? Не помню. С тобой всё забудешь, даже про дядю Сенью. Где пиджачок-то?

ЛЮДЬ. Ой, да вон же, под стулом валяется, сам же бросил.

ОБЛЕНСКИЙ. А, точно.

ЛЮДЬ. Куда ты?

ОБЛЕНСКИЙ (отставив Люду). Засветился уже, не пойти на похороны теперь никак. (Обыскивает пиджак.)

ЛЮДЬ. Я с тобой.

ОБЛЕНСКИЙ. Ага, давай, устроим, блин, всем свою «Зимнюю вишню» напоказ.

ЛЮДЬ. Я похожа на Елену Сафонову? Нет, конечно. Она небесная женщина.

ОБЛЕНСКИЙ. Всё на месте, даже кошелёк, а вот, что надо, нету. Выпало, что ли... (Рыщет по комнате.)

ЛЮДЬ. Чего ищешь?

ОБЛЕНСКИЙ. Да перо!

ЛЮДЬ. Не видела.

ОБЛЕНСКИЙ. Точно?

ЛЮДЬ. По чужим карманам не лазю.

ОБЛЕНСКИЙ. А где оно тогда?

ЛЮДЬ. Да хватит уже всё здесь переворачивать! Мы всю ночь в парке гужбанили, лапсердак твой только так летал с места на место... ненасытный. Не уходи от меня.

ОБЛЕНСКИЙ. А то, что ты из армии обещала Мишку ждать, тоже мне говорила? Чё глазюки прячешь? Хочешь, чтоб мы с корешом из-за бабы разосрались? Ага, щчас. Не дождёшься. Разберись с ним, потом поговорим. Согласись, твоя проблематика, я-то же ни сном, ни духом. Петрович подтвердил, что я с тобой кайфую, не отпереться, а я выкрутиться не успел. Боишься?

ЛЮДЬ. Чего?

ОБЛЕНСКИЙ. Мihu.

ЛЮДЬ. Ещё чего. Неприятно, конечно. Ну, по глупости, перед самым призывом, сошлись, наобещали друг другу с три короба, с кем ни бывает.

ОБЛЕНСКИЙ (нащупав карман). Ёоо! Дырка в кармане!

ЛЮДЬ. А нож не складной, что ли?

ОБЛЕНСКИЙ. Складной. Точно в парке посеял, вот же баран. Но, может, и здесь, а? Ладно, забыли.

ЛЮДЬ. Петя...

ОБЛЕНСКИЙ. Чего бы тебе с Петровичем не сойтись, он по тебе с третьего класса изнемогает, столько лет, на ластах носить будет, угумонишься.

ЛЮДЬ. На крыльях.

ОБЛЕНСКИЙ. Какие, нахер, крылья, Людь, небо не для нас, его и не видно, в болоте бултыхаемся. Как ты сказала: выползок? Факт. Семью организуете, с детками-конфетками...

ЛЮДЬ. Да на кой мне Народец! Я его только сегодня впервые глаза в глаза толком рассмотрела, когда из лабаза шла, гляжу: опять сидит. Он же малохольный. В школе хоть бы раз заметила. И семья мне по боку, я не самка, я жить хочу полной грудью.

ОБЛЕНСКИЙ. С такой-то грудью бабе чё не жить, ни один мужчина не откажется, а всё остальное мужское человечество сгрудилось бы полюбоваться, просто сказка о всенародной кормилице, сама воплощённая родина, восторг.

ЛЮДЬ. Из моды вышли, теперь плоскодонки в тренде, как в кино. Смотрел «Щепку»?

ОБЛЕНСКИЙ. Рожать одна, что ли, будешь? Как некоторые дуры, для себя...

ЛЮДЬ. А зачем вообще рожать, во всяком случае, мне. Я для мужчины создана, а не для пелёнок.

ОБЛЕНСКИЙ. Хорошо, что Питер — не Россия, вымерли бы русские в ноль, с такими мыслями. Провинция нас спасёт, столичные все — одно прозападное гнильё.

ЛЮДЬ. Где ты Россию-то увидел, мы живём в СССР, совки — мы, со-вочки, сунул-вынул, сунул — вынул, сунул, если есть что, вынул, если не забыл. Смешно, да?

ОБЛЕНСКИЙ. Да как сказать. Как-то зашёл в кофейню, на углу Пестеля с Литейным, там всего два столика стоймя, но кофе варят классный, вся театральная Моховая там пасётся. Ну, пристраиваюсь около одного. А там старушка, божий одуванчик, уламывает женщину выйти замуж за её сына. Думаешь, молодые знакомы? Нет, просто сынок — интеллигентский скромняга, и мать-старушка фалует себе невестку из прохожих. Причём, сначала строго выясняет, местная или провинциалка, и приступает за обработку вторых, с первыми расходится, не прощаясь.

ЛЮДЬ. С ума посходили бабки, блокадницы, интеллигентки, тоже подобное наблюдала. На тот свет пора, а они за внуков колготятся. стыдно даже за них, даже не смешно и глупо даже.

ОБЛЕНСКИЙ. Нормальный он, Петрович — отличный парень. Он тебя на руках в самую могилу занесёт, лично, лет через сто, просто божественная какая-то у него к тебе любовь. Он сам, как ангел, мы его меж собой исусиком называли. У него и профессия кормящая, мужской портной, ты чё, спрос на весь Советский Союз.

ЛЮДЬ. На него-то?

ОБЛЕНСКИЙ. Ну, покуда на его папашу, но он, говорят, покруче будет, дай срок. Года не пройдёт, выберешься из коммуналки. Как здесь вообще можно жить, не врубаюсь, просто дрова.

ЛЮДЬ. Живут люди.

ОБЛЕНСКИЙ. Увидимся, радость моя. Если нож отыщется, заныкай с глаз, ага? Он у меня непростой, не для посторонних глаз. Понимаешь? Загляну, как-нибудь.

ЛЮДЬ. Сегодня хотя бы побудем, а! Покушаем, выпьем, тудым-сюдым...

ОБЛЕНСКИЙ. Я сам бы тебя и ел бы, и ел. Прикинь, Мишка примет на поминках и к тебе на разборки, в тут мы, с тобой. Что будет? То-то. Ну, всё. Не ищи, сам проявлюсь. Да меня нигде и не найти по адресу. Волка ноги кормят, на работу надо оформиться, чтоб в тунеядцы не записали, на законную гульбу мне всего три дня осталось. Прости. Ты моя прелесть... Ренессанс ты мой ненаглядный... Я же не импотент?

ЛЮДЬ. Да ладно тебе, сам знаешь, пошутила, за дело схлопотала, не-то загрызла бы, не сомневайся. А, может, на посошок?

ОБЛЕНСКИЙ. Ни-ни. Эх, жизнь!.. (Уходит.)

ЛЮДЬ. Только держись. Тоже мне, обжора. Порядок навести, что ли... Не сейчас. Не сегодня. Не придёт больше. Или придёт. Подумаешь. Чего ж тоска-то такая, точно дождь хлестанёт вот-вот, смоеет всё, не останется живого ни капли. Чёрт! Мясо на плите, сгорит же... (Убегает.)

СЦЕНА 3. Вечер в городском парке. Фонтан со скульптурой писающего мальчика. На бордюре сидят Петров и Народец, выпивают.

ПЕТРОВ (разливая остатки литровой «Московской» водки по стаканам). Всё, раздавили «сабониса», говорил же, надо двоих брать. Вздрогнем, Петрович. (Выпивает.)

НАРОДЕЦ (выпив). Хорошие похороны получились, что народу, что венков, что речей... Здорово.

ПЕТРОВ. Придумают же бутылку водки именем баскетболиста назвать, в Союзе самодеятельное творчество масс неискоренимо. Сколько ж нормального, весёлого и скучного, хорошего и плохого пропускаем мы на войнах, чтоб их всех в глотку сатаны вбить, как затычку, и никогда не вынимать.

НАРОДЕЦ. Уважаемый был человек твой папа, очень, можно и нужно гордиться...

ПЕТРОВ. Хорошими похороны были бы, если бы хоронили не моего отца. К примеру, его убийцу.

НАРОДЕЦ. Нелогично, Михаил. Если бы хоронили не твоего отца, значит, его не убили бы, то есть похорон бы не было.

ПЕТРОВ. Уважали за силу, зато, что поднялся от простого бойца до командира шайки. Гордиться отцом-жуликом, конечно, можно и нужно, но только не сыну-художнику. Мой талант не от отца, от Бога, и ещё от матери, что отдала в художественную школу и не позволила бросить. Но я отца ценю. Смесь страха и любви. И на краски, холсты, кисти всегда деньги были.

НАРОДЕЦ. И к шайке не подпускал.

ПЕТРОВ. Вот! И это плохо. Потому что теперь у меня просто нет инструментов для розыска убийцы.

НАРОДЕЦ. Оставь, Миша, месть — пережиток прошлого, надо стараться быть выше, мудрее, чище. Сам же говоришь, талант от Бога, значит, ты — божий человек.

ПЕТРОВ. Божий человек. Знал бы ты, сколько народу положил из калаша этот божий человек, язык не повернулся бы. А нож в спину или по горлу. Я ж разведчик, Петрович, профессиональный убийца.

НАРОДЕЦ. Война не в счёт, на Страшном Суде это вычтется.

Входит Людь.

ЛЮДЬ. Чё отмечаем?

НАРОДЕЦ. Людмила!..

ПЕТРОВ. Как можно вычесть человеческие жизни, исусик? Думаешь, что говоришь? Или ты, может быть, думаешь, что в заварушках, где я куролесил, ведётся исключительно прицельный огонь, как в кино, только по врагу? А мирные люди, думаешь, не попадали под раздачу?

ЛЮДЬ. День рыбака или День почты?

НАРОДЕЦ. День рождения дяди Сени, Семёна Андреевича, Мишиного папы.

ЛЮДЬ. А. Сколько ему было бы?

ПЕТРОВ. Людь...

НАРОДЕЦ. Сорок три.

ЛЮДЬ. Молодой.

ПЕТРОВ. Гребн отсюда.

ЛЮДЬ. Мне, может, нравится по вечерам под писающим мальчиком себя чистить.

НАРОДЕЦ. Он давно уже не фонтанирует.

ПЕТРОВ. Сказал же, ковыляй.

ЛЮДЬ. Грозный какой. Миша, я же не зря тут прохожу, помню твоё любимое место для одиночества...

ПЕТРОВ. Вали, сказал!

ЛЮДЬ. Сам вали. Свалю, только с тобой. Хотя бы поговорили бы, Мишенька, а?

НАРОДЕЦ. Могу отойти. Нет, вообще, пойду, родители обрадуются, что дома.

ПЕТРОВ. Народец, ты обещал со мной помянуть. Так что, сиди тут и не рыпайся. Пара-тройка минут с этой девицей, и я вернусь. Договорились?

НАРОДЕЦ. Лучше мне пойти бы.

ПЕТРОВ. Что, думаешь, я её в кусты поведу, чтоб отодрать? Зря ты так обо мне подумал, я с друзьями не такой.

НАРОДЕЦ. Да я без обид...

ПЕТРОВ. Мне с ней всё равно поговорить надо без свидетелей. Шагай за мной.

ЛЮДЬ. Ты мне?

ПЕТРОВ. Шагай! Тебе, тебе!

ЛЮДЬ. И пойду. Уже пошла. А куда идти?

ПЕТРОВ. За танцплощадку, на старое место. Пошла.

ЛЮДЬ. Всё, иду.

ПЕТРОВ (подталкивая Людь). Иди.

ЛЮДЬ (на ходу). Да иду я, иду. Не толкай! Как фашист комсомолку на расстрел ведёшь, так хочется, да? Приспичило, я же не слепая.

ПЕТРОВ. Живее! (Уходит с Людью.)

НАРОДЕЦ. Добром не кончится. Как же Мила неосторожна. А я — что, я же не могу, не моё дело. Будь я при этом, не будь, что изменилось бы, всё равно они так встретились бы... для разговора. Миша настоящий человек, орденносец в мирное время, любит её, значит, всё будет хорошо.

Входит Петров.

ПЕТРОВ. Погнали, Петрович, в шалман, хочу расслабиться.

НАРОДЕЦ. Уже?

ПЕТРОВ. А чё размусоливать, коротко и ясно, главное, доходчиво, сказал, как отрезал. Погнали, Ваня, не парься, не твоё это дело, согласись.

НАРОДЕЦ. Соглашусь.

ПЕТРОВ. Вот и вся любовь, ходу! Ну, не любовь, конечно, как у тебя, но дела у меня с ней точно все. Тахи берём и — с ветерком на Охту. На ходу допьём. Пошли-пошли, а-то прибудем к шапочному разбору, а мне всю мирную жизнь хочется поиметь от нуля до нуля, по кругу и закольцевать. Едем!

НАРОДЕЦ. Не, я домой.

ПЕТРОВ. От коллектива отрываешься.

НАРОДЕЦ. Шалман — не моё. Извини, я домой.

ПЕТРОВ. Ну, гляди, как скажешь.

Входит Людь, едва жива, с разбитым лицом, прикрываясь разорванной одеждой.

ЛЮДЬ. Миша...

НАРОДЕЦ. О, боже, Людмила... (Подбегает к Люди.)

ПЕТРОВ. Живучая тля.

ЛЮДЬ. Миша, больно.

НАРОДЕЦ. В больницу, в больницу!

ПЕТРОВ. Там тебя, Петрович, спросят.

НАРОДЕЦ. Конечно. Подгони тахи!

ПЕТРОВ. Ей — ни за что. Я спешу, извините меня.

ЛЮДЬ. Зачем, убил...

НАРОДЕЦ. Людочка, иди ко мне на руки, тут станция «скорой» недалеко... (Берёт Людь на руки.)

ПЕТРОВ. Народец, только будь мужиком, ага, понял меня?

НАРОДЕЦ. Понял.

ПЕТРОВ. Ну, и лады. Кавалер... Дурак. (Уходит.)

ЛЮДЬ. Миша?

НАРОДЕЦ. Я — Ваня, Ваня Народец. (Уносит Людь.)

ЛЮДЬ (по ходу). Миша, где ты... Мишенька, прости меня, прости... ии...

СЦЕНА 4. Двор-колодец. Обленский помогает идти Петрову.

ОБЛЕНСКИЙ. Петров, держись. Здесь посидим, двор незаметный.

ПЕТРОВ. На травку.

ОБЛЕНСКИЙ. Загаженную домашними животными. На поребрик сядь. Помогу.

ПЕТРОВ. Петя, откуда ты?

ОБЛЕНСКИЙ. Ну, ты перец. Я-то дома, у себя на районе, а вот ты здесь какого рожна? Мало того, ещё и права качает.

ПЕТРОВ. Имею право, я — герой войны.

ОБЛЕНСКИЙ. Братве-то нашей откуда было знать!

ПЕТРОВ. И не одной войны.

ОБЛЕНСКИЙ. Да к таким, как ты, все с уважением, но кто ж будет спрашивать, да ещё в шалмане. Хочешь безопасности, носи боевые награды или, как другие, учёные, с наградными планками.

ПЕТРОВ. На майке, что ли?

ОБЛЕНСКИЙ. Да хоть на трусах, если хочешь выпендриться и остаться в живых.

ПЕТРОВ. Братва... Из культурной столицы катимся в воровскую малину.

ОБЛЕНСКИЙ. И чё? Есть, как есть, покуда старпёров из Кремля не вывезут на лафете, так и будет.

ПЕТРОВ. А почему нас не знают? Нас, молодых мужиков, юношей, будущее страны, что гибнет в боях, жертвуют собственным настоящим и личным будущим, особенно нерождёнными детьми... в которых государство и народ, между прочим, станут скоро очень даже нуждаться...

ОБЛЕНСКИЙ. Тише, Миша, двор-колодец, здесь такая акустика...

ПЕТРОВ. Пусть слышат все.

ОБЛЕНСКИЙ. Ладно, меняем дислокацию. Покуда мосты не сведут, никуда не денешься, а у меня дома такая коммуналка, не приведи господь.

ПЕТРОВ. Помоги найти убийцу отца.

ОБЛЕНСКИЙ. Ни фига ты завернул!

ПЕТРОВ. Поспросай среди братков.

ОБЛЕНСКИЙ. Кто я такой, чтоб с них спрашивать, за такие бесправные действия язык только так подрежут.

ПЕТРОВ. Ты — никто, я — никто, по отдельности каждый человек — никто, а все хором мы — ничтожество. Тогда за что мы погибаем в горячих точках по всему миру, а? Зачем? Кому?

ОБЛЕНСКИЙ. Вот если бы ты пришёл к дяде Косте, попросился бы в бойцы, тогда другое дело.

ПЕТРОВ. К самому?

ОБЛЕНСКИЙ. Ну, до самого-то с улицы не доберёшься, но есть же передаточные звенья в любой цепи. Могу поспросать, ежели решишь.

ПЕТРОВ. Накатить бы, мёрзнуть начинаю.

ОБЛЕНСКИЙ. Есть тут в паре кварталов мужчинка, по ночам торгует, но я пустой.

ПЕТРОВ. Хорошо, что ты нарисовался. Так, а у меня-то капуста есть ли? Проверим. (Шарит по карманам, вынимая купюры, мелочь.) Только сейчас проясняется в черепашке, что хренов герой хреновых войн мог бы сейчас располосованный на куски валяться в мусорном баке. Спасибо, Петя, вытащил. Я плохо соображаю, тут хватит?

ОБЛЕНСКИЙ (считая деньги Петрова). Более чем, ещё и на тахи останется домой.

ПЕТРОВ. Ну, тогда шагом марш за пойлом, товарищ.

ОБЛЕНСКИЙ. Между прочим, тебе и на частника хватило бы, чтобы домой даже в объезд...

ПЕТРОВ. У меня дома нет. Мать есть. Я бываю. Отца нет. Когда нет отца, дома быть не может. До тех пор покуда сам не стал отцом.

ОБЛЕНСКИЙ. Сможешь идти?

ПЕТРОВ. А куда я, нахрен, денусь. Надо строить дом, Пётр Всеволодович. Согласны? Но сначала найти отца, в смысле его убийцу, отом-

стить с отяжкой, как мы любим, и только потом... (Уходит с Обленским.)

СЦЕНА 5. Комната Люди. Прибрано, окна вымыты. Входит Людь, пришедшая из больницы.

ЛЮДЬ. Ваня?

Входит Народец.

НАРОДЕЦ. Как?

ЛЮДЬ. Если бы сюда ещё солнце доставало, была бы сказка.

НАРОДЕЦ. Я старался.

ЛЮДЬ. А я разрешала?

НАРОДЕЦ. Конечно, иначе разве посмел бы.

ЛЮДЬ. Не помню. Я дома? Всё вроде бы моё, но как-то не по-моему.

НАРОДЕЦ. Извини, Людмила, хотел, как лучше.

ЛЮДЬ. Брось, нормально. С того дня, когда Петров из армии пришёл и Петя свинтил отсюда, здесь не была. Еду приготовила, помню, какую-то, прихватила с собой к девчонкам в общежитии и зависла. Ты меня опять назвал Людмилой. Приятно. А-то все: Людь да Людь.

НАРОДЕЦ. Странное прозвище.

ЛЮДЬ. Да с первых классов прицепилось. Учительница нам досталась сука сухой, ненавидела нас. На примере моего имени придумала объяснить, что такое однокоренные слова. У меня же, как нарочно: Людинова Людмила Людовиковна, корень «люд». Так и прозвали, только мягкий знак добавился сам собой. Вообще, как не стыдно идти в педагогику, если не любишь это дело, лишь бы корочку о высшем образовании получить. Зачем оно, что с ним делать, это же не таблетка, не волшебная палочка, толку-то никакого. Иди, как я, в продавщицы, не знаю, в кондукторы автобуса, в жёны, наконец, как все тётки делают, а там уже живи, как сможешь, но чужих детей не смей трогать, школа — это же будущее страны, разве не так?

НАРОДЕЦ. Так.

ЛЮДЬ. И какое будущее ждёт страну, если родители избавляются от детей, сдавая их в детские сады и школы, в вузы, лишь бы самим не нести полной ответственности, а главное, чтоб свободного времени побольше выкроить; тогда зачем рожать. Дети приходят в детсадик, в

школу, а там их в лучшем случае не любят, ведь они не дети учителей, они же их работа, средство заработка, повинность.

НАРОДЕЦ. Бывают же настоящие педагоги, подвижники.

ЛЮДЬ. Подвижников задвигают так, что только пух и перья летят. Ой, что я завелась, наслушалась в больнице всяких разговоров. Хорошо в магазине, покупатель пришёл, купил, отвалил, и все дела. Ну, что надо обустроиваться?

НАРОДЕЦ. Не стану мешать.

ЛЮДЬ. Спасибо за всё, Народец, ты мой ангел-хранитель. Оставайся, если хочешь.

НАРОДЕЦ. Зачем...

ЛЮДЬ. Должна же я, как нормальная женщина, отблагодарить мужчину.

НАРОДЕЦ. Я слышал разговор врачей в больнице, выходит, тебе нельзя быть женщиной ещё некоторое время.

ЛЮДЬ. Да, Мишка отделал меня по полной программе. Ну, а что, сама виновата, не дождалась из армии.

НАРОДЕЦ. Михаил не прав.

ЛЮДЬ. Заходи как-нибудь, Народец. Почаще. Хоть каждый день.

НАРОДЕЦ. Спасибо! Конечно.

ЛЮДЬ. Приручил дворняжку.

НАРОДЕЦ. Выходи замуж!

ЛЮДЬ. В смысле? За кого?

НАРОДЕЦ. За меня.

ЛЮДЬ. Серьёзно?

НАРОДЕЦ. Абсолютно.

ЛЮДЬ. Ты дурак?

НАРОДЕЦ. И что.

ЛЮДЬ. Не поверишь, я о тебе тоже подумала в этом смысле... как-то раз. Потом каждый день в больнице, когда ждала твои приходы, а ты всегда приходил. Ну, ладно, я — пришибленная идиотка, но ты... Не ожидала. Я подумую. Мне надо переспать с этим. И с тобой. Мне надо узнать тебя всего, тогда и скажу. Чего ты? Щёки заалели...

НАРОДЕЦ. Смутила. Но я счастлив.

ЛЮДЬ. Тебе в натуре надо куда-то идти?

НАРОДЕЦ. Да, у меня же сессия в институте.

ЛЮДЬ. А, да, точно. Хочешь поцеловать?

НАРОДЕЦ. Тогда останусь и сойду с ума.

ЛЮДЬ. Нет, хватит одной психички, два психа на двоих — перебор. Для семьи, если срастётся, кто-то один должен быть с высшим образо-

ванием, карьера там, всё, как полагается, а баба по дому. Правда, из меня хозяйка...

НАРОДЕЦ. Вместе не пропадём. Да, я, когда полы мыл, между досками, под креслом, нашёл складной нож, вон, на трюмо. Кстати, полы перекрыть надо обязательно.

ЛЮДЬ (рассмотрев нож). Не моё перо. А, вспомнила, Обленский потерял в тот день, дёргался очень. Может, отдашь ему?

НАРОДЕЦ. Я ж не знаю адреса. Хотя мало ли, в ателье заходил пару раз, и дядя Костя у нас одевается.

ЛЮДЬ. Так он под ним?

НАРОДЕЦ. Наверное. Всё, мне пора.

ЛЮДЬ. Нож!

НАРОДЕЦ (забрав нож). Можно приду вечером?

ЛЮДЬ. Теперь моя комната вместо больничной палаты. И вообще, чистота и порядок здесь твоих рук дело, так что, дом мой и твой. Обязательно приходи.

НАРОДЕЦ. Обожаю тебя.

ЛЮДЬ. Знаю. И необязательно ждать вечера специально, как сможешь, так и приходи. Уже жду.

НАРОДЕЦ. Не забудь принять лекарства, в сумочке. (Уходит.)

ЛЮДЬ (доставая таблетки). А вода в кухне. Так не хочется передвигаться, лечь бы и не вставать никогда... Отдохнуть. Устала. (Уходит с таблетками.)

СЦЕНА 6. Двор многоэтажки, где в цокольном этаже располагается ателье по пошиву одежды. Входит Петров, с бодуна, звонит в дверь служебного входа.

ГОЛОС. Слушаю?

ПЕТРОВ. Здравствуйте, мне бы Народца. Он в ателье?

ГОЛОС. Как вас представить?

ПЕТРОВ. Миша. Петров Михаил, он знает.

ГОЛОС. Обождите.

Из двери выходит Народец.

НАРОДЕЦ. Михаил!

ПЕТРОВ. Привет.

НАРОДЕЦ. Как ты?

ПЕТРОВ. Давно не виделись, Петрович.

НАРОДЕЦ. Чем-то помочь?

ПЕТРОВ. Рубля три хотя бы, лучше пять.

НАРОДЕЦ. Вот, конечно. (Достаёт из кармана купюру.)

ПЕТРОВ. Спасибо. Червонец! Спаситель.

НАРОДЕЦ. Неважно выглядишь.

ПЕТРОВ. Ещё бы, столько гудеть без просвета. Небось, как сказали, что Петров пришёл, по ходу сразу прихватил денюжку. Спасибо, конечно, но обидно, вдруг я к тебе просто поболтать заглянул, по старой дружбе.

НАРОДЕЦ. Когда такое было в последний раз.

ПЕТРОВ. И было ли, да? Унижаюсь, сшибаю на похмельку, геройский дембель, тьфу, противно. А червончик обеспечит неплохой заплыв на день-другой. Тебе Петька привет передавал, Обленский, вчера с ним стакнулись в Апрашке.

НАРОДЕЦ. Слушай, я ему одну штуку должен передать, как его увидеть?

ПЕТРОВ. Да, думаю, там же, на Апрашке, я сегодня планировал зарулить. Пошли вместе, отдашь.

НАРОДЕЦ. Отец прихворнул, один кручусь.

ПЕТРОВ. Если ничего антигосударственного, могу я передать.

НАРОДЕЦ. Нож. Точнее выразиться, перо. Он его у Людмилы потерял, я случайно нашёл, когда уборку делал.

ПЕТРОВ. У какой Людмилы?

НАРОДЕЦ. Людиновой.

ПЕТРОВ. Не помню.

НАРОДЕЦ. У Люди.

ПЕТРОВ. Оба-на!!! Ничего себе, коленкор!

НАРОДЕЦ. Передашь?

ПЕТРОВ. Легко. Ну, да, она же Людинова. И отчество, кстати, какое-то...

НАРОДЕЦ. Людовиковна.

ПЕТРОВ. Точно! Всё хотел выпросить у неё, что за папаша у неё с таким имечком, но с ней разве поговоришь, раз и — на матрац, и два, и три, и столько, сколько ей надо, от тебя уже один скелет со шкуркой остался, но она обязательно добудет самую распоследнюю каплю, досуха выжмет, паучиха.

НАРОДЕЦ. Михаил! Я — мигом.

ПЕТРОВ. Постой! Как она?

НАРОДЕЦ. Выкарабкалась.

ПЕТРОВ. Перестарался.

НАРОДЕЦ. Она тебя не винит.

ПЕТРОВ. А ты?

НАРОДЕЦ. Я-то, кто такой, чтоб судить-рядить. Людовиковна, знаешь, почему? Мама пришла оформлять свидетельство о рождении, у неё спрашивают имя отца, а та же мать-одиночка и с языком торгового работника, то есть такого острого, что порежет, если не предохраниться. Ну, мама и отвечает, что понятия не имеет не только, как зовут отца, но и вообще, кто он. Работница ЗАГСа говорит, что отчество ребёнку обязательно. Мама отвечает, пишите Людовиковна, потому что отцом девочки был мужчина необыкновенный, солнечный такой, как французский король Людовик тринадцатый или девяносто девятый, мол, неважно. Работница говорит, что советский ребёнок должен носить отечественное отчество, например, Ивановна. Мама психанула, отвечает, что хватит морочить голову, от отчества не зависит ничего, кроме алиментов, если только отец не в бегах. Работница тоже завелась, говорит, ходят тут всякие, по подворотням сношаются, а потом портят статистику. Хорошо, ответила мама, пишите в графе отчество: Херовна. Потому что все на свете люди имеют отца по имени Хер и мама по имени Вагина. И вообще, чего, говорит, выпендриваться, так и запишите мою дочь: Вагина Херовна Подзаборова. Пришла заведующая и приказала записать короля-солнце отцом Людмилы. Предлагали упростить жизнь будущим паспортисткам, для которых правописание часто камень преткновения, записать не Людовиковной, а Людвиговной, имя попривычнее, но мама упёрлась, не хочу немца в папаше, чтоб дочь не дразнили фашистским ублюдком, пусть будет французским бастардом. Но национальность всё же вписали, что русский, французом писать отказались, хотя для Питера вполне себе, почему нет. Заболтался. Я — мигом! (Уходит в ателье.)

ПЕТРОВ. А глаз чистый, невинный... Исусик, блин. Пора завязывать, Миша! Погань ты проклятая, стань уже человеком... стань, стань, стань...

Выходит Народец.

НАРОДЕЦ (подавая свёрточек). Вот. Я завернул, чтоб не светить.

ПЕТРОВ. Не волнуйся, сдам с рук на руки, сегодня, главное, чтоб Петька был.

НАРОДЕЦ. У меня работа.

ПЕТРОВ. Всё-всё, спасибо. Бывай. Слышь, Вань, не вздумай на Люди жениться, такие тёлки не останавливаются, таким нравятся разгу-

ляй, они сами разгуляй и есть. Как говорил один на редкость толковый летёха, такие женщины, как родина-мать, только общается с детьми исключительно «на вы»: выебет, высушит и выкинет. Прикинь, во что воплощается патриотизм, это же чистойшей воды инцест. Так что, советским людям страшно повезло, родины-то нет, особенно у русских, немцы Романовы да грузин Сталин ухрендячили Россию до последнего гвоздя в гроб... и остался на нас на всех, насельников империи только отец-одиночка — Советский Союз, этот с нами не телится, влёт на слом, типа бабы ещё нарожают. А кто рожать-то будет, Людь, что ли? Дождётся от неё, не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку, и то, если сумеешь выклянчить, у неё на родильные дела времени нет, и не выдерживает она длинных пауз без загулов...

НАРОДЕЦ. Мы подали заявление в ЗАГС.

ПЕТРОВ. Зря я её тогда не добил. И тебе, Исусик, не следовало бы её спасать. Зачем ты — Исусик, а, Исусик? Не мог ты, Народец, в приличную блядь влюбиться, что ли, как все мужики. Все же как-то устраиваются, а этому Людь подавай. Ладно, извини, смотри сам, твой путь — твои ухабы, как говорил отец. Ты классный, я свинья. Постарайся выкарабкаться и я. Хрю-хрю, Петрович, хрю-хрю. ((Уходит.))

НАРОДЕЦ. Михаил сильный. Стоящий мужчина, возьмёт себя в руки, уверен. И у нас всё будет о,кей. (Уходит в ателье.)

СЦЕНА 7. Вечер в городском парке. Фонтан со скульптурой писающего мальчика. На бордюре сидит трезвый подтянутый Петров.

ПЕТРОВ (напевает). «Я прилечу — ты мне скажи, Бурю пройду и пламень, Лишь не прошу холодной лжи, — Сердце мое не камень».

Входит Обленский.

ОБЛЕНСКИЙ. Я здесь сто лет не был! Но с дороги не сбился ни разу. Чего такой?

ПЕТРОВ. Да напруг после ментовки.

ОБЛЕНСКИЙ. Влетел, таки.

ПЕТРОВ. Замели. За компанию.

ОБЛЕНСКИЙ. Протокол составили?

ПЕТРОВ. Ну, да.

ОБЛЕНСКИЙ. Вот, значит, зачем позвал. Правильное решение, по адресу, плохого другу детства не посоветую и чем, как говорить, смогу, и даже больше. С устройством на работу усложнится. Помочь?

Кстати, я замолвил за тебя, как обещал, дяде Косте. Так что, добро пожаловать на нашу биржу труда. Определят возможности, потом прописку устроят по специальности.

ПЕТРОВ. Следачка попалась та же, что дело отца моего расследовала.

ОБЛЕНСКИЙ. Ишь ты, как бывает. Надеюсь, дела идут — контора пишет?

ПЕТРОВ. Ну, меня за боевое прошлое выпустили, и привод всего первый. (Бьёт ребром ладони по шее Обленского.)

ОБЛЕНСКИЙ. О... (Теряет сознание.)

ПЕТРОВ (связывая руки Обленского припасённым ремешком). Боец херов, в такой расслабухе долго не протянешь. (Достаёт припасённый нашатырь, подносит Обленскому.)

ОБЛЕНСКИЙ (приходя в сознание). О...

ПЕТРОВ. Слушай дальше.

ОБЛЕНСКИЙ. Мишка, ты чё!?

ПЕТРОВ. Неделю назад, помнишь, хотели на Апрашке пересечься? Ну, вот я и не смог. Возле пивного ларька с батиным другом старым по пиву врезали, случайно, слово за слово. Даже не заметили драку. А когда врубались, уже милиция понаехала, всех подряд, подчистую в отделение доставили. Понятно, обшмонали. У меня нашли нож. Складное пёрышко. Следачка отдала криминалистам, сказала, по визуальным характеристикам подходит к орудию убийства моего отца. Так как я убийцей быть не мог по определению, в расположении части ещё находился, когда произошло.

ОБЛЕНСКИЙ. А меня-то чё звезданул!

ПЕТРОВ. Вчера следачка вечером домой к нам пришла, сказала, что моего отца пописали именно этим пером, кровь осталась. Слишком много следов отпечатков, в суде как вещдок не проканает. Да и против кого. Против кого, Петя? У вас там, что одно перо на всех, грамотеи преступного сообщества? Чё молчишь?

ОБЛЕНСКИЙ. Мне нечего сказать.

ПЕТРОВ. А чё не спросишь, что за перо, как ко мне попало? Следачке я сказал, что у сопляков в песочнице отобрал, чтоб не порезались. Точный адрес указать не могу, пьян был в дуплину. Ну, на том и порешили. Не стану же я сдавать ближний круг. Нож мне дал Исусик. Он, видите ли, полы драил у Люди и нашёл. В курсе, что они расписываются?

ОБЛЕНСКИЙ. И что?

ПЕТРОВ. В детстве помнишь, как мы восхищались советскими героями войны, которые не сломались под пытками немецко-фашистских оккупантов, говорили, мы тоже так сможем. Может, и смогли бы под пытками немецкими, но под русскими ни за что, свидетельствую, такой изощрённости во веки веков не бывало. В нашей бригаде один такой служил, виртуоз заплечных дел, его направляли к особо молчаливым религиозным фанатам на randevу. Так вот, перед его дембелем, меня и ещё четверых ухарей прикомандировали ему в подручные. Я первым отвалил, месяц в военной психушке приходил в себя, но сколько-то же выдержал.

ОБЛЕНСКИЙ. И в число избранных командировочных тебя, наверное, не просто так выбрали.

ПЕТРОВ. Аминь. Понимаешь. Мы, художники, не только в анатомии разбираемся, но ещё же и с фантазией «на ты», а уж ежели талант или не дай бог божий дар, да с божьего благословения или другого какого шамана, то тут уж не ремесло, а я те дам...

ОБЛЕНСКИЙ. Что ты хочешь?

ПЕТРОВ. Ни один из нашей пятёрки командировочных стажировки не прошёл. Уговорили виртуоза на сверхсрочную. По образованию, кстати, учитель.

ОБЛЕНСКИЙ. Хорош! Мы же свои, Мишка. Спрашивай.

ПЕТРОВ. Почему и за что?

ОБЛЕНСКИЙ. За что не знаю, не мой уровень, дядя Костя приказал по ранжиру. А для меня это стало пропиской. Убьёшь?

ПЕТРОВ. Следачка предложила в органы пойти, говорит, других ходов у таких, как я, нет, кроме, как в менты или в жулики. Петрович ска- зал бы, Михаил, иди третьей дорогой — по призванию.

ОБЛЕНСКИЙ. В художники, что ли? Петров, падла, не тяни резину, кончай! Хватит душу рвать! Думаешь, для меня это было просто, на раз-два-три? Дядю Сеню-то! Он же меня на коленях, сколько раз держал, юшку подтирал, волосы расчёсывал перед тем, как домой от вас отпустить. Помнишь, он петушки варил на палочке в кружке на костре? Нет таких конфет, чтоб вкуснее были дяди Сениных петушков, они мне снятся даже в метро, когда укачает. Мишка, я не мог отказаться, иначе они бы меня кончили.

ПЕТРОВ. Мог.

ОБЛЕНСКИЙ. В обмен на свою жизнь!

ПЕТРОВ. А ты когда бандюкам в услужение просился, не знал, что ждёт?

ОБЛЕНСКИЙ. Не трави душу, хорэ болтать.

ПЕТРОВ. Хорэ. Хорэ, Пётр Всеволодович, хватит. Будешь должен.
(Уходит.)

ОБЛЕНСКИЙ. Друг... настоящий товарищ... Жив я, что ль!? Спасибо.

СЦЕНА 8. Двор дома Люди. Прохаживается Народец.

НАРОДЕЦ. Завтра, завтра... завтра ЗАГС. Хоть бы сложилось, хоть бы сложилось, хоть бы сложилось... Всё будет, как будет, и будет правильно, значит, хорошо.

Входит Людь.

ЛЮДЬ (завидев Народца). О, нет..!

НАРОДЕЦ. Люда!

ЛЮДЬ. Нахер, нахер, пошёл нахер! Чтоб духу твоего около меня не было! Я жить хочу, жить! Исчезни, Народец, сгинь, сгинь! (Убегает в подъезд.)

НАРОДЕЦ. Хорошо.

СЦЕНА 9. Несколько лет спустя. Конец мая 1989 года. Загородный дом с садом. На террасе Народец одновременно ест суп, выпивает, курит, напевает. В доме, за его спиной, работает телевизор, транслирующий заседание I съезда народных депутатов СССР.

НАРОДЕЦ (напевает). К сожаленью, день рожденья только раз в году...

Со стороны сада входит Петров, в милицейской форме, с погонями капитана.

ПЕТРОВ. Уютно у тебя, Народец, но прохладно же на террасе.

НАРОДЕЦ. Поешь супчику, согреешься. Выпей на свой выбор.

ПЕТРОВ. Мясом пахнет?

НАРОДЕЦ. Суп без мяса — это вода из-под крана.

ПЕТРОВ. Народец, ты же не ешь мяса!

НАРОДЕЦ. Как видишь.

ПЕТРОВ. И куришь! Я даже сразу не врубился.

НАРОДЕЦ. Есть новости о Люди?

ПЕТРОВ. Нет, как в воду канула. А что за мясо?

НАРОДЕЦ. Налить суп или сам?

ПЕТРОВ. Сам, попробую сначала.

Из дому выходит Обленский.

ОБЛЕНСКИЙ. Во блин!?

НАРОДЕЦ. А что, мой дом настезь?

ОБЛЕНСКИЙ. А что, мне твои запоры — преграда?

НАРОДЕЦ. Нет у меня запоров для своих, никаких. Пётр, супчику?

ПЕТРОВ. Ельцина-то в Верховный Совет не выбрали, пойдёт на слом бузотёр.

ОБЛЕНСКИЙ. Сто лет не ел домашний суп. С мясом, что ли? Петрович, ты трескаешь мясо!?

НАРОДЕЦ. Трескают треску, а мясо едят. Налить?

ОБЛЕНСКИЙ. Давай тарелочку, пожалуй. Блин, да ты ещё и куришь!?

НАРОДЕЦ. Почему нет. (Наливает суп в тарелку.)

ОБЛЕНСКИЙ. Вот тебе и Перестройка, как-то ты, Народец, слишком буквально воспринял постановления партии и правительства.

НАРОДЕЦ. Я ж солдат. Мы все солдаты Отечества.

ОБЛЕНСКИЙ (ест). А супчик знатный, и мяса не пожалел. Петрович, суп супом, а наше дело застопорилось, с чего бы? Я тебе персональный компьютер подогнал из Штатов, в мире таких агрегатов на предприятиях-то хрен сыщешь, другой бы землю целовал под ногами дарящего, а этот нос воротит!

НАРОДЕЦ. Только что какой-то Казинник уступил Ельцину своё место в Верховном Совете. Никаких словов, всё идёт по плану, нас везут в тюрьму.

ОБЛЕНСКИЙ. Народец, не наглей, отвечай, когда я спрашиваю.

ПЕТРОВ. Кто такой Казинник?

НАРОДЕЦ. Прокурорский какой-то.

ПЕТРОВ. Свежий ветер перемен, блин, сквозняк, крупозное воспаление лёгких и каюк.

ОБЛЕНСКИЙ. Если кому-то тут приснилось, что я по кому-то соскучился и рванул загород повидаться...

НАРОДЕЦ. Меня, Петя, из-под тебя выдернули.

ОБЛЕНСКИЙ. Что-что-что?

НАРОДЕЦ. По ходу на счётчик поставили, причём, на ровном месте.

ОБЛЕНСКИЙ. Имя!?

НАРОДЕЦ. Имя? Нет у вас, жуликов, имён, одни клички с погонялками.

ОБЛЕНСКИЙ. Ваня, ты мне претензию выставляешь?

НАРОДЕЦ. Другу детства, защитнику? Да ни за что.

ПЕТРОВ. Вкус какой-то необычный у мяса.

НАРОДЕЦ. Невкусно?

ПЕТРОВ. Просто непривычный.

ОБЛЕНСКИЙ. Почему не позвонил мне?

НАРОДЕЦ. Да Людмила пропала, закрутился.

ПЕТРОВ. Что-то знакомое, не врублюсь. Что за мясо, Петрович?

ОБЛЕНСКИЙ. А я, думаю, врубился. Когда ходили на рывок, мы хватывали с собой одного на крайняк. Человечина?

НАРОДЕЦ. Это Людмила.

ПЕТРОВ. Что — Людмила?

НАРОДЕЦ. Мясо Людмилы. Я — съел Людку, я — людкоед.

ОБЛЕНСКИЙ. И с друзьями поделился, не жлоб, нет, даже не жмот. Хлебосольный радушный товарищ.

ПЕТРОВ. Понял, Обленский, мы теперь тоже людкоеды.

НАРОДЕЦ. Я вас не приглашал, сами приехали. Но справедливость торжествует. Каждый из нас кардинально менял её судьбу, просто любил, каждый по-своему, но всё же. Теперь она и останется с каждым из нас.

ПЕТРОВ. Милиция на ушах, рыщет по всей стране пропавшую Людь, а ты...

НАРОДЕЦ. А я — вот.

ПЕТРОВ. Брешешь ты, Народец.

НАРОДЕЦ. Сейчас, принесу доказательство. Из погреба. (Уходит за дом.)

ОБЛЕНСКИЙ. Ствол при себе?

ПЕТРОВ. Думаешь?

ОБЛЕНСКИЙ. У меня только перо, если что.

ПЕТРОВ. Ну, ты известный писатель. По ходу дела, Пётр Всеволодович. Дядю Костю ты завалил, мы в курсе. И насчёт выборов смотрящего тоже известно. Если победишь, придёшь ко мне под крышу.

ОБЛЕНСКИЙ. Ты всего лишь капитан.

ПЕТРОВ. Счастье не в звёздочках на погонах, а в самих погонах. Текучка кадров, опытные старики уходят на вольные хлеба или гордо сваливают на пенсию. Меня назначили руководителем отдела, тебе дадут знать, под кем ты станешь.

ОБЛЕНСКИЙ. Откинулся когда, на вокзале, в Воркуте, встретил товарища детства. Он с родителями к нашим соседям в детстве ещё приезжал, Мишка Бессонов. Тоже в Питер собрался. Ну, понятно, накати-

ли. Он и раскололся, мол, еду в Питер, чтобы утопиться. Ну, сказал и сказал. Утопился.

ПЕТРОВ. А на Северах своих речек нет?

ОБЛЕНСКИЙ. У них Дворцового моста нет. Там и выловили. А ведь он был разрядник по плаванию.

ПЕТРОВ. Силён.

ОБЛЕНСКИЙ. Восьмидесятые — страшные годы, слава богу, кончатся, открытый финал срастания государства и криминала.

ПЕТРОВ. Объективные обстоятельства, иначе никак, как тем, так и другим.

ОБЛЕНСКИЙ. А как же народ?

ПЕТРОВ. Так разве ж чиновники и жулики — не народ, вот мы, с тобой.

ОБЛЕНСКИЙ. Надо Народца изолировать.

ПЕТРОВ. Сколько раз Людь от него убегала... дурище

ОБЛЕНСКИЙ. Хотя изолировать — не ликвидировать, пофитикультяпистее будет, даже если свистит насчёт Людди.

ПЕТРОВ. Похоже, я спровоцировал Народца на мясоедство. Тоже на даче сижу как-то и он является, опять Людь где-то загуляла, уже не знает, где искать, помощи да помощи. А у меня настроение было швах. Как раз, мужик с рогатиной с медведем тягался, каждую пятницу устраивают мне цирк, я вообще на взводе. И просто надоело людей напирать с постоянными поисками этой шмары, наорал на него, типа позорно быть под бабой половой тряпкой, надо быть мужиком, или на цепь посади, или в мусорку выбрось. И понесло. У веганов, кричу, ничего ни мужского, ни женского, а человек — животное. Ну, и вякнул, если съешь кусок мяса, эксклюзивной пастромой как раз можжевеловую водовку закусывал, помогу, говорю, не съешь — пошёл куда дальше. Петрович съел.

ОБЛЕНСКИЙ. «Вот и самовар простыл, надо бы веточек подбросить... этих... ну как их... можжевеловых!»

ПЕТРОВ. «Ёжик в тумане»!.. круть. А это, как там... вообще зашло, как домой... щас-щчас... «Из тумана, как из форточки, выглянул Филин, ухнул: "Угу! У-гу-гу-гу!..." и растворился в тумане. "Псих", — подумал Ёжик». А? Ааа!..

ОБЛЕНСКИЙ. Ты, я понял, раньше уже пробовал человечинку?

ПЕТРОВ. Это Восток — дело тонкое, Африка — она проще, прародина человечества, там многое сохранилось из древних обычаев, никогда наперёд не знаешь, что ешь, что пьёшь, кого мочишь. Корни наши аф-

риканские, так оттуда и повелось, жрём, и жрём, и, в основном, друг друга.

Из-за дома выходит Народец, с головой Люди.

НАРОДЕЦ. Узнаёте?

ТУМАН
новелла

время действия: 90-е г. г.
место действия: провинциальный город

действующие лица:

ЗЕРНОВ Герберт Николаевич, 42 года
ШВЕЦОВ Сергей Павлинович
ИЛЬИН Виктор Андреевич
СВЯЩЕННИК
СЛЕДОВАТЕЛЬ
ВАЛЕРИЙ, сын Ильина
ПОПОВ
КОШКИН
ВОСПИТАТЕЛЬ

Часть 1

ПРОЛОГ. Осень. Деревенское кладбище. У могилы сидит Зернов. В зарослях, в него целится из снайперской винтовки человек в балаклаве.

ЗЕРНОВ (не оборачивается). Постой стрелять! Слышишь? Перед смертью мне вся моя жизнь должна на глаза показаться, дай дожждаться картинку. Похоже, кинщик заснул. Лишь не сдох бы раньше меня. Успеешь стрельнуть, на деревенском кладбище, кто нам помешает разобраться, каждый со своим. Дай минуту... две, лучше три, как в сказке. А там пуляй. И хрен с нами, с обоими.

Человек в балаклаве опускает винтовку.

Опустил ружьё, что ли? Вот не думал, что спина такой чувствительный инструмент. Если опустил, спасибо. Но три минуты, не больше, ага? Не тяни. О, туманом потянуло... с речки. Ничего, не промахнёшься, ближе подойдёшь, если понадобится. Но только три минуты!

Туман заволакивает Зернова и человека в балаклаве.

Картина 1.

ФРАГМЕНТ 1. Лето. Зернов стоит у церковной ограды. Входит Швецов.

ШВЕЦОВ. Пришёл. Добрый знак.

ЗЕРНОВ. Сергей Павлович, даже не думайте.

ШВЕЦОВ. Герберт Николаевич, пошли.

ЗЕРНОВ. Куда?

ШВЕЦОВ. Да в церковь же!

ЗЕРНОВ. Ах, так вы меня — в церковь? Не хочу, травы-травы. Чего буровишь?

ШВЕЦОВ. Тебя пробуровишь. Не станешь же ты подставлять мэра.

ЗЕРНОВ. Да, у вас, политиканов, логика. И чем же я вас подставляю?

ШВЕЦОВ. Мэр не имеет влияния даже на друга, вот, что решат люди.

ЗЕРНОВ. Да какое, на хрен, влияние, Серый! Что ты мутишь? Хочешь затащить меня в поповские когти и ободрать?

ШВЕЦОВ. А чего ты жмёшь бабло на церковь? В твоём кошельке, Зернов, не все деньги твои. Церковь нужна городу. Красивая. Убедительная. Такая, чтоб!

ЗЕРНОВ. Помнишь, что наперво купил предыдущий поп с тех денег, что я отстегнул на реставрацию монастыря, с твоей подачи?

ШВЕЦОВ. Когда?

ЗЕРНОВ. В девяносто шестом.

ШВЕЦОВ. Вспомнил. Уже другое тысячелетие надоесть успело, а он...

ЗЕРНОВ. Не пыли. Помнишь?

ШВЕЦОВ. Нет. Что?

ЗЕРНОВ. Тогда догадайся с одного раза.

МЭР. Не знаю я.

ЗЕРНОВ. Машину. На следующий же день, зараза, по получении перевода, выперся под твои окна в «Волге». И выперся за очередной подачкой!

ШВЕЦОВ. Это другой священник. Старинная церковь, надо восстанавливать. А ты, Гера, — слабак, боишься, что святой отец тебя на раз упакует проповедью. Спорим, не устоишь перед этим сладкоречивым...

ЗЕРНОВ. Чёртом?

ШВЕЦОВ. Пошли в церковь, гад, не позорь отца города! (Хватает Зернова за руку, толкает впереди себя.) Иди, люди же смотрят...

ЗЕРНОВ. Где ты людей видишь?

ШВЕЦОВ. Я их не вижу, ты их не видишь. Зато они нас видят. А случись что, видали они нас! Понял, ты, финансёр узколобый?

ЗЕРНОВ. Травы-травы. Но денег не дам, хоть ты тут что разобещайся. Понял ты, мэр широкоформатный?

ШВЕЦОВ. Пошли, Гера, хорош бузить.

ЗЕРНОВ. Пошли. Детский сад... знал бы ты, как мне в церкви хреново...

ШВЕЦОВ. Знаю, самого колбасит. Черти мутят.

ЗЕРНОВ. Давай, ты ещё скажи, что бог есть.

ШВЕЦОВ. А хоть бы и нет, церковь-то вон она, и в неё ходит электорат. А у меня выборы!.. выборы, выборы. Рейтинг!

ЗЕРНОВ. И так возьмём приз. А ремонт церкви очков не принесёт.

ШВЕЦОВ. А вдруг.

ЗЕРНОВ. У меня смета, Серый, на основе социологических опросов...

ШВЕЦОВ. Хорош, Гера, я у руля восемь лет, знаю, что делать. Ты же знаешь, у меня с хозяевами напряжёнка.

ЗЕРНОВ. А ты меньше перья распускай, Павлинович.

ШВЕЦОВ. Да не напоминай ты мне моё отчество!

ЗЕРНОВ. Отцов не выбирают, тут уж да.

ШВЕЦОВ. Просил же.

ЗЕРНОВ. Не боись, Серый, у хозяев жизни альтернативы тебе нет, а деньги у меня. Так что, не суетись ты с этими попрошайками в рясах...

ШВЕЦОВ. Не надо так о церкви в церковном дворе, мало ли.

ЗЕРНОВ. Плевать. И команды тебя валить не поступало.

ШВЕЦОВ. А поступит?

ЗЕРНОВ. Я своих не сдаю.

ШВЕЦОВ. Я покупаю, сдачи не надо.

Зернов и Швецов смеются, жмут друг другу руки, входят в церковь.

ФРАГМЕНТ 2. Церковь. Здесь ремонт. Входят Швецов и Зернов.

ЗЕРНОВ. Креститься не буду.

ШВЕЦОВ. А чёрт, точно же: входя в церковь... всё равно никого нет. У меня тоже рука не поднимается.

ЗЕРНОВ. Кажется, идёт шаровик — затейник. (Засовывает руки в карманы.)

ШВЕЦОВ. Блин, вдруг подсматривают. Не отсохнет. (Крестится.)

Входит Священник.

СВЯЩЕННИК. Рад приветствовать дорогих гостей.

ШВЕЦОВ. Добрый день, отец Константин. Вот, не один приехал. Знакомьтесь, Зернов Герберт Николаевич, генеральный директор ООО «Нефтьинвест». Мой старый друг, с детства.

СВЯЩЕННИК. Очень приятно. Однако, как я понимаю, Герберт Николаевич вошёл в храм без особого желания и вряд ли захочет выслушивать наши с вами экономические беседы.

ЗЕРНОВ. Редкое понимание.

СВЯЩЕННИК. Сергей Павлович, прошу вас пройти в подготовленную для нашей беседы комнату. А вам, Герберт Николаевич, настоятельно рекомендую пройти в комнату для исповеди.

ЗЕРНОВ. Чего!?

СВЯЩЕННИК. Нет-нет, не подумайте, что я хочу вас исповедовать. Хотя это моя забота, и вам следовало бы облегчить душу.

ЗЕРНОВ. Душу? Где ж мне её взять, раз Бога нет.

СВЯЩЕННИК. Побудьте наедине с самим собой, под присмотром святых образов. Поверьте, вам очень плохо.

ЗЕРНОВ. Знаешь что... ты, барабан в балахоне... думаешь, не знаю твою биографию?

ШВЕЦОВ. Ты что, Зернов!

СВЯЩЕННИК. Не волнуйтесь, Сергей Павлович, я в порядке.

ЗЕРНОВ. Травы-травы...

СВЯЩЕННИК. Пройдёмте, Сергей Павлович.

ШВЕЦОВ. Да, конечно. Да!

Швецов и Священник идут в глубь церкви.

ЗЕРНОВ (вослед). Жду десять минут, ни секунды больше.

Священник не дал Швецову вернуться. Швецов и Священник уходят.

Ну, и чего мне надо? Псих. Травы-травы. (Ходит по зданию, заглядывает в комнату, входит).

ФРАГМЕНТ 3. Исповедальня. Икона Святой Троицы виднее всех. Настенный хронометр. Входит Зернов. Огляделся, глянул в окно.

ЗЕРНОВ (глядит на хронометр). Без трёх двенадцать. А икон-то... как грязи. (Глядит на икону Святой Троицы.) Ну, и что? Чего надо? На троих соображаем, святые отцы? (Подходит.) Ни хрена. Чего? (Протягивает руку, пальцем стирает слезу.) Забрызгали. Ё-маё, ещё, что ли? (Стирает слезу.) Ох, ты ж, господи боже ты мой... ребята, вы чего, в натуре, плачете!? Нет, нет... нет! (Задыхается, падает на колени.) Я вынырну, нет! (Кричит.) Ааа! (Падает ниц.)

Гаснет свет. Почти тут же свет включается.

(Поднимает голову, встаёт на колени). Ну... ну, ну. Бегом отсюда. (Идёт на выход, глянул на хронометр.) Всё десять минут прошло. Я ещё ждал бы тебя...

ФРАГМЕНТ 4. Холл дома, в котором живут Швецов и Зернов. В красном углу — икона Святой Троицы. Входит Швецов, в домашней одежде. Проходит к двери, ведущей в половину Зернова, стучит, ждёт ответа. С улицы входит Зернов, с пакетом.

ЗЕРНОВ (бросил пакет в кресло). А ты ОМОН свистни.

ШВЕЦОВ. А ты не дома.

ЗЕРНОВ. Спросил бы у охраны.

ШВЕЦОВ. Буду я ещё со всякой шушерой общаться. Олег-то почему не открывает? Ты ему сказал меня не пускать?

ЗЕРНОВ. Что ты гонишь, Серый! Я с утра дома не был. У нас, бухгалтеров, рабочий день длиннее политического, раза в два, а-то и в четыре.

ШВЕЦОВ. Давай, потрещим, пора определяться.

ЗЕРНОВ. Дай хоть руки с улицы помыть.

ШВЕЦОВ. Здесь мой!

ЗЕРНОВ. Здесь не твой, здесь общий.

ШВЕЦОВ. Не понял, что?

ЗЕРНОВ. Холл, говорю, общий. Твой дом там, а мой тут. И я привык к моему мылу. Травы-травы. Подожди полчаса, трудно, что ли.

ШВЕЦОВ. Полчаса руки мыть!?

ЗЕРНОВ. Да нам с тобой их полжизни драить, не отодрать. Олегу-то надо впясть воспитательную порцию. Всё, угомонись. Выпей пока. (Достаёт ключ, отпирает дверь.) Из церкви притаранил?

ШВЕЦОВ. Икону, что ли? Нет, сам купил.

ЗЕРНОВ. Убери из холла.

ШВЕЦОВ. Тебя колбасит от иконы? Надо же, да мы, оказывается, чувствительные... господин Кольбер...

ЗЕРНОВ. Из общего холла, говорю, убери картинку.

ШВЕЦОВ. Да нет проблем, унесу к себе, когда пойду.

ЗЕРНОВ. По бабкам я весь день ещё разок прикидывал. Серый, как хочешь, но ремонт церкви не хилает.

ШВЕЦОВ. Она должна быть отремонтирована! Или хотя бы начат ремонт. Я обещал! Ты понял?

ЗЕРНОВ. Люди хорошие сначала кумекают, потом рот открывают.

ШВЕЦОВ. А я не добрый! Я только хорошие дела делаю...

ЗЕРНОВ. Не заводись.

ШВЕЦОВ. Выборы! Выборы, выборы... вникаешь?

ЗЕРНОВ. Когда уже эта выборная хрень кончится.

ШВЕЦОВ. Скоро! Эти — последние! Кто удержится сегодня, тот останется навсегда! И я решил остаться.

ЗЕРНОВ. Всё, угомонись.

ШВЕЦОВ. Тебе-то хреново, что ли, иметь своего мэра?

ЗЕРНОВ. Владей городом хоть с того света, мне-то. Хотя с точки зрения денег, кстати, всё одно, чья задница занимает мэрский стул.

ШВЕЦОВ. Что-что-что!?

ЗЕРНОВ. Выпей пока, мэрин.

ШВЕЦОВ. Ты хочешь сказать, что не я, а ты — хозяин города?

ЗЕРНОВ. Не ты, не я — деньги.

ШВЕЦОВ. А деньгами всей округи кто заведует?

ЗЕРНОВ. Кто на что учился. Болтаешь только.

ШВЕЦОВ. Я не болтаю, я разговариваю, и покуда мирно.

ЗЕРНОВ. Ты, не понял, что: покуда мирно? Это вроде, как бы, мне: цыть, что ли? Мол, знай своё место? Швецов, ты меня достал изрядно,

не доводи до крайности, пожалуйста. Мы, с тобой, древние друзья, — дорожи, не то продешевишь. Это тебе,дохлый мэрин, нужно продавать свою задницу, чтобы её выбрали грелкой для трона, а я — человек, назначенный на мой табурет, на весь мой век. Я даже подохну на нём, потому что это часть моего тела. Кончусь я, под новое седалище придётся строгать новую мебель. Потому что во всякой, особенно в устойчивой, финансовой системе, как в организме человека, есть одно кардинальное отличие от идентичной, это своё, персональное, живое сердце, которое изнашивается и останавливается в индивидуальный срок. В данном случае, срок — мой. Всё, что можно поделаться с моей финансовой системой, это дожидаться моей смерти или заказать её. А не станет тебя, никто и не заметит, кроме тебя. И меня, конечно. Но только мэр уже будет новый, — не ты. Всё? Вопрос исчерпан? Извини, конечно, Серый, но я думал, что ты и так всё понимаешь, и тебе не нужен ликбез. Вопросы есть?

ШВЕЦОВ. Мне нужен ремонт церкви.

ЗЕРНОВ. Травы-травы. Ну, так отслонявь из своего кармана!.. господин Монте-Кристо...

ШВЕЦОВ. Церковь — общественное дело, почему я...

ЗЕРНОВ. А почему я.

ШВЕЦОВ. Ну, я тебя, Зернов, гад, отделаю, не такой уж ты бронетанковый. И куда ты не денешься, будешь обслуживать меня, потому что команда сверху была: Швецов — мэр.

ЗЕРНОВ. Охолонись, Серёга.

ШВЕЦОВ. Я покажу тебе, кто из нас больше кусается.

ЗЕРНОВ. Травы-травы...

ШВЕЦОВ. Рвать на лоскуты не буду, но прикушу, чтоб знал, кто в доме хозяин! Ты понял меня, кассир?

ЗЕРНОВ. Что ты за человек, как упрёшься... дурь — не дурь, не остановишь. Глянь в пакет, там твоя мечта. Жениться бы тебе. (Уходит.)

ШВЕЦОВ. Сам женись! Вечер обещает быть нежным. (Вынимает из пакета пару боксёрских перчаток.) Есть! (Достаёт из пакета лист бумаги, читает.) И на русском... удостоверяется... перчатки Игоря Высоцкого, в которых он боксировал с Майком Тайсоном!!! Ай, да Гера... фокусник... вот! (Надевает перчатки, боксирует «с тенью».) На! Апперкот! Хук! Нокаут, блин. И не вставай... и мизинцем даже не дёргай, лежать! Чисто, моя взяла!

Входит Зернов, с запиской в руке.

Гера, ты, гад, — бог! Как ты зацепил перчатки?

ЗЕРНОВ. Наконец-то, хоть не ворчишь.

ШВЕЦОВ. Силён ты меня по настроениям мордой елозить. Спасибо. У меня ж теперь почти полный набор того боя. Пойдём ко мне, торжественно вывесим очередной экспонат, всприснем... что ты? (Берёт у Зернова протянутую записку.) Ууу...

ЗЕРНОВ. Читай, читай вслух! Я не разобрал дословно, читай!

ШВЕЦОВ (читает). «Отец, я не хочу больше жить. Ты обращаешься со мной, как с животным. Ты сам животное. Не ищи. Меня больше нет. Олег».

ЗЕРНОВ. Сволоченок.

ШВЕЦОВ. Такие слова пишут не для того, чтобы нашли.

ЗЕРНОВ. Никуда сморчок не денется.

ШВЕЦОВ. По друзьям надо поспросить...

ЗЕРНОВ. А я их знаю? Нет у него друзей, тем более девчонки.

ШВЕЦОВ. Говорил тебе, помягче надо, я с моим Лёшкой вообще не конфликтую, себе дороже...

ЗЕРНОВ. Поучи ещё. И убери икону!

ШВЕЦОВ. Да сказал же, уберу. Что делать будем? Мне звонить или сам?

ЗЕРНОВ. Давай. Ну... заморыш, поймаю...

ШВЕЦОВ (по телефону). Швецов говорит. Начальника милиции мне из-под земли, немедленно.

ФРАГМЕНТ 5. Крыльцо деревянного коммунального дома. Над входной дверью — икона Святой Троицы. Ильин вышел из дому, в шлёпанцах, присел на корточки.

ИЛЬИН. Сдохнуть!.. сдохнуть... сдохнуть. Боже, мне больно. Господи, спаси и похмели. Пришли ангела... гонца с глотком пивка... а?

Входит Зернов, с сумкой через плечо. Зернов присаживается на крыльцо, рядом с Ильиным, достал из сумки банку пива, подал Ильину. Ильин с трудом обнял пальцами банку, но выронил. Банка укатилась. Ильин пожал плечами. Зернов достал другую банку, откупорил, подал Ильину.

ИЛЬИН (отпил). Здорово, Гера. А я как раз Бога просил, чтоб прислал кого с похмелом. Вовремя ты... ничего себе, ангел.

ЗЕРНОВ. Ты поэтому над дверью икону пришпандорил, чтоб о похмеле молиться.

ИЛЬИН. Не я. Но у меня дома такая же есть.

ЗЕРНОВ. Разве верующим разрешается пьянствовать?

ИЛЬИН. А я не верую, я просто верю. Вернее, знаю, что Он есть.

ЗЕРНОВ. Знает он...

ИЛЬИН. Знаю. Попей с моё. Я в кошмарах столько шлялся по тому свету, сколько на этом не нагулял.

ЗЕРНОВ. Вот и мне зависнуть надо.

ШВЕЦОВ. Как будто не знаю, зачем ко мне появился мой старый товарищ. Виси.

ЗЕРНОВ. Спасибо. Живность в доме водится?

ИЛЬИН. От меня смерть шарахается, а он тараканов вспомнил... или ты, может, меня вшами хочешь оскорбить?

ЗЕРНОВ. Я о бабе.

ИЛЬИН. Ну, зачем ты так, о дамах, Гера. Нет у меня хозяйки. Меня теперь даже комары не кусают.

ЗЕРНОВ. А нет комаров. Травы-травы. В таком пекле только мошка держится. Кусачая.

ИЛЬИН. Я и говорю, обхожусь без всякого гнуса. Сам себе гнус.

ЗЕРНОВ. Дёрнешь?

ИЛЬИН. Нет, мне пока пива хватит. Водка по такой жаре опасна, у меня на мои похороны денег нет.

ЗЕРНОВ. Оплачу.

ИЛЬИН. Ударение у нас, на котором слог?

ЗЕРНОВ. Расходы за мой счёт.

ИЛЬИН. Годится. Не забудь оставить канал для экстренной связи. У меня, в хате, прохладно. Деревянная хата — вещь.

ЗЕРНОВ. А я дёрну. (Достал из сумки бутылку водки, стопку, сырок.) У меня сын пропал. (Наливает водку.) Похоже, с концами. Поговорим потом. (Выпивает, закусывает.)

ИЛЬИН. Что значит «потом»? Живой хоть?

ЗЕРНОВ. Его не нашли, — бейсболку только... на болотах. Он от меня официально, засранец, ушёл. Записку оставил, мол, не хочу жить. Все транспортные магистрали обшарили, все чердаки, подвалы... кого только не тряханули. Военскую часть подняли, не говоря уж о милиции. По нулям.

ИЛЬИН. Главное, тело не нашли. То есть жив. От отцов бегать — у вас наследственное...

ЗЕРНОВ. Не буди лихо, пока оно тихо.

ИЛЬИН. Ты сам ко мне пришёл. Сиди и терпи. То есть я продолжу мысль: вот оно, дитя растить без бабы. Давно пропал?

ЗЕРНОВ. Неделя. Травы-травы...

ИЛЬИН. Я твоего, когда же видел? Точно, внука первого сентября в первый класс провожал, как раз с твоим Олежкой. Ему сейчас четырнадцать?

ЗЕРНОВ. Так ведь и мы тогда в последний раз виделись... восемь лет.

ИЛЬИН. А я смотрю, идёт... ну, думаю, зачастил Зернов. Давненько ты не зависал. Или имел наглость запивать без меня?

ЗЕРНОВ. Без тебя, как можно. Так и жил, всухую.

ИЛЬИН. Мать его, Олежкина, не объявлялась?

ЗЕРНОВ. Воняешь. Тебе, Витюха, в баню бы!

ИЛЬИН. Мечта.

ЗЕРНОВ. Вывезу.

ИЛЬИН. За сердце опасуюсь.

ЗЕРНОВ. Есть баня с медиками. Нагрузимся и поедем.

ИЛЬИН. Ну, что, пошли грузиться?

ЗЕРНОВ. Погнали.

ИЛЬИН. С Богом. Банку надо поднять.

ЗЕРНОВ. Пусть валяется. Вдруг кому-то так же, как тебе.

ИЛЬИН. Сильно тебя шарахнуло, вечный жмот и — на тебе.

ЗЕРНОВ. Травы-травы. Споёшь?

ИЛЬИН. И споём...

ЗЕРНОВ. Не я, Вить, ты.

Зернов и Ильин входят в дом. Чуть погодя, Ильин выходит, подбирает банку, входит в дом.

ФРАГМЕНТ 6. Комната в квартире Ильина. В красном углу — икона Святой Троицы. Ильин пытается прибраться. На диване, под покрывалом, лежит Зернов.

ЗЕРНОВ (выбирается из-под одеяла). Ты чего?

ИЛЬИН. Третий день бьюсь над этой генеральной уборкой.

ЗЕРНОВ. Пятый.

ИЛЬИН. Почему?

ЗЕРНОВ. Потому что я здесь пятый день.

ИЛЬИН. Что ж я, с первого дня, что ли?

ЗЕРНОВ. Брось, всё равно насвинячим.

ИЛЬИН. А ты опять остаёшься?

ЗЕРНОВ. Мне здесь хорошо.

ИЛЬИН. Глянь в зеркало, и увидишь, как.

ЗЕРНОВ. Хоть как, главное, как в детстве.

ИЛЬИН. Что-то снилось?

ЗЕРНОВ. Ага. Не помню.

ИЛЬИН. То есть врёшь.

ЗЕРНОВ. Ага. У меня теперь только одна картинка в мозгу.

ИЛЬИН. То есть, когда отец тебя плавать учил?

ЗЕРНОВ. А ты, гад, откуда знаешь!?

ИЛЬИН. Мудрый потому что, попей с моё... нашарахаешься по людям в поисках похмела, наобщаешься... то есть мудрости наберёшься... выше Канта.

ЗЕРНОВ. Наливай.

ИЛЬИН. Меня больше не кантовать, всё, не пью.

ЗЕРНОВ (идёт к столу). Молодец. Травы-травы. Наливать?

ИЛЬИН. Не тронь, я сам мою дозу знаю.

ЗЕРНОВ. Плещи.

Ильин наливает водку, наводит порядок на столе.

Все дела по боку — хорошо. Только хреново, что спросонья знаю, какой сегодня день! Никогда не подумал бы, что пацан так плотно во мне сидит, как будто я рожал, а не та шмара... шконка привокзальная... падаль...

ИЛЬИН. Заткнись! Просил же, без матов чтоб. Иди, водка киснет.

ЗЕРНОВ (подходит к столу). А я не матюгался.

ИЛЬИН. Нельзя плохо говорить о женщинах. Тем более о маме своего ребёнка! Вообще, о матерях — только красиво, с любовью.

ЗЕРНОВ. Травы-травы. Не рублю, сам к земле гнётся от рогов, а ворчит.

ИЛЬИН. Ничего подобного, моя честно гуляла и в открытую ушла. Она ж не меня не любила, а моё пристрастие к алкоголю. Тепла мужского не хватало. Может, горяченького приготовить?

ЗЕРНОВ. Может. Давай, вздрогнем.

Ильин и Зернов выпивают. Пауза.

Как люди пьют эту гадость!

ИЛЬИН. Да, не мёд. Но твоё пойло, всё-таки, — качество.

ЗЕРНОВ. Вить, убери икону, пока я здесь, а?

ИЛЬИН. Спятил!

ЗЕРНОВ. Травы-травы... пожалуйста.

ИЛЬИН. То есть, и не думай!

ЗЕРНОВ. Натыкаюсь на неё взглядом постоянно, что-то жуткое.

ИЛЬИН. Что?

ЗЕРНОВ. Лица их напоминают... ну, как бы... вон то — Олег, то — чуть ли не я сам...

ИЛЬИН. А то?

ЗЕРНОВ. То? То.

ИЛЬИН. Отца твоего?

ЗЕРНОВ. Не знаю такого человека.

ИЛЬИН. Пить меньше надо. Икону убирай, не убирай, а душу, куда засунешь? Нет, пусть висит: мне не так страшно, а тебе полезно.

ЗЕРНОВ. Сволочь ты.

ИЛЬИН. Ага, нашёл крайнего. Ты насчёт отца справки наводил?

ЗЕРНОВ. Повторяю: не знаю такого человека.

ИЛЬИН. Гений финансов местного разлива... трус.

ЗЕРНОВ. Хорош обзывать! Да он сдох давно, надеюсь. Не напоминай без нужды, взбешусь ведь. Ты спеть обещал.

ИЛЬИН. Метать бисер перед свиньями, ещё чего.

Стук в дверь.

А вот и люди, слава богу. (Уходит в прихожую.) Первое событие за три дня.

ЗЕРНОВ. За пять. Я выпью. (Наливает полный стакан водки, выпил.) О.

Входят Ильин и Следователь.

ИЛЬИН. Не поверишь, к тебе.

ЗЕРНОВ. Травы-травы. А я здесь не живу, потому меня здесь нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Следователь городской прокуратуры Кошкин. (Показывает удостоверение.)

ЗЕРНОВ. Витёк, а стаканами лучше.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Гражданин Зернов Герберт Николаевич?

ЗЕРНОВ. Пока не рухнули, прошвырнёмся за новой партией? Тут мало.

ИЛЬИН. Кончай, то есть к тебе человек пришёл.

ЗЕРНОВ. Люди без приглашения не ходят. Чего тебе, гражданин?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы — мне?

ЗЕРНОВ. Витюха, он глухой, мне не о чем с ним поговорить.

ИЛЬИН. Простите его, товарищ Кошкин, перебрал человек...

ЗЕРНОВ. А я к тебе тоже без приглашения заявился, так что, человеческого во мне не больше, чем в нём. Короче?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Только хамить не надо.

ЗЕРНОВ. Ну, и?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вчера на болоте нашли останки подростка...

ЗЕРНОВ. Стоп. Хватит. Не к столу же. Как вы меня разыскали?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вашему соседу позвонил прокурор города...

ЗЕРНОВ. Точно он?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, мэр, Швецов Сергей Павлович...

ИЛЬИН. Смотри-ка, в курсе, оказывается. А сам не пришёл, как бывало. Брезгует? Или рейтинг блюдёт? Слышал, кончается выборный балаган в стране? Давно пора. У нас не простая страна, у нас империя... если хотим сохраниться.

ЗЕРНОВ. На болоте!

ИЛЬИН. И что? Хоть и болото, а Родина, однако. Извини, ты не о том...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вот я и пришёл за вами, чтобы сходить, опознать...

ЗЕРНОВ. Выпьете?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Рановато.

ЗЕРНОВ. Травы-травы. Я не пойду.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В смысле?

ИЛЬИН. То есть?

ЗЕРНОВ. Не пойду в морг. Ненавижу морги. Не переносу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но кто-то же из близких должен...

ЗЕРНОВ. Я не близкий! Я далёкий! Иначе он не сбежал бы! И не сдох бы, как подонки. Чего ему на болоте-то было? Травы-травы. Объясни, сыскарь!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Насколько могу судить, парень точно знал человека, от которого бежал. Понимал, что его накроют по всем официальным направлениям. А через болото кратчайший путь в Пермскую область. Там искать, пока-то спохватились бы. Сообразительный парнишка. Но через болото тащиться подготовленным надо, и, как минимум, сутки. Так труп и нашли-то в километре от начала лежнёвки.

ЗЕРНОВ. Не смогу. Слабак я, да! Слабак. Не пойду.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну, может, по фотографиям...

ЗЕРНОВ. Давай.

ИЛЬИН. Да вы проходите, присаживайтесь...

СЛЕДОВАТЕЛЬ (подаёт фотографии Зернову). Вот. Я сам отец...

ЗЕРНОВ. Да срать мне, кто ты. (Взял фотографии, глядит.) Травы-травы. Так ведь нет лица! Ничего живого!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Звери, птицы похоже, объели, выклевали.

ИЛЬИН. Дай, гляну. (Забирает фотографии.)

ЗЕРНОВ. Слышь, Витюха, зверь вернулся в наши края, птицы налетели. Промышленность легла, природа тут же восстановилась. Может, ну, её — цивилизацию? Пусть всё восстанавливается, как было, возрождается.

ИЛЬИН. Ужас. Как тут опознать можно...

ЗЕРНОВ. Так, какого хрена, он меня в морг зовёт!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. По одежде хотя бы...

ЗЕРНОВ. Одежда — да, смахивает, сам покупал.

ИЛЬИН. В крутом магазине, то есть особенная?

ЗЕРНОВ. Я его в чёрном теле держал, значит, одевался, как все.

ИЛЬИН. То есть, может, и не он.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Есть, возможно, какие-то метки, личные вещи...

ЗЕРНОВ. На фотографии же не разберёшь.

ИЛЬИН. Так тебя потому и приглашают в морг.

ЗЕРНОВ. Я сам каждую вещь покупал. Сам Олежку с пелёнок обстирывал, купал... да я его, как облупленного! А он меня ненавидит. И ушёл. Отца родного, подлец, мордой в дерьмо! За что? За то, что я из него настоящего мужика лепил? Он же и спортсмен, и музыкант, и в школе отличник... он, как все, но лучше всех. И сделал его я! Как не понимать такой простоты? И что мне теперь? Ни сына, ни отца... и вообще живой души рядом... болтаюсь, как дерьмо в проруби. Да смирился я со смертью сына, смирился. Глупая смерть, не для такой смерти я его жизни учил. Но уж есть, как есть. Только мне-то!? Я богат, как хрен знает, что, у меня влияния в Москве больше, чем у губернатора... я могу общественно-политический строй поменять в этом городе, да хоть во всём крае, и что!? Что!? Если есть Бог, у Него ко мне, конечно, большой счёт, понимаю. И парнишку моего он потому и забрал, чтобы мне насолить. Он — что, не понимает, ведь я не сломаюсь, не согнусь даже. Это я буду гнуть и ломать. Он — что, дурак? Я — мужик и меня голыми руками не сцапать. Пусть у меня теперь нет смысла жить, но я же всё равно буду. Несмотря ни на что. Только нежности от меня теперь уже точно не дождёшься. Даже если я сам её жду. Я тебя, Ильин, просил убрать икону, пока я здесь?

ИЛЬИН. Просил.

ЗЕРНОВ. Так убери!

ИЛЬИН. Нет.

ЗЕРНОВ. Почему?

ИЛЬИН. Не хочу.

ЗЕРНОВ. Ты пьёшь, жрёшь за мой счёт...

ИЛЬИН. Три дня считаешь за всю мою жизнь?

ЗЕРНОВ. Не три, — пять! Я тебя похмелил! Ты сегодня жив, благодаря мне, и не хочешь сделать такую малость?

ИЛЬИН. Во-первых, икона — не малость. Во-вторых, лучше я сдох бы, чем так жить. В-третьих, я тебя в гости не звал и ничего у тебя не просил. Это ты сегодня жив, благодаря мне.

ЗЕРНОВ. Лучше я сдох бы!

ИЛЬИН. Ну, что ты за мной повторяешь? Я эту мысль पहले высказал.

ЗЕРНОВ. Разве? Ну, ты дурной, Витюха...

ИЛЬИН. Одно радует, пью с ещё большим идиотом, чем сам...

Ильин и Зернов смеются.

ИЛЬИН. Так если ничего в останках не разобрать, а можно — по вещам, так зачем идти в морг?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну, в общем, да...

ЗЕРНОВ. А я пойду. Из принципа.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Можно экспертизу ДНК заказать, но долго и дорого.

ЗЕРНОВ. Издеваешься?

ИЛЬИН. Всё будет быстро и оплачено сполна.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Наука имеет свои сроки.

ЗЕРНОВ. А деньги — свои.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Значит, делать экспертизу?

ЗЕРНОВ. Зачем?

ИЛЬИН. Да сделай, чтоб совесть была чиста.

ЗЕРНОВ. Посмотрим... в морге решу.

ИЛЬИН. С тобой пойду. Хочешь?

ЗЕРНОВ. Куда?

ИЛЬИН. В морг.

ЗЕРНОВ. Хочу. Только сначала накатим, потом ты споёшь, как обещал.

ИЛЬИН. Да какие песни, Гера! Потом...

ЗЕРНОВ. Потом я сюда не вернусь. Потом, Виктор Андреевич, не будет. Травы-травы. Гражданин Кошкин, присоединяйтесь. Нечего ломаться, ты не чистюля, видно же.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пью, но «тыкать» мне не надо! Могу и вмазать!

ЗЕРНОВ. Так я и предлагаю вмазать. Чего на меня все наезжать стали?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Привыкли командовать...

ЗЕРНОВ. Не-а, наоборот, привык помалкивать, а тут прорвало, вот и не получается. Извини, дружище? В смысле, прошу прощения, ага?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да нет проблем. (Пожимает протянутую руку Зернова.)

ЗЕРНОВ. Вить, плечи, и тащи гармошку. Ладно, господин Кошкин, не горячитесь. Сегодня мне хуже, чем вам, так что, не обижайся, прокурор.

Ильин наливает водку.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я не прокурор...

ЗЕРНОВ. Неисповедимы пути. Хочешь — сделаем.

ИЛЬИН. К употреблению готово.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пока не стал, не могу себе позволить, сегодняшний прокурор так отделаёт, на гражданку не пришлось бы уйти.

ЗЕРНОВ. Травы-травы. Плюньте. Уладим. Верите?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы-то можете.

ЗЕРНОВ. Вот именно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не стоит из-за ста граммов авторитет применять...

ЗЕРНОВ. Нам в морг идти, а он: «стоит, не стоит». Ну, за жизнь.

Все выпивают.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ого!.. водочка... да!

ЗЕРНОВ. Вот потому и не болит голова у дятла, что долбит он природу, а не химию. Рояль-то, где?

ИЛЬИН (снимает со шкафа футляр, вынимает аккордеон). Здесь, здесь. То есть, что споём?

ЗЕРНОВ. Не споём, а споёшь. Знаете ли вы, прокурор Кошкин, что перед вами сам Виктор Ильин — автор песен!?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто ж его не знает. Признаться, с удовольствием отправился сюда. Мы ваши песни всю жизнь поём, когда собираемся с друзьями... семьями, и просто так — мурлычешь себе под нос.

ЗЕРНОВ. Всю жизнь. А, Вить?

ИЛЬИН. Всю жизнь. (Наигрывает на аккордеоне.)

ЗЕРНОВ. Хорошо как... клавесин берём с собой.

ИЛЬИН. Куда?

ЗЕРНОВ. В морг.

ИЛЬИН. Охрендел!?

ЗЕРНОВ. Сказал, берём.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ничего себе, будет процессия с опознанием.

ЗЕРНОВ. Будет, Кошкин, будет. А сколько песен сочинил он при мне! Правда, Вить?

ИЛЬИН. Правда.

ЗЕРНОВ. Я, может, потому озверел, что последние восемь лет сюда не приходил. И пацанёнка потерял...

ИЛЬИН. Мы с Герой, с Гербертом Николаевичем то есть, вместе в духовой оркестр ходили, во Дворце пионеров. Зернов на валторне играл! Вы можете себе представить? То есть на валторне! Это же... в общем, кроме него никто не сумел даже дудеть прилично, я не смог. А он смог! Да как! Зернов — божественный валторнист.

ЗЕРНОВ. Травы-травы.

ИЛЬИН. Истины ради надо признать, то есть он такой, наученный, уже приехал, не здесь Зернов учился. Он не местный. Ленинградец.

ЗЕРНОВ. Заткнись. Спой, Вить.

ИЛЬИН. А помнишь «Ревэ та стогне Днипр широкий»? Был у нас руководитель, набрался он как-то по самую жёрдочку перед концертом. Короче, мы этот «Ревэ та стогне» 26 раз подряд сыграли. Слушатели плакали от восторга. Мы сами чуть не передохли от стыда. Зато получили важнейший урок: искусства должно быть в меру.

ЗЕРНОВ. Спой.

ИЛЬИН. То есть из меня вырос обыденный гармошечник.

ЗЕРНОВ. Ты, Ильин, гений мелодии. Прикинь, Кошкин, перед нами сидит и нажимает на музыку совершенно необразованная скотина, родом из посёлка Лесозаводского. Но песни-то у него на чьи стихи!.. ни одного прокола: Пушкин, Фет, Шпаликов, Поженян... да и бабы все — там и Цветаева, и Анна Андреевна... а у Есенина твоего, как там: типа, «я собираю пробки — душу свою затыкать». А!?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я думал, что Ильин вообще... ну, того... уже давно...

ЗЕРНОВ. Травы-травы. Да жив он, жив.

ИЛЬИН. Пока пью, значит, мне больно, то есть живу. А!?

ЗЕРНОВ. У Есенина там дальше про пацана, мол, тот стоит чего-то, ковыряет в носу, а он — ему, типа, — «Ковыряй, ковыряй, мой милый, суй туда палец весь, но только вот с этой силой в душу мою не лезь».

Ильин поёт.

ФРАГМЕНТ 7. Контора. В кабинете Зернов занимается бумагами. Сигналит селектор.

ЗЕРНОВ (нажал клавишу). Да?

ГОЛОС. Охрана.

ЗЕРНОВ. Вижу лампочку, не дурак. Иванов, ты?

ГОЛОС. Я, Герберт Николаевич.

ЗЕРНОВ. Давай, короче.

ГОЛОС. К вам посетители, Герберт Николаевич. Двое.

ЗЕРНОВ. Ну!?

ГОЛОС. Ваша жена...

ЗЕРНОВ. У меня нет жены! Травы-травы...

ГОЛОС. Ну, в смысле вдова... то есть мать вашего покойного сына.

ЗЕРНОВ. Приехала на похороны, как я понимаю, спустя неделю. Узнала ведь как-то. Гнать её.

ГОЛОС. Она буйнит.

ЗЕРНОВ. Вызвать наряд милиции. Она ж наверняка под шафэ?

ГОЛОС. Похоже...

ЗЕРНОВ. Похоже или да?

ГОЛОС. Да.

ЗЕРНОВ. В вырезатель её. Пятнадцать суток и — вон из города. Сам проследишь, понял?

ГОЛОС. Да.

ЗЕРНОВ. И денег не давать ни гроша! Потом начальник вырезателя пусть со мной свяжется. Вопросы?

ГОЛОС. Ясно. И второй... тут. Говорит, что по поводу валторны.

ЗЕРНОВ (после паузы). Что?

ГОЛОС. Валторну принёс, пожилой старик.

ЗЕРНОВ. Он потому и пожилой, что старик. (Пауза.)

ГОЛОС. Вот.

ЗЕРНОВ. Потому и старик, что пожилой. (Пауза.)

ГОЛОС. Да.

ЗЕРНОВ. Пусть войдёт. Иванов, насчёт суки потом доложишь.

ГОЛОС. Какой? А, понял.

ЗЕРНОВ. Иванов — ты, Иванов, и больше никто. (Выключает связь.)
Валторну принёс. Что за крендель?

Стук в дверь.

Войдите.

Входит Попов, с футляром в руке.

ПОПОВ. Доброе утро, Герберт Николаевич, здравствуйте.

ЗЕРНОВ. Присаживайтесь.

ПОПОВ. Зачем. (Кладёт футляр на стул.) Здесь валторна, старинной работы, немецкая. Мундштуки «баховские». Смазана, начищена, как положено. И главное, примите соболезнование. Смерть сына — это... это. Всё. Прощайте. (Идёт на выход, взялся за ручку двери.)

ЗЕРНОВ. И всё?

ПОПОВ. А что ещё...

ЗЕРНОВ. Подарок, что ли?

ПОПОВ. Хотел бы продать, давно уже толкнул бы. И похуже времена бывали, так что.

ЗЕРНОВ. Алексей Пантелеймонович?

ПОПОВ. Надо же, запомнили.

ЗЕРНОВ. Не запомнил, а вспомнил. Травы-травы.

ПОПОВ. Я думал, охранник доложил, как звать.

ЗЕРНОВ. И не вспомнил, а не забывал. Алексей Пантелеймонович Попов — руководитель детского духового оркестра Дворца пионеров и школьников.

ПОПОВ. И не только детского.

ЗЕРНОВ. Травы-травы. И не только детского. Только я ходил всего год и во взрослый состав не просился.

ПОПОВ. А зря. Талант. Не в таланте только дело. Для валторны не всякие губы подходят. А дышалка! Значит, узнал.

ЗЕРНОВ. Присаживайтесь.

ПОПОВ. Спасибо, пойду. Вы занятой человек...

ЗЕРНОВ. Всего год, и то не регулярно. А запомнили...

ПОПОВ. Всех благ.

ЗЕРНОВ. Постойте! Расскажите о себе-то хоть...

ПОПОВ. Доживаю.

ЗЕРНОВ. Один или как?

ПОПОВ. Вроде один, а вроде и нет. Не знаю.

ЗЕРНОВ. Позвольте помочь вам материально, Алексей...

ПОПОВ. Не смей, парень. Я не побираться пришёл. Я тебе инструмент принёс, как бы наследство... саму музыку! Засунь свою материальность в зад, Зернов, и не показывайся мне больше на глаза, пока я не сдох, понял!? Засранец. Там, в футляре, вечность! А он мне — бумагу для подтирки... с водяными знаками. Бред. Там женщина дожидается, а он со мной лясы точить собрался. Раньше надо было! Ты — валторнист, а не бухгалтер, понял? Там, в футляре, то, что старше меня в два раза, и будет быть ещё ого-го, сколько. Не поверите, Герберт Николаевич, помирать буду, вспомню тот звук, что вы выдали однажды, помните, когда мы ко Дню пионерии репетировали, в музыкальном театре? Чистый, долгий... волшебный, ох, какие обертона! Да пошёл ты. Хотя, знаешь, прикажи своим, чтоб посошок мне там, в предбаннике, организовали, а?

ЗЕРНОВ. Конечно.

ПОПОВ. Ну, живи.

ЗЕРНОВ. Вопрос! С чего вдруг?

ПОПОВ. А, да в газете прочитал статью о вас. Дай, думаю, сползаю...

ЗЕРНОВ. Статья обо мне!?

ПОПОВ. Не читали? У меня есть. Оставляю, мне уже не надо. (Вынимает из кармана газету, кладёт на стул.)

ЗЕРНОВ. Кто ж посмел-то...

ПОПОВ. Разберись, тут надо. И биография ваша так, как кто рядом стоял и записывал. Складно написано, литературно. Но как-то грязненько. Не люблю я эти времена. Ну, прощай.

ЗЕРНОВ. До свидания.

ПОПОВ. Да? Смотри сам. Буду рад встретиться. Гера, не забудь посошок, трубы горят. (Уходит.)

ЗЕРНОВ (по селектору). Охрана?

ГОЛОС. Да.

ЗЕРНОВ. Организуйте стол для Алексея Пантелеймоновича, ну, там, с собой упакуйте. Сообразите.

ГОЛОС. Хорошо.

ЗЕРНОВ. И адрес возьмите.

ГОЛОС. Хорошо.

ЗЕРНОВ. Да, пусть баба войдёт.

ГОЛОС. Так повязали её уже и увезли, как приказали...

ЗЕРНОВ. Ладно. Пусть начальник вытрезвителя со мной свяжется.

ГОЛОС. Уже сказано.

ЗЕРНОВ. Со стариком, чтоб нежно там у меня!

ГОЛОС ПОПОВА. Сам ты старик! И нежностей я не люблю.

ЗЕРНОВ. Всего доброго, Алексей Пантелеймонович, до свидания.

ГОЛОС ПОПОВА. Привет.

ЗЕРНОВ (выключил связь). Травы-травы. (Открывает футляр, достаёт валторну — поглядывает в сторону стула, где лежит газета.) О, чёрт, не может быть! (Вынимает из футляра картонку.) Ясное дело: икона Святой Троицы. Прямо, как взбесились все, чтоб меня достать. (Бросает картону в футляр.) Ну-ка, ну-ка? (Вставляет мундштук, подносит валторну к губам, отставляет от себя, кладёт в футляр.) Не-а. Не выйдет. (Закрывает футляр, подходит к стулу у дверей, берёт газету.) С фотографией, блин. (Читает.) «Местный миллионер довёл до самоубийства собственного сына». Чтооооо!? (Задыхается.) Ааа...

Гаснет свет. Почти тут же свет включается.

ФРАГМЕНТ 8. Исповедальня. Икона Святой Троицы виднее всех. Настенный хронометр. Зернов.

ЗЕРНОВ (глядит на хронометр). Без двух двенадцать. (Глядит на икону Святой Троицы.) Ну, и что? Чего надо? (Подходит.) Чего? (Протягивает руку, пальцем стирает слезу.) Забрызгали. Ё-маё, ещё, что ли? (Стирает слезу.) Ох, ты ж, господи боже ты мой... ребята, вы чего, в натуре, плачете!? Нет, нет... нет! (Задыхается, падает на колени.) Я вынырну, нет! (Кричит.) Ааа! (Падает ниц.)

Гаснет свет. Почти тут же свет включается.

ФРАГМЕНТ 9. Осень. Деревенское кладбище. У могилы сидит Зернов. В зарослях, в него целится из снайперской винтовки человек в балаклаве.

ЗЕРНОВ (не оборачивается). Постой стрелять! Слышишь? Успеешь стрельнуть, на деревенском кладбище, кто нам помешает разобраться, каждый со своим. Прошла минута, осталось — две. А там пуляй. И хрен с нами, с обоими.

Человек в балаклаве опустил винтовку.

Опустил ружьё, что ли? Если опустил, спасибо. Но две минуты, не больше, ага? Не тяни. О, туманом потянуло... с реки. Ничего, не промахнёшься, ближе подойдёшь, если понадобится. Но только две минуты!

Туман заволакивает Зернова и человека в балаклаве.

Часть 2

Картина 2

ФРАГМЕНТ 10. Лето. Холл в доме Швецова и Зернова. Входит Швецов, в спортивной одежде, с двумя парами боксёрских перчаток через плечо. Швецов сбросил перчатки на журнальный столик, взял почту, бегло просмотрел. Одну из газет выбрал, и, читая, идёт к бару, готовит коктейль. С улицы входит Зернов. Зернов замер, вперил взгляд в Швецова.

ШВЕЦОВ. Коктейль будешь? Или теперь ты исключительно чистый продукт предпочитаешь? Извини, самогон не держим. Лихой у тебя запой получился. А дела стоят. Нет, конечно, твой бухгалтер на месте и по смете всё проплачивает, как в аптеке. Но. Мы же не в аптеке трудимся, Зернов, согласись. И покуда не на зоне, где шаг в сторону — расстрел. Сколько всего выскакивает, выплывает, вырывает в процессе выборной кампании, тебе ли не знать. А без тебя, хоть тресни. Через неделю, между прочим, последний срок регистрации кандидатов. Вдруг кто непредвиденный? Тут надо быть в теме, в тонусе.... э, ты чего? Ты чего на меня уставился? О, да ты чёрный весь. Врача? Баню? А то в спортзал спустимся? Я с удовольствием тебя, хиляка, попрессую, бокс — отличный массаж для мужчины. Или ты всё ещё газуешь?

ЗЕРНОВ. Статья в газете — твоя работа.

ШВЕЦОВ. Мало ли статей, мало ли газет в моих руках. А, ты про ту, где насчёт миллионера, который довёл сына? Я-то при чём, привет борзописцам.

ЗЕРНОВ (вынимает из кармана газету, читает). «Пьяный отец, с бутылочниками, вывез, трепещущего от ужаса, сына и бросил в воду. Правда, прежде, ему с трудом удалось вырвать из мальчишечьих рук футляр с заветной валторной. А сын стал тонуть, по-настоящему. Отец это понял раньше всех и бросился в воду. Отец не сразу заметил, что

мальчик ударился головой о борт катера. Вот, как бывает: отец спас сына от смерти, которую сам же ему и организовал. Не правда ли, наводит на размышления? Потом сын бежал от отца, проклиная, и оказался в нашем городе, где жил, с семьёй, брат его покойной матери. Дядя и направил его на финансовую стезю. И наш герой, Зернов Герберт Николаевич, с тех пор ходит с огромным шрамом на лице, ненавидит море и не играет на валторне. Он — подпольный миллионер. Человек, который как хочет, распоряжается нашими, с вами, дорогие читатели, деньгами».

ШВЕЦОВ. Коряво написано, правда? Повывелись стилисты.

ЗЕРНОВ. Кроме тебя и Витьки Ильина, это рассказать некому.

ШВЕЦОВ. Заело. Хорошо. А-то ты совсем распоясался. Меня унижать! Теперь ты понял, что стоишь не дороже меня? Я, говорит, навеки, а ты, говорит, временный. Мол, захочу — вышвырну на помойку.

ЗЕРНОВ (надевает боксёрские перчатки). Захочу — вышвырну.

ШВЕЦОВ. Не тронь! Это раритет!

ЗЕРНОВ. Это я купил. Это моё. И дом этот мой. И трусы твои на мои деньги куплены. Ты, мразь, мне войну объявил, что ли? (Подходит к Швецову.)

ШВЕЦОВ. Кто мразь!

ЗЕРНОВ. Надевай перчатки, слизняк, не-то...

ШВЕЦОВ. Угомонись, дохляк. В тебе центнер сала и ни грамма мышц, на кого ты прёшь, пёс шелудивый...

ЗЕРНОВ. Я тебе всё прощаю, друг, и первую сигарету, и первую водку, и первую шмару... потому что это была наша жизнь. Но то, что было до тебя — это моя жизнь. И никому не позволю лапать её. Бери перчатки.

ШВЕЦОВ. Да отвали ты...

ЗЕРНОВ. Не возмёмшь?

ШВЕЦОВ. И не подумую.

Зернов ударил Швецова, тот отшатнулся.

Баба ты.

Зернов нанёс серию ударов, Швецов с трудом защищался. Зернов выдохся, опустил руки. Швецов ударил Зернова в челюсть, тот упал навзничь.

Вот так надо бить.

Швецов облил Зернова водой, тот очнулся. Швецов стащил перчатки с безвольных рук Зернова.

Хватит ребячиться. Заходи потом ко мне, извинимся друг перед другом, разопьем мировую и займемся делами. Будем жить, как жили, Гера. У нас классная связка. (Забрал вторую пару перчаток, уходит.)

ЗЕРНОВ (поднялся, подошел к бару, выпил коктейль Швецова). Вкусно. (По мобильному телефону.) Андрей, это я. Останови все платежи по Швецову. Что можешь вытащить обратно, тащи. Нет, у меня будет свой кандидат. Политтехнологи из Москвы на месте? Главного — ко мне, я буду через час. Никому ни слова. И дай там команду, чтобы приготовили мне загородный дом... для жизни, Андрей, для жизни. Всё. (Убирает телефон.) Нет, Серый, больше тебе никогда уже не будет вкусно.

ФРАГМЕНТ 11. Дом Ильина. На крыльце Ильин. Входит Зернов.

ЗЕРНОВ. Жив?

ИЛЬИН. А что это ты сегодня без сумки?

ЗЕРНОВ. Не подумал. Деньгами возьмешь?

ИЛЬИН. Здесь мой дом, а не бордель! То есть тебя я принимаю, как друга, а не как клиента!

ЗЕРНОВ. Ну-ну. С юмором у тебя всё хуже.

ИЛЬИН. На всякий трезвый юмор, знаешь, сколько терпения надо... так хоть ты не испытывай. Проходи, он ждёт тебя.

ЗЕРНОВ. А ты не хочешь присутствовать?

ИЛЬИН. Не хочу. То есть дай на пиво?

ЗЕРНОВ (вынимает из кармана деньги). На. Только без обид, здесь больше, чем на банку.

ИЛЬИН (взял деньги). Ничего, смирение — мой конёк. Схожу в лабаз. Гера, может, не надо, а?

ЗЕРНОВ. Ты насчёт Валерки? Сам решит.

ИЛЬИН. Что ты мне паришь, Зернов, а-то я тебя не знаю, укатаешь ведь пацана, ахнуть забудет.

ЗЕРНОВ. Пацану тридцать два года. Обещаю, укатывать не стану. Слышь, а над соседним подъездом тоже икона висит?

ИЛЬИН. Нет, конечно.

ЗЕРНОВ. Почему «конечно»?

ИЛЬИН. Потому что ты туда не ходишь.

ЗЕРНОВ. Не понял?

ИЛЬИН. То есть, если бы ты понимал высокое, Гера, то шёл бы сейчас со мной за водкой.

ЗЕРНОВ. Интересно, на какие деньги.

ИЛЬИН. Логично.

ЗЕРНОВ. А и были бы деньги, всё равно не шёл бы. Я уже давно спился бы и отдыхал бы на кладбище.

ИЛЬИН. Скорее всего. То есть ты во всяком грехе — редкостный псих. (Уходит.)

ЗЕРНОВ. Эх, забраться бы в психушку на всю оставшуюся жизнь. И психовать... и психовать. (Входит в дом.)

ФРАГМЕНТ 12. Квартира Ильина. У окна Валерий. Входит Зернов.

ВАЛЕРИЙ. Здравствуйте, Герберт Николаевич.

ЗЕРНОВ. Привет. Да, Герберт Николаевич — это совсем не дядя Гера. Ты чего такой напряжённый, брось, не съем. Или колыбельную спеть, помнишь?

ВАЛЕРИЙ. Помню. А ещё помню, что пели вы мне её по чужим людям. И оба пьяные в хлам. Помню даже, как однажды мне её всем застольем пели, глоток десять.

ЗЕРНОВ. Да уж, жизнь ты знаешь. Не спрашиваю, как ты, что ты, потому что уже знаю. А душу свою ты мне всё равно не откроешь. Да и бог с ней, с твоей душой, тут со своей управиться бы. Итак. Ты выдвинулся в кандидаты на пост мэра, как независимый кандидат. Но официальной регистрации тебе не получить, потому, как ни подписей не собрал, ни денег на залог.

ВАЛЕРИЙ. Я не собирал подписи и тем более не думал платить. Моя задача была выйти на трибуну...

ЗЕРНОВ. Знаю. Ты хороший, уважаемый, школьный учитель, Валерка, то есть человек на своём месте. На кой чёрт тебе общественные заморочки?

ВАЛЕРИЙ. Боюсь, я слишком внимательно слушал ваши колыбельные. Там всё — о добре, о счастье, о дружбе, а главное — о любви. Что-нибудь из перечисленного свойственно нынешней власти? Или дядя Серёжа не горланил вместе с вами?

ЗЕРНОВ. Ты о Швецове? Да уж. У вашего мэра был замечательный лирический тенор, несмотря на кувалды вместо рук.

ВАЛЕРИЙ. У вашего?

ЗЕРНОВ. У вашего, у вашего. Для меня он не мэр, а так — сосед по жизни. И, прежде всего, потому, Валерка, никому не говорил, ваш город так и не стал мне родным. Я так и остался ленинградцем.

ВАЛЕРИЙ. Что ж не возвращаетесь?

ЗЕРНОВ. А вот этого я и тебе говорить не намерен. Была такая песня: «Не возвращайтесь к былым возлюбленным, былых возлюбленных на свете нет». То есть на самом деле мэром ты быть не хочешь?

ВАЛЕРИЙ. Нет, конечно!

ЗЕРНОВ. А вот один мой знакомый москвич, классный социолог, который, естественно, занимается на сегодня выборными технологиями, выдал расклад: из всех выдвинувшихся, только ты можешь выиграть выборы у ныне действующего мэра.

ВАЛЕРИЙ. Как это!?

ЗЕРНОВ. А хрен его знает, сынок, я в чужих ремёслах не дока, своего хватает. Кстати, о деньгах. Выиграть ты можешь, конечно, при солидных вливаниях. Я плачу.

ВАЛЕРИЙ. То есть?

ЗЕРНОВ. Сегодня вносим залог, завтра начинаем твою предвыборную кампанию. Если, конечно, ты согласен.

ВАЛЕРИЙ. Дядя Гера! Я не понял, вы поругались с дядей Серёжей?

ЗЕРНОВ. Да. Но в первый раз, что ли? Сам знаешь, мы с ним только и делали, что собачились. Но на сегодняшний день пришла пора нового города. Если ты, конечно, понимаешь, о чём я?

ВАЛЕРИЙ. Конечно!

ЗЕРНОВ. То есть ты согласен.

ВАЛЕРИЙ. Стать мэром!? Нет, нет, нет!

Входит Ильин, с пакетом.

ИЛЬИН (вынимает из пакета банки пива). Молодец, сынок. Не ходи в политику, козлёночком станешь.

ЗЕРНОВ. Тогда уж козлом.

ВАЛЕРИЙ. Вот именно.

ИЛЬИН. Ну, по пиву?

ВАЛЕРИЙ. Пап, аккуратнее, пожалуйста. А вы, дядя Гера, не давайте ему денег...

ИЛЬИН. Слышал? Наглец. Родного отца позорит. (Пьёт пиво.)

ЗЕРНОВ. Не слышу возмущения в голосе.

ИЛЬИН. А что, он неправ, разве?

ЗЕРНОВ. Валера. Позволю себе процитировать ещё один великий шлягер: «Раньше думай о Родине, а потом о себе».

ИЛЬИН. Все песни помнит, ещё умел бы петь.

ЗЕРНОВ. Валера?

ВАЛЕРИЙ. Ну, дайте подумать-то!

ЗЕРНОВ. Нет времени, сегодня последний день.

ВАЛЕРИЙ. Ну, не подумать, так хоть сообразить!

ЗЕРНОВ. Соображай.

ВАЛЕРИЙ. Пойду, прогуляюсь.

ЗЕРНОВ. Полчаса хватит?

ВАЛЕРИЙ. Да. (На пороге.) Папа...

ИЛЬИН. Всё будет правильно, сынок.

ВАЛЕРИЙ. Да я о пиве!

ИЛЬИН. И я не про выборы.

Валерий уходит.

Ну, как тебе мой? Всё-таки, лучше, что он остался не со мной. Женское воспитание должно быть постоянным, а мужского достаточно изредка. Что ты опять на икону уставился? Не сниму.

ЗЕРНОВ. Ну, молишься ты, просишь у Бога, и что?

ИЛЬИН. Я не молюсь и ничего не прошу. Молиться неловко как-то, а так у меня всё есть, кроме похмелки, и то находится... ангелов в русском народе всегда на одного больше, чем чертей. Уж я знаю, намаялся с ними. В чём преимущество алкаша: у нас на весь день всего одна мысль — где похмелиться? Правда, одна такая тема перевешивает все судьбы мира. Спасибо, кстати, тебе за последний запой, я хоть за аккордеон подержался. Совсем оскотинился.

ЗЕРНОВ. Люди же молятся, просят, и что? Вот. И ничего.

ИЛЬИН. А ты, откуда знаешь? Вот возьми и попроси.

ЗЕРНОВ. У меня тоже всё есть. Кроме сына.

ИЛЬИН. Чего ты гонишь! Сын у тебя есть! Ну, умер, погиб, но ведь есть!

ЗЕРНОВ. Икон повешали, травы-травы, а они — картинки, картонки.

ИЛЬИН. Хватит в моём доме богохульствовать. Не ной, а обратись к Святой Троице с конкретной просьбой, выполнят — хорошо, нет — живи дальше.

ЗЕРНОВ. И попрошу!

ИЛЬИН. Проси.

ЗЕРНОВ. Хочу, чтобы сын мой воскрес!

ИЛЬИН. Дурак ты, Зернов, и не лечишься. Может, водочки?

ЗЕРНОВ. Да пошёл ты.

Стук в дверь.

ИЛЬИН. Дружки на пойло — как мухи на мёд...

ЗЕРНОВ. Это может быть Кошкин ко мне.

ИЛЬИН. Кошкин?

ЗЕРНОВ. Ну, прокурорский, мы с ним пили...

ИЛЬИН. А, опознание... да. (Идёт к двери.)

ЗЕРНОВ. Ехал к тебе, он позвонил, попросил встретиться срочно...

ИЛЬИН. Не извиняйся, бесплатного пива не бывает. (Открывает дверь.)

Входит Следователь.

ИЛЬИН. Здорово, Кошкин, мышки к осмотру построены.

ЗЕРНОВ. Привет. Что-то конфиденциальное?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да... нет. Заключение экспертизы по ДНК, из Санкт — Петербурга. Мы похоронили не вашего сына. (После паузы.) Вот, за что я люблю нашу Родину: здесь любят терять нарочно, чтобы было, что обретать.

ЗЕРНОВ. Травы-травы. Детский сад.

ФРАГМЕНТ 13. Контора. В кабинете Зернов занимается бумагами. Сигналист селектор.

ЗЕРНОВ (нажал клавишу). Да?

ГОЛОС. Охрана.

ЗЕРНОВ. Вижу лампочку, не дурак. Иванов, ты?

ГОЛОС. Я, Герберт Николаевич.

ЗЕРНОВ. Давай, короче.

ГОЛОС. К вам посетители, Герберт Николаевич. Двое.

ЗЕРНОВ. Ну!?

ГОЛОС. Ваша жена...

ЗЕРНОВ. Травы-травы. Бесится?

ГОЛОС. Да нет, ведёт себя мирно.

ЗЕРНОВ. Транспортируйте её домой... ко мне домой. Только не кантовать!.. в смысле, не наливать. Скажешь, я буду вечером с ней беседовать.

ГОЛОС. Ясно. И ещё какой-то мужчина, Кошкин Анатолий Ильич.

ЗЕРНОВ. Пусть входит. Всё. (Выключает селектор.) Вот тебе и картинки с картонками, Зернов, попросил — на. Совпадение? Интересно, чем придётся расплачиваться.

Стук в дверь.

Входите.

Входит Кошкин.

КОШКИН. Кошкин. Мне сын сказал...

ЗЕРНОВ. Проходите, проходите, присаживайтесь. У вас династия?

КОШКИН. С дореволюционных времён служим сыску. Не скажу, чтобы государству... ну, да вы понимаете, надеюсь.

ЗЕРНОВ. Найдёте моего сына?

КОШКИН. Я же не вооружён современными технологиями, и вообще на пенсии. Конечно, найду.

ЗЕРНОВ. Все финансовые вопросы — без проблем, деньги вы можете получить у моего бухгалтера прямо сейчас, его зовут Андрей. Что ещё от меня?

КОШКИН. Ответы. Честные, точные ответы на все мои вопросы.

ЗЕРНОВ. Н-да. Что ж, задавайте.

КОШКИН. Для начала, мне надо осмотреться в комнате, где жил Олег.

ЗЕРНОВ (достаёт из стола связку ключей). Вот ключи от дома, что в центре города. Я распоряжусь, чтобы вас проводили. Сам живу за городом.

КОШКИН (взял ключи). Ваш телефончик?

ЗЕРНОВ. Андрей вместе с конвертами, даст вам и мои координаты, и все необходимые средства связи.

КОШКИН. Тогда я пошёл трудиться. Да, первый вопрос: почему родители называли вас Гербертом?

ЗЕРНОВ. Браво. Похоже, с сыщиком мне повезло. Травы-травы. В цель: первый же вопрос, чтоб в ответ — вся жизнь. «Дети капитана Гранта» читали?

КОШКИН. Ясно, в честь мальчишки. Значит, ваш отец...

ЗЕРНОВ. Моряк. До мозга костей, как говорится. Зернов Николай Васильевич, одна тысяча девятьсот двадцать девятого года рождения. Во время Отечественной войны был юнгой на Северном флоте. В отставку, по болезни, ушел с должности командира подводной лодки. Герой Советского Союза.

КОШКИН. Ого! Только гордости сыновней не слышно?

ЗЕРНОВ. Я считаю его убийцей мамы.

КОШКИН. Ёклмн!

ЗЕРНОВ. Суд его оправдал. Но я как раз поднялся на крышу, когда мама сорвалась вниз, а он стоял на краю.

КОШКИН. Что за крыша?

ЗЕРНОВ. Обыкновенный питерский колодец. Все там загорали.

КОШКИН. А сам он сказал вам, что не сталкивал супругу?

ЗЕРНОВ. Конечно.

КОШКИН. И вы ему не поверили?

ЗЕРНОВ. Нет!

КОШКИН. Странно. Почему не поверить родному отцу?

ЗЕРНОВ (после паузы). После списания на берег, он пошёл в разнос. Спился. Бил нас, гонял... животное! Я сбежал от него прямо с кладбища. Бежал сюда, к брату матери.

КОШКИН. В газетной статье, как-то читал я, как вас учили плавать...

ЗЕРНОВ. Там всё — правда. Один подонок рассказал журналюге. Мне даже валторну, после статьи, принесли! Вот! (Вынимает из шкафа футляр.) Сыграть? (Кладёт футляр на стол, открывает.) Так сыграть, что ли!?

КОШКИН. Да ни к чему. Вы меня извините.

ЗЕРНОВ. Ничего, просто я никогда не говорил об этом, научился даже не вспоминать. Но события так складываются, что всё вертится вокруг той истории. Это вы меня извините, сорвался. Да я и не смогу сыграть.

КОШКИН. Пробовали?

ЗЕРНОВ. Нет.

КОШКИН. Зачем же говорить, что не сможете.

ЗЕРНОВ. Я просил его: не надо. Был август. Финский Залив — не черноморская бухта в июле. Холодная, лютая Маркизова Лужа. Собутельники его подначивали. Он впихнул меня на катер, все полезли на борт. Вывез подальше и швырнул. Я и не понял, что разбил голову о борт. Но сознание не потерял, наверно, потому что видел тьму. Ох, тьма!.. А потом меня что-то стало подталкивать, я увидел просвет... тут

и отключился. Это он меня спас. Потом откачал. Стоит такой трезвый — трезвый гад... Потом я каждую ночь тонул, задыхался, выплывал и орал. На днях ко мне всё это вернулось. Когда Швецов приволок меня в старую Свято-Троицкую церковь. Я случайно зашёл в какую-то комнату, видимо, в исповедальню... там меня и шарахнуло, спустя десятилетия. Может, от того, что вытер слезу с иконы? Один из Троицы плакал.

КОШКИН. Давайте, отложим тему, мало ли, вдруг больше не пригодится. Отец жив?

ЗЕРНОВ. Да куда там!

КОШКИН. Вы были на его похоронах?

ЗЕРНОВ. Нет. Я просто думаю, что он умер. Нельзя же так долго безнаказанно жить.

КОШКИН. Пойду. (На пороге). Когда вы ушли от отца?

ЗЕРНОВ. Мне было четырнадцать. В одна тысяча девятьсот шестьдесят шестом году.

КОШКИН. Золотое время советского народа. Олегу сейчас, по-моему, тоже четырнадцать.

ЗЕРНОВ. Да...

КОШКИН. Мог он бежать к деду?

ЗЕРНОВ. И в голову не пришло. Нет. Олег не знает о его существовании.

КОШКИН. А мог узнать?

ЗЕРНОВ. Никак! Я стерилизовал прошлое, напрочь.

КОШКИН. Ясно. Завтра утром встретимся?

ЗЕРНОВ. Да.

КОШКИН. Значит, вечером позвоню?

ЗЕРНОВ. Да.

КОШКИН. Тогда до звонка.

ЗЕРНОВ. А что, насчёт идентификации покойника? Возможно выяснить?

КОШКИН. Тут я, хошь, не хошь, буду вынужден докопаться до истины. Вещи-то на нём — вашего сына. Разберёмся. И не волнуйтесь, я с журналистами не общаюсь, и вообще. Кстати, из-за той статьи весь город узнал, кто же на самом деле в доме хозяин. Чёрт его знает, хорошо ли это. (Уходит.)

ЗЕРНОВ (вынимает из футляра валторну, подносит к губам, отводит). Не-а. Не выйдет. Нет. (Достаёт из футляра картонку.) Картонки, картинки... совпадение. Ну, что, Святая Троица, достала ты меня, похоже? Достала. Вот и я тебя достал... из футляра. Поставлю на стол, ни-

чего? (Ставит картонку на письменный стол.) Ничего. (Укладывает валторну в футляр.) Ничего. Ничего... а сколько всего.

Сигнал селекторной связи.

(нажимает на клавишу.) Слушаю?

ГОЛОС. К вам Швецов Сергей Павлович.

ЗЕРНОВ. Да какой он — Павлович, он — Павлинович, Павлович — псевдоним. Гони.

ГОЛОС ШВЕЦОВА. Зернов, падаль! Ты что творишь!? Я разнесу здесь всё, пусти, гад!

ЗЕРНОВ. Что ты хочешь?

ГОЛОС ШВЕЦОВА. Говорить!

ЗЕРНОВ. Больше четверти века знакомы, не наговорился.

ГОЛОС ШВЕЦОВА. Гера, кончай чудить.

ЗЕРНОВ. Вот-вот, тут ты прав. Иди себе.

ГОЛОС ШВЕЦОВА. Я всё равно выиграю! Я сделаю тебя с этим щенком, Валеркой Ильиным! Размажу тонким слоем!

ЗЕРНОВ. Иванов?

ГОЛОС. Да.

ЗЕРНОВ. Гони бывшего мэра, да побольнее.

ГОЛОС. Герберт Николаевич...

ЗЕРНОВ. Не боись. Или ты не знаешь, кто в городе хозяин?

ГОЛОС. Знаю.

ЗЕРНОВ. Выполнять.

ГОЛОС ШВЕЦОВА. Я хозяин, я...

ЗЕРНОВ. Всё. (Выключает связь.) Всё. (Глядит на икону.) Всё? Или ещё ничего и не начиналось? Ничего... ничего. Ни — че — го.

Звонит телефон.

Нет меня, нет... нет! (Задыхается.) Ааа...

ФРАГМЕНТ 14. Исповедальня. Икона Святой Троицы виднее всех. Настенный хронометр. Зернов.

ЗЕРНОВ (глядит на хронометр). Без одной — двенадцать. Последний круг. (Глядит на икону Святой Троицы.) Ну, и что? (Подходит.) Чего? (Протягивает руку, пальцем стирает слезу.) Забрызгали. (Стирает слезу.) Ох, ты ж, господи боже ты мой... ребята, вы чего, в натуре, пла-

чете!? Нет, нет... нет! (Задыхается, падает на колени.) Я вынырну, нет!
(Кричит.) Ааа! (Падает ниц.)

Гаснет свет. Почти тут же свет включается.

ФРАГМЕНТ 15. Осень. Деревенское кладбище. У могилы сидит Зернов. В зарослях, в него целится из снайперской винтовки человек в балаклаве.

ЗЕРНОВ (не оборачивается). Постой стрелять! Слышишь? Успеешь стрельнуть, на деревенском кладбище, кто нам помешает разобраться, каждый со своим. Ещё минута осталась. А там пуляй. И хрен с нами, с обоими.

Человек в балаклаве опустил винтовку.

Опустил ружьё, что ли? Если опустил, спасибо. Но минута, не больше, ага? Не тяни. О, туманом потянуло... с речки. Ничего, не промахнёшься, ближе подойдёшь, если понадобится. Но только минута!

Туман заволакивает Зернова и человека в балаклаве.

Картина 3.

ФРАГМЕНТ 16. Лето. Холл в доме Швецова и Зернова. Швецов один. Входит Зернов, в плаще и шляпе, с портфелем.

ШВЕЦОВ. Дождь, так и не кончался со вчера?
ЗЕРНОВ. Не знаю.

Пауза.

ШВЕЦОВ. Ну?
ЗЕРНОВ. Я куплю твою часть дома.

Пауза.

ШВЕЦОВ. Вылитый сельский бухгалтер. А поподробнее?

ЗЕРНОВ. Всё равно будешь сбрасывать, а в городе покупателя нет. Даже за полцены — дорогое удовольствие.

ШВЕЦОВ. Думаешь, проигрыш — позор? И я должен бежать? Вот зачем ты пришёл? За порцией пилюль? Сейчас пропишу. Тебе в перчатках или без!?

ЗЕРНОВ. Полагаешь, к такому, как ты, я пришёл без прикрытия?

Пауза.

ШВЕЦОВ. Я отыграюсь, Зернов. В Москве у меня есть...

ЗЕРНОВ. Выборов больше не будет. И все, кто был у тебя в Москве, кончились... для тебя. Ты же пытался заручиться против меня. И что.

ШВЕЦОВ. Скажу больше, пытался даже заказать тебя. Но ты у нас, оказывается, недотрога! Даже отморозка не нашлось, чтоб тебя пристрелить. Вот не думал, что есть персонажи, которых крышуют и жулики, и нувориши, и, блин, государство. А мне обязательно надо было именно пристрелить, чтоб народ понял — это политическое убийство. И это было моей ошибкой. Надо было просто прибить тебя, размазать по стенке... натравить шпану...

ЗЕРНОВ. Проехали. Документы на передачу мне второй половины дома готовы, зайди завтра в мою контору, подпишешь.

ШВЕЦОВ. Как у тебя продумано. Я думал, ты на банкете, в честь нового мэра, гудишь. Ещё и суток нет, а ты уже здесь! Я не съеду.

ЗЕРНОВ. Тебе понадобятся большие деньги.

ШВЕЦОВ. Мне хватит моего!

ЗЕРНОВ. Нет, не хватит.

ШВЕЦОВ. Ты украл мои счета!?

ЗЕРНОВ. Украл? Я вернул в казну не твоё.

ШВЕЦОВ. Так я теперь ещё и нищий!?

ЗЕРНОВ. Ну, это сильно сказано. (Вынимает из портфеля документы.) Вот здесь то, что у тебя осталось. Разберёшься. Просто новых поступлений у тебя больше не будет. А так — жить бы да жить, в шоколаде. Но. Вчера, наконец, выяснилось, каким образом на болоте оказался парень, которого похоронили под именем моего сына. (Вынимает из портфеля документы.) Здесь прочтёшь. Это копии. Расследование неофициальное. Я тормознул ситуацию. Не потому, что история убийства подростка на болоте касается тебя, а потому, Серый, что один из убийц — твой сын. Убитый — из многодетной семьи. Прибил к шайке нашей золотой молодёжи. А они, бездельники, за тем и кучкуются, чтобы куражиться над быдлом. Его, бедняка, и приняли в компанию исключительно ради веселья, чтоб одна жертва уж наверняка всегда была под рукой. В конце концов, бедняка никто не заставлял шастать с ними. В

одном только бедняк упёрся, отказывался принимать наркотики. А наша золотая шайка всерьёз забаловалась ширевом. А занимаются они этим на болоте. В городе пока побаиваются, вдруг папы с мамами заругают. Провинция, всё-таки, накладывает. Но они уже выползли из болота и теперь куролесят на окраине. Скоро переберутся в исторический центр города. А вещи моего Олега убитому принёс твой сын. Умыкнул или добровольно — не знаю. В тот вечер бедняку не повезло, шайка решила во что бы то ни стало посадить его на иглу. Забили. Вот я и говорю, что деньги тебе понадобятся. Если ты, конечно, станешь лечить сына от наркотической зависимости. Я тебе тут оставляю... помогает. (Вынимает из портфеля картинку, ставит на стол.)

ШВЕЦОВ. Помнишь нашу первую встречу. Мы, с Витькой Ильиным, болтались у автобусной остановки. Ты вышел из автобуса, с валторной и рюкзаком. Сразу было видно: приезжий. И один. А, значит, с денюжкой в кармане. Тропинка к дому твоего дяди через лесок бежала.

Зернов уходит.

Там тебя и поджидала наша, лесозаводская, шобла. Мы-то, с Витькой Ильиным, знали. Вот драка была! Свои со своими... прямо — гражданская война. И мы победили. И всю жизнь потом побеждали, потому что были вместе. И вот, ты, поганый валторник, разрушил всё. Я тебя защитил, а ты меня угробил! Витька Ильин не в счёт, он всех любит, и, значит, никого, кроме себя. Всё, Зернов, Гера, блин... конец тебе. Я, от имени нашей, лесозаводской, шоблы приговариваю тебя! (Обнаруживает, что Зернова нет.) Ты где, бухгалтер!? Я тебя сам пристрелю! Что это? (Видит картинку.) Икона Святой Троицы. Зачем? Зернов! Гера! Вернись!!!

ФРАГМЕНТ 17. Дом Ильина. На крыльце Ильин. Входит Зернов.

ЗЕРНОВ. И?

ИЛЬИН. С ними надо что-то делать, три дня не просыхают.

ЗЕРНОВ. Кто?

ИЛЬИН. Новый мэр и новый прокурор Пригородного района.

ЗЕРНОВ. Травы-травы. А ты, чего трезвый?

ИЛЬИН. Завязал.

ЗЕРНОВ. Неисповедимы пути Твои, Господи.

ИЛЬИН. Ишь ты, какой набожный. То есть ты ребятам сделал праздник, ты и организовывай им будни.

ЗЕРНОВ. Веди. О, а где икона?

ИЛЬИН. То есть хрен знает, сковырнули.

ЗЕРНОВ. Вот и не остановить гулён, охранять-то некому.

ИЛЬИН. Не поверишь, весь подъезд — в хлам, а эти двое — хоть бы хны. То есть встать уже не могут, но и не падают.

ЗЕРНОВ. Икону повесь над подъездом. (Уходит в дом.)

ИЛЬИН. Чёрт его знает, может, и правда всё дело в Святой Троице. (Уходит в дом.)

ФРАГМЕНТ 18. Квартира Ильина. За столом — Валерий и Следователь.

ВАЛЕРИЙ (наливает водку). Я их всех выведу на чистую водку...

СЛЕДОВАТЕЛЬ (пытается сыграть на аккордеоне, напевает). Какая песня без баяна, какая Волга без Руси, какая Марья без Ивана... ля-ля-ля...

Входят Зернов и Ильин.

ИЛЬИН. Положь музыку! (Отбирает аккордеон.) Ну, ты глянь, Гера!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Герберт Николаевич, вы, конечно, — о-го-го, но мы тут тоже, между прочим, — ой-ё-ёй. Мэр, ты чего замер? Плещи.

ИЛЬИН. Валера? Валера... эй! Куда он тарашится?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. На икону. Ничего, он сегодня всё время на Святой Троице спотыкается. По-моему, это полезно, хотя бы в начале творческого пути.

ВАЛЕРИЙ. У меня мысль застряла в горле, папа. Дядя Гера, вот, что мне с вами прикажете делать? Я то ли должен встать в приветствии, то ли упасть в поклонении. Ведь я вас искренне и безмерно уважаю. Что? Не в том дело, что я мэр, а вы — о-го-го... а в том, что.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что?

ВАЛЕРИЙ. Что?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что — что?

ВАЛЕРИЙ. Что — оно и есть что.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мудро. Вот потому ты — о-го-го, а я — только ой-ё-ёй.

ВАЛЕРИЙ. Это не я, это Зернов — о-го-го.

ИЛЬИН. И вот так с утра, всё — и-го-го да и-го-го. То есть, кто работать будет? Служить людям будет кто? Я, что ли?

ЗЕРНОВ. Ты давно в завязке?

ИЛЬИН. И не говори. То есть с утра во рту один чай булькает.

ЗЕРНОВ. Наливай.

ИЛЬИН. Вот так просто: наливай?

ЗЕРНОВ. Вот так просто.

ИЛЬИН. Неожиданно... то есть свежо, остро, по-новому.

ВАЛЕРИЙ. Стоп, папа! Наливаю я.

ЗЕРНОВ. А ты, чего зря клавиесин держишь? Сыграй. Споём!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Без допинга песен не бывает.

ВАЛЕРИЙ. А всё уже стоит и киснет.

ЗЕРНОВ. Ну, за жизнь?

Все выпивают. Ильин играет на аккордеоне, запекает. Все поют.

ФРАГМЕНТ 19. Контора. В кабинете Зернов занимается бумагами.
Сигналит селектор.

ЗЕРНОВ (нажал клавишу). Да?

ГОЛОС. Охрана.

ЗЕРНОВ. Вижу лампочку, не дурак. Иванов, ты?

ГОЛОС. Я, Герберт Николаевич.

ЗЕРНОВ. Давай, короче.

ГОЛОС. К вам посетитель, Герберт Николаевич.

ЗЕРНОВ. Кто?

ГОЛОС. Из Нахимовского училища, что в Санкт — Петербурге.

ЗЕРНОВ. А что, дурак, есть какое-то Нахимовское училище не в Санкт — Петербурге? Ну, ты, Иванов... Иванов, и всё тут. Пропусти.

ГОЛОС. По поводу вашей... в смысле матери Олежки, из психушки, в смысле из клиники звонили.

ЗЕРНОВ. Ясно, опять деньги. Позвонят, переключи. Всё. (Отключает связь.) Спонсоров ищите, господа офицеры... отстегнул бы, но не морякам.

Стук в дверь.

Входите!

Входит Воспитатель.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Разрешите?

ЗЕРНОВ. Прошу.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Я приехал по поручению начальника нашего училища. Хотя идея была господина Кошкина.

ЗЕРНОВ. Кошкина!?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Я воспитатель. Олег Гербертович Зернов... вот фотография. (Кладёт на стол фотографию.) Ваш сын?

ЗЕРНОВ. Мой.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Он поступил в наше училище. Хороший парень. Толковый. Староста класса.

ЗЕРНОВ. Постойте. Мой сын нахимовец! То есть моряк!?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Так точно.

ЗЕРНОВ. Травы-травы. А разрешение родителя!?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Он его подделал. Как теперь выяснилось.

ЗЕРНОВ. А вы, как я понял, приехали уговорить меня оставить его у вас?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Нет. Я приехал поставить вас в известность.

ЗЕРНОВ. Травы-травы, так он в приёмной?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Нет, он в училище.

ЗЕРНОВ. То есть вы его не привезли.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Так точно. Единственное, что должен сказать: парнишка на своём месте...

ЗЕРНОВ. Его место там, где укажу я!

ВОСПИТАТЕЛЬ. Так точно.

ЗЕРНОВ (глядит на фотографию). Где это он сфотографировался?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Свято-Троицкий храм, на Измайловском проспекте.

ЗЕРНОВ. Где это...

ВОСПИТАТЕЛЬ. Возле Техноложки...

ЗЕРНОВ. Кошкин, где?

ВОСПИТАТЕЛЬ. В Питере, ждёт ваших распоряжений.

ЗЕРНОВ. Когда обратно?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Послезавтра. Здесь родина моего отца, сам он болен, чтоб ехать, попросил меня осмотреться.

ЗЕРНОВ. Оставьте координаты у начальника охраны.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Хорошо. До свидания. (Идёт на выход.)

ЗЕРНОВ. Олег знает, что я его нашёл?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Никак нет. Господин Кошкин посоветовал не торопиться с выводами и поступками.

ЗЕРНОВ. Завтра встретимся на вокзале.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Хорошо. Всех благ.

ЗЕРНОВ. Или сегодня вечером...

ВОСПИТАТЕЛЬ. Да, господин Кошкин нашёл вашего отца.

ЗЕРНОВ. У меня нет отца!

ВОСПИТАТЕЛЬ. Капитан первого ранга Зернов Николай Васильевич преподавал в нашем училище.

ЗЕРНОВ. Так Олег знает, что он есть?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Конечно, ведь портрет его деда находится в музее училища. До свидания. Я в вашем распоряжении. (Уходит.)

Зернов глядит на фотографию, идёт к шкафу, вынимает футляр, достаёт валторну, подносит к губам, смотрит на икону Святой Троицы, играет, отрывает валторну от губ. Валторна звучит.

ЗЕРНОВ. Травы-травы. Детский сад. (Задыхается.) Ааа...

ФРАГМЕНТ 20. Исповедальня. Икона Святой Троицы виднее всех. Настенный хронометр. Зернов.

ЗЕРНОВ (глядит на хронометр). Двенадцать! (Глядит на икону Святой Троицы.) Ну, и что? (Подходит.) Чего? (Протягивает руку, пальцем стирает слезу.) Забрызгали. (Стирает слезу.) Ох, ты ж, господи боже ты мой... ребята, вы чего, в натуре, плачете!? Нет, нет... нет! (Задыхается, падает на колени.) Я вынырну, нет! (Кричит.) Ааа! (Падает ниц.)

Гаснет свет. Почти тут же свет включается.

(Поднимает голову, встаёт на колени). Ну... ну, ну. (Идёт на выход, глянул на хронометр.) Всё десять минут прошло. (Распахивает дверь.)

ФРАГМЕНТ 21. Церковь. Ремонт. Входят Швецов и Священник.

ШВЕЦОВ. Так и поступим, отец Константин. А Зернов, похоже, ушёл?

СВЯЩЕННИК. Нет. Он сейчас выйдет.

Дверь исповедальни распахивается, входит Зернов.

ШВЕЦОВ. Я думал, ты сбежал.

ЗЕРНОВ. А я и сбежал. Только вот, вернулся.

ШВЕЦОВ. Стоп... так ты же весь седой! Он поседел!

СВЯЩЕННИК. Как вы себя чувствуете?

ЗЕРНОВ. Мерзко.

СВЯЩЕННИК. Как на исповеди побывали?

ЗЕРНОВ. Травы-травы, что?

СВЯЩЕННИК. Впрочем, откуда вам знать, какова она — исповедь. Биографию рассказать — не анкету заполнить. Да что рассказать, — обзреть!.. вот испытание. Как вы в исповедальню-то забрели, сами или подсказали?

ЗЕРНОВ. Там у вас икона плачет, в смысле это... как его...

СВЯЩЕННИК. Мироточит. Икона Святой Троицы, что в исповедальне, воистину чудодейственна. И всесильна.

ЗЕРНОВ. Пойдёмте уже на волю. (Уходит.)

ШВЕЦОВ. Разве можно так быстро поседеть?

СВЯЩЕННИК. Очевидно. Умереть, думается, можно ещё быстрее.

ШВЕЦОВ. Что-то с Зерновым не то...

СВЯЩЕННИК. Или что-то то.

ШВЕЦОВ. И чего теперь от него ждать?

СВЯЩЕННИК. Любви, надеюсь. Верьте. Прошу?

Священник и Швецов уходят.

ФРАГМЕНТ 22. Церковная ограда. У входа сидит Ильин, играет на аккордеоне, с шапкой. Входит Зернов, за ним Швецов и Священник.

ИЛЬИН. Не помешаю, святой отец?

СВЯЩЕННИК. Бог с тобой, сын мой.

ИЛЬИН. Спасибо. Не ради подаяния, а ради общения играю.

СВЯЩЕННИК. Вроде концерта.

ИЛЬИН. Ага.

СВЯЩЕННИК. Пожалуйста, играй. Скоро люди пойдут на службу.

ИЛЬИН. То-то и оно. А вы, мироеды, могли бы бросить копеечку. Что, не узнаете? Мудрено. Сколько лет.

ЗЕРНОВ. Не может быть...

ШВЕЦОВ. Ильин?

ИЛЬИН. Он самый.

ШВЕЦОВ. Вон ты, куда подевался. А мы тебя уж, грешным делом...

ИЛЬИН. Похоронили? Конечно, проще помянуть, чем проведать. Как жизнь, Гера? Про Серого-то громко говорят, а от тебя ни слуху, ни духу...

СВЯЩЕННИК. Простите, мне надо к службе готовиться...

Входят Следователь и Кошкин.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Отец Константин! Извините, спросить можно?

СВЯЩЕННИК. Слушаю вас?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мы насчёт крестин...

КОШКИН. У меня внук...

Входит Попов.

ПОПОВ. Здорово, поп.

СВЯЩЕННИК. Здорово, Попов... сын мой.

ПОПОВ. Нашёл сына! Я сегодня трезвый и злой, так что, отстою всю службу. Ты уж постарайся, Костя, не сфальшивь, а? Я ж тебя музыке учил...

Входит Воспитатель.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Здравия желаем. Всем. Святой отец, в храме служат?

СВЯЩЕННИК. А как же, сын мой, проходите. Всех прошу на службу.

ЗЕРНОВ (задохнулся, кричит). Ааа!!! (Падает ниц.)

ЭПИЛОГ. Осень. Деревенское кладбище. У могилы сидит ещё не седой Зернов. В зарослях — человек в балаклаве, со снайперской винтовкой.

ЗЕРНОВ (не оборачивается). Слышишь? Пуляй. И хрен с нами, с обоими. (Оборачивается к снайперу.)

Человек в балаклаве вскинул винтовку.

О, туманом потянуло... с речки. Ничего, не промахнёшься, ближе подойди, если надо. Ну, пора.

Туман заволакивает Зернова и человека в балаклаве. Звучит валторна. Выстрел. Туман рассеивается. Пауза. Зернов лежит ниц. Человек опускает винтовку, снимает балаклаву — открылось лицо седого Зернова. Входит Священник.

ЗЕРНОВ. Вот, не успел к отцу.

СВЯЩЕННИК. К отцу мы никогда не опоздаем.
ЗЕРНОВ. Да? Ни самому простить, ни попросить прощения...
СВЯЩЕННИК. Так ведь сын есть.
ЗЕРНОВ. Да? И чего теперь от меня ждать...
СВЯЩЕННИК. Любви, надеюсь.
ЗЕРНОВ. Да?
СВЯЩЕННИК. Верьте.
ЗЕРНОВ. Да. Да. Да.

КОМНАТА СЕСТЁР

новелла

место действия: город областного значения

время действия: 00-е г. г. XXI века

действующие лица:

ЗАРЯНИЦА Мария Алексеевна, 54 года. Вдова.
НИНА, 15 лет. Младшая дочь. Ученица 9 класса.
АЛЕВТИНА, 17 лет. Средняя дочь. Учится в 11 классе.
ЕВГЕНИЯ, 34 года. Старшая дочь. Безработная.
ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА Кузнецова, 73 года. Мать Заряницы.
ИНГА, 28 лет. Офтальмолог в поликлинике.
ДУШЕВНИНА, 49 лет. Мать Инги. Медсестра в больнице.
ЛЕОНИД, 29 лет. Сын. Финансист.

СЦЕНА 1. Комната сестёр. В трёхкомнатной квартире — девичья комната на две кровати, с одним письменным столом и заполненными книжными полками. НИНА и АЛЕВТИНА играют друг против друга в компьютерную «стрелялку».

НИНА. Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

АЛЕВТИНА. Так пел ее голос, летящий в купол, И луч сиял на белом плече, И каждый из мрака смотрел и слушал, Как белое платье пело в луче.

НИНА и АЛЕВТИНА (вместе). И всем казалось, что радость будет, Что в тихой заводи все корабли, Что на чужбине усталые люди Светлую жизнь себе обрели. И голос был сладок, и луч был тонок, И только высоко, у царских врат, Причастный Тайнам, — плакал ребенок О том, что никто не придет назад.

СЦЕНА 2. Поликлиника, кабинет офтальмолога. Инга заполняет медицинскую карту, кладёт в стопку «отработанных», справа от себя. В приоткрывшуюся дверь заглядывает Евгения.

ЕВГЕНИЯ. Сколько ещё ждать.

ИНГА. Сказала же, закройте дверь!

ЕВГЕНИЯ. Ну, вот. (Прикрывает за собой дверь.)

ИНГА (смотрит на обложку последней карты, лежащей слева, небрежно отодвигает на край стола, глядит на настенный хронометр, где стрелки показывают 13.55, напевает). Пять минут, пять минут — это много или мало... (Подходит к ростовому зеркалу.) Много... много!

Входит Душевнина, в пальто.

ДУШЕВНИНА. Уже тринадцать пятьдесят пять, готова?

ИНГА. Чего ты в пальто?

ДУШЕВНИНА. Приглядись.

ИНГА. Погода же пляжная сегодня... перелицевали, что ли?

ДУШЕВНИНА. И пусть на улице Сахара, чтоб я такую красоту в шифоньер спрятала.

ИНГА. Один пациент остался. Старуха.

ДУШЕВНИНА. Да пошли ты её.

ИНГА. А медсестра так и не вышла, дрянь. Загуляла, небось, а потом опять, мол, многодетная я мамаша, меня понимать надо.

ДУШЕВНИНА. Подлая работа — пахать по субботам.

ИНГА. Старуха не одна, видимо, с дочерью. Не хочу скандала.

ЕВГЕНИЯ (распахнув дверь). Почему вы ворвались, сейчас наша очередь!

ДУШЕВНИНА (Евгении). Я — не больная, я — мать доктора, подождёте.

ИНГА. Ой, да пусть уже заходят. (Присаживается за стол, листает карту.) Слышали, что сказала? Входите.

ЕВГЕНИЯ (в коридор). Бабушка, вперёд. Быстрей-быстрей-быстрей, а-то скажет ещё, что время приёма вышло.

ДУШЕВНИНА. Какие все грубияны стали, прямо хоть всем цианиды выписывай. Женя, я выйду.

Входит Людмила Яковлевна, в дверях расходится с Душевнойной. Евгения входит, закрывая за собой дверь.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Здравствуйте, Инга Аркадьевна.

ИНГА (не глядя). Садитесь уже. На что жалуемся.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА (присаживаясь). Наша врач — на больничном, уже третья неделя пошла. В регистратуре направили к вам...

ИНГА (не глядя). Или жалуемся, или прощаемся.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. В карточке же написано же...

ЕВГЕНИЯ. Мама, по делу, конкретно.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. С катарактой моей надо что-то делать. Плановая операция...

ИНГА (не глядя). Всё у вас в порядке. Можете идти. (Пишет в карту.)

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Как же? Я же... вот.

ИНГА (не глядя). Всё-всё-всё, вот результаты анализов...

ЕВГЕНИЯ. Вы хотя бы взгляните на пациента!

ИНГА. Я и так всё вижу. Всё, приём окончен.

ЕВГЕНИЯ. У вас совесть есть?

ИНГА. А вы тут не кричите. Здесь больные везде ходят, а вы им нервы дёргаете.

ЕВГЕНИЯ. У бабушки глаза болят...

ИНГА (подняв голову). Хорошо, что вообще видят. Семьдесят три года, что вы хотите? Конечно, будут болеть, и не только глаза. Всё, я сказала, на выход! Или пригласить охрану?

ЕВГЕНИЯ. Да я тебя, зараза, по начальственному кругу пушу...

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Женя! Прекрати, скоро наша докторша выйдет, не надо ругаться.

ЕВГЕНИЯ. Таких врачей на пушечный выстрел к людям нельзя, их самих расстреливать, без права на помилование.

Входит Душевнина.

ИНГА (поднимает трубку стационарного телефона). За угрозы ответить можно по суду, за оскорбления. А наши охранники вас и слушать не будут, вышвырнут на улицу, как котят.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Ой, вы простите нас, меня, старую... Уходим, уходим. Женька, пошли вон.

ЕВГЕНИЯ. Бабушка, не толкайся! Тут какой-то невыразимый фашизм происходит.

ИНГА. Да за пропаганду Гитлера вам знаете, что вам ещё будет? Это государственное учреждение, чтоб всякие посторонние речи здесь выступали!

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Ой, Инга Аркадьевна, ради бога, не обращайтесь внимания! Молодо — психованно...

ЕВГЕНИЯ. Доктор, тебе лечиться надо.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Женя, не смей! (Инге.) Она у нас чокнутая.

ЕВГЕНИЯ. Ты ещё будешь меня оскорблять!?

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Ну, не чокнутая, не чокнутая, нормальная психичка.

ДУШЕВНИНА (подталкивает Евгению). Пошли-пошли-пошли отсюда. В кутузку захотели, тётеньки? Организуем на раз.

ЕВГЕНИЯ. Не смейте меня толкать!

ИНГА. В частной клинике права качайте, а здесь вам всё уже сказали бесплатно.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Уходим мы, ушли уже!

ДУШЕВНИНА (закрывает дверь за Евгенией и Людмилой Яковлевной). Что за народ, ничего не боятся. Раньше в медицинских учреждениях на головах друг у дружки сидели, но по стойке смирно. Демократия у них, видите ли, махровым цветом...

ИНГА (собирает сумочку). И так каждый день, каждую смену... тоскевич!

ДУШЕВНИНА. У нас, в больнице, такого беспредела нет. А в мою смену вообще, мухи бояться зудеть, не то, что летать. Мне бы корочку о высшем образовании, я бы навела порядок во всей медицине.

ИНГА (берёт стопку карт). Уходим через процедурную. В парикмахерскую звякну. (Достаёт мобильный телефон.) Ты, надеюсь, на машине?

ДУШЕВНИНА. Да, но придётся на заправку заскочить.

ИНГА (снимает халат). Чуть в халате не ушла.

ДУШЕВНИНА. Областной центр, столица, блин, а классному специалисту в поликлинике приходится тухнуть, да ещё в халате. В приличных городах всех уже в брючные костюмчики вырядили. И удобно, и

есть на что посмотреть, иначе откуда взять время на мужчин, как говорится, ловись, рыбка, большая и маленькая, на брючный костюм медицинского работника. Зонтик взяла?

ИНГА. Никому мы, офтальмологи, в провинции не нужны. Все в Москву прут лечиться, в Питер. Как будто не знаем, какие там специалисты, наши же, отсюда же, только шустрее да познакомистее. (По мобильному.) Инга Душевнина говорит. Уже выезжаю, буду через семь минут. (Убирает мобильный.)

ДУШЕВНИНА. Автомобиль подан, у служебного входа.

СЦЕНА 3. Комната сестёр. Нина — за компьютером, готовится к урокам. Алевтина занимается гимнастикой.

НИНА. Не хочу... не могу! Это не жизнь — долбать эти ваши знания. Почему я — не дятел, у него от долбежа голова, небось, не болит.

АЛЕВТИНА. Сколько будет дважды два.

НИНА. Конечно, пять.

АЛЕВТИНА. Четыре.

НИНА. Да ладно!?

АЛЕВТИНА. Спроси: почему.

НИНА. Спрашивалку заело.

АЛЕВТИНА. Спрашиваешь, почему? Потому что так сказано. А сколько будет трижды три?

НИНА. Девятьсот девяносто девять.

АЛЕВТИНА. А по-честному?

НИНА. Отвяжись.

АЛЕВТИНА. Ну, скажи... скажи, скажи... я не замолчу, пока не скажешь! Скажи...

НИНА. Что?

АЛЕВТИНА. Трижды три?

НИНА. Девять.

АЛЕВТИНА. Десять. Спрашиваешь, почему? Потому что я так хочу.

Требовательные звонки в дверь.

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. Девчата, кто-то пришёл, отойдите дверь!

НИНА. Какая хитропопистая у вас арифметика, Алевтина Батьковна. Не поделитесь правилами своей таблицей умножения?

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. Оглохли там!?

АЛЕВТИНА. Твоя очередь дверь открывать.

НИНА. Да это точно Лёнька прикалывается.

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. Ну, вы там вообще уже обнаглели!

АЛЕВТИНА. Я — в ванной. (Убегает, оставив дверь в комнату распахнутой.)

В дверном проёме появляется Заряница.

ЗАРЯНИЦА. Нинка! Алька! Живо открыть дверь! Я не могу отойти от плиты, чертовки! Ей-богу, ремня всыплю! (Исчезает.)

НИНА. Сейчас! (Поднимаясь). «И вечный бой, покой нам только снится. И пусть ничто не потревожит сны. Седая ночь, и дремлющие птицы качаются от синей тишины...» (Идёт в прихожую.) «И вечный бой. Атаки на рассвете. И пули, разучившиеся петь, кричали нам, что есть еще Бессмертье... А мы хотели просто уцелеть». (Отпирает входную дверь)

В дверях — Леонид, буквально обвешанный пакетами с продуктами.

ЛЕОНИД. Как мой нос?

НИНА. Давай пакеты, клоун с красным носом...

ЛЕОНИД. Пришлось носом жать на звонок! Не трогай, сам донесу, не-то точно всё рассыплешь. (Уходит в кухню.)

НИНА. Я рассыплю, а он нет. (Уходит в кухню.)

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. Лёнька, сумасшедший! Куда ж ты столько понапокупал... понанёс... Аккуратнее!

ГОЛОС НИНЫ. Да нормальный у тебя нос, как был картошкой, так и есть.

Из ванной, в халате, выходит Алевтина, останавливается у порога кухни.

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. Кто всё это кушать будет...

АЛЕВТИНА. Невеста смолотит. Ой, ананас! Хочу! (Убегает в кухню.)

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. Понабились, не повернуться. Ты ещё тут!.. А ну, Алевтина, выйди, не толпись!

НИНА (выходит из кухни). И не говори, мам, такой у тебя вместо нормальных детей бестолковый выводок получился. (Ест пирожное.)

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. Нинка, перестань жрать пирожное! Суп же варится...

АЛЕВТИНА (выходит из кухни). Суп едят на поминках, а не на помолвках. (Ест грушу.) Груша так себе, мужики ничего не понимают в продуктах, Лёнька, ты лопух.

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. Где мой ремень!..

ЛЕОНИД (выходит из кухни, ест колбасу). Колбаска самый цимес. Всё, мам, я побежал, до вечера. (Осматривает в зеркале нос.) Бедный мой нос.

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. До какого вечера! Сам же назначил на четыре...

ЛЕОНИД. Вот в четыре и прибуду, с гостями на руках.

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. Лёнька, не ешь колбасу без хлеба, живот заболит.

ЛЕОНИД. Нормальный нос, вроде, а, девчата?

АЛЕВТИНА. У невесты спрашивай, мне — фиолетово.

Входная дверь открывается, входит Евгения.

НИНА. Сама Евгения пришла. Вот тут-то всё и началось...

ЕВГЕНИЯ. Цыц, малявка.

ЗАРЯНИЦА (выбегает из кухни). Как бабка, всё нормально?

ЕВГЕНИЯ. Мам, ты про меня спроси, а?

ЗАРЯНИЦА. А я спросила: как бабушка!

ЕВГЕНИЯ (проходит в комнату сестёр). Давление 160 на 100.

ЗАРЯНИЦА. Это же много?

ЕВГЕНИЯ. Для неё нормально.

ЛЕОНИД. Всё, пока. Бабушка придёт?

ЕВГЕНИЯ. Ты сейчас, Лёнчик, про что?

НИНА. Да он про свои смотрины, который день только про смотрины.

ЕВГЕНИЯ. И что — смотрины, что?

ЛЕОНИД. Как что! Это событие, во что! Вы бабушке не говорили, разве? Вот чёрт.

НИНА. Теперь — всё, братик, теперь она знает.

АЛЕВТИНА. И даже уже здесь.

ЕВГЕНИЯ. Это про кого?

НИНА. «Сердитый взор бесцветных глаз. Их гордый вызов, их презренье».

АЛЕВТИНА. Уже своего любимого Блока не узнаёшь?

НИНА. «Всех линий — таянье и пенье. Так я Вас встретил в первый раз».

ЕВГЕНИЯ. Это не Блок.

ЛЕОНИД. В мозгах у тебя — блок.

ЕВГЕНИЯ. Они со мной спорят по поводу Блока! С ума сойти... козьявки!

ЛЕОНИД. Надеюсь, ты сегодня будешь держать себя в руках?

НИНА (снимает с полки томик Блока, раскрывает). У козьявок всё — впереди, а вот перед тобой, коза, тупик.

ЕВГЕНИЯ. Что! Что ты хочешь сказать!

АЛЕВТИНА. А он уже сказала.

НИНА. На! (Суёт раскрытый томик в лицо Евгении.)

ЛЕОНИД (в сторону кухни). Мам, если Женька в курсе, тогда точно надо бабушку звать.

НИНА. Это — Блок.

АЛЕВТИНА. Я ей звонить не буду.

ЗАРЯНИЦА. Не надо звать бабку, у неё здоровье не для застолья. Я с ней сама разберусь.

ЕВГЕНИЯ (о книге). Точно, Блок. Подумаешь, запоматовала.

ЛЕОНИД. Девчата, проследите за ней, ага?

ЕВГЕНИЯ. За кем? За «ней» — за мной? (Бросает книгу на пол.) Я не поняла, меня здесь уже совсем за конченное ничтожество держат!?

ЛЕОНИД (поднимает книжку). Что ты делаешь, книгами кидаться, глянь на сестру, переживает. Нин, не переживай...

НИНА. Дай! Это же Блок! Нельзя им кидаться!

ЕВГЕНИЯ. В твоём возрасте на Есенина облизываются, а ещё вернее на Эдуарда Асадова. Как раз, на уровне седьмого класса.

ЛЕОНИД. Нина — в девятом.

ЕВГЕНИЯ. В восьмом!

АЛЕВТИНА. Девятый кончила, а я, по ходу, одиннадцатый, мало ли, кто из родных не в курсе.

ЕВГЕНИЯ. И куда ты после школы? Что решила...

НИНА. А Лёньке — двадцать девять, он уже работает. Здравствуй, родная сестра, ты нас помнишь или желаешь познакомиться?

ЕВГЕНИЯ. Да пошли вы все... Ну... ну-ну... что!? В глаза мне, в глаза говорите!

АЛЕВТИНА. Ты тут не шипи и ядом не плюйся. Тут все из-за тебя переживают...

ЛЕОНИД. Жень, ляг — поспи.

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. Алька, иди сюда, помогай.

ЛЕОНИД. Всем привет. (Уходит.)

АЛЕВТИНА (Евгении). Все переживают, что ты напьёшься. (Уходит в кухню.)

ЕВГЕНИЯ. Я!? Дряни. Что за смотрины?

ГОЛОС АЛЕВТИНЫ. Через час к нам придёт будущая Лёнькина супруга со своей маман. Будет застолье. Вполне естественно, что тебя приглашать не намеревались.

НИНА. Или ты, может быть, удивлена?

ЕВГЕНИЯ. Вот дерьмо.

ЗАРЯНИЦА (выбегает из кухни). Что за слова! Не смей материться! Может, ты ещё и куришь?

АЛЕВТИНА. Мам, Женька и с мальчишками целуется уже лет двадцать.

НИНА. Ага, причём без разбору.

ЗАРЯНИЦА. Я устала! Больше не могу. Сами занимайтесь кухней, а я даже не выйду, когда люди придут. Пусть вам станет совестно. (Уходит в спальню.)

АЛЕВТИНА. Мама, ты где?

ЕВГЕНИЯ. В спальню ушла. Меня здесь что, вправду никто не хочет видеть?

ЗАРЯНИЦА (выходит из спальни). Красивая, молодая тётка, с двумя высшими образованиями, а пьянствуешь, как какой-то подзаборный мужик! Всё! Если не хотите ремня, не мешайте мне делать праздничный стол. (Идёт в кухню.) Отца на вас нет.

НИНА. А что — отца-то, что — отца? Вон Женька, вся целиком при нём воспитана, и что вышло?

АЛЕВТИНА (выскакивает из кухни). Ты папу не смей хаять! Он тебе не дружок какой-то! Я тебе за него и без мамкиного ремня за отца на костыляю...

ГОЛОС ЗАРЯНИЦЫ. Перестаньте собачиться! Кикиморы!

ЕВГЕНИЯ. Мёртвого папочку хаять не смей, а живую меня, значит, можно? Меня, спрашиваю, можно...

АЛЕВТИНА. Абзац, Нинка, гасимся! (Убегает из квартиры.)

ЕВГЕНИЯ. Стой!

НИНА. Сама стой, псих. (Убегает из квартиры.)

ЕВГЕНИЯ. Я вам дам... (Убегает за сёстрами.)

Из кухни выбегает Заряница, со шваброй наперевес, озирает квартиру.

ЗАРЯНИЦА. Вот поганки! Понарожались бесенята. Воспитала, и смех, и грех. Дурдом на выезде, циркус. (Уходит в кухню)

СЦЕНА 4. Сквер. На спинке скамьи сидит Душевнина. В аллею входит Леонид.

ДУШЕВНИНА. Не проходите мимо, мужчина.

ЛЕОНИД. Ась?

ДУШЕВНИНА. Не узнаёт.

ЛЕОНИД. Ась?

ДУШЕВНИНА. Хоть стой, хоть падай, хоть обижайся, хоть радуйся, хоть поздоровкайся, хоть на хрен пошли. А прислушаться? Признать по голосу не судьба? Напрягись, товарищ, ну. Тужься, тужься... тужься уже!

ЛЕОНИД. Не может быть!? Мама моя родная...

ДУШЕВНИНА

Не надо сочинять, не я тебя рожала. (Сходит со скамьи.) Отойду, бак заправлю. Ждите меня здесь, оба. (Направляется к выходу.)

В противоположный конец аллеи входит Инга.

ИНГА. Мама!

ДУШЕВНИНА. Дождись! Я — на автозаправку! (Уходит.)

ИНГА. Леонид...

ЛЕОНИД. Ась?

ИНГА

Как меня раздражает это твоё «ась»... Не садись!

ЛЕОНИД (усевшись на сиденье скамьи). То есть, это точно была твоя мама?

ИНГА. Как ты пойдёшь со мной с замаранной задницей? Мама сделала пластику лица.

ЛЕОНИД. Опытные люди говорят, хочешь увидеть свою невесту в возрасте, полюбуйся на тещу. Вот, значит, куда она пропадала столько времени. Мы с тобой знакомы год. За указанный период твоя мама делает вторую пластическую операцию на лице. Про прочие части туловища я даже не заикаюсь, неинтересно.

ИНГА. Подумаешь.

ЛЕОНИД. Инга, на твоей маме пробы ставить негде, вся из пластики, а я на вас, между прочим, женюсь, со всеми вытекающими. Давай, не откладывая, ты мне покажешь завтра все фотографии твоей мамы? Операция за операцией, последовательно.

ИНГА. Зубоскал. Как я выгляжу?

ЛЕОНИД. Ты тоже сделала пластику?

ИНГА. На мне всё — моё.

ЛЕОНИД. И всё же следует спросить с тебя, как и с тётки, всю фотогалерею, последовательно, год за годом. Поцелуемся?

ИНГА. Решил перепроверить мои губы на степень пухлости?

ЛЕОНИД. Ась?

ИНГА. Прекрати «ась-кать»!

ЛЕОНИД. Но это всё, что мне осталось в наследство от деда по отцовской линии.

ИНГА. «Ась-кай» на здоровье, только не при мне.

ЛЕОНИД. Как я люблю, когда ты фыркаешь!

ИНГА. Я — не лошадь, фыркать не умею.

ЛЕОНИД. А я сразу становлюсь конём, стоит тебе зафыркать, у тебя это так сексапильно получается.

ИНГА. Ну, не здесь же! Или хотя бы не сейчас...

ЛЕОНИД. Ты фыркай на меня, фыркай... (Обнимает Ингу, целует.) За мной, я знаю, куда нам податься здесь и сейчас. (Уходит с Ингой.)

СЦЕНА 5. Комната сестёр. Нина и Алевтина наряжаются. Входит Евгения, принимается за обыск.

ЕВГЕНИЯ. Разошлись, очистили пространство.

АЛЕВТИНА. Опять двадцать пять.

НИНА. Ей всё ещё уже тридцать четыре, но скоро тридцать пять, а там и сороковины не за горами.

АЛЕВТИНА. Сначала идут девятины. Следовательно, после тридцати четырёх ей светит не тридцать пять, а сразу 43. Соответственно, за сорока тремя в данном конкретном случае обламывается сразу семьдесят четыре.

ЕВГЕНИЯ. Я тут занюкивала... Где?

НИНА. Дикая арифметика, за два года — бац-бац, и пенсия. Прямо, пенсионная реформа какая-то для отдельно взятой личности.

ЕВГЕНИЯ. Девки, где моя нычка!?

АЛЕВТИНА. Кто-то клялся не пить сегодня.

ЕВГЕНИЯ. Девчата, дорогие вы мои сестрёнки...

НИНА. Не лгите, Евгения, мы тебе дешёво обходимся.

АЛЕВТИНА. Я даже сказала бы, задарма.

НИНА. «Друг, посмотри, как в равнине небесной Дымные тучки плывут под луной, Видишь, прорезал эфир бестелесный Свет ее бледный, бездушный, пустой?»

ЕВГЕНИЯ. «Спустилась мгла, туманами чревата. Ночь зимняя тускла и сердцу не чужда. Объемлет сирий дух бессилие труда, Тоскующий покой, какая-то утрата».

АЛЕВТИНА. «Чем больней душе мятежной, Тем ясней мира. Бог лазурный, чистый, нежный Шлёт свои дары».

ЕВГЕНИЯ. Перестаньте измываться! Как вы не понимаете, мне плохо.

НИНА. Это понимать я не хочу.

АЛЕВТИНА. Слово надо держать, так учил папа.

ЕВГЕНИЯ. Поубивать вас мало. Дайте мне моё!

АЛЕВТИНА. Женя, ты обещала.

ЕВГЕНИЯ. Не могу, я не могу...

АЛЕВТИНА. Стыдно.

ЕВГЕНИЯ. Не вам, шмакодявкам, меня судить... Нинуся, ты же добрая, пожалуйста, скажи — где, дай!

НИНА. Аля?

АЛЕВТИНА. Нет.

ЕВГЕНИЯ. Мне надо принять чуть-чуть!

НИНА. Женя, нам не водку жалко, тебя, ну, и впоследствии себя.

ЕВГЕНИЯ. Так я же о том и прошу, пожалейте меня, но только не на словах, а на деле!

АЛЕВТИНА. Нинка, не смей.

НИНА. Аля, глянь на неё...

АЛЕВТИНА. Позор семьи.

ЕВГЕНИЯ. Я — позор!? Убью!!! (Набрасывается на Алевтину.)

НИНА (оттаскивая Евгению). Мама! Мама! Мама!!!

Вбегает ЗАРЯНИЦА

ЗАРЯНИЦА. Что вам? (Отталкивает Нину, отшвыривает Евгению, даёт пощёчину Алевтине.) Что вам! Что!?

АЛЕВТИНА. Меня-то за что бить? А Женьку!?

НИНА. Мам, можно мне сказать?

ЗАРЯНИЦА. Ну?

НИНА. Жень, я дам тебе твою нычку, но выпьешь ты её у себя дома.

ЗАРЯНИЦА. Я так и знала, так и знала...

ЕВГЕНИЯ. Богом клянусь, тут же уйду.

ЗАРЯНИЦА. Дай ей уже, Нина. Кошмар...

НИНА. Не здесь. (Уходит в коридор, спрятавшись за дверью кладовки.)

АЛЕВТИНА. Слабачки. Поощряете порок...

ЕВГЕНИЯ. Алька! Я — твоя сестра!

ЗАРЯНИЦА. Бабке звонила, она рассказала о вашем походе в поликлинику. Что там стряслось у глазника?

Входит НИНА.

НИНА (с початой бутылкой водки, заткнутой бумагой). На. Отдам на выходе.

ЕВГЕНИЯ. Пробки не нашлось бумагой затыкать!? Выдохлась, конечно, и пролилось ещё, сколько... Куда я сумку мою девала...

НИНА. Всё, уходи.

ЕВГЕНИЯ. Сказала же, уйду, давай.

ЗАРЯНИЦА. Что в поликлинике, спрашиваю!?

НИНА. Только за дверьми, в коридоре получишь.

ЕВГЕНИЯ. Где моя сумка!? А вон она. Идём. (Выходит в прихожую.)

АЛЕВТИНА. С ней мать разговаривает, а эта плевать хотела.

ЕВГЕНИЯ (на пороге, с сумкой). Я не «эта»! Зашли мы, с бабушкой, в кабинет. А врача даже осматривать не стала, глаз от стола не подняла. Мол, в твоём возрасте, старуха, приличные люди докторов не беспокоят, но молча разваливаются и подышают дома.

ЗАРЯНИЦА. Что, вот такими вот словами?

ЕВГЕНИЯ. Да круче и обиднее. А тут же ещё и её маман стояла, так та вообще нас вытолкала за дверь, физически. Нин, проводи, пойдём.

АЛЕВТИНА. А почему ты за бабушку не вступилась!

ЕВГЕНИЯ. Ты, Алька, сама — дрянь. Я-то вступилась, и получила своё. И так каждый день. И не только в поликлинике. Потому что она — моя бабушка. А вот, где ты была, почему не ты с ней, а я?

АЛЕВТИНА. Я-то причём? Мне бабуля квартиру не завещала.

НИНА. Так ты бесплатно за своих не воюешь?

АЛЕВТИНА. Тебя не спросили!

ЗАРЯНИЦА. Идите уже вон, чёрт побери, идите!

НИНА. Пошли. (Уходят из квартиры.)

ЕВГЕНИЯ. Простите. (Уходят из квартиры.)

ЗАРЯНИЦА. Проклятая страна, собственных стариков в гроб вгонять. Хотя потому и гробят, что не люди, не граждане, а собственность.

АЛЕВТИНА. Мамочка, эту страну старики-то и сделали, так чего ворчать? Радуйтесь, что хоть государство уцелело, а то тащили бы на себе ярмо рабства, и нас, молодых, за собой.

ЗАРЯНИЦА. В кого ты такая дурная... (Уходит в кухню.)

АЛЕВТИНА. В отца! Чем и горжусь! (Захлопывает дверь в комнату.)
Всё, хорош, пора принимать кардинальные меры. (Набирает номер на мобильном телефоне)

Входит Нина.

НИНА. Я в домике.

АЛЕВТИНА (по мобильному). Товарищ подполковник, с вами говорит дочь покойного майора Сергея Александровича Заряницы. Да, Алевтина. Я решила окончательно и бесповоротно поступать в училище внутренних войск. Да-да, конкретно по стопам отца. Нет, казарменное положение меня не пугает, я готова. За неделю уложусь. Есть, товарищ подполковник. До завтра. (Убирает мобильный.)

НИНА. Псих. Ты нас не любишь. Ты вообще не любишь людей.

АЛЕВТИНА. Последним человеком, которого было за что любить, был мой отец. И он умер.

НИНА. Ну, и земля ему пухом, ты-то зачем себя хоронишь в военную форму, когда жизнь — самый сок, добровольно. Да ещё и в жандармы намылилась.

АЛЕВТИНА. В стране должен быть порядок, и тогда в ней родятся порядочные граждане. Начало нового тысячелетия, нулевые годы, но я не желаю, чтобы была нулевая жизнь.

НИНА. А я хочу быть человеком. И никогда ни за что нигде не стану получать высшее образование. И среднеспециальное — не получать. Чтобы не возникало даже намёка на искушение, что я имею право быть начальником над людьми. Лучше бы я даже читать не умела, чтобы никто не давил мне на мой интеллект. Надо трудиться руками. А все природные возможности мозгового интеллекта вкладывать в окружающий мир. Жизненные силы надо брать из планеты, которая под ногами. Она же даже придумана для того, чтобы обезьяна родилась человеком, прожила бы, как человек и умер человеком.

АЛЕВТИНА. Цивилизация — вот наша родина, это высота, её надо брать изо всех сил. А ты просто рохля. Слабачка. В глуши может спрятаться всякий, а ты попробуй, посуществуй в обществе. Надо быть не человеком, а гражданином. Вот, кого надо любить, — частицу государственности.

НИНА. А я буду люблю человека. И желаю защищать, и бороться за него.

АЛЕВТИНА. Между нами война?

НИНА. Война. Полноценная!

АЛЕВТИНА. Полнокровная!

НИНА и АЛЕВТИНА (вместе). Гражданская.

НИНА. «Черный вечер. Белый снег. Ветер, ветер! На ногах не стоит человек. Ветер, ветер — На всем божьем свете! Завивает ветер Белый снежок. Под снежком — ледок. Скользко, тяжело, Всякий ходок Скользит — ах, бедняжка!»

АЛЕВТИНА. «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг! Товарищ, винтовку держи, не трусь! Пальнём-ка пулей в Свя-тую Русь — В кондовую, В избяную, В толстозадую!»

НИНА и АЛЕВТИНА (вместе). Эх, эх, без креста! Трах-тах-тах! Трах-тах-тах! ...Так идут державным шагом — Позади — голодный пёс. Впе-реди — с кровавым флагом, И за вьюгой неведим, И от пули невредим, Нежной поступью надвьюжной, Снежной россыпью жемчужной, В бе-лом венчике из роз — Впереди — Иисус Христос.

СЦЕНА 6. Двор многоэтажки. К дому подходят Леонид, Инга и Душевнина.

ЛЕОНИД. Вот моя деревня, вот мой дом родной.

ДУШЕВНИНА. Хрущёвка, дорогой зятёк, не может быть родным до-мом. Слишком много разномастных соседей. Надо строить виллу, кот-тедж. Быть руководителем отдела в финансовой корпорации и жить в такой конуре — странно.

ИНГА. Мама! Прекрати капать на мозги, они от тебя даже у меня плавятся...

Из подъезда выходит Евгения, аккуратно несёт сумку, не обращая внимания на брата и женщин, сворачивает резко в сторону, к выходу со двора.

ЕВГЕНИЯ. Осторожнее.

ДУШЕВНИНА (вослед Евгении). Полегче, женщина, на поворотах! Чуть не снесла, грубиянка.

ЕВГЕНИЯ (затормозив, оборачивается) Чего-чего! Лёня? Я — домой, не волнуйся... стоп-стоп-стоп... нет-нет-нет... да нет же! Леонид, вот это невеста с её матерью?

ДУШЕВНИНА. Что за тон!

ЛЕОНИД. Да, это они.

ЕВГЕНИЯ. Обалдеть!

ДУШЕВНИНА. Сама-то ты кто! Балда и есть.

ЕВГЕНИЯ. Гип-гип, ура, ура, ура. Урааа... Поздравляю! Горько! Ура!!! (Уходит.)

ДУШЕВНИНА. Ты подумай, какая хамка. Нам нужен отдельный дом.

ИНГА. Кто это?

ЛЕОНИД. Женька. Моя сестра. Родная. Старшая. Она у нас идёт отдельным номером программы. Живёт с бабушкой, отдельно от нас. Если я верно понимаю, сегодня мы с ней больше не пересечёмся. Она у нас более, чем неординарная. Всё, идёмте...

ИНГА. Нет! То есть, да, но чуток позже. Нам чисто по-женски надо переговорить. Ты подожди нас в подъезде, ага?

ЛЕОНИД. Не задерживайтесь. (Уходит в подъезд.)

ДУШЕВНИНА. Что ты придумала?

ИНГА. Мама! Ты её не узнала?

ДУШЕВНИНА. Кого?

ИНГА. Женщину. Сестру Лёни. Это её мы сегодня из моего кабинета выперли, вместе с бабушкой!

ДУШЕВНИНА. Когда?

ИНГА. Мама! Отключи пластику, включи мозги!

ДУШЕВНИНА. О, господи... Да нет, просто похожа...

ИНГА. Она! Лёня — моя последняя мечта! Я не хочу больше терять, я устала, не вынесу я, сойду с ума... Что делать, мама!?

ДУШЕВНИНА. Не орём. Не паникуем. Отбрасываем личные психозы и дружно отдаёмся инстинкту самосохранения. Дышим ровно и глубоко! Ровно и глубоко. Ровно и глубоко... дышим... Переходим ко второму упражнению: думаем! Думаем ровно и глубоко! Ровно и глубоко. Ровно и глубоко... думаем...

ИНГА. Я устала.

ДУШЕВНИНА. Объявляется психофизический перекур.

ИНГА. Разворачиваться бессмысленно. Анамнез будет собран по любому. Зато мы выиграем время, чтобы успеть изолировать Леонида от инфекционного воздействия семьи. Впоследствии организуем гангрену и ампутуруем все родственные связи. На данный момент, потерявшие находятся вне застолья.

ДУШЕВНИНА. А сестра-то, навскидку, алкоголичка.

ИНГА. И что это меняет? Однако, кажется, время у нас есть. К столу!

СЦЕНА 7. Квартира. В прихожей сидит Людмила Яковлевна.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Во двор выйти бы, на воздух. Где сил взять..

Входит Евгения.

ЕВГЕНИЯ. Бабушка, ты обещала с постели не подниматься.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Когда-нибудь так и случится.

ЕВГЕНИЯ. Здесь же сквозняк, пока новую дверь не поставили. Ну, иди, иди-иди уже отсюда...

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Где была? Что в сумке?

ЕВГЕНИЯ. Мне же обидно... не надо меня подозревать!

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Сумку покажь.

ЕВГЕНИЯ. Я ходила к маме. Всё-всё, всё, идём домой.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. В моём доме будешь командовать после моей смерти!

ЕВГЕНИЯ. Начинается...

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Не переживай, кончается.

ЕВГЕНИЯ. Я — к себе.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Как там наши?

ЕВГЕНИЯ. Ой, да сиди где хочешь и сколько хочешь. А да, я только что встретила твоего офтальмолога. Такая встреча! Мельком. Случайно. Мимоходом.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Я знаю, всем вам на меня плевать, а ты так и вовсе ждёшь — не дождёшься...

ЕВГЕНИЯ. Не дождусь, и очень надеюсь именно на это. Ты у меня, бабуля, одна. Я — у себя, книжку читаю. Меня не беспокоить и не кантовать.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. А ну, вернись! Ты где? Я тебя совсем не вижу.

ЕВГЕНИЯ. Здесь.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. И не слышу никак.

ЕВГЕНИЯ. Отлично. (Вынимает из сумки бутылку, отпивает.)

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Женечка, поговори со мной. Меня никто не любит, мне скучно. Мне семьдесят три года, а я так и не заслужила веселья? Радости!

ЕВГЕНИЯ (по мобильному телефону) Нинка? Невеста с мамашей пришли? Пришли, таки! Ну-ну? Рассказывай.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Надо ценить молодость. Ещё крепче — юность. Передай это всем моим внукам. Скажи, что так велела бабка. Что-то же я должна им оставить в наследство. Квартиру забираешь ты, мамке вашей из меня уже ничего не надо, кроме моей смерти, она давно из меня все соки выжала.

ЕВГЕНИЯ (по мобильному). Короче, эта невеста — та самая врачиха, кто сегодня бабушку выпер из кабинета. Я тоже обалдела, когда увидела! Я с ними у вашего подъезда столкнулась. Нет, Лёньке не сказала. Что? Ага.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Лёнька меня тоже ещё в детстве своим пользовал, а сейчас и глаз не кажет. И ведь, как назло, умирать-то неохота... а надо, ох, как надо. Ну, сбросились, ну, подарили мне мобилу. А кто-нибудь звонит!? Только ваша мать и та — по обыкновенному телефону. (Засыпает.)

ЕВГЕНИЯ (по мобильному). Погоди-ка. Бабуля заснула, прямо в прихожей. Нет, бабушке не сказала и не скажу. Откуда я знаю, во что это для её здоровья выльется. А ты знай. И делай с этим, что хочешь. Ты лучше всех из нашей семьи, человечнее. Как решишь, так тому и быть. Всё. (Убирает мобильный.) Бабушка, ау! (Поднимает Людмилу Яковлевну, уводит.) В койку, в койку, ба, под одеяльце...

СЦЕНА 8. Комната сестёр. Нина, в праздничном наряде, с мобильным телефоном.

НИНА. Вот же гадство! И что теперь делать? Спасибо, сестричка, разгрузила свой больной мозг и скинула ссылку на мой здоровый.

В дверном проёме видно, что проходит по коридору Алевтина, с блюдом.

АЛЕВТИНА. Хитромудристей всех, что ли? Хорош гаситься, маршрут за стол. Я одна за всех перед гостями плясать не собираюсь.

НИНА. Женя звонила. У нас — проблема.

АЛЕВТИНА. Подожди, еду отнесу и — обратно! (Уходит в гостиную.)

В дверном проёме видно, что по коридору идёт Заряница, с блюдом еды.

ЗАРЯНИЦА. Нинка, немедленно прекрати уклоняться от гостеприимства.

НИНА. Знаешь, кто у нас в гостях?

ЗАРЯНИЦА. Шагай за стол, я сказала.

НИНА. Инга — тот самый глазник, ну, врач — офтальмолог...

Вбегает Алевтина.

АЛЕВТИНА (в дверях). Я здесь, здесь!

НИНА. Лёнькина невеста — та самая врачиха, что сегодня по-хамски выставила нашу бабушку из кабинета, вместе с Женькой.

АЛЕВТИНА. Она — та тварь!?

НИНА. Её маман тоже там присутствовала и это она лично и непосредственно применила к нашей бабушке физическое воздействие.

ЗАРЯНИЦА. Тише ты, услышат.

НИНА. Женя, когда от нас выходила, столкнулась с ними около подъезда. Они узнали друг друга.

АЛЕВТИНА. И всё равно вошли в наш дом!

НИНА. Но Лёня не в курсе.

ЗАРЯНИЦА. Да не орите вы! (Подаёт блюдо Алевтине.) На, иди поставь блюдо на стол, мне вздохнуть надо, сейчас приду. Иди, сказала!

АЛЕВТИНА. Сама орёшь. И мы их всё равно будем кормить!

ЗАРЯНИЦА. Я сказала, на.

АЛЕВТИНА. А чё я-то! Пусть Нинка...

ЗАРЯНИЦА. Не перечь матери! Сказала, взять и марш!

АЛЕВТИНА (приняв блюдо). Всё — я да я. Все на мне ездят, нашли бессловесное животное... Только без меня, чур, решение не принимать! (Убегает в гостиную.)

ЗАРЯНИЦА. Зачем ты только сказала. Хотя бы после их ухода. Что теперь делать... как себя вести...

НИНА. Потому и сказала. Вы все старше меня, любите командовать, вот вы и решайте.

Из гостиной вбегает Алевтина.

АЛЕВТИНА. Что-что, что?

НИНА. Ничего, проехали.

АЛЕВТИНА. В смысле?

НИНА. Ехали медведи на велосипеде, а за ними кот...

ЗАРЯНИЦА. Ещё одно слово и я тебя выпорю, Нинка! Не смейте дразниться, не время.

АЛЕВТИНА. И чего теперь делать будешь, мам? По-моему, надо их гнать взащей.

НИНА. А Лёнька?

АЛЕВТИНА. Сам виноват! На тридцатом году жизни, мог бы уже научиться выбирать женщин.

ЗАРЯНИЦА. Надо было ссориться с такими замечательным девушками, чтобы жениться на злодейке, не уважающей стариков! Хотя она, конечно, типичный современный врач, ведёт себя, как все, но мы же не всех в свою семью принимаем, а только одну... эту.

АЛЕВТИНА. Хорошо, бабушку не пригласили, вот для неё был бы удар.

НИНА. Так ведь эта парочка пришла не однократно, а на много лет, встретятся.

ЗАРЯНИЦА. Очень похоже, я моего сына знаю, он уже, если решил, то будет грызть землю до победного. А он, похоже, со свадьбой принял положительное решение...

НИНА. Если сегодня не разберёмся, завтра нам не разгрести.

АЛЕВТИНА. Да ладно вам. На самом деле, Лёнькино поколение не очень-то щепетильное, и на совесть они начхали. В отличие, от нас и маминых ровесников.

ЗАРЯНИЦА. Это верно, если бы у нас, с вашим папой, не было совести, тогда жили бы мы не в «хрущобе», а в каком-растаком особняке.

НИНА. Лёню жалко.

АЛЕВТИНА. Нечего его жалеть. Попереживает, водки попьёт, а потом другая найдётся. Надо ставить точки над «и» сейчас и однозначно.

НИНА. Промашка, Лёня не пьёт.

ЗАРЯНИЦА. Вот, что я думаю, девчата. Гостей надо перетерпеть, скандалов не устраивать. Пусть уйдут, а потом обсудим с Лёней сложившуюся ситуацию. Женю позовём, как живого свидетеля.

АЛЕВТИНА. Логично. Разумно.

ЗАРЯНИЦА. А ещё лучше вообще смолчать, как ни в чём не бывало.

НИНА. А сейчас, значит, улыбаться им и делиться хлебом!?

АЛЕВТИНА. Нин, ты же собралась любить человечество, во что бы то ни стало, вот и люби всех и этих в частности.

ЗАРЯНИЦА. И могло же, в конце концов, случиться так, что ничего такого с бабкой не произошло. Или Женька смолчала бы. Всё же Лёньке надо жениться, ему полезно и уже своевременно. В случае чего, развестись сегодня — разчихнуть.

АЛЕВТИНА. Подсказать, чтоб брачный договор подписали. И в квартиру нашу её не прописывать.

ЗАРЯНИЦА. А вдруг Инга на самом деле хорошая, и с нашей бабкой получился простой психический срыв.

НИНА. Что за чушь, женщины, у хорошего человека на работе срывов быть не может, если только он не заскорузлый лицемер!

Из гостиной выходит ЛЕОНИД.

ЛЕОНИД

Мама! У нас гости, а вы тут толковище затеяли. Ну-ка, девчонки, живо за стол. Не ставьте меня перед посторонними в неловкое положение.

НИНА. Я не хочу есть. Я не хочу никого видеть. Я не хочу общаться ни с кем. И даже не пробуйте меня остановить, не рекомендую. (Одевается, уходит на улицу.)

АЛЕВТИНА. А я хочу есть. Хочу всех видеть. Хочу со всеми общаться. Я должна быть в курсе событий. (Уходит в гостиную.)

ЛЕОНИД. Сестрички опять перегрызлись.

ЗАРЯНИЦА. Типа того.

ЛЕОНИД. Это потому, что живут вдвоём в одной клетушке. Будем расширяться. Покуда никого нет, мам, скажу тебе. Завтра с утра поедем, и ты оценишь воочию. А теперь — за стол.

ЗАРЯНИЦА. Куда поедем?

ЛЕОНИД. Разве я не сказал? Знаешь, мам, у меня такое замечательное чувство в душе, как будто впереди ещё много-много радости! Неужели женитьба — настолько позитивное событие?

ЗАРЯНИЦА. Куда поедем, спрашиваю?

ЛЕОНИД. За город. Мы все съезжаем из «хрущобы». Я купил особняк. Только, мам, никому ни слова, ага? Будет всем сюрприз. Завтра съездим, посмотришь. Ты, мама, хозяйка дома. Только ты имеешь право на его устройство. Где должен стоять диван, какого цвета обои в туалете, где оранжерея...

ЗАРЯНИЦА. Теплица, огород! Ошалеть. Сынок, это очень дорого!

ЛЕОНИД. Не буду же я экономить на семье.

ЗАРЯНИЦА. Я не управлюсь, у меня же работа, уборка...

ЛЕОНИД. Всё, мам, хватит. Рабочего стажа у тебя хватает, а подработка переносится в домашние условия.

ЗАРЯНИЦА. Я — домохозяйка?

ЛЕОНИД. Настоящая, реальная.

ЗАРЯНИЦА. Ты же женишься, Инга должна быть хозяйкой.

ЛЕОНИД. Ни за что. Ни ИНГА, никакая-другая женщина. Только ты.

ЗАРЯНИЦА. Ты не любишь Ингу?

ЛЕОНИД. Очень даже люблю. Но она же меня не рожала. В конце концов, женщина со стороны может разлюбить, предать, умереть, а мама не разлюбит, не предаст, и никогда не умрёт. Пойдём за стол, мама.

СЦЕНА 9. Двор. Людмила Яковлевна сидит на лавочке у подъезда, достаёт из сумки тонометр, приготавливается к замеру давления.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Ну, замерю, и что, давление нормализуется, что ли.

Во двор входит Нина.

НИНА. Дай, помогу.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Бляха муха, где я?

НИНА. Я тебе твоих любимых самолётных конфет принесла, после замера.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Я живая или уже всё, каюк?

НИНА. А почему ты не дома столь интимными делами маешься? Показания тонометра могут получиться неверные.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Внученька, ты?

НИНА. Бабушка, пожалуйста, не надо показательных выступлений, зрителей нет. Включаю. Помолчи. (Пауза.) Готово.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Ты же знаешь, какого числа мне пенсию приносят, совсем не сегодня, чего не пришла?

НИНА. Вот тебе одна конфетка, остальные две потом. (подаёт конфетку) Я просто так пришла, бесплатно. Сто пятьдесят на девяносто, пульс 75. В космос собралась или к нам в гости пойдём?

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Чёрт возьми, я точно живая!?

НИНА. Лёнька невесту привёл с тещей, все хотят, чтобы ты вынесла приговор.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Ишь, как у вас: девушка — ещё невеста, а её мама — уже тёща. Весело. Выходит, одно бракосочетание я уже профукала?

НИНА. Идём, сообразительная ты наша? (Собирает тонометр.)

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Спрашиваешь! Но мне надо нарядиться. Жди, я — мигом. Тонометр давай.

Из подъезда выходит Евгения.

ЕВГЕНИЯ. Ба, долго ты ещё тут будешь... О, Нинка, салют. Бабуль, я посижу на свежем воздухе.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. И я как раз квартиру проветрю. (Уходит в дом.)

ЕВГЕНИЯ. Пospала я!.. удачно, без кошмаров.

НИНА. Алька позвонила какому-то подполковнику и сказала, что согласна на военное училище. Уезжает.

ЕВГЕНИЯ. Уела ты меня Блоком. Я ведь меня считали специалистом по его творчеству. А в этом доме, оказывается, ни одной приличной книжки! Я, давай, вспоминать. А мозги-то заскорузли! Всё, что вспомнила наизусть, четверостишие. Слушай: «Мы теперь уходим понемногу В ту страну, где тишь и благодать. Может быть, и скоро мне в дорогу Бреннные пожитки собирать».

НИНА (достаёт мобильный телефон, манипулирует кнопками). Это не Блок, Женя, похоже на Есенина.

ЕВГЕНИЯ. И отпустило, веришь, отпустило.

НИНА. Сейчас в Интернете справлюсь...

ЕВГЕНИЯ. Я ж думала, что под корень себя профукала, ан нет, тута я, есть.

НИНА. Так что, покатит наша Алька в казарму...

ЕВГЕНИЯ. Это Блок!

НИНА (показывает дисплей мобильного). Это Есенин.

ЕВГЕНИЯ. О, боже... боже... нет же, нет! Полная деградация... Нинка, я — ноль, бестолочь... ничто!

НИНА. В общем, решила я предъявить Лёнькиной докторше нашу бабушку.

ЕВГЕНИЯ. На днях вычислила точку моего падения. Меня уговорили подработать девушкой с цветами. Проходили лыжные соревнования и победителям вручали медали. Я подносила цветы, в числе нескольких таких же дур. Меня, естественно, показали по телевизору. И посыпались приглашения! То там поприсутствовать, то там повручать, то с тем потреться, то того посопровождать. За оплату!

НИНА. Надо быть человеком. Если наш единственный брат женится на сволочи, которая ломает ему судьбу, тогда я не хочу быть виноватой только потому, что смолчала.

ЕВГЕНИЯ. И я подумала: у меня два красных вузовских диплома, не считая школьной золотой медали. Я едва нашла работу не по специальности и вкалываю по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Те же лыжники. Вот кто вламывает! Собственное детство, личную юность бросают под ноги и месяц, месяц, месяц... А тут — я, подставка для цве-

тов с тупорылой улыбкой вместо лица. И — всё: известность, гонорары, мужчины. И вот, я путаю Блока с Есениным! Мне — конец.

НИНА. Жень, не парься.

ЕВГЕНИЯ. Дай мобильник, надо позвонить. (Берёт у Нины мобильный телефон, набирает номер.) Напомни мне, ради всего святого, что-то там про жёлтые окна...

НИНА. «В соседнем доме окна желты. По вечерам — по вечерам скрипят задумчивые болты, Подходят люди к воротам. И глухо заперты ворота, А на стене — а на стене Недвижный кто-то, черный кто-то Людей считает в тишине».

ЕВГЕНИЯ (по мобильному). Иван Иванович? Это Заряница Евгения. Я решила. Да, заберите меня с потрохами. Лучше сегодня же, сейчас. Я жду. До встречи. (Отдаёт мобильный Нине.) Это нарколог. Пусть мы живём в нулевые, но жизнь нулевой быть не должна, не имеет права. Скажешь потом бабушке, что я легла в больницу. Добровольно. Она обрадуется.

НИНА. Мы все — тоже.

Из подъезда выходит Людмила Яковлевна.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. В честь такого события, с официальным приглашением, поедем на «маршрутке».

ЕВГЕНИЯ. Бабушка, счастливо.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА (Нине). Идём, золотко, идём. (Уходит с Ниной.)

ЕВГЕНИЯ. «Я слышу всё с моей вершины: Он медным голосом зовет Согнуть измученные спины Внизу собравшийся народ». Нинка, сестричка, я помню! «Они войдут и разбредутся, Навалят на спины кули. И в жёлтых окнах засмеются, Что этих нищих провели». Я вспомнила.

СЦЕНА 10. Комната сестёр. По коридору, из кухни в гостиную, идёт Алеwtина, несёт торт. За ней, с чайниками, идёт Заряница.

ЗАРЯНИЦА. Алька, ступай аккуратнее, уронишь...

АЛЕВТИНА. И чего бы им от чая не отказаться.

Из гостиной выходят Душевнина, Инга и Леонид.

ЗАРЯНИЦА. А как же чай?

ДУШЕВНИНА. Спасибо, сватья, питание уже из ушей выливается...

ИНГА. Столько всего выпить.

ЗАРЯНИЦА. Торт — не еда

АЛЕВТИНА. Сходите на горшок, и обратно, к столу.

ДУШЕВНИНА. Фу... как неприлично.

АЛЕВТИНА. А вы теперь станете учить меня приличиям?

ИНГА. Мама, Аля же ещё маленькая...

ЛЕОНИД. Мала блоха, да кусача.

ДУШЕВНИНА. Мал клоп да вонюч. Правда, Мария Алексеевна?

ЗАРЯНИЦА. А что это вы, Светлана Константиновна, на мою дочь наезжаете с обидными выражениями?

ЛЕОНИД. Мама, это же юмор! Никто никого не обижает, правда, Аля?

ИНГА. Мам, ты на самом деле думай, что говоришь.

АЛЕВТИНА. Кто-то в замке ковыряется?

Входит Нина, с ключами, за ней — Людмила Яковлевна.

НИНА. Мы пришли, если кто не ждал.

ЗАРЯНИЦА. Ну, ты, дочка, циркус...

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Здравствуйте. А это — я, ваша бабушка.

ЛЕОНИД. Привет! И чего ты так поздно?

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Действительно, и чего это я? Так, и кто у нас Лёнькина невеста?

ЗАРЯНИЦА. Мама, ты пройди сначала толком...

НИНА. Вот она — невеста, зовут Инга. А рядом — её мать, по фамилии Душевнина, как звать, не помню.

ЛЕОНИД. Дорогие женщины, ради нашей бабушка, вернёмся к столу, попьём чайку...

АЛЕВТИНА. Поближе познакомимся...

ДУШЕВНИНА. Нет, нам пора, извините. Идём, Леонид...

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Инга? Вот ты какая... А у меня с глазами после инсульта стало совсем никуда, черты лица не различаю, одно общее пятно.

ЛЕОНИД. Инга — офтальмолог, она посмотрит тебя, правда?

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Научаюсь жить наощупь.

ДУШЕВНИНА. Посмотрит, куда денется...

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Ну-ка, наощупь, чтоб знать! (Наотмашь обеими ладонями берётся за лицо Инги, треплет её причёску.) Такие щёчки. Такой лобик. Такие ушки. Такая шейка.

ИНГА. Больно же... не надо...

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. А меня зовут Людмила Яковлевна Кузнецова, семьдесят три года, пенсионерка...

ИНГА. Я поняла, поняла!

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. А это, Лёнька, наша тёща? (Проделывает то же с Душевноиной.)

ДУШЕВНИНА. Не надо! Прекратите меня лапать! Не мацай мне лицо! Хватит!

ИНГА. Бабушка, оставьте нас...

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА (отступив). Вот и познакомились. Моё палпирование свидетельствует, что тёща у нас какая-то чересчур молодая?

АЛЕВТИНА. Я так поняла, что на плечах у неё вместо головы последствия пластической операции.

ДУШЕВНИНА. Хорош, нагостевались. Спасибо за всё, познавательно было познакомиться! (Уходит из квартиры.)

ИНГА. Да. Леонид, проводишь?

ЛЕОНИД. Догоню.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Не тормози из-за меня, внучок, не надо, меня всё равно уже почти, что нет на этом свете. Иди, иди.

ЛЕОНИД. Увидимся, ба.

ИНГА. Всего хорошего. Всех благ. (Уходит с Леонидом.)

ЗАРЯНИЦА. А я думала, ты пластом лежишь с давлением. Чего, думаю, беспокоить.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Ладно, девки, чайку-то налейте.

НИНА. С тортиком?

АЛЕВТИНА. У неё же диабет.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. У меня его нет, правда, у него есть я, но мы договоримся по-свойски.

НИНА. Бабушка, ты узнала Лёнькиных тёток?

ЗАРЯНИЦА. Как ты смеешь так говорить о взрослых! (Даёт Нине подзатыльник.)

НИНА. За что!

АЛЕВТИНА. А можно я добавлю?

НИНА. Отвали...

АЛЕВТИНА. Устроила тут...

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. А что такое? Кого я должна была узнать?

НИНА. Инга же — врачиха, та самая, которая тебя сегодня в поликлинике вашей вытолкала!

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Взашей? Врачиха! Ты что, мать, с дуба рухнула? Никто меня из кабинета не выталкивал, и в поликлинику я сегодня не ходила.

НИНА. Женька же рассказывала!

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Нашла кого слушать. Ей и не такое видится. Белая горячка — это тебе не насморк. Дурная наследственность...

АЛЕВТИНА. Не надо плохо говорить про папу!

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Это тебе он был папой, а я ему была тёщей.

ЗАРЯНИЦА. Что было, то и есть.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Чай, наверное, уже остыл.

ЗАРЯНИЦА. Пошли все на кухню.

НИНА. А я думала, ты их узнала, или за что же ты тогда им по мордам надавала.

ЗАРЯНИЦА. Хватит грубить. Алька, шагай, ставь чайник.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Какая же ты, Нинка, въедливая, как соседская дрель. Идём, бабоньки, вечерять. (Подталкивает Алевтину и Заряницу в сторону кухни.)

НИНА. Бабушка!

ЗАРЯНИЦА. Хватит! Ты что — идиотка? Не понимаешь ничего? Конечно, бабка узнала и врачиху, и её мамашу. Узнала?

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Естественно, я же не слепая.

ЗАРЯНИЦА. Но они — не наши, они — Лёнькины. Он их приобрёл, он с ними сам пусть и разбирается.

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. И точка. Не лезь в дела взрослых, поняла, внученька?

ЗАРЯНИЦА. Сначала школу закончи, проживи лет пятьдесят, тогда и поступай, как считаешь нужным. Не волнуйся, я дождусь твоей зрелости.

АЛЕВТИНА. Ой, вы, старушки, всегда, конечно, правы, я — на кухне. (Уходит.)

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. А за чай в семейном кругу, Нинок, спасибо. Если бы не ты, когда ещё встретились бы. Совсем вы меня стали забывать...

ЗАРЯНИЦА. Мама, мы же думали, что ты больная...

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Маша, я что-то запаматовала, на какой глаз мне делали в мае операцию?

ЗАРЯНИЦА. Не помню, мам. А на какой ты лучше видеть стала?

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. Да ни на какой! Как было, так и есть...

ЗАРЯНИЦА. Зачем тебе?

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА. В регистратуре в понедельник спросят. (Уходит с Заряницей в кухню.)

НИНА. Не хочу я с вами! Не стану! (По мобильному телефону.) Здравствуйте, это Нина Заряница. Вы мне предлагали интернат. Вы уверены, что я — одарённый ребёнок? А маму мою возьмёте на себя? Тогда я тем более согласна. Почему передумала? Ну, прежде всего потому, что, живя в нулевых, не хочется нулевой жизни. Да. До завтра.

СЦЕНА 11. Двор дома. На скамье сидит Инга. Кругами ходит Душевнина. Неподальёку стоит Леонид.

ЛЕОНИД. Хорошо, не зима, а то все перемерзли бы.

ДУШЕВНИНА. Всё нормально, всё спокойно, всё путём...

ЛЕОНИД. А что, если поговорить? Инга?

ИНГА. Да.

ДУШЕВНИНА. Нет.

ИНГА. Да.

ДУШЕВНИНА. Нет!

ИНГА. Сегодня ко мне на приём приходила твоя бабушка.

ЛЕОНИД. Я в курсе.

ИНГА. Вот как!? То есть, ты знаешь, что я её унизила, оскорбила...

ЛЕОНИД. Разве ты поступила так впервые?

ДУШЕВНИНА. Да!

ИНГА. Нет.

ЛЕОНИД. Выходит, твоё поведение относится не конкретно к моей семье, а вообще?

ДУШЕВНИНА. Нет! То есть, да... В смысле... о, Господи.

ЛЕОНИД. Следовательно, не о чем беспокоиться.

ИНГА. Не поняла...

ДУШЕВНИНА. Всё понятно! Лёничка — истинный джентльмен, настоящий рыцарь, он не станет рушить союз двух любящих сердец из-за обыкновенного недоразумения.

ИНГА. Да?

ЛЕОНИД. Да.

ИНГА. То есть, ты не станешь заступаться за родного человека?

ЛЕОНИД. За любого из моей родни я встану горой. Но в этот раз ситуация несколько, согласишься, нетипичная для стереотипного поведения. Бабушка — пожилой человек, а у нас, с тобой, всё впереди.

ДУШЕВНИНА. Молодец! Я в тебе не ошиблась!

ЛЕОНИД. Светлана Константиновна, я рад, что мы с вами находим понимание...

ИНГА. Но не со мной!

ДУШЕВНИНА. Инга! Я тебя умоляю,

ИНГА. Единожды солгавший, кто тебе поверит.

ЛЕОНИД. Козьма Прутков.

ИНГА. Что Козьма Прутков?

ДУШЕВНИНА. Козьма Прутков поверит. Кто это? Да хрен с ним. Доча, ну, что за детский сад...

ЛЕОНИД. Пруткова даже в природе не существовало. Это коллективный псевдоним сочинителей-приколистов, так стоит ли ссылаться на подобную публику...

ИНГА. Дело не в формулировке. Сегодня ты не заступился за бабушку, завтра не заступишься за меня.

ЛЕОНИД. Такое просто невозможно!

ИНГА. Не верю. И не поверю никогда. Предавшему родную кровь, почему не похерить чужую.

ЛЕОНИД. Солнышко моё...

ИНГА. Нет!

ДУШЕВНИНА. Да!

ЛЕОНИД. Ась?

ИНГА. От солнца слепнут, поэтому я на него не пялюсь, и, как офтальмолог, никому не советую. Прощай.

ДУШЕВНИНА (бежит за Ингой). Нет!

ИНГА. Да. (Уходит.)

СЦЕНА 12. Комната сестёр. Нина протирает корешки книг. Из кухни выходит Алевтина, останавливается на пороге.

АЛЕВТИНА. Пока ты гоняла за бабушкой, я поймала момент и рассказала Лёньке про ситуацию в поликлинике.

НИНА. А я дала согласие на интернат в Новосибирске.

АЛЕВТИНА. Далековато.

НИНА. Ты — в армейскую казарму, я — в научную.

АЛЕВТИНА. Лёнька сначала ошалел, потом расстроился. А минут через десять отвёл меня в сторонку и сказал, что поговорит с Ингой.

НИНА. А поговорить с бабушкой он не захотел!?

АЛЕВТИНА. Но ты же слышала, что сказала сама бабушка.

НИНА. Но она это сказала нам, только что! Лёня не мог знать, что она это скажет!

АЛЕВТИНА. Бабушка его воспитывала. Знал.

НИНА. Женька сдаётся в наркологию.

АЛЕВТИНА. Ура!

НИНА. Мама одна остаётся.

АЛЕВТИНА. Рано или поздно... Есть на эту тему что-нибудь из Блока?

НИНА. Конечно. Есть. Может быть. Не помню. Мне всё равно. Стихи — это не жизнь, а так — жизненный отрезок. Стихи — это детство. А я из детства уезжаю. И ты.

АЛЕВТИНА. Мама остаётся одна.

НИНА. Рано или поздно... Подожди-ка, и бабушка тоже одна!

АЛЕВТИНА. Они — мать и дочь, они есть друг у друга. Есть Лёнька. Делай, что должно, и будь, что будет.

НИНА. Леонид — не Лев, а только видимость льва. И вообще — мужчина. Зато они втроем друг друга вон, как понимают. Справятся.

АЛЕВТИНА. «Я шёл к блаженству. Путь блестел Росы вечерней красным светом, А в сердце, замирая, пел Далекий голос песнь рассвета.

НИНА. Рассвета песнь, когда заря Стремилась гаснуть, звезды рдели, И неба вышние моря Вечерним пурпуром горели!..

АЛЕВТИНА и НИНА (вместе). Душа горела, голос пел, В вечерний час звуча рассветом. Я шел к блаженству. Путь блестел Росы вечерней красным светом».

ЛЖИЦА

новелла

время действия: 10-е г. г. XXI века

действующие лица:

ЛЖИЦА Серафима Серафимовна, 30 лет

КАЛЕРИЯ, 23 года

МЕЛАНЬЯ, 30 лет

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА, 50 лет

ТРЁХА Леокадия Корнеевна, 50 лет

ГРОМОВА Алёна Гариковна, 30 лет

РОДИТЕЛЬНИЦА, 30 лет

СЦЕНА 1. Квартира Лжицы. Спальня. В постели — Лжица и Калерия, одновременно, открывают глаза.

КАЛЕРИЯ. Проснулся? Зябко.

ЛЖИЦА. Не спала?

КАЛЕРИЯ. Полночи согреться не могла. Приготовь завтрак, умираю с голоду, а твоя кухня для меня — загадка.

ЛЖИЦА. Согреть мою чудную девочку...

КАЛЕРИЯ. Не тронь меня.

ЛЖИЦА. Сначала я в ванную скоренько. Чую свежесть: ты уже готова.

КАЛЕРИЯ. Не торопись.

ЛЖИЦА. А поцеловать...

КАЛЕРИЯ. Есть хочу.

ЛЖИЦА. Значит, завтракаем в постели. (Уходит.)

КАЛЕРИЯ. Бежать, покуда не поздно. Сейчас. (Выждав паузу, услышав шум воды в ванной, отбрасывает одеяло и торопливо одевается.)

Коридор. Калерия отпирает входную дверь, Лжица выходит из ванной.

ЛЖИЦА. Лера!?

КАЛЕРИЯ. Ну, откуда ты такой шустрый. Чего тебе не моется...

ЛЖИЦА. Зубной пасты нет, по-моему, на кухне...

КАЛЕРИЯ. Ты нормальный, Лжица, или что?

ЛЖИЦА. Уходишь?

КАЛЕРИЯ. Почему твоя зубная паста на кухне? Нет, приходишь. К чему глупые вопросы. Как же я не хотела разговоров! Там, в спальне, тебе письмо от меня.

ЛЖИЦА. А наша ночь... зачем была?

КАЛЕРИЯ. Ещё слезу пусти.

ЛЖИЦА. Лерушка, солнышко... радость моя. Не полюбит тебя никто, как я...

КАЛЕРИЯ. Я всю ночь прощалась с тобой.

ЛЖИЦА. Крепче и светлее любить невозможно. Я готов ради тебя на всё.

КАЛЕРИЯ. Что ты мелешь.

ЛЖИЦА. Готов убить, кого прикажешь, готов сам в окно выброситься, только прикажи. Я не мелю, я признаюсь в любви! В покорности, если угодно, в рабстве. Лерушка...

КАЛЕРИЯ. Как баба, ей-богу. Слушать противно. Освободи выход. Противно. Мерзко. Тряпка. У тебя даже жилья своего нет, квартира Родительницаская. Отойди от двери. Ой, да хватит рожки корчить, слёзы пускать. Потому и не хотела с тобой разбирательств, сироп ты, а не мужик.

ЛЖИЦА. Да ведь я ради тебя судьбу поменял, ты знаешь...

КАЛЕРИЯ. Ладно, откровенно. Лжица, я не могу позволить себе расслабиться и тупо выйти замуж, просто потому что. Я молода, впереди целая жизнь и она должна быть хорошо оплачена.

ЛЖИЦА. Потерпи, и я стану хозяином.

КАЛЕРИЯ. Я — женщина, семья будет на моей совести. Так что, всё должно быть заранее, продумано и с гарантией. Долго, очень долго. Ты нормальный, Лжица, освоишься без меня, тебе ещё любить и любить, гуляй, а мне замуж пора, по-взрослому. Вот ключи, вся связка. Будь. Будем! Поверь, у тебя всё хорошо. (Уходит.)

ЛЖИЦА. Почему зубная паста должна быть в кухне? Проверю.

СЦЕНА 2. Двор многоэтажки. У подъезда стоит Родительница с ребёнком, спящим в коляске.

РОДИТЕЛЬНИЦА (качая коляску, напевает). Дети, тише, кот на крыше, чёрный, страшный и опасный, и глазищи, как две фары у котичи — у котяры... У вас есть папа, его зовут Сан Саныч.

Калерия выходит из подъезда.

КАЛЕРИЯ. С добрым утром, папаша! (Уходит со двора.)

РОДИТЕЛЬНИЦА (вослед). И вам везде успеть. (Напевает.) У вас есть папа, его зовут Сан Саныч...

Из подъезда, в туфлях на босу ногу, выбегает Лжица в одном нижнем белье, ищет взглядом Калерию.

ЛЖИЦА. Девушка из подъезда выходила?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Да.

ЛЖИЦА. Куда пошла?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Тише, ради Бога! Ребёнок спит. Да вон же, в такси села, видите?

ЛЖИЦА. Да уж, такси не догоню.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Обчистила, что ли?

ЛЖИЦА. Хуже. Вам какое дело!

РОДИТЕЛЬНИЦА. Потихе, пожалуйста! Сами со мной заговорили. Дочка спит...

ЛЖИЦА. Какие же они, эти девочки, замечательные, когда в постельке. Закурить будет?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Не замёрзли?

ЛЖИЦА. С чего бы?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Вы не одеты.

ЛЖИЦА. Как это?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Зарок дал жене, при ребёнке не курить.

ЛЖИЦА. О, чёрт, раздет я, что ли? Надо же. Ничего себе цыганочка с выходом! Как в песне: А я в трусах и маечке по улице бегу, здоровье своё шаткое для Тани берегу.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Таня — симпатичное имя, только заезженное.

ЛЖИЦА. Она — не Таня.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Любовь?

ЛЖИЦА. Полный идиотизм. (Уходит в подъезд.)

РОДИТЕЛЬНИЦА. А похоже, что любовь. Все влюблённые — дети. Спят когда хотят, от еды отказываются, капризничают, проказничают... не поймёшь никогда, что надо. Погуляем, доча, вокруг дома прокатимся? Поехали. (Напевает.) Обидеть Таню может каждый, не каждый может убежать. (Уходит.)

СЦЕНА 3. Квартира Лжица. Спальня. Входит Лжица с улицы, находит взглядом конверт на тумбочке, вскрывает.

ЛЖИЦА (читает). «Серёженька, я ушла насовсем. Пожалуйста, не надо выяснять отношения, не ищи меня! Я полюбила другого. Прощай. Лера». Зубы всё равно почистить надо. Где паста... (Уходит.)

Кухня. Входит Лжица, берёт бутылку водки, выпивает.

ЛЖИЦА (по телефону). Доброе утро. Мама, мы не приедем. Ну, не познакомишься сегодня, познакомишься в другой раз. Никуда ваша да-

ча не денется. А может и не будет другого раза. Всё, мам, привет папе. Не волнуйся, всё нормально. Счастливо. (Кладёт телефон.) Зябко, хоть в шубу залезай. (По телефону.) Ало? Да? Меланья, помираю. Не приедешь? Ну, конечно, для бабы главное в жизни понты. Ну, и не приезжай. (Кладёт трубку.) Где же паста... Да вот же. (Берёт тюбик.) Шубейку одеть, так холодно-то! Ещё водочки живительный глоток. (Выпивая.) Отключили батареи, нисколько о людях не думают, каждый год, когда цветёт сирень, они оставляют народ без тепла. Шубейка-шубейка, встань ко мне передом, а к коммунальщикам залом. (Уходит.)

Ближе к вечеру. Прихожая. Долгие звонки в дверь. Из кухни выходит заспанный Лжица, в шубе. Смотрит в глазок, отпирает дверь. Входит Меланья.

ЛЖИЦА. И почему я не удивлён.

МЕЛАНЬЯ. Опух-то как.

ЛЖИЦА. Как только у меня возникает незадача с какой-нибудь дамочкой, эта Иван — тут, как тут.

МЕЛАНЬЯ. Любишь ты с большого мозга — на здоровый. Полдня скулил по телефону, чтобы я к тебе приехала. Сережа, я приехала.

ЛЖИЦА. Вот, как ты меня выдрессировала, что я и полдня уже не могу выдержать без тебя, как только у меня незадача. Прости. Я хам. Мне плохо. Я не соображаю. Проходи. Дружок ты мой душевный... Меланьюшка. Что я делал бы без тебя.

МЕЛАНЬЯ. От тебя чадит перегарищем, близко не подходи. И зачем ты напялил шубу на голое тело?

ЛЖИЦА. Может, мне в ванную сгонять?

МЕЛАНЬЯ. Мудро.

ЛЖИЦА. А ты не спрячешь мою водку?

МЕЛАНЬЯ. Когда на работу?

ЛЖИЦА. А сегодня понедельник?

МЕЛАНЬЯ. Суббота. Не спрячу.

ЛЖИЦА. Так я, значит, с чистой совестью пошёл в чистую ванную за чистым туловищем?

МЕЛАНЬЯ. Наверняка уборку придётся делать. Шубу оставь.

ЛЖИЦА. Мне и так мусорно, и этак. А я без Лерки, как без кожи.

МЕЛАНЬЯ. Молодец — холодец. Кто она?

ЛЖИЦА. Уже неважно, уже ушла. Ты не уверена, что я хороший человек? Не отвечай, знаю. А я хороший мужчина?

МЕЛАНЬЯ. В ванной не засни.

ЛЖИЦА. Я без тебя, Меланья, неоднократно уже не выжил бы ни за что. Спасибо тебе за жизнь. (Уходит в ванную.)

МЕЛАНЬЯ (берёт из кладовки ведро и швабру). Мой инструмент всегда на стрёме. Со спальни и начнём уборку. (Распахивает дверь ванной.) А ну-ка, выйди, переоденусь.

ЛЖИЦА. (выходит из ванной). Хоть бы раз увидеть тебя просто женщиной.

МЕЛАНЬЯ. Хочешь?

ЛЖИЦА. Хочу.

МЕЛАНЬЯ. Показать?

ЛЖИЦА. Дружба дороже.

МЕЛАНЬЯ. Тогда брысь. (Уходит в ванную.)

ЛЖИЦА. Вот только шелестеть на меня с таким ядовитым шипом не надо, и так обидно жить. (Отвечает на сигнал домофона.) Слушаю вас? Лера!? Входи.

Из ванной выходит Меланья, переодетая в старый халат.

МЕЛАНЬЯ. Кто-то пришёл?

ЛЖИЦА. Она вернулась.

МЕЛАНЬЯ. Мне под кроватью спрятаться?

ЛЖИЦА. Она о тебе знает.

МЕЛАНЬЯ. Обо мне все твои знают. Интересно, кто я для тебя на самом деле? Друг или самый запасной аэродром на пенсии?

ЛЖИЦА. Лучше надёжный друг на всю жизнь, чем межполовые претензии. Не морочь голову. Нашла время...

МЕЛАНЬЯ. Возьми себя в руки, Сергей, и не стелись перед женщиной. Когда мужик стелется, женщина сразу становится бабой и принимается блажить. Пошла на мойку баррикад. (Уходит в гостиную.)

ЛЖИЦА. Женщина становится бабой, а мужик — тряпкой? Нет! Я есть я. Я по Лере схожу с ума! Выводы она делает, типа лучше меня жизнь знает, как же.

МЕЛАНЬЯ. Ты про меня ворчишь?

ЛЖИЦА. Про себя.

МЕЛАНЬЯ. Влюблён? Тогда тебе не меня вызывать надо было, а санитаров. И встретил бы их по-мужски, пулей в собственный висок. Или в сердце, что красивее и даёт шанс на выживание.

ЛЖИЦА (на звонок в дверь). А вот пуля пролетела...

МЕЛАНЬЯ. И ага.

ЛЖИЦА. Ну, ты, конечно, утешительница... ничего не скажешь. (Открывает дверь.) Вернулась.

Входит КАЛЕРИЯ.

КАЛЕРИЯ. Прости, пожалуйста. И не гони с порога! Я, наверное, подлая, глупая. Обидела тебя утром, оскорбила. Серёженька, умоляю, не сердись...

ЛЖИЦА. Да никто тебя не гонит. Что-то случилось? Присядь.

КАЛЕРИЯ. Только не трогай меня руками, а просто спаси меня. Если не поможешь, мне надо будет ещё куда-то бежать, просить кого-то...

ЛЖИЦА. Слушаю, девочка, слушаю.

КАЛЕРИЯ. Не знаю, как начать... У тебя кто-то есть?

ЛЖИЦА. Да, Меланья. Помнишь, я рассказывал тебе про одноклассницу?

КАЛЕРИЯ. А! Которая любит тебя всю жизнь, как кошка?

На пороге появляется Меланья.

МЕЛАНЬЯ. Влюблённые кошки за другими дерьмо не подчищают, они этих других дерут в лоскуты.

ЛЖИЦА. Только ты хотя бы сейчас не начинай.

МЕЛАНЬЯ. Я вообще могу уйти.

ЛЖИЦА. Иван! Без шантажей мне тут! Цыц, прошу, пожалуйста, перестань злобствовать! Лера, идём в кухню, там поговорим.

МЕЛАНЬЯ. Только разуть подружку не забудь, я уже устала за ней подтирать...

ЛЖИЦА. Что за детский сад.

МЕЛАНЬЯ. Пусть разуется!

ЛЖИЦА. Не видишь, она вся в шоке трепещет? Не до того ей, маленькой. Ты всё равно в коридоре ещё не мыла. И перестань третировать девушку в шоке!

МЕЛАНЬЯ. Была ба в шоке, сейчас трепетала бы не у тебя в прихожей.

КАЛЕРИЯ. Простите! Простите, простите...

ЛЖИЦА. Проходим, проходим, проходим...

МЕЛАНЬЯ. Нашли прислугу.

ЛЖИЦА. Не нравится, вали, обойдусь.

МЕЛАНЬЯ. Обходись! (Уходит в ванную.)

КАЛЕРИЯ. Меланья твоя... ух! Она роскошная. Слепой дурак ты, Лжица.

ЛЖИЦА. Хорошо, задание понятно, буду прозревать. Что с тобой случилось? Кто роскошная — Малашка? Да ну тебя, скажи ещё, что она женщина. Хотя чёрт знает...

КАЛЕРИЯ. Меня только что допрашивал следователь прокуратуры.

ЛЖИЦА. Что-что!? Идём в кухню. Рассказывай! (Уводит Калерию в кухню.)

КАЛЕРИЯ (на ходу). Сейчас, сейчас... расскажу...

СЦЕНА 4. Двор. У подъезда стоит Родительница, с коляской.

РОДИТЕЛЬНИЦА (напевает). Апельсин солнца наткнулся на голубые иглы елей и завис в небе, споткнувшись, покачиваясь еле-еле...

Из подъезда выходит Меланья.

МЕЛАНЬЯ (усаживается на скамью). Не помешаю?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Тише, пожалуйста, ребёнок спит. Сидите, только негромко.

МЕЛАНЬЯ. Я шепчу, а вы поёте в голос.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Нам можно, мы здесь живём, наш голос узнаваем. Не надо реагировать так нервно.

МЕЛАНЬЯ. А что, сидеть можно громко? Он у вас всегда спит, а вы всегда поёте. Уже три года! Так что, я здесь тоже своя.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Это другой ребёнок. Следующий. За те три года, что вы сюда приходите, он уже второй. А вы всё плачете. Приходите и уходите со слезами.

МЕЛАНЬЯ. Что значит «другой»? Три года одно и то же!?

РОДИТЕЛЬНИЦА. У меня уже третий ребёнок, а у вас без перемен. Никакого продвижения.

МЕЛАНЬЯ. На этом — всё. И живите, как хотите. Хватит! (Уходит со двора.)

РОДИТЕЛЬНИЦА. Как хотим, так и живём! Но чаще всего — как можем... как можем. Поехали, третий ребёнок, прокатимся. (Уходит.)

СЦЕНА 5. Квартира Лжица. Кухня.

ЛЖИЦА (вертит в руках визитную карточку). Я не намерен рисковать ради твоего хахала. Правоохранительные органы — не моя епархия. Я маленькая сошка.

КАЛЕРИЯ. Она не хахаль, она мой жених. Ты на моих глазах решил проблемы намного более серьёзного уровня.

ЛЖИЦА. И давно он — жених?

КАЛЕРИЯ. Не юродствуй.

ЛЖИЦА. Я не решал вопросы, я только проводил в жизнь решения моего начальства, которое, собственно, и решает.

КАЛЕРИЯ. Месяц. Месяц, как жених. Прости. Ну, не признавалась! Потому что размышляла. Тебе трудно сделать вид, что освобождение моего Трёхи является мнением твоего начальства об его целесообразности? Брось, ты же матёрый лжец, иначе не сидел бы так долго и прочно на своей расстрельной должности.

ЛЖИЦА. И?

КАЛЕРИЯ. Была с тобой, а размышляла о ней.

ЛЖИЦА. И?

КАЛЕРИЯ. Опять разборки устраиваешь?

ЛЖИЦА. И?

КАЛЕРИЯ. Со дня знакомства прошёл год. Ты всё понимаешь. Я в Москве понаехавшая, кончаю универ, диплом на носу, мне надо устраиваться.

ЛЖИЦА. Год. Который ты была со мной. И с ним. И кто из нас лжец?

КАЛЕРИЯ. А ещё я обязана помогать родителям, сёстрам. Потому что пять лет моей учёбы они помогали мне. И как я буду тянуть всю ораву? На какую такую зарплату? Я выбрала Трёху, с ней я не только устраиваюсь сама, без заморочек о хлебе насущном, но и перевожу сюда в Москву всю семью. Они поселятся в загородном доме моего мужа. А что ты можешь предложить?

ЛЖИЦА. Я мог дать тебе всё то же самое.

КАЛЕРИЯ. Мог или можешь?

ЛЖИЦА. Зато я не папик там какой-то, вдвоём мы на равных! Ты любишь меня? Отвечай: любишь?

КАЛЕРИЯ. Ох, дура я, дура...

ЛЖИЦА. Не верю, что ты настолько расчётлива. Ты меня любишь. Калерия, мы любим друг друга! Лера...

КАЛЕРИЯ. Лера — не лира, не пытайся на мне играть, манипулятор. Когда!? Когда!? Когда!? Когда ты можешь мне дать то, что у неё есть

уже... Не смей пользоваться моей безысходностью, или ты мне станешь совсем омерзительна, и тогда мы уже не встретимся никогда.

ЛЖИЦА. Не смей! Не смей обращаться ко мне в женском роде. Это единственное, что никому, ни одному близкому человеку на свете не прощаю; не прощу и не спущу...

КАЛЕРИЯ. Прости, случайно.

ЛЖИЦА. Я на работе устаю от лицемерия. Я — мужчина!

КАЛЕРИЯ. Ой, да извинилась уже! Не заводи старую пластинку.

ЛЖИЦА. Ты встретила меня и нашу судьбу мы можем вместе наживать, что и как сможем, но вместе. Я ж не бомж, не сачок, не прохиндей. У меня работа. Карьера — в моих руках. Ещё год-другой и я сам подберу себе классную должность. Решим бытовые проблемы. Скоро сдача дома, планировку сама видела, отопление автономное, всё чики-чики и, заметь бесплатно, исключительно для ценных работников и для особенно личных пристрастий сильных мира сего, среди элиты жить будем!

КАЛЕРИЯ. Среди элитной обслуги.

ЛЖИЦА. Всею своё время, сами будем составлять списки жильцов в новых домах. Брось ты своего папика, он же наверняка жлоб. Поднимемся честно и заслуженно. И ко всему этому будет ещё и любовь... наша, совместная, обоюдная. Любовь — это же такая редкость, такая ценность... такой восторг. В конце концов, у каждого своя судьба. Твоя родня имеет ту, которую сама нажила. Ты-то же не при чём. Это и есть справедливость. Ну, или карма, если угодно.

КАЛЕРИЯ. Я тебя не люблю, не люблю так, как ты меня. И ты меня так любить вечно не сможешь. Потому что так любить долго не бывает, а как бывает, я знаю, нагляделась. И восторгаться мне некогда. И ждать некогда. Моя родня — моя семья. Всё решено. Я — не твоя. Будь выше обиды, Лжица, ты же мужчина. Просто спаси меня, свою любимую женщину спаси.

ЛЖИЦА (кивая на визитную карточку). Я этого следователя не знаю. Не думаю, что смогу помочь. Хотя бы потому, что твой жених наверняка вор.

КАЛЕРИЯ. Она не вор, она коллекционер и, конечно, предпринимательница.

ЛЖИЦА. И позволяет обращаться к себе в женском роде? Сомнительный персонаж, не настоящий, типичный вариант извращенки.

КАЛЕРИЯ. Большая разница. Всё! Всё, не заводись. В конце концов, не твоё дело.

ЛЖИЦА. Байки про благородных коллекционеров и богатых добрячков рассказывай другим лапшевикам, а мне не надо.

КАЛЕРИЯ. Можно подумать, что тут собрались только честные люди, с чистыми руками и послушными уголовному кодексу.

ЛЖИЦА. Крадут, берут, хапают все, но не пойман — не вор.

КАЛЕРИЯ. А познакомиться со следовательницей? Выйти на неё через свои увязки? Ну, Сергунечка, миленький...

ЛЖИЦА. Многоходовые аферы бывают только в романах. В жизни просто: допустим максимум один ложный ход и то, если со скуки подыхаешь. Разумнее топором по голове и — все дела, нет человека — нет проблемы, мы — сталинцы, любители советского прошлого, такие же оголтелые, как любители колбасы, правда в те времена колбасы не было, а если и была, то совсем не для всех.

КАЛЕРИЯ. Не надо политиканства, ради бога! Буду приходить к тебе всю оставшуюся жизнь, пока не надоем, и отдаваться, отдаваться, отдаваться, где тебе приспичит, как приспичит. Хочешь, уже сегодня останусь с тобой?

ЛЖИЦА. Забудь о своём... как его... Трёхе. Да, хочу, останься. Уж если кто попал в разработку правоохранительным органам, то белым и пушистым оттуда уже не выберется, если вообще выживет.

КАЛЕРИЯ. Дай мне выпить. Я остаюсь.

ЛЖИЦА. Не бывает нелюбимых мужчин, бывает мало водки — так, что ли? Спасение Трёхи для тебя, Лера, не спасение, наоборот, это подталкивание тебя в мир криминала.

КАЛЕРИЯ. Ты, Лжица, не русский мужик, ты — москвичка, когда всегда одна и та же позиция: моя хата с краю — ничего не знаю. Зря пришла. Дебилка, что скажешь. Думала, ты меня и правда любишь. А ты меня просто хочешь. Отвяжись. Прощай.

ЛЖИЦА. Чёрт! Я сделаю это! Переговорю, с кем надо. Организую освобождение. Только останься...

КАЛЕРИЯ. Авансом не подаю. И не верю тебе, если честно, болтунице. (Уходит.)

ЛЖИЦА. Лера, стой. Вернись! Чёрт с тобой, рискну. (По телефону.) Осипова, привет, Лжица на проводе. Пробей человечка. Осипова, ты мне должна за обмен отпусками, или хочешь обратно график переиграть? Громова Офелия Лейбовна, следователь районной прокуратуры. Ах, так вы ещё и знакомы! Золотой ты кладёшь общественно-полезных наук, Осипова, рассказывай. Да, прямо сейчас, слушаю. Ну-ну, слушаю? (Убирает со стола.) Позже? А, начальница, это святое. Хорошо, на со-

звоне. (Кладёт телефон.) Меланья? Меланья, иди сюда! Малаша, ты где? Иван, ау... (Уходит.)

СЦЕНА 6. Двор. У подъезда стоит Родительница, при коляске.

РОДИТЕЛЬНИЦА (напевает). Над нашей квартирой собака живёт, лает собака и спать не даёт, спать не даёт нам.

Из подъезда выходит Калерия.

КАЛЕРИЯ. Вы как будто живёте здесь. Неужели вам так так часто и так много нужно свежего воздуха...

РОДИТЕЛЬНИЦА. Добрый вечер. Свежего воздуха мало не бывает. Только потише.

КАЛЕРИЯ. Всех благ. (Уходит.)

РОДИТЕЛЬНИЦА. Поехали, доча. (Напевает). А над собакою кошка живёт, мяукает кошка и спать не даёт собаке. (Уходит.)

СЦЕНА 7. Рабочий кабинет. Громова изучает протоколы и справки, одновременно, поедая диетические сушки.

ГРОМОВА. Прорва, прорва документов, и пока мы бумажками подтираемся, преступность в прорыве. (На стук в дверь.) Да, входите!

Входит Лжица.

ЛЖИЦА (предъявляет удостоверение). Лжица. Вам должны были позвонить.

ГРОМОВА. Департамент организационно-контрольной работы мэрии. А, да-да, звонили, присаживайтесь, слушаю.

ЛЖИЦА. Алёна Гариковна. Моя просьба, собственно, даже и не просьба, которая предполагает, чтоб там совершить нечто такое.

ГРОМОВА. Да-да, говорите, текучку никто не отменял и никакой звонок не прекратит, слушаю-слушаю.

ЛЖИЦА. Так, пустячок, ничего незначущая услуга... вполне взаимообразная.

ГРОМОВА. Слушаю.

ЛЖИЦА. Да вы ешьте свои сушки, не смущайтесь, ешьте. Не так давно произошло задержание гражданки по фамилии Трёха.

ГРОМОВА. Диетические сушки приходится есть, а я так люблю банки с маком, сахар немного повышен. Вы подготовились к встрече. Слушаю-слушаю.

ЛЖИЦА. У вас диабет. И с точки зрения продолжения службы, в наше непростое время, это не есть хорошо. Вернее сказать, это есть конец карьеры. Обещаю организовать вам качественное обследование и необходимое лечение. Сочтёмся. А какой тут у вас телефон городской?

ГРОМОВА указывает на телефонный аппарат.

ЛЖИЦА (по телефону). Ало? Лжица беспокоит. Да-да, здравствуйте. Есть к вам настоятельная просьба. Сотрудник одного из районных отделов прокуратуры нуждается в срочном прохождении обследования по поводу диабета. Ценных работников лечить надо, а не списывать в утиль. Сейчас передам трубку. (Передаёт трубку Громовой.) Прошу.

ГРОМОВА (по телефону). Ало? Громова Алёна Гариковна, следователь по особо важным делам... Так. Ага. Отлично! Завтра, в восемь утра, у кабинета главврача... как штык! (Положив трубку.) Серафима Серафимовна, что вас интересует.

ЛЖИЦА. Прежде всего, объясните, кто она эта Трёха?

ГРОМОВА. Бизнесменша средней руки. Зато серьёзная потомственная искусствоведша, имеющая очень солидный гешефт с консультаций по купле-продаже, в том числе, и, конечно, прежде всего, от теневиков. Но в данном конкретном случае, Трёху можно освободить из-под стражи, пока без снятия с неё подозрений. (Заполняет бланк.) Её, возможно, подставили. В наличие железобетонное алиби, её в Москве якобы вообще не было.

ЛЖИЦА. А могла быть?

ГРОМОВА. Да ведь тут, как сказать, всё дело в ракурсе, сегодняшний день в нашем, с вами, Отечестве максимально зависит от точки зрения, во всяком случае, вслух и в поведении. Принципиально, глубоко не копать, во избежание попадания под власть факта, что исключает гибкость в выборе и зыбкость убедительности вердикта.

ЛЖИЦА. Нельзя ли поподробнее относительно биографии подследственной?

ГРОМОВА. Коллекционеры такого калибра с законными отношениями редко связываются, чтобы не путаться, чересчур накладно, хлопотно и с немалой долей неожиданностей. Думаю, вам не составит труда собрать информацию из открытых источников. Ничего экстраординарного в ней нет, а даже если бы и было, то это уже выходит за рамки

одной нашей встречи. Опять же, напоминаю, что глубокое бурение не наш профиль, во всяком случае, не тренд сегодняшней юстиции; сказано — исполнено, договорено — сделано. Единственное, что могу сказать сверх оплаченной нормы, Трёха — москвичка, но на несколько лет покидала страну, и какие пертурбации могли происходить с ним, то есть, с ней там до возвращения, бог весть или, выражаясь интеллигентно, фиг знает и следствию это просто пофиг, ибо как сказано у Екклесиаста: И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это — томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь, или по-простому: многознайство уму не научает, как сказал Гераклит Эфесский. Ещё вопросы?

ЛЖИЦА. И вы отпускаете Трёху из-под стражи?

ГРОМОВА. Без проблем. Документ на освобождение я уже составила. Передать привет?

ЛЖИЦА. Мы незнакомы, но фамилию мою пусть знает.

ГРОМОВА. Узнает.

ЛЖИЦА. Не опаздывайте завтра утром на приём, наша медицина не любит ждать пациентов, ей вообще лучше, чтобы нас не было. Хорошая сегодня погода... лётная, вот и пусть себе летит, как купюра на ветру. Всех благ. (Уходит.)

ГРОМОВА. На раз-два организовать обследование в такой клинике! Ничего себе Лжица, надо пробить. (По телефону.) Громова. Скажи, что Трёху, с вещами, на выход. Сама приду, уже вышла. (Собирая документы.) Лучше иметь возможность одного такого звонка, чем шпарить Екклесиаста. Весть философский бред выкорчевать к чертям собачьим... хотя это, конечно, не ребёнка вытравить, пойдй — попробуй. (Уходит.)

СЦЕНА 8. Сквер. Входят Калерия и Трёха, под руку.

КАЛЕРИЯ. Сядем?

ТРЁХА. Ни за что.

КАЛЕРИЯ. Присядем?

ТРЁХА. С удовольствием!

КАЛЕРИЯ. Сколько надуманного в нашей жизни, и всё — слова, слова, сплошной трёп и трепыхание из-за болтовни, не жизнь — чепуха какая-то, а главное, настоящее, реальное за занавесом, за плотно задёрутой занавеской.

ТРЁХА. Обожаю этот сквер. Москва полна неожиданностей, правда? Шаг влево, и ты — в самом мрачном, самом загазованном поселении мира. Шаг вправо и ты — в самой тихой, самом деревенской мировой столице. Хорошо, что мы, с тобой, Лерочка, сделали заветный шаг вправо вместе.

КАЛЕРИЯ. Отец звонил. Они нашли покупателя на свою квартиру. Они боятся, вдруг продадут всё и останутся без ничего.

ТРЁХА. Просто хорошо и — всё. Чудно. Солнышко, ещё недели не прошло, как я вышла из узилища, полной грудью толком и вдоха не успела сделать, а ты меня грузишь и грузишь сомнениями, вопросами, некими недоразумениями...

КАЛЕРИЯ. Да что ты сидела-то несколько дней, не годы же, а мои там всю жизнь корячатся, выживают из последних усилий.

ТРЁХА. Не приведи Господь находиться там даже минуту! А уж если говорить откровенно, золотко, не о том печёшься, вернее, не о тех. Какое мне дело до твоей родни. Уж если на то пошло, то нам с тобой важнее было бы родить, точнее выражаясь, удочерить, чтобы я сама успела воспитать наследника. У меня серьёзная коллекция, немалые средства... кому всё достанется! Кто примет из рук в руки мою жизнь, судьбу четырёх поколений коллекционеров Трёх!

КАЛЕРИЯ. Трепло.

ТРЁХА. Что такое!?

Входит Лжица.

ЛЖИЦА. В Москве ещё есть места для жизни, не всё загубили рвачи и хапуги.

ТРЁХА. Простите, не люблю заводить разговоры с прохожими...

ЛЖИЦА. А я не прохожий, в том смысле, что не прохожу мимо, а двигаюсь известным мне путём к конкретной цели. Следовательно Громова должна была передать вам от меня привет. Я — Лжица.

ТРЁХА. Потрясающая фамилия! Лжица — это же небольшая ложечка с крестом на конце рукоятки, при помощи которой совершается причащение, как мирян, так и священнослужителей. А греческое название лжицы напоминает те клещи, которыми Серафим взял раскаленный уголь и коснулся уст пророка Исаии. Какая красота!

ЛЖИЦА. Алё.

ТРЁХА. Ах, да, вы организовали мой выход из следственного изолятора.

ЛЖИЦА. Причём, по просьбе вашей спутницы.

ТРЁХА. Что!?

ЛЖИЦА. Не стоит благодарности. Мне всего лишь надо побеседовать с Калерией, здесь и сейчас.

ТРЁХА. Конечно-конечно! Я обожду... там, у выхода из парка. (Уходит.)

КАЛЕРИЯ. А по-другому как-то увидится, не судьба?

ЛЖИЦА. Ты обещала прийти, когда я освобожу твою Трёху. Я послушно ждал тебя все эти дни, вечер за вечером.

КАЛЕРИЯ. А не надо ждать! Зачем? А главное, я не знала, что это сделал ты. И где доказательства, что ты? По любому, чего тебе? Я же сказала, что выхожу замуж не за тебя.

ЛЖИЦА. Я готов ждать. Готов ждать нашу свадьбу. Но не желаю ждать нашей близости, тем более, ты гарантировала, что будешь со мной.

КАЛЕРИЯ. А тебе не противно делить женщину с другой?

ЛЖИЦА. Нет. Я тебя не делю. Я просто тебя люблю.

КАЛЕРИЯ. Мне уже скидывать одежду, здесь и сейчас?

ЛЖИЦА. Ну-ну...

КАЛЕРИЯ. И ты готов на такое отношение к тебе?

ЛЖИЦА. От тебя — да, потому что оно от нервов. Просто ты решаешь заветную проблему и процесс тебя нервнрует.

КАЛЕРИЯ. А я тебя — нет, не люблю.

ЛЖИЦА. Ложь. Ты — лжица.

КАЛЕРИЯ. Тогда уж лгунья!

ЛЖИЦА. Ты — лжица. Мне главное, чтобы ты приходила, чтобы была со мной.

КАЛЕРИЯ. Спасибо за свободу моего будущего мужа, спасибо.

ЛЖИЦА. Когда наше свидание?

КАЛЕРИЯ. Я позвоню.

ЛЖИЦА. Когда!

КАЛЕРИЯ. У меня диплом... дела...

ЛЖИЦА. Завтра.

КАЛЕРИЯ. Через неделю, не раньше.

ЛЖИЦА. Ты — моя должница. Твоя Трёха покуда не в курсе...

КАЛЕРИЯ. Мне надо психически подготовиться... Быть в любовниках я по жизни не планировала, надо свыкнуться. Оставь меня, Лжица, а!?

ЛЖИЦА. Неделя — максимум. И не советовал бы даже на минуту задержаться. Рекомендую всё же завтра. Я скучаю. Время пошло. (Уходит.)

КАЛЕРИЯ. Да пошли вы все.

СЦЕНА 9. Двор. Родительница, с коляской.

РОДИТЕЛЬНИЦА (напевает). Ну, а над кошкою мышка живёт, мышка вздыхает и спать не даёт кошке.

Входит ЛЖИЦА.

ЛЖИЦА. Хватит ныть. Говорю, прекратите скулить!

РОДИТЕЛЬНИЦА. Вы спятели?

ЛЖИЦА. Я тебе сейчас так спячу в пятак...

РОДИТЕЛЬНИЦА. Тихо, ребёнок спит!

ЛЖИЦА. Достал своими ребёнками, с тоскливыми песенками! Приватизировала, что ли, место около подъезда?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Возьмите себя в руки, на кого бочку катите, на мамашу!?

ЛЖИЦА. Нельзя уже просто выйти во двор и посидеть на скамейке. Всех стариков разогнала! А молодым, что, тоже сидеть не надо? Иди вон на детскую площадку, в сквер, в сад, куда хочешь, нечего соседей смущать, портить нам жизнь.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Так и не вернулась? Ну, та, за которой вы тут в трусах бегали, а она — на такси...

ЛЖИЦА. Торчит тут, сплетни собирает... так и хочется настучать по хитрой морде.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Потерпите, мы на днях переезжаем загород, на ПМЖ.

ЛЖИЦА. Слава богу.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Сами к ней ходите.

ЛЖИЦА. К кому? А... (Вынимает из-за пазухи початую бутылку коньяка, отхлёбывает.) Будешь?

РОДИТЕЛЬНИЦА. А то!

ЛЖИЦА (протерев горлышко, подаёт бутылку Родительнице). Горлышко вытерто, и вообще.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Я не брезгливая. (Отхлёбывает из горлышка.) Вкусно. (Возвращает бутылку.)

ЛЖИЦА. Оставь, дома есть.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Спасибо, в тему. Устала от постоянного детства вокруг себя, ни секунду на взрослую примитивную жизнь.

ЛЖИЦА. Сколько?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Трое. Ещё по глотку?

ЛЖИЦА. Не возражаю. И все трое свои.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Так я и пожертвовала бы собой ради чужого. С Богом. (Выпивает.) Догоняй. (Подаёт бутылку.)

ЛЖИЦА (поёт). Ой, не доеду в деревню к деду... (Выпивает.) Держи. Я не Бог, но и я не фраер. Зря она не пришла. Я честно ждал. Честно! (Уходит в дом.)

РОДИТЕЛЬНИЦА. Живут же люди, не скучают. А тут, как дятел: усипуси, ули-гули... тьфу! Поехали. (Напеваает.) Ночью по крыше дождик стучит, вот потому-то и мышка не спит, мышка не спит всю ночь. (Уходит с коляской.)

СЦЕНА 10. Квартира Меланьи. Прихожая. С улицы входит Меланья. Звонит её мобильный телефон.

МЕЛАНЬЯ (по телефону). Прекрати мне звонить. Вообще! Можешь, сколько угодно, покупать СИМ-ки, я тупо занесу очередной номер в чёрную книгу. Всё! (Манипулирует кнопками телефона.)

Из комнаты входит Авдотья Васильевна.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Есть будешь?

МЕЛАНЬЯ. Mam, ты поняла, что для Лжицы меня больше нет никогда, поняла?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да на здоровье, я только рада. Скорее выйдешь замуж за нормального мужчину, а не усохнешь безмужней из-за этой своей лживой опухоли головного мозга.

МЕЛАНЬЯ. Опухоль! Лжица — моя лживая опухоль! Класс.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Злокачественная.

МЕЛАНЬЯ. Mam, ты — врач, до мозга костей. Дуся ты моя... Дуся...

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я не врач, я хирург. Врачи, как известно, лечат, а я, как скульптор, берёт камень, убирает всё лишнее, чтоб остался гений красоты, чем и горжусь! Не каждый имеет право на удаление части человеческого организма. Это же даже и не профессия, а миссия какая-то.

МЕЛАНЬЯ. Мессия ты моя...

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Уже десятые годы идут нового тысячелетия, а мы как будто в средневековье проваливаемся, так и до пещер-

ных времён долетим, а там самое время для мессий. Думаешь, он был один? Я тебя умоляю, десятками шастали по планете, от пещеры к пещере, просто один из них зашёл сильному вождю, другой противнику, а третий, чтоб управлять войском было сподручнее прикормил третьего.

МЕЛАНЬЯ. Пряма, история религий!

Требовательные звонки в дверь.

МЕЛАНЬЯ. Кого ждём?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Посмотрю. (Смотрит в глазок.) Но ведь преследует же! Чтоб тебя лешиха в лесу сутки ломала, хрена такого!

МЕЛАНЬЯ. Мама, перестань ругаться, к тому же, где лес, а где мы.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Это она.

МЕЛАНЬЯ. Кто?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Твоя опухоль. Зараза. Малаша, отключаем слух и уходим в кухню кушать так громко, чтоб точно ничего не слышать.

МЕЛАНЬЯ. Лжица меня не любит, чтобы так настойчиво преследовать, одновременно, и по мобильнику, и под дверью... Может, что-то важное?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Дочь! Будь женщиной женского рода! Не поддавайся жалости! Тем более, когда тебя не любят.

МЕЛАНЬЯ. Но я-то люблю...

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Это не любовь, это диагноз.

МЕЛАНЬЯ. И что? Вылечишь? Или отрежешь? (Открывает дверь.)

В дверном проёме стоит Лжица.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ну, и какого хрена тебе надо?

ЛЖИЦА. Я был неправ.

МЕЛАНЬЯ. И?

ЛЖИЦА. И всё.

МЕЛАНЬЯ. И всё?

ЛЖИЦА. Всё, что хочешь! Что? Что ты хочешь?

МЕЛАНЬЯ. Ой, да ладно, проходи.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. И физиономию ведь несчастную корчит, как будто и взаправду страдает.

ЛЖИЦА. Неудивительно, Авдотья Васильевна, что вы оставили дочь без её законного отца. Мало, что характерец, так ещё и язычок...

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Это, что характерно, мой дом, мерзавка, и ничего мне тут указывать...

МЕЛАНЬЯ. Мама, прекрати.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Она мне хамит всю жизнь!

МЕЛАНЬЯ. Тебя ж никто не принуждает жить с ним под одной крышей. Сама всегда провоцируешь.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Твой отец был подлец, а этот хреностенький недомужик и вовсе нам не нужен. Как об стенку горох. Пошла я. (Уходит в кухню.)

ЛЖИЦА. Я веду себя по отношению к тебе часто грубо.

МЕЛАНЬЯ. Гадко.

ЛЖИЦА. Хочу перевоспитаться. Помогите мне в этом.

МЕЛАНЬЯ. Как?

ЛЖИЦА. Для начала прости.

МЕЛАНЬЯ. Ого! Ты впервые в жизни просишь у меня прощения. И так занудно встречи никогда ещё не добивался. Что случилось?

ЛЖИЦА. Проняло вдруг. Без тебя, Меланья, меня, похоже, нет.

МЕЛАНЬЯ. Сейчас конец света наступит!

ЛЖИЦА. Хорошо бы. Очень уж хочется, чтобы всё — по новой. Я не видел в тебе женского рода. То есть видел, конечно, но относился, как к закадычной подруге. А вот и пары десятков дней не прошло с твоего ухода, и душа моя в полном раздрае.

МЕЛАНЬЯ. Не гони, дай очухаться...

ЛЖИЦА. Впрочем, быть может, я многого хочу... переоцениваю себя. Мне без тебя туго. Или невозможно. Прости. А? Молчишь. Когда сможешь найти в себе силы, приходи. Или позови, и приду я. Жду. (Уходит.)

Входит Авдотья Васильевна.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Брешет собака.

МЕЛАНЬЯ. Что это было... мама! Дуся моя, я знаю его всю жизнь, так он не врёт! В чём корысть?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. А я и не сказала, что врёт, но брешет, точно. И корысть уж в чём-нибудь да есть...

МЕЛАНЬЯ. Да в чём же? Чего я не знаю про себя или не знаешь ты? Пойми, он мне сейчас в любви признался! А что, по-твоему, я недостойна любви?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. С какого перепугу!?! В тридцать-то лет? Ну, так-то бы почему нет, но не этой особи. Четверть века пшик и вдруг хрендык ку-ку — любовь зараза.

МЕЛАНЬЯ. Хорошо, мама... волшебню!

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Волшебство в жизни всегда не к добру, всё должно быть само собой, логично и, чтобы можно было пощупать. А также покушать. В кухню!

СЦЕНА 11. Кабинет. Громова изучает баночки и упаковки лекарств, сверяя их с записанным на листе бумаги, параллельно считая купюры.

ГРОМОВА. Ну, а это-то зачем? Метопролол, одна десятая. Ага, сердцебиение приводит в норму. Сорок семь рублей. Самое дешёвое лекарство. Может, плохое? Не, в таких заведениях дрянь не подсунут. Так-с, а это? Рестор, двадцаточка... две тысячи рублей! Не напасёшься. По четвертинке на ночь? А, ну так, куда ни шло. Но вкупе-то... мама родная, сколько денег! И это ещё по минимуму. Надо соглашаться на санаторное лечение, и дешевле выйдет, и просто отдохну. (На стук в дверь.) Входите!

Входит Лжица.

ГРОМОВА (радушно). Серафима Серафимовна, дорогой вы мой человек, я только о вас вспомнила...

ЛЖИЦА. Глядя на лекарства или на цены?

ГРОМОВА. На лекарства, на лекарства.

ЛЖИЦА. Доброе утро.

ГРОМОВА. Присаживайтесь, где лучше! Я ваша должница теперь по гроб.

ЛЖИЦА. Что показало обследование?

ГРОМОВА. Что нет у меня никакого диабета!

ЛЖИЦА. Поздравляю.

ГРОМОВА. Врач — чудо! Чуть не с порога продиагностировал. Гипертония, правда, махровая, запущенная, да сердчишко изрядно потрёпано. Но всё поправимо!

ЛЖИЦА. Я рад... рада за вас.

ГРОМОВА. Я тоже рада, что повезло встретиться с вами. Спасибо гражданину Трёху, кабы не его тёмные делишки, нам, с вами, в жизни не пересечься бы. И помирай тогда следачка Громова, как хочешь, неизвестно от чего. Я ж за последнее время столько наулыбалась, сколь-

ко за всю службу не наберётся, а ведь улыбка для здоровья первейшее дело! По делу ко мне? Дело ведь даже не только в том, что вы мне вернули радость жизни. Просто мы, государевы люди, как религиозный орден, как братство: один за всех и все за одного. Чиновники — это не какие-то там мушкетёры, проходимцы и гуляки, в наших руках судьба России! Да что — России, жизнедеятельность самого государства! Государство — вот наше всё. Радость бытия освобождает мозг: мысли, суждения, выводы — всё, из меня так и прёт, так и прёт.

ЛЖИЦА. Я опять насчёт Трёхи.

ГРОМОВА. Зря выпустили, поторопились?

ЛЖИЦА. Не в бровь, а в глаз!

ГРОМОВА. Трёхе в глаз. Готова исправить своё упущение и вернуть нашего глазастенького на нары хоть сегодня.

ЛЖИЦА. Нары не уйдут.

ГРОМОВА. Точно, они к тюрьме привинчены намертво! Извините, перебил.

ЛЖИЦА. Да бросьте вы, Алёна Гариковна, у нас, с вами, неофициальная же встреча, так, болтаем, прикидываем вслух. Значит, вам не составит особенного труда организовать вновь открывшиеся обстоятельства по закрытому делу?

ГРОМОВА. Конечно, потребуется мозговой штурм, чтобы всё выглядело, чики-чики, то есть, как надо. Но это ведь не труд, это наша ремесло, то есть, дело известное и незатруднительное.

ЛЖИЦА. Я просто не уверена, что так уж необходимо препровождать Трёху в камеру. И сейчас, и потом. Всё, чего хотелось бы, так простого вызова на допрос и аргументированного обещания обвинения лет на десять.

ГРОМОВА. Да хоть пожизненное!

ЛЖИЦА. Ну, пятнадцать. Строгача.

ГРОМОВА. Проще говоря, просто припугнуть так, чтоб стало страшно на всю оставшуюся жизнь. Ещё проще, напрягаться не надо. Дело известное, без проблем, Серафима Серафимовна

ЛЖИЦА. Буду вам чрезвычайно признательна.

ГРОМОВА. Даже не сомневайтесь, лишь бы вам в удовольствие.

ЛЖИЦА. Великие настоящие дела в реальности нас ещё ждут. А если не ждут, то и не надо, мы и без них, как-нибудь, до пенсии дотянем.

ГРОМОВА. Вот уж здорово сказано!

ЛЖИЦА (подаёт визитную карточку). Звоните запросто.

ГРОМОВА. Благодарю. Сообщу. Ну, и посоветоваться по какому-нибудь поводу, а то и по какой-либо причине, мало ли.

ЛЖИЦА. Будьте здоровы. (Уходит.)

ГРОМОВА. Буду-буду, куда я теперь, нахрен, денусь. Что ещё человеку надо, кроме собственного здоровья... не чужого же. (Отвечает на телефонный звонок.) Громова. Доктор! Дорогой вы мой. Да? Ну, конечно, через полчаса буду, как штык! До встречи.

СЦЕНА 12. Сквер. На скамье сидит Лжица. Калерия и Трёха, под руку, прогуливаются мимо.

ЛЖИЦА. Не проходите мимо.

КАЛЕРИЯ. Да что ж такое-то! Нам из-за тебя менять маршруты прогулок?

ЛЖИЦА. Хорошо, если вообще не придётся отменить, разумеется, совместные.

ТРЁХА. Здравствуйте.

КАЛЕРИЯ. Неужели так трудно уяснить, что всё переменялось. Стань же ты мужчиной, в конце концов, или уже не парься, вернись к естеству.

ТРЁХА. Калерия, прекрати истерику. Э, мне оставить вас наедине?

ЛЖИЦА. Наедине — посреди Москвы? Сильно сказано. Леокадия Корнеевна, нам, с вами надо переговорить. А даме своей предложите погулять в сторонке.

КАЛЕРИЯ. Надолго?

ЛЖИЦА. Сколько понадобится.

КАЛЕРИЯ. Хамишь?

ТРЁХА. Не беспокойтесь, не сердитесь. Калерия, пожалуйста, оставь нас. Как ты не понимаешь очевидного!?

КАЛЕРИЯ. Что я должна понять?

ТРЁХА

Кто перед нами — вот что!

КАЛЕРИЯ. Кто? Человек обыкновенный, ни то, ни сё, ни кукареку.

ТРЁХА. Замолчи, дурёха!

ЛЖИЦА. Видимо, придётся перенести нашу беседу в казённый дом...

ТРЁХА. Один момент, Сергей Сергеевич! Что за бабство, Лера? Не хочешь ждать, не жди, после созвонимся. Просто уйди уже куда-нибудь.

КАЛЕРИЯ. Я обожду на соседней скамье.

ЛЖИЦА. Как минимум, через две, на третьей.

ТРЁХА (Калерии). Пожалуйста.

КАЛЕРИЯ. Цирк. (Отходит в сторону.)

ТРЁХА (подсаживается к Лжице.) Извините, ради Бога. Вы должны быть снисходительны к юности.

ЛЖИЦА. Вас вызовут в прокуратуру. К вашему старому знакомому следователю Громовой. Произведут допрос по вновь открывшимся обстоятельствам. Возможно, отпустят... пока.

ТРЁХА. Возможно?

ЛЖИЦА. Так точно.

ТРЁХА. Когда — сразу или опять камера?

ЛЖИЦА. Не пытайтесь скрыться, вы уже под наблюдением.

ТРЁХА. Что от меня требуется?

ЛЖИЦА. Написать дарственную. Отписать всё своё имущество вашей дочери.

ТРЁХА. Ах, вот даже как, вам и это известно. Значит, вы знаете, что я... Как всё? Всё!?

ЛЖИЦА. Абсолютно. (Вынимает из кармана сложенный лист бумаги.) Здесь перечень того, что известно о вас, включая несколько счётов в зарубежных банках. (Подает лист Трехе.) Наверняка не всё, чем вы располагаете на самом деле, так что, не обнищаете. И Вас оставят в покое. Тем более, если и вы, в знак доброй воли, оставите Российскую Федерацию.

ТРЁХА. Это грабёж подчистую!

ЛЖИЦА. Срок — неделя.

ТРЁХА. Но при чём здесь моя дочь? Мы с ней незнакомы, не считая глубокого детства, ей и в голову не может прийти, кто я.

ЛЖИЦА. Ваша дочь не в курсе происходящего, если вас это беспокоит. Они, с мамой, от вашего поступка однозначно погрузятся в культурный шок. Но, согласитесь, логично, что престарелый родитель, перед окончательным отъездом за рубеж, передаёт в дар дочери, которую лишил полноценной семьи, почти всё, что нажил несправедным трудом. В 80-х годах, когда особенно одарённые жулики разворовывали государственные культурные ценности вы косвенно проходили по нескольким уголовным делам. Тогда вы, чиновник министерства культуры СССР, сделали себе солидное — сначала подпольное, а потом и легальное — состояние. В последние годы вы числились старшим научным сотрудником одного из областных музеев, неподалёку от собственной усадьбы. Именно усадьбы, а не банальной дачи. Но недавно вы вышли на пенсию. Дальше — больше: оказывается, вы уже месяц, как выставили на продажу свою «усадьбу». А в ОВИР сообщили, что вы подали документы на ПМЖ в Австралию. Кстати, о Калерии в документах

нигде ни слова. Она, конечно, не знает, что вы не намерены на ней жениться и брать с собой в дальние края.

ТРЁХА. Хватит! Я подумаю, что можно сделать для обоюдостороннего удовлетворения.

ЛЖИЦА. Похоже, вы не поняли всей серьёзности ситуации, а значит, доверять вам не приходится. (По мобильному телефону.) Алёна Гариковна, Лжица беспокоит. На которое число намечен допрос Трёхи? Боюсь, как бы не скрылась гражданка. Да, пожалуй, что прямо сегодня.

ТРЁХА. Нет! Только не в тюрьму! Я согласна!

ЛЖИЦА. Алёна Гариковна, как здоровье? (Слушает.) Вот и славно, тогда сегодня уже не стоит беспокоиться в отношении службы, обождёт, не волк, а процедуры — это святое. Да, извините за беспокойство, перезвоню. (Убирает мобильный.) Вопросы?

ТРЁХА. Кто стоит за всем этим?

ЛЖИЦА. Ну, и вопросец. Вы же знаете, кем я работаю, в каком департаменте?

ТРЁХА. Конечно.

ЛЖИЦА. Хотите отбиться?

ТРЁХА. Чисто ради интереса, за кого свечку поставить.

ЛЖИЦА. Я — человек, и кто ни пользовался бы мной, кто ни манипулировал бы, за мной всегда стою я, моё нутро и, значит, интерес. Быть референтом руководителя — мой выбор, не устраивало бы, отправился бы в землекопы. Раз сам выбрал, обязан соответствовать, иначе лопата и кайло ждёт меня.

ТРЁХА. Соответствие — не всё, всем властвует ответственность.

ЛЖИЦА. Угрожаете.

ТРЁХА. Констатирую.

ЛЖИЦА. Вы правы. А поскольку я ответственно понимаю, что за мной всегда стою я, то есть, за каждым отдельным человеком, кроме меня, как и у меня, стоит он сам, отдельный человек, то и ответственность за возникшую с ним ситуацию несёт лично он, ведь он сам сделал выбор стать землекопом или, если не повезло, референтом. И, как диктует логика, мы — это сотни миллионов я. Выходит, за нами всегда стоим мы сами. Объявляет кто-то руководящий войну или не объявляет, суть не меняется: воюем мы, войну выбрали мы сами, каждый лично и все по отдельности.

ТРЁХА. Славно, что советская власть отменила в школах преподавание предмета «логика», иначе она не продержалась бы дольше одного поколения.

ЛЖИЦА. Продержалась бы, бес — в ребро, война — в помощь. Хорошо посидели.

ТРЁХА. Вы не ответили.

ЛЖИЦА. Получается, посидели хорошо, а разговор — не в коня корм.

ТРЁХА. Я узнаю.

ЛЖИЦА. Бог с вами, гражданка, дерзайте, но мой совет: только не дурите.

ТРЁХА. А вы Бога не боитесь!

ЛЖИЦА. По сравнению с вами, человеком, переменившим пол, я просто трепещущий, без передыху, в страхе агнец божий.

ТРЁХА. А вы, чем лучше? Женщина, позиционирующая себя мужчиной, это же самая, что ни на есть патология.

ЛЖИЦА. Бога теперь никто не боится. Он всех нас сдал, сатане на поруки. Или ещё там кому, не разбираюсь. И я его понимаю. Сколько можно биться за тех, кто тебя не любит, а только предаёт и предаёт, но исправно скулит и выпрашивает подаяние, из века в век, из часа в час, каждое мгновенье.

ТРЁХА. Насчёт перемены пола... Калерия знает?

ЛЖИЦА. Я не сообщал. (Уходит.)

КАЛЕРИЯ. Ну, что!?

ТРЁХА. Ты так и не пошла к ней, несмотря на обещание?

КАЛЕРИЯ (смеясь). Оно что, жаловалось?

ТРЁХА. Нельзя доводить мужика до крайности, особенно, если он — баба.

КАЛЕРИЯ. Оно мне противно!

ТРЁХА. Всю ближайшую неделю я буду чрезвычайно занята. Не беспокой меня.

КАЛЕРИЯ. Почему?

ТРЁХА. Сказала же, занята делами.

КАЛЕРИЯ. По ночам же свободна!

ТРЁХА. Гордая и чистая, как горный снег.

КАЛЕРИЯ. Это ты про кого?

ТРЁХА. Подставила ты меня. Зачем мне такая? В семье, ради друг друга, идут на всё, особенно на самопожертвование. А тут всего и дел, что в постели покувыркаться с недавним любовником. С тобой одни хлопоты, на тебя одни затраты, а с тебя никакого проку. Знала бы ты, дорогая, как ты мне надоела. Живи как-нибудь. Без меня. (Уходит.)

КАЛЕРИЯ. Господи! Что это, что? Я не понимаю...

СЦЕНА 13. Двор. Родительница, с коляской.

РОДИТЕЛЬНИЦА (напевает колыбельную.) Ночью по крыше дождик стучит, вот потому-то и мышка не спит, мышка не спит всю ночь.

С улицы идёт Меланья, с пакетами, полными продуктов, ставит продукты на скамью, отдыхает.

МЕЛАНЬЯ. Сергей говорил, вы съезжаете?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Да.

МЕЛАНЬЯ. Вы здесь как дворовая необходимость. Вас будет не хватать.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Мне главное, чтоб меня на моих детей хватило. За городом им будет здоровее и мне. И вам того же желаю. Если, конечно, вам рожать ещё не поздно. А кто он — ваш Сергей?

МЕЛАНЬЯ. Сама не понимаю, почему вы меня раздражаете. И я — вас. Вдруг мы знакомы с какого-нибудь детства, и просто не помнимся?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Вы полагаете, что вашего Сергея здесь все должны знать? Или может быть даже и вас тоже?

МЕЛАНЬЯ. Когда съедете, надо от дворников потребовать и смены скамьи, и урны, всего, что вы особенно обихаживали.

Входит Калерия, направляется к домофону. Родительница весело следит за реакцией онемевшей Меланьи.

ГОЛОС ЛЖИЦЫ (по домофону). Кто?

КАЛЕРИЯ (в домофон). Серёжа, это я пришла. Лера.

ГОЛОС ЛЖИЦЫ (после паузы). Ну, проходи.

МЕЛАНЬЯ. Дверь подержите!

КАЛЕРИЯ. Да-да. (Придерживает дверь.)

МЕЛАНЬЯ (подхватив пакеты). Вместе веселее в лифте. (Уходит в подъезд.)

КАЛЕРИЯ. Напротив зеркала, даже в лифте женщина не бывает одинока. (Уходит в подъезд.)

РОДИТЕЛЬНИЦА. Страсти — мордасти! Латинос со своими сериалами — отстой. Дон Сержио и две русские мегеры в одной упаковке, вот жизнь, да не жизнь, а праздник! Жаль по телеку не покажут. Да, за городом скучно. Поехали, ребёнок. (Уходит, напевая колыбельную.) В небе печальные тучи плывут, тучи рыдают и спать не дают, спать не да-

ют дождём. А тучки обидел маленький гром, который по тучам стучал кулаком, ба-бах!

СЦЕНА 14. Кухня в квартире Лжицы. Звонок в дверь.

ЛЖИЦА (по телефону). Мама, ко мне пришли. Мы приедем завтра. Да, с невестой. Я тоже думаю, что слава Богу. Всё, привет папе. Не волнуйся, всё нормально. Счастливо. (Кладёт трубку, идёт в прихожую, открывает дверь.)

В дверном проёме стоят Меланья и Калерия.

КАЛЕРИЯ (Меланье). А вы-то куда?

МЕЛАНЬЯ (входит в квартиру). Сергей, прими продукты. Руки больно же, скорее!

ЛЖИЦА (подхватывает пакеты с продуктами). Держу.

МЕЛАНЬЯ. Я-то? Сюда.

КАЛЕРИЯ. А, так нам опять по пути. (Входит в квартиру.)

ЛЖИЦА. Зачем было столько набирать...

КАЛЕРИЯ. А, вы — Меланья. Одноклассница.

МЕЛАНЬЯ. Калерия, похоже.

КАЛЕРИЯ. Не признала. Виделись всего раз, мельком... Серёж, я пришла... Да чего при посторонних, наговоримся ещё наедине. Ты пока разберись, а я — в ванную. (Уходит в ванную.)

МЕЛАНЬЯ. Лихо.

ЛЖИЦА. Надеюсь, ты в состоянии сообразить и разобраться в глупой ситуации. Я её не приглашал. Да не за что мне оправдываться, я чист перед тобой!

МЕЛАНЬЯ. Давай пакеты, отнесу в кухню. А главное, перед кем оправдываться. Кто я? Так — одноклассница-прилипала.

ЛЖИЦА. Ты моя жена!

МЕЛАНЬЯ. Тогда уж озвучь нам обеим назначение каждой из нас, в присутствии обеих, одновременно. Я — в кухне, но к плите даже не притронусь до оглашения вердикта. Того самого вердикта, который обжалованию не подлежит. (Уходит в кухню.)

ЛЖИЦА (стучит в дверь ванной). Калерия, открой.

КАЛЕРИЯ (приоткрыв дверь). Самец нетерпеливый. Дай привести себя в порядок.

ЛЖИЦА. Тут всё не так, как было...

КАЛЕРИЯ. Ну, ладно, на, поцелуй уже куда-нибудь, сквозняк, и шагай в спальню.

ЛЖИЦА. Не надо раздеваться.

КАЛЕРИЯ. Почему?

ЛЖИЦА. Тут всё не так... не то, что было. Перемена. Переустройство.

КАЛЕРИЯ. Ну, хорош дуться, Серёга, я же пришла, как ты и настаивал.

ЛЖИЦА. Ты опоздала.

КАЛЕРИЯ. Ты обалдел? Да, припозднилась, но я же женщина, это простительно

ЛЖИЦА. Уходи.

КАЛЕРИЯ. Ах, даже так.

ЛЖИЦА. Я предупреждал: неделя срока, регламент вышел. Вон из моего дома!

КАЛЕРИЯ. Ты что, собрался меня ударить?

ЛЖИЦА. И впредь не мельтеши передо мной.

КАЛЕРИЯ. Я тебя таким не знала. Такой! Дура бешеная! Жизнь мне переехала, конь педальный... лошадь! Жлоб. Хабалка! Это тебе, не дай бог, мне на глаза показаться даже случайно, закусаю, загрызу! Чтоб ты сдохла, дрянь! (Уходит из квартиры.)

ЛЖИЦА. Меланья, территория освобождена.

МЕЛАНЬЯ (входит). В магазине, мама звонила. Тебе пюре или пожарить картофель? Требуется, чтобы вечером я была дома, придёт отец.

ЛЖИЦА. Жарёху! Но помни, в картофеле главное — селёdochка с репчатым лучком и лафитничек мёрзлой водовки.

МЕЛАНЬЯ. Ни с того, ни с сего... Причём, я прикупила крымского луку, красного. Чего ему надо, зачем.

ЛЖИЦА. Крымский слабоват для водки.

МЕЛАНЬЯ. Ну, жарёха так жарёха... (Уходит в кухню.)

ЛЖИЦА. Водовка, Малаша, главное, водовка...

СЦЕНА 15. Двор. Родительница, с коляской.

РОДИТЕЛЬНИЦА (напеваёт). Шесть коней, разгоряченных, в шляпах алых и зеленых Над землей несутся вскачь. На запятках черный грач... Не угнаться за каретой, ведь весна в карете этой. Ведь весна в карете этой...

Из подъезда выскакивает разъярённая, в слезах, Калерия.

КАЛЕРИЯ. Скотина! Урод! Предатель! Дегенерат!

РОДИТЕЛЬНИЦА. Тише, ради бога! Тише!

КАЛЕРИЯ. А что, голуби целуются на крыше?

РОДИТЕЛЬНИЦА (заглядывая в коляску). Разбудила, кажется... ведьма...

КАЛЕРИЯ. Ведьма? Ведьма! Ну, конечно. Аминь, соседка, аминь! А ну, в глаза мне, смотри мне в глаза!

РОДИТЕЛЬНИЦА. Заткнись, гадина!

КАЛЕРИЯ. Не я никого не будила! Слышишь, не я разбудила, это меня разбудили, меня! Поцелуй ведьму, тётенька, а?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Шибанутая...

КАЛЕРИЯ. Ладно, я сама умею! (Впивается поцелуем в губы Родительницы). Знаешь, как мне хочется тебя отметелить, мамашка? Даже представить не можешь, причём, исключительно ногами в туфлях на шпильках! Уж я бы развеялась. Бойся меня во веки веков. Понарожают всякой дряни, живи потом, как хочешь. (Уходит.)

РОДИТЕЛЬНИЦА. От дурра... За город, за город... (Уходя, напевает.) Лишь зеленая карета, лишь зеленая карета мчится, мчится в вышине, в серебристой тишине...

СЦЕНА 16. Квартира Меланья. С улицы входит Меланья.

МЕЛАНЬЯ. Мама! Мама, я успела? Отец пришёл?

Из комнат, выходит Авдотья Васильевна.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Имей ввиду, я его, этого говнюка, ненавижу однозначно и категорически, даже больше твоей зазнобы.

МЕЛАНЬЯ. Дуся моя, ты как-то подозрительно эффектно смотришь-ся. Уж не в салоне ли красоты провела день?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. В холодильнике и на плите всё есть. Никакого такого стола не будет. Опаздывает сволочь, как всегда! (На сигналы домофона.). Как будто я ему встречу назначила, не торопится. (По домофону.) Слушаю? А ты, Лёня, очень внимательно подумал прежде, чем заявиться к нам? Ну, хрен ли тогда с тобой поделаешь, проходи. (Нажимает на кнопку.)

МЕЛАНЬЯ. И что за сюрприз нас ожидает.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Здесь ему не столовая.

МЕЛАНЬЯ. Заскочу в ванную, пока бой не начался. (Уходит в ванную)

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ты не помнишь, а я всегда вела себя корректно по отношению к нему, интеллигентно даже. Ни слова поперёк, ни даже звука неприличного. А в ответ — что? Непристойное поведение с девками и полное равнодушие к семейному бюджету. Он, видите ли, коллекционер, а я, с пузом, тут случайно пробежала. Родное дитя — в «химчистку», говорит, мол, молоды мы ещё заводить и обзаводиться! А кто ты ему — насекомое, грызун? Ты понимаешь? Ты вдумайся: любимую женщину — к хренам кошачьим, на аборт! Тогда почему его не на кастрацию? Чтоб так же больно, обидно и навсегда! Нет, я понимала, что ребёнок — обуза, но уж если недосмотрели и вляпались, так вперёд, на баррикады, бей врага! Ты мне, Меланюшка, страшнее любого врага казалась. Но я не ропщу. Нам, русским интеллигенткам, во веки веков с мужчинами не везёт, то странствующие рыцари тебе, то скрытые бабы... (На звонок в дверь.) Надеюсь, он уродливее меня и страшнее. (Отпирает дверь.)

В дверном проёме стоит Трёха, с портфелем.

ТРЁХА. Привет.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. В смысле?

ТРЁХА. Не узнаешь?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Еее... иии биться сердце перестало! Лёня?

ТРЁХА. Леокадия Корнеевна.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Хотя... Бабой был — бабой стал. Ты только рядишься или полная коррекция?

ТРЁХА. Полная.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Господи, помилуй, ежели б ты только знал, как мне хочется материться, чтоб долго выговаривать только маты и маты...

ТРЁХА. Зачем дело стало.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Боюсь собьюсь на приличное слово, потом мучаться буду всю оставшуюся жизнь.

ТРЁХА. Красивая ты.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. А вот.

ТРЁХА. На всю жизнь одна такая. Или я просто не замечал других?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. А ты старик! Как же я этому рада!

ТРЁХА. Старуха. В тебе говорит женская конкуренция.

Из ванной выходит Меланья.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Представь, дочь, твой жмотский папаша опять зажал букет. При советской власти он хотя бы воровал с городской клумбы...

МЕЛАНЬЯ (Трёхе). Добрый вечер. Мам, а где он?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. А вот. Вот он, голубчик, аки голубица.

МЕЛАНЬЯ. Что?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Твой отец — баба.

МЕЛАНЬЯ. Какой-то сюр...

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Лёня, колись, зачем ты это сделал?

ТРЁХА. Я слишком люблю женщин, особенно недоступных, теперь у меня не осталось ни одной преграды.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Чепуху-то не пори. Да, с интересом повспоминаю, а были ли предпосылки...

МЕЛАНЬЯ. Вы странно глядите на меня, я дома, а мне неуютно.

ТРЁХА. Неплохо получилось, Дуся, неплохо. Я про тебя, Меланья. Следовало бы заказать твой портрет и непременно в полный рост! Я рад, что ты не баба-яга и не какая-нибудь примадонна... рад. Мне знаком тип женщин, к которому ты принадлежишь. Могу констатировать, неувидительно, что ты до сих пор не замужем. Таким кажется, что время конечного выбора ещё не пришло, но незаметно проясняется, что выбор невелик, не примадонна же. Но ведь и не баба-яга, радуйся, теперь главное успеть выбрать, не проскочить точку невозврата, когда выбирать станет ни из кого.

МЕЛАНЬЯ. Я расстраиваюсь, когда меня при мне обсуждают незнакомцы вслух. А в расстройстве я не всегда могу в достаточной степени проконтролировать свои физические действия...

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Свидетельствую, все её кавалеры на прощанье бормотали, мол, ох и тяжёлая рука у вашей дочери, одному пришлось бесплатно оказывать хирургическую помощь в стационаре.

ТРЁХА. Хватит пустословить. В портфеле то, что вам от меня понадобилось.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Нам? От тебя? Что? Малаша, ты случайно не проявила ли какую-нибудь инициативу за моей спиной?

МЕЛАНЬЯ. Мама, тогда я, наверное, знала бы о коррекции пола.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Логично. Лёня, тебе слово.

ТРЁХА. Здесь дарственная на имя нашей и, в частности, моей биологической дочери. Не извольте беспокоиться, оформлено у нотариуса,

с точными паспортными данными. Я собрал необходимые сведения без вашего согласия, для экономии времени. Осталось только подписать. Вам, Меланья Леонидовна. Со стороны же дарителя, то бишь меня, всё уже подписано. Вы, конечно, можете проконсультироваться у юриста. Мне уже всё равно.

АВДОТЯ ВАСИЛЬЕВНА. Бред.

МЕЛАНЬЯ. Дарственная на что?

ТРЁХА. Дарственная на всё: недвижимость, банковские счета... и, главное, коллекция... опись прилагается.

АВДОТЯ ВАСИЛЬЕВНА. Что происходит!?

МЕЛАНЬЯ. Стоп-стоп! Вы отдаёте себе отчёт в словах?

ТРЁХА. Уж кто-кто, а я-то отдаю!

АВДОТЯ ВАСИЛЬЕВНА. Полный абсцесс.

МЕЛАНЬЯ. Вы произнесли фразу: в этом портфеле то, что вам от меня понадобилось. Я требую объяснений!

ТРЁХА. Авдотья Васильевна, вспомните меня и ответьте: мог ли я, в здравом уме, при отменном физическом состоянии, ни с того ни с сего, подарить коллекцию рода Трёх незнакомому мне человеку, хоть бы и близкому по родству, хоть бы и родной дочери? Добровольно... Да никогда и ни за что! Только после моей смерти и после многолетней специальной юридической подготовки претендента на наследство.

АВДОТЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я поняла. Его, на хрен, заставили. Лёня?

ТРЁХА. Как бы то ни было. Ознакомьтесь с документами. Ничего передавать лично я не намерен, пропади оно всё пропадом. На том свете сочтёмся. А если того света нет, так и вообще жалеть нечего.

АВДОТЯ ВАСИЛЬЕВНА. Нам ничего не надо, Трёха, у нас всё есть без тебя, оставь сдачу себе!

МЕЛАНЬЯ. Кто принудил вас к дарению?

ТРЁХА. Я вас не знаю. Вы сейчас можете играть какую угодно роль, с какими угодно смыслами, мне всё одно не разобрать смысла и до истины не добраться, а в некоторых странах лучше и не добираться...

МЕЛАНЬЯ. Имя!?

ТРЁХА. Я, уж простите, оставил себе мелочишко на молочишко да на проездной билет в одну сторону. Так что, ещё поживу, сколько смогу. В крайнем случае, можете связаться со мной через адвоката, его координаты там же, в портфеле. Но только в крайнем случае! Потому что я вас не хочу знать. А принудила меня чиновнца. Меленькая такая, злюченькая. Лжица. Лжица Серафима Серафимовна. Знакомы?

АВДОТЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ох, ничего себе...

МЕЛАНЬЯ. О, боже ж ты мой...

ТРЁХА. Проще говоря, вы знаете, о ком речь.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Низость, несуразность... наша семейная онкология. Лжица — погань.

МЕЛАНЬЯ. Дуся! Тебе никто ничего не предлагает. И не смей делать выводы прежде выяснения обстоятельств.

ТРЁХА. На прощанье, шепните дарителю огромного состояния, кем вам приходится Лжица?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Тираном! Палачом!

МЕЛАНЬЯ. Моим одноклассником. Я разберусь, и, даст бог, тебе не придётся расставаться с даром...

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Пойду, приму на грудь.

ТРЁХА. Выпиваешь?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Привыкла обходиться спиртным, что ещё-то принимать на грудь, когда нет мужчины, а тот, что был, ну, да это очевидно. Доча, без меня не горячись, я быстро накачу, чтоб продышаться, и вернусь. (Уходит в кухню.)

МЕЛАНЬЯ. Уходите, я вам позвоню. И портфель прихватите.

ТРЁХА. Уверена?

МЕЛАНЬЯ. Пожалуйста, уходи.

ТРЁХА. Моя дочь. Благородная кровь. В этом портфеле вся моя жизнь. Вся моя жизнь ценою в портфель. Из натуральной кожи. И это, я думаю, меня извиняет, то, что из натуральной. Она моя — эта жизнь, какая есть. Я люблю её. Больше людей. Много больше. Прости. (Уходит.)

Возвращается Авдотья Васильевна.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. А это я, не ждали?

МЕЛАНЬЯ. Отец ушёл.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Отец? Вторая мать? Да как ни назови, ты внимательно разглядела этого облезлого павиана? Представь, что она опять мужчина. И? Вот и я говорю, ужас. Приду, говорит, к ужину. Аппетита, как не было, а я так хотела кушать. Мудро же я с ним разбежалась, с таким ходить рядом, под ручку... фи.

МЕЛАНЬЯ. Сейчас Сергей поднимется. Он, оказывается, как раз, случайно подъехал к нашему дому.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Мне людям будет совестно в глаза глядеть. Заруби себе на переносице, девочка, мне срам и позор на старости лет на хрен не нужен. Я в одиночку тебя растила, поднимала, с гордостью рекомендовала обществу, — и что теперь мой материнский подвиг по

хрену!? Какая подстава... Я требую благодарности и послушания, дочь! Что люди скажут? Обобрали несчастного мужика ненасытные мегеры, а я не такая!

МЕЛАНЬЯ. Не те времена, Дуся, сейчас ободрать и облапошить — дело чести, да и не мужик он, даже не мужчина. Вот чудеса на мою голову, почему вокруг меня одни оборотни, ведьма я, что ли, просто не в курсе.

АВДОТЯ ВАСИЛЬЕВНА (на звонок в дверь). Я эту Лжицу на пороге пришью, сама открывай дверь.

МЕЛАНЬЯ. Возьми себя в руки, пожалуйста. (Открывает дверь.)

Входит Лжица, с портфелем Трёхи.

ЛЖИЦА. Ваш портфель. Авдотья Васильевна, давайте приучаться общаться без пафоса, если хотите жить с нами под одной крышей. В противном случае, городского жилого фонда хватит на всех, но в разных районах. А в том, что ваша дочь предпочтёт проживать в одной постели с мужем, не сомневайтесь. Надеюсь, вы в курсе, что мы, с Малашей, подали заявление в ЗАГС. Уже не первый день мы, с вашей дочерью, проживаем одной семьёй. Что подразумевает единomyслие и единомушие, как в духовном, так и в материальном плане. Отсюда мы плавно переходим к содержимому портфеля вышей бывшей пассии, типа супруг. Мы с ней случайно столкнулись в подъезде, и она просила вернуть портфель дочери. Дарственная — более, чем нормальная практика среди воспитанных законопослушных граждан, имея ввиду ещё и налоги.

МЕЛАНЬЯ. Ты так считаешь?

ЛЖИЦА. Я так считаю. Я так решил. А сейчас, Малаша, мы с тобой едем домой, к нам домой. Не забудь с собой портфель. Авдотья Васильевна, смиритесь, мы — семья. Вот так, мама. Кстати, можете присоединиться. Я жду внизу. (Уходит.)

АВДОТЯ ВАСИЛЬЕВНА. Дочь, ты не посмеешь. Я чую, это гнилая подстава. Нам надо вдвоём внимательно и подробно обсудить...

МЕЛАНЬЯ. Смирись, Дуся. (Берёт портфель.) Я замужем. Сергей — моя мечта с детства, так из-за каких таких разговоров я должна отказать от мечты? Логика — не женское дело, умничанье не по мне, я люблю чувствовать, я так хочу. Как говорится, я художник, я так вижу.

АВДОТЯ ВАСИЛЬЕВНА. Оставь портфель...

МЕЛАНЬЯ. Я послушна моей любви. Мне так хочется. И портфель мой. Поговори с телевизором, мама, а я пойду говорить с мужем. Мой муж — моя жизнь. (Уходит, с портфелем.)

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Прав был Лёнька, когда уговаривал сделать аборт. Нельзя было рожать наперекор молодости. Рожать надо наперекор зрелости, когда ещё силы есть и разума уже в достатке. Хотя, если раскинуть умишком, в любом возрасте, что может родить человеческая женщина, да ещё от обезьяна? Только обезьяну, не бога же.

СЦЕНА 17. Спальня в квартире Лжицы. В постели лежат Лжица и Меланья; одновременно, открывают глаза.

МЕЛАНЬЯ. Зачем...

ЛЖИЦА. Знобит.

МЕЛАНЬЯ. Зачем ты затащил в постель женщину, которую не хочешь.

ЛЖИЦА. Забавная штука — недельный отпуск по причине психа. Ни поехать, ни расслабиться. Отпуск убывает, псих нарастает.

МЕЛАНЬЯ. Сегодня была наша первая новобрачная ночь. А ты притворился пьяным.

ЛЖИЦА. Доброе утро, Меланья. Мне приснилось, или вчера нам действительно сообщили, что Трёха повесился?

МЕЛАНЬЯ. И ничего не было! Опять. Которую ночь.

ЛЖИЦА. Думаю, перебраться жить в его квартиру, всё же она престижная. Антиквариат, картины. Престижных людей можно приглашать.

МЕЛАНЬЯ. Ты меня смертельно обидел.

ЛЖИЦА. После сороковин попа заказать, пусть ауру почистит. Потом тёток подогнать из добросовестных техничек, чтоб всю многолетнюю пыль, грязь убрали. Или, наоборот, сначала загнать в квартиру техничек, а потом попа...

МЕЛАНЬЯ. Ты меня не любил ни секунды. Я для тебя никто, ничтожество.

ЛЖИЦА. Душ принять. Или продать квартиру твоего папаши, да купить дом в городской черте. В его жилище, кого ни позови, всегда будут про него расспрашивать. Почему русский народ так любит байки про самоубийц.

МЕЛАНЬЯ. Я не могу больше с тобой жить.

ЛЖИЦА. Ты можешь внятно доложить, что твоему Трёхе не жилось? Мы ж его на улицу не выгоняли. Да у него наверняка ещё заныкано было не одна штука валюты с недвижимостью. Просто мне уже копать неохота стало, теперь придётся, конечно, законное наследство разбазаривать негоже. Ехал бы за границу, если так невыносимо сознавать, что многое твоё уже не твоё, собирался же, билет на руках, чего в петлю-то переть. И знал ведь про нашу свадьбу. Такой вот протест.

МЕЛАНЬЯ. Я тебе даже не сожительница. Серёжа, за что!

ЛЖИЦА. И мамаша твоя окончательно вызверилась. На роспись единственной дочери не прийти! Хотя бы на роспись, никто уже не говорит о свадебном застолье. А все же спрашивают. Ну, и родителя у тебя, Малаша.

МЕЛАНЬЯ. Ты будешь отвечать на мои вопросы!?

ЛЖИЦА. А чего тебе-то не живётся? Как папаше? Чего неймётся тебе? Как мамаше? Заполучила в мужья, кого хотела. Чего скулить? Радуйся. Какая она, к чертям, первая новобрачная ночь! Чего там тебе, в той ночи, такого, что вынь да положь сюсюкалки. И вообще, что ты для меня такое? Жена! Жена — это так много, что всего одна из всех, со всеми полагающимися обстоятельствами, и со всеми вытекающими. Да, не больше, но, согласись, и не меньше.

МЕЛАНЬЯ. Это ты убил моего отца и загнал в депрессию мою мать. И делаешь из меня часть домашнего интерьера.

ЛЖИЦА. И зачем же мне отвечать на твои вопросы, если ответы на них тебе известны? И мне тоже известны ответы на все вопросы, которые я тебе ни задал бы. Твоего отца убивали мы вместе. Что тебе мешало отказаться от дарственной? А я знаю, что: обида. Обида за то, что твой отец предпочёл тебе, его дочери, свою коллекцию. И даже не коллекцию, а просто жизнь без тебя.

МЕЛАНЬЯ. Я уйду жить к маме.

ЛЖИЦА. Мы знаем друг друга со школьной скамьи. Да, на самом деле я тебя не люблю. Но жить-то с тобой согласен. Рядом. В тесном соседстве. Без взаимопроникновения. По-дружески. Или для тебя физиологическое соитие — основа семейного благополучия? Ну, уснул, и что? Когда-нибудь же не усну. А может, мне днём приспичит? Или вечером захочется? Не слишком ли жирно будет, чтоб вскакивать по каждому поводу.

МЕЛАНЬЯ. Я хочу официального развода. Требую!

ЛЖИЦА. А я хочу в ванную. Малаша, ты красивая баба, сексапильная, всё у тебя будет хорошо. Не торопи мужа, он тебя ещё полюбит,

постарается. И вспомни, сегодня у нас очередное светское мероприятие: второй день свадьбы. (Уходит.)

МЕЛАНЬЯ (по телефону). Мама? Дуся моя... я хочу к тебе! Насовсем. Можно? Спасибо, родная!

СЦЕНА 18. Сквер. Громова барражирует вокруг скамьи.

ГРОМОВА. Как же я ненавижу, когда меня заставляют ждать. Оскорбительно, унизительно. Пожалуй, придётся отомстить. Надо же понимать, что не бывает чиновника, которого не сделает следователь.

Входит Лжица, с деловой папкой в руке.

ЛЖИЦА. Привет.

ГРОМОВА. Ого, как вы внешне изменились, заматерели.

ЛЖИЦА. Куда денешься, надо остепеняться. Ничего, если я без предисловий?

ГРОМОВА. Какие могут быть возражения у здорового человека! Я теперь только и делаю, что всё понимаю, всё оправдываю и всё ценю, радуюсь!.. Вашими молитвами.

ЛЖИЦА. Да уж. С понедельника перехожу на новое место работы. В министерство внутренних дел. И пенсия скорее, и льготы очевиднее, и по службе можно с места в карьер. В управление кадров.

ГРОМОВА. Вот уж верное так верное решение, вернее быть не может!

ЛЖИЦА. Думаю, соответственно, что и ваше повышение не за горами.

ГРОМОВА. Куда уж мне...

ЛЖИЦА. Совместными усилиями любые задачи можно порешать.

ГРОМОВА. Я вся внимание.

ЛЖИЦА (подаёт папку). Возьмите. Здесь материалы для ваших первоочередных хлопот.

ГРОМОВА. Смотреть прямо сейчас?

ЛЖИЦА. Конечно.

ГРОМОВА (заглянув в папку). Это же сумасшедшие суммы!

ЛЖИЦА (подаёт записку). Вот все выходные и входные данные на субъекта, которого требуется закрыть на максимальный срок. Статья на ваше усмотрение.

ГРОМОВА (читает). Лжица Меланья Леонидовна... Так-так... генеральный директор ООО... Стоп, откуда-то я знаю это имя. Ваша однофамилица?

ЛЖИЦА. Работаем?

ГРОМОВА. Не вижу причин отказывать вам.

ЛЖИЦА. Отлично. Срок исполнения кратчайший. Это дочь покойного Трёхи. И моя жена. Вопросы?

ГРОМОВА. Да нет, разве что последующие консультации...

ЛЖИЦА. Звоните.

ГРОМОВА. Не сомневайтесь, сработаю.

ЛЖИЦА (обменявшись рукопожатием). Всех благ. (Уходит.)

ГРОМОВА. Жёсткий персонаж. И рисковый. Высоковато собралась взлететь птичка певчая. Пусть покуда полетает, мы себе конурку благоустроим. А там, кто знает, кому пух и перья этой птички понадобятся. Нам высоты ни к чему, мы — люди, у нас здоровье земное, а судьба подземная. И не надо заставляя меня себя ждать.

СЦЕНА 19. Двор. На скамье сидит Калерия. К подъезду, с коляской, подходит Родительница.

КАЛЕРИЯ. Не проезжайте мимо.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Больная...

КАЛЕРИЯ. Ребёнок, случайно, не новый? От моего поцелуя? Не бойтесь, моя любовь прошла, я угомонилась и более не побеспокою.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Орать только не надо, ребёнок спит.

КАЛЕРИЯ. Знаете, к кому я приходила? А дверь не открывают. Он дома? Вы же у подъезда постоянно торчите, конечно, знаете.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Быстрее бы отсюда съехать уже.

КАЛЕРИЯ. Ой, вы из магазина? Не могли бы вы мне кусочек хлеба отломить? Жрать хочу, аж башку сносит! Студентка — я...

РОДИТЕЛЬНИЦА. Не видела сегодня вашего.

КАЛЕРИЯ. Непруха мне сегодня...

РОДИТЕЛЬНИЦА (подаёт пирожок). Вот сочень нате...

КАЛЕРИЯ. Спасительница! (Ест.)

РОДИТЕЛЬНИЦА (подаёт корбочку сока). И запейте, апельсиновый.

КАЛЕРИЯ. Спасибо.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Не узнать. как вас угораздило.

Входит Лжица, проходит к подъезду.

ЛЖИЦА. Надо же...

КАЛЕРИЯ. Стой!

ЛЖИЦА. Прожуй, мне не к спеху. (Родительнице.) Когда уже загород?

РОДИТЕЛЬНИЦА. Завтра последняя ездка с вещами. Окончательно.

ЛЖИЦА. Загородом свежо и никаких лишних прохожих. Счастливо.

КАЛЕРИЯ. Солнце моё!

ЛЖИЦА. Чего тебе?

КАЛЕРИЯ. Помоги! У меня нет денег даже на дорогу. Меня твой сосед вот покормил, впервые за день поела!

РОДИТЕЛЬНИЦА. Потише, пожалуйста.

КАЛЕРИЯ. Ради нашей любви, помоги...

ЛЖИЦА (после паузы). Ишь ты, оказывается, как любовь зависит от кушать подано. Вот, что. Ты, конечно, знаешь квартиру Трёхи. Там сейчас бригада уборщиц трудится. Поезжай, заработаешь. Я позвоню их начальству.

КАЛЕРИЯ. Квартира Трёхи?

ЛЖИЦА. Больше ничем не могу. И не хочу. Прощай. И поторопись, рабочий день кончается, можно зря съездить.

КАЛЕРИЯ. А причём Трёха и ты?

ЛЖИЦА. Трёха скончался, там всё и узнаешь. Прощай.

КАЛЕРИЯ. Дай денег не метро!

ЛЖИЦА. Мелочи нет, а банковскими карточками не подаю. (Уходит в подъезд.)

КАЛЕРИЯ. Вот как... вот так.

РОДИТЕЛЬНИЦА. Возьмите на проезд, больше дать не могу.

КАЛЕРИЯ. О, боже... (Принимает от Родителя купюру.)

РОДИТЕЛЬНИЦА. И ещё один сочень возьмёте?

КАЛЕРИЯ. Возьму... (Принимает сочень.) Вы — чудо. (Уходит.)

РОДИТЕЛЬНИЦА. Ради Христа просят — это да, но, чтобы просили подаяние ради любви, впервой. Впрочем, Христос и есть любовь. (Напевает). Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаем. (Уходит.)

СЦЕНА 20. Квартира Лжицы. Настойчивые звонки в дверь. Из комнаты выходит Лжица, смотрит в «глазок», открывает. В дверном про-

ёме стоит Авдотья Васильевна, с сумочкой через плечо на руках латексные перчатки.

ЛЖИЦА. В квартиру не приглашаю.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. И не надо, сама войду.

ЛЖИЦА. О чём речь?

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Одна?

ЛЖИЦА. Один.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да пофигу, сколько здесь тебя, один, не один, одна, не одна...

ЛЖИЦА. Я не прогонял вашу дочь. Она моя Малаша, этим всё сказано, она всегда может прийти домой.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Стыд и совесть меня замордовали. Ты бандит, грабитель, позорница. Ты — раковая опухоль моей семьи. Всего нашего женского рода!

ЛЖИЦА. Когда-нибудь, возможно, мне захочется очистить совесть, или хотя бы облегчить душу... Даже наверняка захочется, ведь я в подлецах не с рождения. Тогда я обращусь к кому-то, наверное, это будет священник. Но не вы. Не потому, что вы плохая или не близкая, а потому, что вы — человек. Я больше не люблю людей. Я их презираю. И вообще всех, и лично вас, в частности. Вы замордовали себя сами, как то: ненужное рождение ребёнка, неадекватное поведение в отношениях с супругом, а главное, необязательное проживание на планете. Я подобен вам, но просто по ранжиру выше вас и сильнее. Все люди такие же, в нас нет смысла. А что это вы в латексных перчатках? На работе забыли выбросить? Бывает, не однажды видел, как люди в бахилах ступают по земле, выйдя из медучреждения. Единственное, ради чего можно простить человеку его жизнь — это любовь. Или хотя бы влюблённость. Его только и можно простить — наше бессмысленное счастье. Но вас так и не полюбили или, что ужаснее, лишили любви, то в остатке вы — одна бессмысленность. Что ей, бессмысленности, делать на свете? Только бессмысленность. Бессмысленности всё равно, кто и зачем её творит. Ей всё равно будет и когда она останется одинёшенька и вершить её станет некому. Мы обманываем друг друга и себя, что живём, что в жизни есть смысл. Мы лжецы. Впрочем, не стоит повторяться.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (вынув из сумочки лжицу). Узнаёшь?

ЛЖИЦА. Не моё.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не твоё. Покойный Трёха сразу распознал бы. Специально купила. Это лжица. Небольшая ложечка с крестом на

конце рукоятки, при помощи которой совершается причащение. Какая красота! Это ты. Так прими же своё. (Бьёт лжицей в живот Лжицы.)

ЛЖИЦА (вскричав). Нет!

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да. Я точно знаю, что, прежде чем отправить больного в морг, следует попытаться удалить причину его боли, вдруг он отправится в общую палату, живым. Всё же я врач. Я должна удалить причину нашей боли. Не бойся, я хирург.

ЛЖИЦА. Не смей!

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (бьёт Лжицу лжицей в шею). Вот и всё. Опухли больше нет. А наша боль, если не пройдёт, то всё же утихнет. И все мы будем счастливы.

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Калабухин

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

3

Владимир Вещунов

ГОРЬКИЙ ЗАПАХ ГЕРАНИ

16

Игорь Бёзрук

ЗВОНК В ДВЕРЬ

49

ТЕТКА РАИСА

53

КЛОУН

60

Игорь Отчик

ДЫМОК

68

Евгений Михайлов

БАНК «НАДЕЖДА»

74

БЫЛЬ, ПОХОЖАЯ НА СКАЗКУ

76

Валентина Карпушина

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРОЩАНИЕ

79

Влада Ладная «СКОРАЯ ПОМОЩЬ» КЛОУНОВ	82
Сергей Путилин БРЕМЕНА НЕУДОБОНОСИМЫЕ. ВЕРЛИБР	112
Дмитрий Игнатов КАПЕЛЬКА ТРИУМФА	117
Георгий Кулишкин ВЕЗУНЧИК	126
Андрей Мансуров ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ	161
Роберт Орешник ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПЕРЕМЕН Восьмидесятые (ЛЮДЬ)	181
Девяностые (ТУМАН)	212
Нулевые (КОМНАТА СЕСТЁР)	253
Десятые (ЛЖИЦА)	282